

Б 59
172271

Х. Х. БИДЖИЕВ

Жумаринское
ГОРОДИЩЕ

Черкесск 1983

9/3

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Х. Х. БИДЖИЕВ

ХУМАРИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

5672 2794
9/3

ОТДЕЛ ОБСЛУЖИВАНИЯ
ЦГБ г. Карачаевск

ЧЕРКЕССК, 1983

*Ответственный редактор
доктор исторических наук,
профессор С. А. ПЛЕТНЕВА*

Хумаринское городище является одним из крупнейших среди других средневековых памятников Северного Кавказа. Многолетние работы на Хумаринском городище привели к получению исключительно важных и новых данных об этом замечательном памятнике, также и о тех исторических процессах, которые имели место в средние века на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе.

Об этом убедительно говорят остатки монументальной крепостной архитектуры, которой до сих пор не знала археология Северного Кавказа, многочисленные надписи, рисунки, разнообразная керамика, бытовые и погребальные сооружения.

Книга рассчитана для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Северного Кавказа.

72271

В В Е Д Е Н И Е

Настоящая работа посвящена Хумаринскому городищу, расположенному на правом берегу Кубани, вблизи аула Хумара¹ Карачаево-Черкесской автономной области.

В естественно-географическом отношении интересующая нас часть Верхнего Прикубанья представляет собой горную долину, входящую в систему Главного Кавказского хребта.

В историко-географическом отношении Карачаево-Черкесия является частью Северо-Западного Кавказа и была заселена с древнейших времен. Благоприятные природные условия, большое количество осадков, выпадавших в разные периоды года, богатые сырьевые запасы разнообразных руд способствовали развитию здесь многоотраслевого хозяйства.

Территория Карачаево-Черкесии с древнейших времен была густонаселенной областью. Об этом свидетельствуют археологические данные, многочисленные курганы, тянущиеся почти непрерывной цепью по долинам всех рек. Исследования А. Л. Нечитайло и автора показали, что самые древние погребения в курганах относятся к III—I тыс. до н. э.²

Но особенно интенсивной была жизнь в эпоху раннего средневековья, что документируется многочисленными яркими памятниками материальной культуры. В указанный период Карачаево-Черкесия была одним из передовых районов Северного Кавказа в социально-экономическом и культурном отношении. Этому способствовало ее выгодное географическое положение, творческая активность населения и тесные связи с сопредельными странами. Одним из главных последствий социально-экономического развития края явилось развитие феодальных отношений и возникновение в VIII—XIII вв. н. э. поселений раннегородского типа. К таким памятникам можно отнести Нижне-Архызское, Римгорское, Кубинское, Каракентское и Терезинское (Уллу Дорбунла) городища³. Время возникновения и существования раннефеодальных городов хронологически совпадает с двумя крупными историческими событиями — с установлением господства на Северном Кавказе Хазарского каганата в VIII в. и монгольским нашествием в начале XIII в.

Наиболее ранним и ярким памятником раннегородского типа является многослойное Хумаринское городище, привлекающее внимание ученых вот уже более 100 лет. Место было заселено еще в VIII—VI вв. до н. э. племенами кобанской культуры. Во II—VII вв. н. э. здесь обосновались аланы, которые покинули степи Северного Кавказа под давлением гуннов и поселились по соседству с местными племенами — потомками кобанцев. Но особенно интенсивной была жизнь в VIII—X вв. н. э., когда здесь возник военно-политический центр Хазарского каганата, сопровождавшийся возведением целого комплекса военно-фортификационных сооружений. В этот период для него были характерны почти все особенности раннефеодального города. О высоком уровне культуры Хумары свидетельствуют мощные крепостные, жилые, хозяйственные, культовые сооружения, предметы быта и украшения, созданные хазаро-болгарскими, местными и аланскими племенами, которые бок о бок жили на Хумаринском плато в течение длительного времени, что и документируется археологическими материалами.

Высокая и оригинальная культура Хумары, несомненно, интересна в археологическом отношении, а изучение ее крайне важно для решения многих историко-культурных проблем не только Карачаево-Черкесии и Северного Кавказа, но и Восточной Европы в целом. Не вызывает сомнения то, что эти материалы подлежат неотложной систематизации и обобщению.

Основным источником для написания работы является археологический материал, главным образом, добытый автором и А. В. Гадло в процессе исследования городища в течение нескольких полевых сезонов.

Нами использованы опубликованные работы В. А. Кузнецова, Е. П. Алексеевой, А. М. Щербака, посвященные памятнику и его надписям, а также и неопубликованные материалы по Хумаринскому городищу, хранящиеся в Государственном Историческом музее в г. Москве и в областном краеведческом музее в г. Черкесске.

Цель работы — обобщить все археологические материалы, относящиеся к Хумаринскому городищу.

Работа состоит из Введения, Заключения и пяти глав. Являясь первым опытом монографического исследования одного из самых крупных памятников края, работа не претендует на характеристику поставленных вопросов с исчерпывающей полнотой.

В заключение считаю своим долгом выразить сердечную благодарность руководителю экспедиции ЛГУ А. В. Гадло и членам Хумаринской археологической экспедиции КЧНИИ: молодым археологам В. И. Гусарову, О. А. Кудло, Н. А. Саволайнену, Н. И. Хуртиной, Х. К. Текееву; чертежникам: А. Х. Алиеву, М. Х. Абайханову, Н. Х. Татаркулову, Ю. В. Старкову.⁴

Особые слова благодарности адресую своему учителю — С. А. Плетневой, неограниченную помощь и поддержку которой я испытывал весь период изучения памятника и написания работы, выражаю свою признательность также доктору исторических наук Е. П. Алексеевой, которая прочитала работу в рукописи и сделала ряд ценных замечаний.

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РАСКОПОК

Хумаринское городище является одним из крупнейших среди других средневековых памятников Северного Кавказа. В течение семи полных сезонов оно было одним из основных объектов работ археологической экспедиции Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.

Памятник находится на правом берегу Кубани, в 11 км к северу от г. Карачаевска, к востоку от аула Хумара и расположен на возвышенном плато древней надпойменной террасы, на высоте более 1000 м над уровнем моря. Он занимает плоский отрог, отделенный глубокими балками от массива террасы, называемый местным населением Калез (Старая крепость, Старый город). На западе отрог обрывается в долину Кубани, с севера он ограничен балкой Инал, с юга и юга-востока — балкой Шугара.

На северо-востоке отрог узким перешейком, зажатым между верховьями балок, соединен с коренным плато террасы. В центре этого перешейка возвышается курганообразный холм естественного происхождения — цитадель городища.

Планировка городища строго подчинена рельефу местности и соответствует функциональному назначению Хумаринского комплекса как крупной военной крепости. Городище имеет вытянутые с запада на восток неправильные очертания, протяженность его 840 м при ширине 480 м (рис. 1).

Оно имеет четкую структуру и состоит из трех частей: цитадели, собственно крепости и открытого поселения¹, общая площадь его около 40 га (рис. 1). С него хорошо просматривается долина Кубани и прилегающие к нему нагорья.

Хумаринское городище стало привлекать к себе внимание путешественников и археологов сразу же после включения Карачая в состав Российского государства. Во второй половине XIX—начале XX вв. им интересовались известные кавказоведы А. Фиркович², Е. Д. Фелицын³, В. М. Сысоев⁴, Н. Е. Талицкий⁵, А. Н. Дьячков-Тарасов⁶, но, как правило, городище изучалось и описывалось только в сочетании с другими памятниками верховьев Кубани. Как известно, основное внимание доре-

волюционных ученых и путешественников было сосредоточено на памятниках культовой архитектуры, в частности, монументальных христианских храмах, воздвигнутых на горных вершинах или в глубоких ущельях⁷. Исследуя древние храмы, ученые неизбежно сталкивались и с другими памятниками и, естественно, упоминали их в своих отчетах и исследованиях.

В 1960 году в процессе разборки местным совхозом великолепного строительного камня из крепостных сооружений городища случайно были найдены высеченные на каменных блоках древнетюркские рунические надписи. В этой связи в 1960—1962 гг. изучением городища занимался В. А. Кузнецов. Его статья «Надписи Хумаринского городища», опубликованная в журнале «Советская археология», фактически является первой серьезной работой, посвященной памятнику. В. И. Кузнецов первым на современном научном уровне определил значение Хумаринского городища как выдающегося археологического памятника периода становления феодализма на юге нашей страны. Он высказал предположение о тюркском характере рунических надписей, найденных на Хумаринском городище, и дал обстоятельное описание памятника, датировав его X—XI вв.

В. А. Кузнецов и в других работах пишет о Хумаринском городище. В частности, в статье «Аланы и тюрки верховьев Кубани» и в популярной книге «В верховьях Большого Зеленчука» он писал, что Хумаринское городище было сооружено хазарами как военная крепость для защиты перевалов Кавказа. Однако раскопок на городище В. А. Кузнецов не вел⁸.

Впервые работы, связанные с археологическими раскопками на городище, были проведены экспедицией нашего института, возглавляемой Е. П. Алексеевой. Она в 1963—1964 гг. исследовала раскопками ряд участков внутри укрепленной части городища (северо-западный мыс над выходом балки Инал в долину Кубани, небольшое овальное всхолмление в северо-западной части плато, цитадель и холм цитадели) и за его пределами. Е. П. Алексеевой было установлено, что у подножия цитадели со стороны балки Шугара средневековые культурные отложения подстилает пласт, оставленный населением VIII—VI вв. до н. э. Средневековые культурные отложения и связанные с ними строительные остатки Е. П. Алексеева датировала IX—XIII вв., высказав при этом мысль о том, что оборонительные стены, окружающие городище, были введены «не раньше конца XI в.»⁹. Изучение топографии городища привело ее к предположению о том, что перешеек у подножия цитадели имел двойную линию обороны. Материалы, полученные двухлетними раскопками, она использовала при написании книг «Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа» и «Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии»¹⁰.

Мы, на основе изучения стратиграфии памятника и инвентаря, оспариваем время возникновения и гибели Хумаринской крепости. Как будет сказано ниже, наши материалы позволяют датировать Хумаринскую крепость VIII—X вв.¹¹ Но, в целом, исследования В. А. Кузнецова

и Е. П. Алексеевой и древнетюркские рунические надписи, обнаруженные на городище, имели большую ценность и подняли интерес к памятнику среди специалистов.

С 1974 г. археологическая экспедиция Карачаево-Черкесского НИИ, возглавляемая автором, приступила к систематическому и планомерному исследованию городища. Памятник раскапывался в течение 1974, 1975, 1977, 1979, 1980 полевых сезонов. В 1974—1975 гг. городище раскапывалось объединенной экспедицией КЧНИИ и ЛГУ (А. В. Гадло, Х. Х. Биджиев).

При возобновлении археологических работ на памятнике в 1974 г. было решено сосредоточить силы, в первую очередь, на исследовании оборонительной системы городища. С этой целью были выбраны два участка валобразной насыпи, ограждающей плато городища со стороны южной балки Шугара. Первый участок (раскоп «А») находится в верховье балки, второй участок (раскоп «Б») — на южном мысу плато, над устьем балки Шугара (рис. 1).

На раскопе «А» были открыты башня, часть внешней и внутренней крепостной стены и святилище. Башня, как можно судить по месту ее возведения, в системе обороны городища выполняла важную функцию контроля над выходом из балки Шугара на плато. Она замыкала линию стен и башен, шедших вдоль южного края острога, на котором расположено городище. От нее начинался поворот оборонительной линии на север и подъем стены к вершине цитадели.

Примыкающая к башне оборонительная стена была раскрыта с внешней стороны на протяжении 26 м (от северо-западного угла башни), с внутренней стороны на протяжении 49 м, поверхность стены расчищена на протяжении 13 м (рис. 2). Максимальная сохранность остатков стены (восточная сторона) к северу от основания башни четыре ряда кладки (высота — 1,20 м). В южной части раскопа к югу от башни стена сохранилась значительно лучше, здесь с внешней стороны был расчищен отрезок, сохранившийся до 8 ряда кладки (высота 2,20 м) (рис. 3, 4, 5, 6).

На раскопе «Б» были также раскрыты остатки оборонительного архитектурного комплекса. Он состоял из башни с проходом («калиткой»), пристроенной к башне наружной лестницы и примыкающих к ней с двух сторон отрезков стены (24 × 16 м) (рис. 7, 8).

В 1975 году экспедиция продолжила исследование памятника. К раскопу «А» были прирезаны три новых участка: «А-1», «А-2», «А-3» (рис. 2), скоординированные с квадратной сеткой той части раскопа, которая исследовалась в 1974 году.

Участок «А-1» подходит к раскопу 1974 г. с запада. Общая площадь его 54 кв. м, протяженность по линии В-3 — 6 м, а вдоль стены — 9 м. На участке расчищены остатки турлучной постройки и собрана разнообразная керамика, которая датируется в пределах VIII—X вв. н. э.

Раскопками вдоль внутренней линии стены удалось получить представление о характере культурных напластований, имевшихся вблизи ее основания. Установлено, что непосредственно под слоем дерна

залегают пласт, состоящий из целых и разрушенных каменных блоков, который представляет период развала и разборки стены. Ниже зафиксирован второй пласт, состоящий из угольно-золистых прослоек, насыщенных обломками керамики и костями животных. Он характеризует период интенсивного заселения городища. Еще была прослежена прослойка извести, щебень и каменные обломки от обтески строительного материала. Этот пласт соответствует периоду строительства оборонительных сооружений вокруг плато, на котором разместилось городище.

Работы на участке «А-2» привели к открытию каменной стены, которая прослеживается в направлении север—юг, параллельно большой оборонительной стене, открытой ранее (рис. 2). Ниже остатков VIII—X вв. на участке «А-2» обнаружен пласт более ранней эпохи. Отдельные фрагменты керамики из него дают основание датировать его в пределах II—VII вв. н. э.

Помимо стабильных раскопочных работ на раскопах «А» и «Б», в 1974 г. на городище нами (А. В. Гадло, Х. Х. Биджиев) был заложен ряд небольших раскопок и поисковых шурфов с целью определить характер напластований на различных участках. Раскопы «В» (площадь 1,00 × 8,00 м) и «Г» (площадь 2,00 × 4,00 м), заложенные в южной возвышенной части городища, и раскоп «Д» (площадь 2,00 × 16,00 м), заложенный в северной части у подножья холма-цитадели (западная сторона цитадели), показали отсутствие культурного слоя, вскрыв материк под слоем гумуса, достигающего 0,20—0,40 м. В гумусе встречались фрагменты керамики и костей животных.

Шурфы 1, 2, 3, 4 (площадь 1,00 × 1,00), заложенные в низменной северо-восточной части городища вдоль хода оборонительной стены по направлению север—юг, показали иную картину отложений. Здесь материк был обнаружен на глубине 0,80—1,40 м. Над ним залегают два культурных слоя, разделенные стерильной прослойкой. Нижний слой мощностью 0,30—0,40 м содержит фрагменты черной лощеной керамики, датируемой VIII—VI вв. до н. э., и верхний слой мощностью 0,15—0,25 м, который содержит фрагменты керамики VIII—X вв. н. э.

В одном из шурфов (4), превращенном в раскоп «Е» (площадь 4,00 × 4,00 м), открыты две хозяйственные ямы, найдено большое количество фрагментов горшков, амфор, кувшинов VIII—X вв., железный нож и бронзовая серьга с удлинненной подвеской, стерженьком, на который была надета бусина (рис. 48—45).

Для раскопочных работ в 1977 г. были выбраны два участка на его территории (раскопы № 1, А) (рис. 1). Основные силы экспедиции были сосредоточены на первом участке, расположенном на юго-западном склоне холма-цитадели.

В восточной части раскопа открыта часть наружной оборонительной стены поселения. До начала раскопок она представляла собой валообразную насыль, которая по склону холма поднималась к ее вершине. Еще раскопками 1974 г. у подножия холма было выяснено, что под

валообразной насыпью находятся остатки оборонительной стены. В 1974 г. участок этой стены (раскоп «А») был расчищен сверху, а также с внешней и внутренней стороны. В 1977 г. в раскопе «1» нами открыт участок этой же стены с внутренней стороны (со стороны поселения) на протяжении 9,30 м.

На северной стороне раскопа открыта и исследована также часть оборонительной стены поселения. Как отмечалось выше, западная стена, как и восточная, поднимается к вершине цитадели. Протяженность открытого участка 6 м. Стена сохранилась максимально на высоту 3,40 м. От разрушения уцелело лишь 9 рядов кладки (рис. 11).

В центральной части раскопа (квадраты 10—15) открыты и расчищены остатки другой стены. Она располагалась по периметру холма, следуя его изгибу. Восточный конец ее плотно примыкает к восточной стене поселения, а другой конец — к западной стене городища. Причем концы этой стены просто примыкают к основной стене поселения, без следов какой-либо перевязки. Общая длина открытой стены с востока на запад — 24 м. Открытый участок ее представляет собой часть особой оборонительной стены цитадели, которая располагалась по периметру холма. Она построена с учетом его рельефа, но в настоящее время сильно разрушена. Относительно хорошо сохранилась стена лишь в северной части. Ее максимальная высота на этом участке — 3 м (11 рядов кладки). Ширина стены, судя по восточному углу, — 2,64 м. На остальных участках стена сохранилась лишь в виде 1—3 рядов кладки (максимальная сохранность на таких участках до 0,50—0,80 м высоты). Описываемый участок стены построен без фундамента, но камни нижнего ряда уложены на выровненную материковую поверхность. Здесь, очевидно, прежде чем начать строить стены, склон холма был выровнен во всех тех местах, где должна была пройти стена. Планировка поверхности склона была проведена тщательно и достаточно квалифицированно. В результате этого, основание стены в различных участках идет на одном уровне, за исключением северного угла стены. Здесь, на месте соединения стены цитадели с наружной стеной поселения, поверхность материка ниже, по сравнению с другими участками, на 0,40—0,60 м.

Открытая стена является остатками юго-западной части мощной оборонительной стены цитадели, возведенной вокруг холма, которая была сооружена после завершения строительства остальных участков фортификации городища. Сооруженная между двумя концами наружной стены поселения, она плотно закрывала доступ к цитадели с территории поселения.

В середине стены, от отметки 8,5 м до отметки 14,65 м, отсутствуют следы какой-либо кладки. Здесь, на протяжении 6 м, вообще нет ни одного каменного блока. Можно предположить, что здесь отрезок стены был разобран до основания. Однако планировка городища и его оборонительных сооружений дает основание полагать, что в этом месте находился проход к цитадели с территории поселения. Правда, нам в процессе исследования не удалось уловить какие-нибудь твердые при-

наки существования здесь ворот. Единственное, в указанном месте материк имеет более темный цвет, чем на других участках. Помимо этого здесь же, в процессе расчистки развала на уровне материка, были найдены куски дубовых обожженных бревен. Возможно, прокаленность материка и наличие кусков бревен подтверждают факт, что здесь в древности были сооружены ворота.

Такое предположение оправдано еще и тем, что с территории поселения к цитадели можно проникнуть, только преодолев стены. Следовательно, если не в этом месте, то где-то на другом участке стены должны были бы находиться ворота. Однако такое предположение надо исключить, ибо во всех остальных местах сохранились нижние ряды кладки стены. Скорее на упомянутом участке и находился проход к цитадели, ведущий в нее с территории поселения. Судя по открытым участкам, стены были побелены белой известью. На южной части стены на двух блоках найдены два рисунка в виде скачущих всадников.

К северу от указанной стены открыты остатки еще одной стены. Она представляет собой ряды ступенчатой кладки по склону холма. Она, вероятно, начиналась от уровня основания нижнего ряда кладки первой стены и поднималась по склону цитадели вверх. Кладка этой стены также осуществлена из тесаных блоков без скрепляющего раствора и по следующему принципу: в нижнем ряду блоки уложены в ряд длинными сторонами, во втором ряду — короткими, в третьем — снова длинными и так далее, чередуясь, причем блоки лежат не плашмя, а уложены набок. Всего здесь открыто шесть рядов кладки высотой в 2 м. Пока нами расчищен небольшой участок стены, поэтому трудно сказать что-либо большее о ней. Она является второй (внутренней) оборонительной стеной цитадели, построенной впритык к первой стене. Причем, она была сооружена одновременно с большой оборонительной стеной. Об этом свидетельствует то, что блоки, примыкающие к последнему, уложены в привязку с блоками той стены.

Важным результатом раскопок 1977 года является открытие катакомбного могильника, расположенного на южном склоне цитадели. В могильнике исследована одна катакомба, в 2 м к югу от предполагаемых ворот цитадели.

Раскоп «А» раскапывался и в 1977 г. Учитывая, что к западу от раскопок 1974—1975 гг. существует хорошо выраженный культурный слой, этот участок был выбран в качестве объекта исследования в 1977 году. Он фактически явился непосредственным продолжением площади, исследованной в 1974—1975 гг., но более углубленной к западу, внутрь городища (рис. 2).

Общая площадь участка 90 кв. м, а его протяженность по линии восток — запад — 6 м, вдоль стены по линии север — юг — 15 м.

На всей площади раскопа культурный слой делится на пласты (горизонты), различающиеся по структуре, цвету и насыщенности различными предметами. Верхний пласт залегает сразу же под слоем дерна и состоит из щебня и целых и разбитых каменных блоков. Его

мощность колеблется в пределах 0,40—0,70 м. К западу, внутри городища, культурный слой несколько уменьшается и у западной стены раскопа совсем исчезает. Этот пласт соответствует периоду разрушения и разборки оборонительной стены (она проходит здесь восточной стороны раскопа), когда, естественно, выбирали обработанные большие блоки, а битые камни и щебень выбрасывали, вследствие чего образовался толстый слой битого камня. За исключением отдельных случайных фрагментов керамики в этом пласте почти никаких находок не было, за исключением железного наконечника стрелы ромбовидной формы (рис. 48—9).

Непосредственно под развалом зафиксирован второй пласт, состоящий из углисто-золотистых прослоек, насыщенных фрагментами различной керамики и костями животных. Мощность его колеблется в пределах 0,60—1,64 м. Этот пласт относится к периоду интенсивной жизни на территории поселения (внутри основных оборонительных стен). Он хорошо датируется многочисленными фрагментами керамики VIII—X вв. н. э. Здесь представлены почти все формы и типы керамики, известные в инвентаре салтово-маяцкой культуры VIII—X вв. н. э. (амфоры, горшки, кувшины и т. д.)¹². На раскопе обнаружены три хозяйственные ямы, очаг, полуземлянка¹³.

Основной задачей работ 1979 г. было изучение остатков главных ворот и крепостных сооружений, связанных с ними. Для раскопочных работ был выбран участок валообразной насыпи над балкой Инал, на северной стороне памятника, находящийся в 200 м к западу от цитадели (раскоп № 2).

Выбор данного участка диктовался следующими обстоятельствами: В. А. Кузнецов и Е. П. Алексеева — первые исследователи городища — полагали, что ворота-въезд крепости располагаются на восточной стороне памятника¹⁴. Однако наши исследования на этой стороне городища не подтвердили их мнения: там не оказалось их. Отсутствие ворот на восточной стороне стены заставило нас обратить внимание на этот участок памятника, который был выбран для исследования в 1979 г. Рельеф участка и внешний осмотр его давали основание полагать, что здесь имеются остатки не только большой оборонительной стены, но и одной или двух башен. Это обстоятельство наводило на мысль о том, что на данном отрезке стены могли быть сооружены ворота-проход в крепость. С точки зрения древней фортификации, такая постановка ворот была вполне оправдана, ибо данный участок хорошо защищен и естественными преградами.

Для изучения культурных напластований и профиля раскопа были проложены две траншеи (в раскопе обозначены А—А¹, В—В¹).

На раскопе площадью 632 м², как и предполагалось при внешнем осмотре городища, были открыты часть большой крепостной стены, две башни и въезд-проход, сооруженный между этими башнями (рис. 13).

Наряду с раскопками на городище, в 1979 г. экспедиция приступила к планомерным поискам могильника, синхронного ему. В этой

связи были заложены 2 небольших разведочных раскопа к северо-востоку от городища.

Первый раскоп площадью 12 кв. м был разбит в 205 м к северо-востоку от цитадели городища и 110 м к северу от животноводческого комплекса.

На раскопе выявлен один погребальный комплекс, представляющий собой могилу с двумя подбоями (рис. 22). На другом раскопе выявлены три подбойных погребения (рис. 35).

В 1980 г. основные раскопки велись на восточной части городища, где был разбит раскоп площадью 212 кв. м. Он фактически явился непосредственным продолжением площадки, исследованной в 1977 г., но более углубленной к западу, внутрь городища и к северу по ходу крепостной стены, вверх к вершине цитадели. Вся площадь раскопа была исследована до материка, залегавшего на глубине 1,80—1,95 м у северной стены, 1,45 м у западной стены. На раскопе зафиксирован культурный слой, относящийся к двум эпохам: верхний—VIII—X вв., нижний—VIII—VI вв. до н. э. Под слоем дерна (толщина 0,20—0,25 м) зафиксирован пласт, состоящий из угольно-золотистых прослоек, насыщенных обломками, костями животных и железными предметами. Его мощность колеблется в пределах 0,60—1,15 м. Он характеризует период интенсивного заселения городища внутри основных оборонительных стен. Он хорошо датируется многочисленными фрагментами керамики VIII—X вв. (кухонные горшки, амфоры, кувшины, пифосы, миски, корчаги, пифосообразные сосуды с витым венчиком).

В северо-восточном углу, где раскоп примыкает к оборонительной стене, интересующий нас слой залегает под пластом, состоящим из целых и разрушенных каменных блоков, который представляет период разбора и развала стены. Ниже слоя VIII—X вв. была прослежена прослойка извести, щебень и камешные обломки от обтески строительного материала толщиной 0,05—0,08 м. Этот пласт характеризует период строительства крепости на плато и представляет собой строительный мусор. Он особенно хорошо прослеживается на северном и южном бортах раскопа.

Ниже строительного горизонта зафиксирован стерильный слой толщиной 0,18—0,20 м, не содержащий культурных остатков.

Ниже этого слоя зафиксирован еще один слой, содержащий фрагменты керамики VIII—VI вв. до н. э. (преобладают обломки сосудов с нарезным орнаментом), мощностью 0,40—0,80 м. Керамика нижнего слоя отличается от посуды первого слоя, найденной в верхних горизонтах раскопа, они аналогичны обломкам посуды, найденной Е. П. Алексеевой в 1964 г. на южном склоне цитадели, и хорошо известны по инвентарю памятников VIII—VI вв. до н. э. Северного Кавказа¹⁵.

Наконец, ниже слоя эпохи бронзы на глинистом материке открыты пять катакомб с коллективными, парными и одиночными захоронениями. В них собран богатый инвентарь, главным образом, украшения и бытовые предметы, твердо датирующие могильник VI—VII вв. н. э. На данном участке поселения нами обнаружены и исследованы остатки

полуземлянки, юрт, турлучной и каменной постройки, хозяйственных ям, а также два грунтовых погребения, печь-тондыр, каменный ящик (рис. 24).

В 1980 г. второй раскоп площадью 60 кв. м (раскоп № 2) был разбит у северной стены крепости, в 20 м к западу от цитадели. Он был прирезан к раскопу 1979 г. с внутренней стороны большой оборонительной стены. Раскоп раскапывался до материка, который залегал на глубине 1,10 м.

Верхний пласт раскопа представляет собой дерновый гумисированный слой темно-серого цвета толщиной 0,25—0,30 м. Под дерновым слоем зафиксирован пласт темно-серого цвета, насыщенный керамикой, костями животных, кусками извести, железным шлаком. Ниже этого слоя, на глубине 1,05—1,10 м, залегает материк — глина. Как видно из характеристики стратиграфии раскопа, на этом участке зафиксирован только слой VIII—X вв., культурных остатков, относящихся к более раннему времени, нет.

Для выяснения строительной техники и характера кладки расчищен небольшой отрезок северной стены сверху. Стена сложена из двух панцирей — внешнего и внутреннего — с забутовкой пространства между ними щебнем и битым камнем. Панцири сложены из больших хорошо обтесанных квадратов насухо (ширина стены 4 м).

Третий раскоп (площадью 80 кв. м, раскоп № 3) в 1980 году был разбит на южном склоне цитадели, в 150 м к северу от восточной стены крепости, т. е. за пределами городища. В раскопе зафиксирован культурный слой толщиной 2 м, относящийся к эпохе поздней бронзы VIII—VI вв. до н. э.

В слое расчищен отрезок крепостной стены, ориентированной с юго-запада на северо-восток. Она сложена из рваного камня насухо, сохранилась на высоту 0,4—0,6 м при ширине 0,3—0,6 м, нижние камни стены уложены на культурный слой VIII в. до н. э. Слой насыщен углем, в верхнем горизонте четко прослеживается полоса горения. На уровне верхних камней стены исследованы два детских захоронения в каменных ящиках. Отсутствие вещей и несохранность покойников не позволяют определить погребальный обряд и время каменных ящиков.

К северу от стены исследовано грунтовое погребение. Покойник лежал на спине вытянуто, головой на северо-запад. При нем обнаружены куски железного предмета и чернолощенный кувшинчик с ручкой. В юго-западной части раскопа еще одно грунтовое погребение на глубине 0,9 м. Покойник лежал вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на северо-запад (размеры могилы: 1,72×0,72 м). В могиле найдены коричневый горшок с горизонтальной бороздой по венчику, браслет с несомкнутыми концами, несколько бусин и бисер.

Между квадратами № 5 и № 6 исследовано пятое погребение. Оно тоже представляет собой грунтовую яму, сооруженную на глубине 0,30 м от дневной поверхности земли (размеры могилы 1,30×0,7 м).

Покойник лежал на спине вытянуто, головой на северо-запад. При нем найдены разбитый чернолощенный кувшинчик, железный нож, 4 бусины.

Керамика слоя представлена обломками чернолощенных мисок, сероглиняных лепных сосудов с нарезным и рельефным орнаментом, а также редкие экземпляры керамики красного цвета слабого обжига.

По тесту, орнаменту и форме они аналогичны обломкам керамики, найденной в нижнем слое раскопа «А», и относятся к VIII—VI вв. до н. э:

К этому времени следует относить и слой, содержащий фрагменты указанной керамики.

В слое на уровне материка исследованы остатки каменной постройки четырехугольной формы. Стены ее сложены из рваного камня насухо в один ряд толщиной 0,3—0,4 м. В юго-восточном углу постройки находился очаг, представляющий собой форму овальной ямы глубиной 0,3 м, обложенный по периметру каменными плитами.

С севера от постройки открыты остатки каменной стены, идущей с запада на восток. Она сооружена из больших каменных глыб насухо и имеет толщину 0,4—0,5 м. Она являлась подпорной конструкцией, которая удерживала на крутом склоне холма глину от осыпей.

В заключение раздела следует сказать, что в течение всех полевых сезонов, наряду со стабильными раскопками на крепости, экспедиция вела изучение погребальных памятников, примыкающих к городищу и синхронных ему. Нами зафиксированы и в разной степени изучены скальные захоронения, подземные гробницы, каменные ящики, склеп-мавзолей, которые подробно будут рассмотрены в специальной главе, посвященной им. Основная часть их находится на склонах балки Инал, расположенной к северу от городища, где существовало поселение, одновременное изучаемому памятнику.

Наконец, работы экспедиции 1980 г. помогли дополнить наши представления о сложной фортификации городища. В 2-х км к востоку от памятника зафиксирован ранее неизвестный ров, длина которого превышала километр, глубина равнялась 3—4 м, а ширина 8—9 метрам. Ров располагался между Скалистым хребтом, который тянулся с севера на юг, восточнее городища, и верховьем балки Шугара. Он надежно прикрывал подход к городищу и его сельскохозяйственным угодьям со стороны Предкавказья.

Итак, исследованиями на городище изучены крепостные, жилые, хозяйственные, культовые и погребальные сооружения, собран большой археологический материал, состоящий из разнообразной керамики, предметов быта, надписей, знаков, рисунков, позволяющих изучать вопросы развития материальной и духовной культуры, внешних связей, этнический состав, другие вопросы жизни обитателей памятника.

Важно отметить, что, благодаря систематическим раскопкам, удалось определить стратиграфию памятника, которая по материалу хорошо расчленяется на три исторические эпохи: VIII—VI вв. до н. э.;

II—VII вв. н. э.; VIII—X вв. н. э. Такая стратиграфия характерна почти всем крупным средневековым памятникам края.

Изучение Хумаринского городища способствует выяснению стратиграфии и других крупных городищ раннегородского типа, определяющих культурное и экономическое развитие области, помогает проследить генезис и особенности становления феодализма на Северном Кавказе, многие аспекты которого до сих пор остаются спорными.

Особую ценность представляет изучение мощной фортификации памятника, не имеющей себе подобных среди многочисленных памятников Центрального Кавказа.

Глава II

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

§ 1. Стены и башни

Оборонительные сооружения городища представлены крепостными стенами, башнями, цитаделью и рвами.

Основная часть городища — крепость — была обнесена каменной стеной, усиленной многочисленными башнями. Стена тянется по самому обрывистому краю отрога, перерезает с двух сторон у подножия холма — цитадели — перешеек и поднимается к его вершине, т. е. концы стены смыкаются на вершине цитадели. В зависимости от рельефа местности стена образует много ломаных линий, поворот и имеет общую протяженность более 2000 м (рис. 26). Раскопками на четырех раскопах (раскопы «1», «2», «А», «Б»), заложенных на городище, исследована значительная часть большой стены, представляющей в сочетании с башнями остатки первоклассного военно-фортификационного сооружения. Она сложена из хорошо отесанных прямоугольных блоков, причем, несмотря на четкое выделение панцирных рядов, внутренность стены заполнялась не бутом, а такими же блоками. Кладка панцирных рядов выполнена по системе «тычком и ложком»: блоки первого нижнего ряда были уложены короткой гранью (торцом) наружу и уходили в толщу стены, блоки второго ряда укладывались наружу длинной гранью (либо плашмя, либо на обрезок), блоки третьего ряда повторяли кладку тычком и т. д. В некоторых участках нижний ряд состоял из блоков, положенных в плоскости стены длинной гранью, а второй из блоков, уложенных тычком, третий ряд повторял кладку первого, четвертый — второго и т. д. В целом, при возведении крепостных сооружений (стены и башни) строители придерживались описанного приема кладки блоков. Но не всегда и не на всех участках стены строители придерживались этого принципа кладки. Они соблюдали указанный прием кладки только при возведении восточной стены крепости. Блоки, использованные в кладке восточной стены (раскопы «1», «А»), хорошо обработаны, в большинстве своем они имеют форму крупных квадратов. Их размеры колеблются в пределах: $1,00 \times 0,45 \times 0,35$; $0,80 \times 0,40 \times 0,30$ м. Строители отступали от этого приема кладки при возведении южной стены памятника. Правда, методы постановки блоков здесь те же, по преимуществу «тычком» и «ложком», но клад-

ка менее тщательна, с менее регулярным соблюдением чередования последовательности укладки камней и рядов. В отдельных рядах кладки этих стен, наряду с крупными блоками-квадрами, использованы каменные плиты, уложенные плашмя.

Северная сторона большой стены, как показали результаты исследования 1980 г., по некоторым элементам кладки отличается от других участков ее. Она состоит из двух панцирей, а пространство между ними забутовано щебнем и битыми камнями. Такая техника кладки широко практиковалась в средние века на Кавказе и в памятниках, близких Хумарэ, по материалу и этническому составу; Нижнего Дона, Болгарии и Крыма¹.

Большая стена поставлена без фундамента на слабо сnivelированную поверхность скалы-материка. Строители не пытались заглубить стену или создать для нее протяженное сnivelированное ложе, они вели кладку непосредственно по рельефу.

В настоящее время стена сильно разрушена и максимальная высота ее не превышает 2—3 метра при толщине более 5 м.

Но в древности она имела внушительную высоту. Причем, мощность ее на разных участках зависела от важности обороняемого участка: Так, на восточной стороне, на единственном участке, доступном для нападения, ее высота равнялась, видимо, 10—15 м при толщине более 5 м. На других участках, исследованных нами, толщина ее не превышала 3,50—4,00 м и, соответственно, высота также была меньше.

При возведении стены был использован известковый раствор. В южной и восточной частях стены он применялся, главным образом, для промазки снаружи швов между камнями нижнего ряда. Максимально использован раствор при кладке панцирных рядов на склоне цитадели и башен, фланкировавших главные ворота крепости. Здесь все блоки панцирных рядов уложены на растворе.

Стена завершалась зубчатым парапетом, была снабжена многочисленными бойницами и, после завершения строительства, с обеих сторон была побелена. Причем крепостные стены были предназначены не для пассивной обороны. Они, как уже отмечали, были снабжены пристенными и выносными башнями, которые являлись важными узлами в сложной системе обороны крепости. В настоящее время хорошо прослеживаются остатки 15 башен (рис. 26).

Одной из конструктивных особенностей стен крепости является наличие водоотводов, идущих из внутренней территории крепости за ее пределы. Водоотводы (водостоки) встречены в трех местах и расчищены два с внешней, один с внутренней стороны крепости в раскопе «А». Первый и второй водостоки открыты к северу от башни в 15 и 30 м от нее, третий к югу — в 3,60 м. Выходы водостоков однотипны. Это отверстия, образуемые двумя параллельными блоками нижнего ряда кладки, сверху они перекрыты плитами второго ряда кладки. Ширина их 0,20—0,25 м, высота 0,40—0,45 м (рис. 6).

Работами последних лет открыты и исследованы четыре башни: одна на восточной стороне, в раскопе «А», вторая — на южной стене над устьем балки Шугара, в раскопе «Б» и две на северной стене. Эти последние фланкировали главные ворота крепости (рис. 26).

Как уже отмечалось, башни в плане прямоугольные. Они сохранились на высоту 2,30—2,60 м и были построены одновременно с прилегающей к ним крепостной стеной. Об этом свидетельствует то, что на линии стыка стены и башен отчетливо выявляются блоки перевязи. Размеры башен: 11,10×7,75; 10,70×9 м; 11×10 м. Для постройки башен, как и для постройки стены, были применены отесанные квадраты местного песчаника (размеры блоков: 0,90×0,40×0,30 м; 0,50×0,35×0,20 м). Стены башен представляют собой панцирную облицовку внутреннего каменного массива, причем, отдельные удлиненные блоки стены положены перпендикулярно ее фронту с тем, чтобы осуществлять связь облицовки и ее внутреннего заполнения. Пространство между облицовкой было заполнено уложенными в горизонтальные ряды блоками, подобными блокам, использованным для облицовки. На углах, как правило, укладывались более крупные квадраты, в середину фронта стены шли камни поменьше. Башни, как и крепостные стены, были поставлены без фундамента и блоки панцирных рядов уложены на известковом растворе. Раскопанные остатки башен являются нижними сплошными частями-основаниями, на которых были возведены верхние этажи, служившие помещением для стражи. К верхним этажам башен вели каменные лестницы, сооруженные вдоль их стен с внутренней стороны. Так, в раскопе «Б» были обнаружены остатки лестницы, ведущей на второй этаж башни². Лестница была пристроена к оборонительной стене и северовосточному углу башни со стороны стены — с востока. Пристройка — основание лестницы — представляла собой однорядную облицовочную кладку, выполненную в основном «ложком». В кладке были преимущественно использованы плитообразные блоки, которые придали ей облик, отличный от облика облицовочного панциря башни. Помимо основной стены, городище было укреплено еще одной — передовой оборонительной стеной, возведенной с восточной стороны.

Работы 1975 г., 1980 г. на этой стене привели к открытию каменной кладки, которая прослеживается в направлении север—юг параллельно большой оборонительной стене (рис. 2). Протяженность расчищенного участка — 20 м. От него в направлении на восток отходит другая, перпендикулярная ей кладка, которая прослежена на протяжении 4,70 м. Первая кладка раскопа, судя по рельефу местности, продолжается в северо-восточном направлении по подножию прилегающего холма в виде слабо выраженного вала и соединяется с юго-восточным концом рва, сооруженного по северному склону цитадели. Вторая кладка обрывается почти на краю плато. Она как бы перегораживает движение вдоль края плато в обход оборонительных сооружений, опоясывающих городище (рис. 26). Они возведены без фундамента, на поверхности культурного слоя, оставшегося в этой части плато от посе-

ления более ранней эпохи. Камни, из которых возводились кладки, подобраны менее тщательно, чем камни большой оборонительной стены. В их основании уложены крупные блоки из нестойкого крошащегося песчаника. Строители стремились уложить камни в 2 панцирных ряда с забутовкой между рядами, но выполнили это своеобразно: панцирные блоки оказались так тесно прижатыми друг к другу, что места для обычной забутовки почти не осталось, ее заменили землей или крупными обломками песчаниковых плит. Описанные стены положены без связывающего раствора, уложенные в них лицевые блоки имеют следующие средние размеры: $0,50 \times 0,39 \times 0,25$; $0,85 \times 0,40 \times 0,20$ м.

Характер обработки камня, использованного в обеих кладках, размеры блоков и то обстоятельство, что на одном из камней второй кладки обнаружен знак — тамга, аналогичный знакам, которые встречаются на камнях большой оборонительной стены (имеет вид трезубца, средний выступ которого втрое короче боковых), свидетельствует, на наш взгляд, о том, что камни для основной оборонительной линии и камни для стен, сложенных этими двумя кладками, заготавливались одновременно. На одновременность постройки большой оборонительной стены и описанных участков указывает также положение их подошвенных камней: и в том и в другом случае они лежат на более раннем культурном слое, чем VIII—X вв. Слой, датируемый обломками посуды VIII—X вв., начинается несколько выше подошвы и, как правило, не содержит значительных включений керамики нижнего слоя.

После удаления завала возле первой кладки обозначился проход в стене шириной в 1,00 м. С восточной стороны проход в стене оказался прикрытым дополнительной стенкой, которая образовала перед ним полуовальное помещение, имевшее выход на юг к стене, шедшей в направлении запад — восток. Пристройка перед проемом в стене служила, вероятно, сторожкой, возникла она позже возведения первой и второй стен.

Итак, городище, помимо основной линии оборонительных сооружений, имело еще одну линию обороны. Она служила своеобразной протейхизмой — передовой оборонительной стеной, которая должна была затруднять доступ к основной стене, закрывая проход вдоль нее по краю плато и преграждая к ней путь со стороны нагорья. Эта стена имела проход (калитку), которая служила для выхода из пернбола к верховью балки Шугара, где проходила дорога, идущая с нагорья вниз, в долину Кубани. Снаружи калитка была замаскирована пристройкой, которая затрудняла доступ внутрь городища и, таким образом, играла важную роль в общей оборонительной системе крепости. Такая же стена была сооружена и по другую сторону холма-цитадели, в промежутке между его подножием и балкой Инал³. К востоку от этой стены, с napольной стороны, был вырыт ров шириной 7 м, протяженностью более 200 м. Ров шел по склону холма-цитадели от края плато у балки Инал до верховьев балки Шугара и преграждал доступ к первой оборонительной стене, к цитадели и главным воротам крепости (рис. 27).

Наконец, крепость и ее обширные сельскохозяйственные угодья, примыкающие к ней с востока, были надежно защищены дополнительно глубоким рвом длиной более 1 км, глубиной 4—5 м, при ширине 8—9 м. Ров располагался между Скалистым хребтом, который тянулся с севера на юг, восточнее городища, и верховьем балки Шугара. Он надежно прикрывал подход к городищу и его угодьям со стороны степного Предкавказья через легкодоступные перевалы Гумбаши, Гитче и Уллу айры. Это имело важное стратегическое значение, потому что именно здесь проходила военная и торговая трасса, соединяющая страны Востока и Запада, Хумару с древней Дноскурией (Сухуми) и Пицундой. Очевидно, гарнизон крепости не только защищал Хумару от неприятеля, но контролировал торговлю, шедшую по трассе.

§ 2. Ворота и цитадель

В Хумаринском городище было двое ворот: южные и северные, в середине соответствующих стен, а также несколько калиток-проходов, которые фланкировались одной или двумя башнями. Как наиболее уязвимые места в системе обороны, ворота и калитки возведены в труднодоступных пунктах плато, удобных для обороны подступов к ним, и сильно укреплены искусственными сооружениями.

Южные ворота-въезд были сооружены в 360 м к юго-западу от цитадели и вырублены на скале в крутом склоне отрога, на вершине которого располагается поселение. Путь к ним пролегал по крутому склону балки Шугара, которая образовала несколько маршей, каждый из которых на всем его протяжении находился под наблюдением и под обстрелом со стен и башен, подходивших в этом месте к самому краю обрыва. Предполагаемый путь на городище подобен дорогам-въездам, которые устраивались в близких к нашему памятникам: Мангуп-Кале, Эски-Кермен в Крыму⁴. Аналогичные дороги-въезды известны в Грузии⁵, а также в других памятниках Карачаево-Черкесии (Римгорское и Красновосточное городища)⁶. Рассматриваемый проход особенно интенсивно был использован в период строительства крепостных сооружений памятника. Через него завозили на плато обработанные каменные блоки, добытые на склонах балки Шугара. Около ворот, с внешней стороны, зафиксированы большие запасы каменных блоков, аналогичные блокам, из которых сооружены стены и башни Хумары. В этом участке крепости археологические раскопки не производились. Поэтому невозможно что-либо конкретно сказать о характере строительства и размерах южных ворот.

Наибольшее значение имеют результаты раскопок главных ворот, которые были исследованы в 1979 г. Они были сооружены в 200 м к западу от цитадели, в северной стене, между двумя прямоугольными башнями. Следует отметить, что для ворот древние строители выбрали очень удобное место, хорошо защищенное естественными преградами, и создали целый комплекс искусственных сооружений. Так, с южной и западной стороны путь к ним преграждала большая кре-

постная стена с многочисленными башнями. С северной стороны ворота защищают практически недоступные крутые склоны балки Инал. Проникнуть в район ворот можно было только с восточной стороны. Но тут доступ преграждали глубокий ров, передовая каменная стена и грозная цитадель. Если же враг преодолевал и эти укрепления, то оказывался в узком проходе — полосе, обстреливаемой со всех сторон защитниками крепости. Здесь, в узком проходе, его опять встречали защитники стрелами, каменными ядрами, горячей смолой. Как уже отмечалось, главные ворота фланкировались двумя башнями.

Башня № 1 была встроена в толщу стены и только выступала за линию ее внешнего и внутреннего фронта. Она была сооружена одновременно с оборонительной стеной, примыкавшей к ней с востока. На линии стыка стены и башни отчетливо выявлялись блоки перевязи. Нами исследована та часть башни, которая выходила из толщи стены к северу, т. е. часть башни, расположенная с внешней стороны крепостной стены. Остальная часть башни, которая находится на южной стороне крепостной стены, во внутренней части городища, не открыта и не исследована. Не полностью открыта и исследована также западная стена башни (рис. 17). Поэтому трудно что-либо конкретно сказать о ее размерах и очертаниях. Однако, судя по расчищенным участкам, башня была в плане трапециевидная.

Рассматриваемая башня фланкировала въезд-проход в крепость, и ее северная стена, открытая в 1979 г., одновременно выполняла функции южной стены (южного пролета) ворот.

На исследованной части стены башни образуют несколько ломаных линий, которые состоят из 4 отрезков. Поэтому для удобства при описании исследованным отрезкам стен башни даны буквенные обозначения. Ниже приводится описание открытых участков башни.

Восточная стена (отрезок А—Б). Исследованная часть восточной стены выступала за линию крепостной стены к северо-западу и имеет протяженность 1,10 м (рис. 18). Следующая стена (отрезок Б—В) от нее поворачивает под прямым углом на юго-запад и имеет длину 2,7 м. От нее отходит на юго-запад стена (отрезок В—Г) длиной 0,92 м (рис. 18). Затем стена под прямым углом поворачивает на юго-запад (отрезок Г—Д) и имеет протяженность 7,30 м (рис. 18). Последний отрезок является северной стеной башни. На северной стене имеются два выступа. Первый — в самом начале стены, на восточной части ее, второй — через 2,90 м от первого выступа. Первый выступ выходит наружу из линии стены на 0,22 м, т. е. на ширину блока при длине 0,5 м. Второй выступ наружу из линии стены выходит на 0,30 м и имеет длину 0,72 м. Стены рассматриваемой башни максимально сохранились на высоту 1,90 м. От разрушения уцелели четыре, а местами — шесть рядов кладки. Сохранившаяся часть, насколько об этом можно судить по еще неполной расчистке башни, представляет остаток монолитного основания, целиком заполненного каменными блоками. Башня была построена одновременно с прилегающей к ней с востока стеной. Для ее постройки, как и для постройки стены, были применены отесанные квадры местного песчаника. Но они более тщательно обработаны,

чем блоки крепостной стены, причем, с лицевой стороны обтесаны дополнительно. Особенно тщательно сооружена та часть северной стены башни, которая служит южной стеной прохода. Стены представляют собой род панцирной облицовки ее внутреннего каменного массива. Кладка панцирных рядов выполнена по системе «тычком и ложком».

Пространство между стенами облицовкой было заполнено (насколько об этом можно судить по обнаруженным участкам) уложенными в горизонтальные ряды блоками, подобными блокам, использованным для внешней облицовки. Но внутренний массив башни выложен, в отличие от панцирных рядов, целиком без скрепляющего раствора, всухую. Камни нижнего ряда кладки восточной стены башни, за исключением северной стены (отрезок Г—Д), с внешней стороны выступает на 0,06—0,07 м из плоскости стены. Башня поставлена без фундамента, склон под ее основанием не был отnivelирован. Подошва нижнего камня юго-западного угла башни на 0,59 м превышает уровень подошвы нижнего камня ее северо-восточного угла от репера «О». Это объясняется общим падением с запада к востоку поверхности отрога.

Итак, раскопанная часть башни, видимо, представляет монолитное основание, на котором были возведены верхние этажи, служившие помещением для стражи.

К северо-западу от рассмотренной башни (башня № 1) расчищены остатки другой башни (башня № 2). Она была сооружена параллельно первой башне. Расстояние между ними на восточной части 7,30 м, на западной — 4 м (рис. 13).

Нами расчищены и обнаружены северная, восточная и южная стороны башни с внешней стороны. Не освобождена от дерна и засыпи поверхность башни, в связи с опасностью ее разрушения. В отличие от башни, остатки которой были раскрыты на юго-восточной части раскопа, вскрытой в толще стены, башня № 2 была вынесена за линию оборонительной стены. Она занимает мыс, расположенный между обрывистым краем отрога и оборонительной стеной. Большая крепостная стена, которая тянется по краю отрога, примыкает к башне с западной стороны. О характере соединения крепостной стены к башне говорить трудно, ибо с западной стороны башня не расчищена. Сохранившаяся часть башни, по очертаниям основания, аналогична первой башне. Причем, стены обеих башен обнаружены на одной линии. Это диктовалось тем, что между ними был сооружен проход-въезд в крепость (рис. 13). Стены башни, как и другие крепостные сооружения Хумаринского городища, построены без фундамента, блоки нижних рядов уложены на выровненную материковую поверхность. Между тем, древние строители прежде чем возводить башню, провели хорошую нивелировочную работу. Об этом свидетельствует то, что несмотря на то что башня была сооружена на обрывистом краю отрога, имеющего неровную поверхность, уровни подошвенных камней нижних углов имеют относительно небольшую разницу. Так, подошва нижнего камня северо-восточного угла башни находится на глубине 3,49 м и превышает уровень подошвы нижнего камня северо-западного угла (в плане условно этот угол обозначен буквой «А») только на 0,16 м. Подошва нижнего

камня юго-восточного угла (угол «В») башни находится на глубине 3,10 м и превышает уровень подошвы нижнего камня северо-восточного угла (угол «Б») на 0,23 м. Длина башни равна 10,30 м, ширина — 8 м (взяты максимальные величины). Длинные стороны башни были обращены на север (к обрыву) и на юг. Стены сохранившейся части башни представляют собой выложенный из прекрасно отесанных блоков местного песчаника панцирь-облицовку. Для него использовались равномерные квадраты, которые укладывались «тычком и ложком». Строители чередовали приемы разнотипной кладки, хотя не всегда строго соблюдали чередование их, поскольку размеры заготовленных для строительства блоков были слишком различны (рис. 18). В кладке панцирных рядов стен башни были использованы блоки размерами 1,20 × 0,40 × 0,30 м; 1,00 × 0,40 × 0,35 м; 0,90 × 0,35 × 0,30 м; 0,63 × 0,30 × 0,35 м; 0,40 × 0,30 × 0,25 м и т. д. На углах, как правило, укладывались более крупные и особенно тщательно обработанные квадраты, в середину фронта стены шли блоки поменьше. Нижний ряд укладывался, за редким исключением, «тычком» (рис. 19). Кладка панцирных рядов была выполнена на известковом растворе. Блоки внутреннего пространства башни уложены по описанному принципу, но без раствора, в сухую. Ниже производится описание результатов раскопок стен башни.

Северная стена (стена А—Б) возведена на краю обрыва над балкой Инал. Расстояние между стеной и краем балки не превышает 3—4 м. Стена длиной 10,30 м ориентирована с северо-востока на юго-запад. Она к юго-западу идет под острым углом (80°). Установлено, что северная стена подвергалась сильному выветриванию, размыву и разрушению. Многие блоки стены сильно деформировались, раскрошились и потеряли первоначальный вид. От стены сохранились 4 ряда кладки. Только на западной стороне сохранились пять рядов кладки. Максимальная высота сохранившейся части стены 1,30—2,25 м. Но, несмотря на плохую сохранность ее, можно сказать, что стена была возведена из хорошо отесанных крупных квадратов местного песчаника. Она, как и другие стены башни, была поставлена без фундамента на выровненную материковую поверхность. Склон под ее основание был относительно неплохо отnivelирован (абсолютная глубина от «О» репера подошвенного камня на северо-западном углу равна 3,49 м, на северо-восточном углу 3,33 м). Кладка блоков осуществлена по системе «тычком и ложком» на известковом растворе. Камни первого ряда снизу уложены «тычком», второй «ложком», третий — «тычком», четвертый — «ложком». Так достигалась поперечная перевязка швов. Камни четырех нижних рядов кладки с внешней стороны стены (со стороны балки) выступают на несколько сантиметров из плоскости стены: два нижних ряда — на 0,09 и 0,07 м, 3, 4 ряда — на 0,010 м и 0,06 м соответственно.

В процессе расчистки северной стены с внешней стороны явно выраженных культурных остатков не прослежено. Здесь ниже насыпи, на уровне подошвы стены, прослежена только тонкая (до 0,07—0,05 м) прослойка извести и щебня, представляющая уровень строительных работ в период возведения стены.

Восточная стена (стена Б—В) отходит от северной стены к юго-востоку и имеет протяженность 6,00 м. Она тоже сооружена из больших квадров местного песчаника на известковом растворе и сохранилась на высоту 2,50 м (рис. 18). От разрушения на южном углу стены сохранились 8 рядов кладки, на северной части — 5 рядов кладки. Камни пяти нижних рядов кладки с внешней стороны выступают на несколько сантиметров каждый из плоскости стены. Первый ряд выступает на 0,08, второй на 0,07 м, третий на 0,10 м, четвертый на 0,09, пятый на 0,6 м (рис. 18). Блоки панцирных рядов стены уложены на известковом растворе и по системе «тычком и ложком» (рис. 18). На уровне нижнего ряда кладки с внешней стороны башни снят культурный слой толщиной 0,15—0,20 м, содержащий много костей домашних и диких животных, фрагменты керамики (амфоры, столовая посуда, горшки), куски железного шлака, смолы, каменные ядра — боллы. Ниже культурного слоя прослежена тонкая прослойка толщиной 0,07—0,09 м, содержащая щебень, куски известкового раствора, мелкие дефектные камни. Это строительный горизонт времени строительства башни.

Юго-восточная стена (стена В—Г) отходит от восточной стены на юго-запад под тупым углом, равным 95° (длина этого отрезка 3,20 м по нижнему ряду кладки), а затем под прямым углом поворачивает на юго-восток (отрезок Г—Д).

Последний отрезок (отрезок Г—Д) имеет длину (по нижнему ряду кладки) 2,00 м (рис. 17). Общая длина обоих отрезков юго-восточной стены составляет 5,20 м. Она, так же как и другие стены башни, возведена из больших, прекрасно отесанных квадров местного песчаника на известковом растворе. Первый отрезок стены (В—Г) сохранился максимально на высоту 2,80 м (8 рядов кладки), второй — на 2,12 м (6 рядов кладки).

Камни облицовки стены поставлены попеременно «тычком» (наружу узкой стороной) и «ложком» (широкой стороной наружу): блоки первого ряда уложены «тычком», второго «ложком», третьего «тычком» и т. д. Но древние строители не строго соблюдали этот прием кладки. Так, часть блоков третьего ряда стены снизу (отрезок В—Г) поставлены «тычком», часть «ложком». Блоки нижнего ряда кладки первого отрезка (отрезок В—Г) стены с внешней стороны выступают на 0,10—0,08 м из плоскости стены (рис. 19).

Южная стена (стена Д—Е) отходит от юго-восточной стены под прямым углом на запад и имеет протяженность 7,30 м. Рассматриваемая стена башни с востока на запад тянется параллельно северной стене № 1, и они равны по длине (7,30 м). Восточная стена башни № 2, так же как и северная стена башни № 1, имеет два выступа. Причем стены обеих башен сооружены на одной линии и находятся друг против друга (рис. 13). Первый выступ восточной стены сделан в самом начале стены, а второй на 3,00 м к западу от первого выступа. Первый выступ выходит наружу из плоскости стены на 0,22 м, т. е. на ширину блока, а длина его составляет 0,5 м и равна длине блока. Второй выступ выходит наружу из плоскости стены на 0,30 м, а длина его составляет 0,72 м и равна длине блоков, уложенных «ложком» в ряды стены (рис. 19).

Восточная стена, как и все другие стены башни, сооружена из каменных блоков на известковом растворе по системе «тычком» и «ложком». Но блоки восточной стены отесаны более тщательно, они поставлены ровными горизонтальными рядами, лучше пригнаны друг к другу, чем блоки других стен башни.

Восточная стена сохранилась на высоту 10 рядов кладки в средней части, на 6 рядов в западной и восточной части.

Таковы результаты исследования остатков выносной башни. Сохранившаяся часть ее, как и первой башни, представляет остаток монолитного основания, целиком заполненного камнем.

Итак, на раскопе, помимо большой оборонительной стены, исследованы две башни, возведенные параллельно друг к другу. Между этими башнями был оставлен проход, ведущий к центральной части городища. Проход располагался между северной стеной башни № 1 и южной стеной башни № 2 и фланкировался ими (рис. 13).

Длина прохода равна протяженности вышеназванных стен башен, являющихся одновременно стенами прохода (т. е. 7,30 м). Ширина прохода 4,00 м. После удаления из прохода насыпи, состоящей из щебня, разбитых камней и больших блоков, упавших со стен башен, открыты остатки каменной вымостки. Она представляет собой площадку, выложенную хорошо обработанными каменными плитами. Размеры вымостки: длина — 3,00, ширина — 3,30 м.

На проходе под насыпью снят культурный слой толщиной 0,15—0,22 м, содержащий кости животных, фрагмент керамики (амфоры с зонами рифления, горшки с линейным и линейно-волнистым орнаментом). Кроме костей животных и керамики, здесь найдены длинные железные гвозди (размеры 0,08—0,20 м), куски черной смолы, железа, куски дерева (диаметр кусков дерева 0,10—0,15 м при длине до 1,5 м), несколько круглых железных пластинок со щипами (рис. 48—46). На мостовой обнаружены зерна какого-то злака. Очевидно, большие куски дерева, найденные на проходе, являются остатками дверного полотна. Причем, судя по значительной длине прохода, он имел внешние и внутренние полотна, сделанные из дерева (дуб). В пользу этого говорит, на наш взгляд, и то, что каждая стена прохода имеет по два выступа, расположенных параллельно друг другу. Видимо, деревянные полотна навешивались на эти выступы и крепились железными гвоздями. На одном из выступов северной стороны на стене прохода сохранилось отверстие, куда, надо думать, крепилось дверное полотно. Причем, внутри отверстия сохранились кусочки железа. Особого внимания заслуживают железные предметы со щипами, найденные у северной стенки ворот.

Итак, стены ворот возведены из искусно обработанных каменных блоков по тому же, описанному выше, строительному принципу. Блоки панцирных рядов очень хорошо подогнаны друг к другу и уложены на известковом растворе по системе «тычком и ложком». В стенах много выступов и поворотов, затруднявших проникновение неприятеля в крепость (рис. 13). Ворота имели внешние и внутренние дверные полот-

на, скованные с внешней стороны сплошь массивными железными пластинками (рис. 48—46).

Такой способ укрепления дверного полотна и защиты ворот хорошо известен и в других средневековых памятниках тюркоязычных народов Юго-Восточной Европы⁷, а также у народов Кавказа⁸ и Крыма⁹. Пол проезда вымощено хорошо обработанными каменными плитами и имеет длину 7 м при ширине 5,50 м (рис. 13). Стены сохранились на 10 рядов кладки, на высоту 2,40—3 м. Главные ворота имели арочное перекрытие полуциркульной формы, увенчанное зубчатым парапетом. Судя по монолитному основанию, башни, фланкировавшие ворота, имели внушительную высоту в несколько этажей. Из них защитники держали под перекрестным обстрелом подступы к воротам (рис. 28). Предметы, найденные в процессе раскопок, свидетельствуют о том, что ворота неоднократно подвергались штурмам и длительной осаде, что здесь не раз происходили горячие схватки. Так, около прохода хорошо прослеживаются следы пожара; найдены каменные ядра — баллы, куски черной смолы.

Важным элементом оборонительной системы Хумаринского городища является его цитадель, расположенная в северо-восточной части памятника. Она была сооружена на плоской вершине естественного холма с крутыми склонами высотой более 43 м. Доступ на нее преграждали ров, первая и вторая оборонительные стены крепости (рис. 27). Крутые склоны холма и указанные элементы фортификации имели внушительную обороноспособность. Между тем, цитадель была обнесена по периметру дополнительно мощной собственной каменной стеной, фланкированной башнями и контрофарсами. Стена была возведена по периметру холма с учетом его рельефа и разграничивала территорию цитадели не только от внешнего мира, но и от самого города-крепости. Стены цитадели построены, как и другие крепостные сооружения, без фундамента, из хорошо отесанных каменных квадров песчаника (размеры их: 1,20×0,60×0,70 м; 0,60×0,40×0,30 м). Из больших блоков сооружены не только панцирные ряды, уложенные на известковом растворе, но и пространство между ними. Камни панцирных рядов отличаются более тщательной обтеской, кладка их осуществлена более аккуратно, чем в межпанцирном пространстве, где они уложены без раствора, насухо.

Камни трех нижних рядов кладки выступают соответственно на 6—7 см из плоскости стены. Причем, в первом ряду блоки положены в ряд короткими сторонами, во втором — длинными, в третьем — снова короткими, в следующем — длинными и т. д. Таким методом достигалась поперечная перевязка швов кладки.

Общая длина стены составляет более 120 м при ширине 2,60—3 м.

К сожалению, цитадель настолько сильно пострадала от времени, что судить об ее внутреннем устройстве нет возможности. Только после раскопок можно будет иметь хорошее представление о внутренних застройках этого уникального для Северного Кавказа археологического объекта и памятника военной архитектуры. Но культурные остатки,

зафиксированные здесь в процессе исследования, дают основание полагать, что основным сооружением цитадели являлась башня — донжон. По мнению специалистов по фортификации средневековых городов и крепостей, цитадели состояли из одной или нескольких башен. Так, крупный специалист по средневековому зодчеству Л. Б. Альберти сообщает, «что в крепости (в цитадели — Х. Б.) возводится одна главная башня, в большей своей части массивная, сплошь из крепчайшей кладки, отовсюду укрепленная, выше всех, труднодоступная»¹⁰. Другой специалист по фортификации Ц. Кюй пишет, что «Она (цитадель — Х. Б.) состояла из одной или нескольких башен, соединенных стенами»¹¹.

На средневековых городищах Карачаево-Черкесии также главной застройкой цитадели являлись монументальные башни. Так, на Инжургатинском, Балашовском, Каракентском и на ряде других памятников главной застройкой цитадели являлись башни. Большинство цитаделей средневековых городов Средней Азии¹² и Закавказья¹³ также сочетали жилую башню с двором.

Очевидно, не являлось исключением и Хумаринское городище, которое возникло как крупная крепость в связи с активизацией арабо-хазарских войн. Можно предполагать, что в ее цитадели главной постройкой являлась многоэтажная башня, которая была отгорожена от внешнего мира каменной стеной, в том числе и от самого города-крепости. Это свидетельствует о том, что цитадель защищала феодальную верхушку Хумары не только от нападения внешнего врага, но и от основной массы населения города. Следовательно, структура городской фортификации находилась в прямой зависимости от социальной структуры населения древнего поселения, от взаимоотношения правящей феодальной верхушки и народных масс. С этим, видимо, связано и то, что она возведена в системе крепостных стен, а не внутри города или за его пределами.

Такое расположение давало возможность гарнизону цитадели контролировать наступление врага извне и следить за жизнью в крепости, при необходимости принимать решительные меры против внутренних врагов¹⁴.

К застройкам цитадели относится и святилище, расположенное у ее подножия. Святилище было возведено с южной стороны цитадели, между первой и второй крепостными стенами, и огорожено, как показали исследования 1980 г., со всех сторон каменной стеной, которая отсекала его, как и цитадель, от остальной территории памятника.

Такое расположение цитадели и культовых сооружений характерно с древних времен для памятников Кавказа. Так, в Армении, по словам А. М. Акопяна, «дворцово-храмовый комплекс не выступал в роли организующего элемента городской застройки, а системой стен отсекался от остальной территории города, представляя собой особый организм в пространственной структуре»¹⁵.

Итак, фортификация городища отличается мощностью и продуманностью планировки, высоким уровнем строительной культуры, и ее

структура отвечала уровню военной техники, сложному социальному составу населения крепости.

В процессе расчистки архитектурных остатков на территории цитадели сделано не много находок. Главным образом, найдены обломки различной керамики, но они очень выразительны. Это фрагменты красноглиняных амфор яйцевидной формы с зонами рифления, горшки черного и серого цвета, несколько обломков красноглиняных строительных кувшинов с плоскими ручками. Они все по многочисленным аналогиям датируются VIII—X вв. н. э.¹⁶ Следовательно, крепостные сооружения цитадели в исследованных участках возникли в VIII в. и функционировали до X в.

По планировке и топографии Хумаринское городище имеет много общего с многочисленными средневековыми памятниками Северного Кавказа и прежде всего Карачаево-Черкесии. Как и Хумаринская крепость, они обычно строились на месте более ранних поселений, за редким исключением, так же как Хумара, расположены в труднодоступных местах, укрепленных каменными стенами, башнями, рвами и валами, и имели двух- и трехчастное деление¹⁷ (рис. 52). Например, Нижне-Архызское городище имело сложную фортификацию, состоящую из трех каменных стен и дозорных башен¹⁸. Тройной системой каменных стен было укреплено Амгатинское городище в Тебердинском ущелье. Каменными стенами, башнями и земляными укреплениями были защищены Адиухское, Узун-Колское, Первомайское, Курлукское, Байтал-Чапханское и другие городища края. То же самое можно сказать о Римгорском, Учкурском, Красногорском, Терезинском (Уллу-Дарбунла) и других городищах Карачаево-Черкесии. Но по планировочной структуре наиболее близки нашему памятнику Инжургатинское и Каракентское городища, расположенные недалеко от Хумары, на левом берегу Кубани.

Так, Инжургатинское городище, контролировавшее в средние века отрезок торговой трассы из долины Кубани в Зеленчукское ущелье, было расположено на плоской вершине горного отрога, хорошо защищенного природными преградами, имело четкое двухчастное деление (цитадель и собственно крепость), а также было по периметру обнесено оборонительной стеной в комплексе с башнями. Цитадель его также помещалась на господствующей над местностью возвышенности, дополнительно была укреплена каменной стеной, а главной застройкой цитадели, как и в Хумаре, являлась двухэтажная башня — донжон¹⁹.

Каракентское городище занимало вершину горного отрога, ограниченного с трех сторон, как и изучаемый памятник, глубокими ущельями с крутыми склонами, имело трехчастное деление и состояло из цитадели, собственно города-крепости и открытого поселения вне городских стен. Оно, как и наш памятник, по периметру было обнесено оборонительной стеной с башнями²⁰. Средневековые каменные оборонительные сооружения Карачаево-Черкесии, как и укрепления Хумаринского городища, построены без фундамента. Бесфундаментная кладка харак-

терна также для крепостей салтово-маяцкой культуры²¹, Северного Кавказа и Крыма, а также для некоторых памятников Средней Азии²².

Хумаринское городище отличается от других памятников края по положению цитадели в плане города. Как выше было отмечено, цитадель городища расположена в системе большой оборонительной стены, в северо-восточном углу города-крепости. На других памятниках Карачаево-Черкесии обычно цитадели помещались внутри больших оборонительных стен, т. е. внутри города-крепости. Обычно они занимали один из углов отрога, мыса, останцев, на вершинах которых сооружались памятники. Например, такое расположение цитадели характерно для Учкурского, Красногорского, Байтал-Чапханского, Каракентского, Инджургатинского городища.

По местоположению цитадели в плане города Хумаринское городище сближается с многочисленными городами и феодальными замками Армении, Грузии, памятниками салтово-маяцкой культуры Подонья²³, с сасанидским Дербентом в Дагестане²⁴. В указанных районах цитадель редко помещали внутри города. По мнению крупного специалиста по архитектуре О. Х. Халпахчяна, в Армении цитадель городища, так же как и цитадель нашего городища, была снабжена собственной системой фортификации, которая отделяла ее от города²⁵. Такое место положения цитадели характерно также для некоторых памятников Средней Азии²⁶.

Принцип постройки цитадели внутри города-крепости, зафиксированный в Карачаево-Черкесии, широко практиковался в странах Древнего Востока²⁷, в Азербайджане²⁸ и Средней Азии²⁹. Как уже отмечалось, расположенная в углу города или в одной из его сторон цитадель стратегически имеет большое преимущество, наиболее полно отвечает уровню военной техники и сложной структуре социального состава общества³⁰. Ибо «это позволяло организовать более надежную защиту как против захватившего город внешнего врага, так и против восставшего народа»³¹.

Фортификация городища от других памятников края отличается также по архитектуре и технике кладки стен. Как было отмечено выше, крепостные стены городища состояли из двух панцирей, сложенных из отесанных квадров с соблюдением чередования «тычков» и «ложков». На наиболее ответственных участках блоки панцирных рядов уложены на известковом растворе, например, внешняя стена цитадели и стены главных ворот. Однако основная часть крепостных сооружений памятника сооружена насухо, без раствора. Известковый раствор использован только для промазки швов панцирных рядов. Промежутки между панцирными рядами, судя по исследованным участкам, также сложены из блоков насухо, без раствора. В процессе возведения стен широко применены квадры с прямоугольными вырезами для выравнивания рядов кладки, камни облицовки дополнительно обрабатывались с лицевой стороны и плотно подгонялись друг к другу. В условиях Карачаево-Черкесии каменное строительство имеет глубокие корни, местные многовековые традиции, ибо, как и в других горных районах Кавказа, здесь

основным строительным материалом являлся камень. Но такая техника кладки стен несвойственна не только средневековой крепостной архитектуре, но и местному зодчеству всех времен вообще.

На территории Карачаево-Черкесии известные различные сооружения строили из рваного камня, булыжника и брусков, уложенных насухо или на растворе глины. Однако оборонительные стены большинства средневековых сооружений возведены из тесаных плит, уложенных плашмя, насухо³². По такой системе выложены стены Амгатинского, Гилячского, Нижне-Архызского, Инджургатинского и других городищ района.

Крепостная архитектура Хумаринского городища отличается от аналогичных сооружений Карачаево-Черкесии не только по более совершенной технике кладки стен, но и по мощности их и высокой строительной культуре. Достаточно сказать, что большая стена городища (протяженность 2000 м) имела толщину 3,50; 3,80; 5,10 м при высоте 10—15—20 м и была усилена многочисленными башнями. Еще более мощной была оборонительная стена цитадели, рассчитанной на длительную осаду. Общая толщина внутренней и внешней стороны стен цитадели составляет более 6 м. Стены других памятников края по мощности намного уступают толщине стен Хумаринского городища. Так, толщина стен Гилячского городища равна 0,6 м, Амгатинского — 1,5 м, Садового — 2,25 м, Нижне-Архызского — 2 м. В Карачаево-Черкесии, после изучаемого городища, наиболее мощные укрепления имеет Адиюхское городище. Толщина его оборонительной стены составляла 2,50 м, и фланкировалась эта стена пятью квадратными башнями.³³

На территории Карачаево-Черкесии при возведении крепостных сооружений известковый раствор в качестве вяжущего материала впервые был применен в Хумаринском городище. Им же были выбелены его стены и башни с обеих сторон. Как уже отмечали, другие оборонительные сооружения края сложены без раствора, насухо. Исключением являются стены цитадели Инджургатинского городища, башни Адиюхского городища, а также Хурзукская башня. Стены их тоже сложены на известковом растворе. Но они были построены после гибели Хумаринской крепости, не ранее X в. То же самое следует сказать о многочисленных двух-трехэтажных башнях изучаемого памятника. Они были сооружены одновременно с большой оборонительной стеной и могут быть датированы VIII в. Они являются наиболее ранними памятниками башенного строительства в Карачаево-Черкесии³⁴. Не только в Карачаево-Черкесии, но и в других местах Центрального Кавказа нет такого большого количества башен, как в Хумаре.

Известные башни Карачаево-Черкесии, как и многие укрепления городища (феодалы замки, на наш взгляд), возникли не ранее X в., в период экономического и культурного подъема алан и местных горских племен, ранее находившихся под властью хазар, т. е. после гибели Хумаринского комплекса.

По особенности расположения и по планировке Хумаринское го-

родище имеет много общего со средневековыми памятниками Дагестана. Археологическими раскопками установлено, что средневековые города и крупные поселения края строились с учетом рельефа местности, имели двух- и трехчастное деление, укреплялись разнообразными, в том числе каменными, оборонительными сооружениями. В качестве примера можно назвать Дербент, Чирюртовское, Урцекское, Махачкалинское, Хазар-Калинское и другие городища, которые были подчинены рельефу и состояли из цитадели, собственно города и открытого поселения или из цитадели и собственно города³⁵. Причем, каждая из этих частей, как и в Хумаре, была обнесена оборонительными стенами, а цитадель дополнительно стеной отсекалась от городища, которое в свою очередь отделялось стеной от сельской территории³⁶. Важно отметить, что оборонительные сооружения Дагестана, по крепостной архитектуре и по характеру кладки стен, также находят аналогии в Хумаринской крепости. Так, для памятников Дагестана, как и Хумары, характерна двухпанцирная кладка, пространство между панцирем заполнено забутовкой. В Дагестане «панцирная техника стен, усиленных регулярно расположенными перед ними башнями, получает в раннесредневековую эпоху широкое распространение»³⁷. Крепостная архитектура указанного района от архитектуры нашего памятника отличается тем, что стены и башни их возведены не из отесанных блоков-квадров, а преимущественно из рваного камня³⁸. Среди памятников Дагестана особняком стоит Дербент, который по характеру кладки стен отличается от других памятников края и имеет много общих черт с Хумаринским городищем. Стены Дербента сасанидского времени сооружены из хорошо отесанных с наружной стороны плит, насухо уложенных «тычком» и «ложком». «Она представляет собой два ряда крупных каменных плит, образующих наружную и внутреннюю грань стены, пространство между которыми заполнено забутовкой»³⁹, т. е. здесь мы имеем также двухщитовую кладку, близкую кладке Хумаринской стены. Она отличается также от Хумаринской тем, что его стены возведены из плит, а в нашем памятнике — из квадров. Наконец, в Дербенте внутренняя забутовка скреплена известковым раствором⁴⁰, в отличие от стен Хумары, где зафиксирована сплошная кладка из блоков (восточная стена) или панцирная кладка с забутовкой пространства между ними насухо.

Сасанидский Дербент, возведенный в VI в. и существовавший долгое время, в отличие от Хумары, функционировавшей не более двухсот лет, представлял собой крупнейший город своего времени. Но по мощности крепостных сооружений Хумаринское городище, на наш взгляд, мало уступает Дербенту, а по толщине главной стены даже превосходит его. Так, толщина стен Дербента колеблется от 2,30 до 3,80 м⁴¹, а Хумаринские стены достигают толщины от 3,50 до 5,10 — 6 м.

Следует сказать также, что Дербент, сооруженный сасанидским Ираном в VI в. для защиты своих северных границ от кочевников, и Хумара, возведенная в VIII в. хазарами против натиска арабов, по мощности и характеру крепостной архитектуры отличаются от средне-

вековых памятников края и стоят особняком. Возникновение этих двух памятников тесно связано с политическими событиями, происходящими на Северном Кавказе, и всего Юга нашей страны.

Крепостная архитектура Хумаринского городища не имеет близких аналогий среди памятников Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии. Дело в том, что для памятников указанных районов каменная фортификация в целом не типична, характерной особенностью их являются земляные укрепления, сочетающие глубокие рвы и валы⁴².

Важно отметить, что Хумаринское городище отличается от памятников Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии также по некоторым видам инвентаря. Так, наиболее массовым материалом на городище является разнообразная керамика, которая делится на три группы: кухонная, столовая, тарная. За исключением столовой посуды (лощенные кувшины серо-черного цвета, кружки), она, в целом, отличается от керамики указанных районов. Здесь в комплексе представлен полный ассортимент типов и форм, распространенных на салтово-маяцких поселениях (степной — болгарский вариант) Нижнего Подонья, Восточной Таврики и степного Предкавказья⁴³. Керамика Хумаринского городища находит близкие аналогии в инвентаре хазарских поселений Дагестана⁴⁴, за исключением амфор, богато представленных в изучаемом памятнике. Амфоры для центральных районов Северного Кавказа и Дагестана, в целом, не характерны.

Помимо Хумаринского городища, они встречаются в болгарских поселениях Ставропольской возвышенности, которые стали известными благодаря работам А. В. Гадло⁴⁵. Это, с одной стороны, подчеркивает бесспорную этническую и культурную близость населения крепости с болгарским населением Предкавказья и, с другой стороны, указывает на интенсивность связей обитателей Хумары с Крымом и Приазовьем, откуда завозили амфоры.

Наиболее близкие аналогии наш памятник имеет с одновременными городищами салтово-маяцкой культуры. Он с ними сближается по всем элементам планировки, по характеру кладки крепостных стен, по форме жилых и хозяйственных построек, а также по инвентарю, о чем мы уже говорили.

Аналогичная техника кладки крепостных сооружений была принята в VIII—X вв. на территории салтово-маяцкой культуры. Так, стены Правобережного и Маяцкого городищ также сооружены из прекрасно обтесанных блоков, без фундамента, состоят из внешнего и внутреннего панцирей. Причем, камни, как и в Хумаре, уложены без раствора, регулярным чередованием «тычком» и «ложком». Эти памятники совершенно сближаются с нашим городищем по характеру отделки поверхности блоков, по дополнительной обработке блоков с лицевой стороны, по применению блоков с прямоугольными вырезами для выравнивания рядов кладки и по промазке швов известковым раствором⁴⁶. Хумаринское городище с памятниками Нижнего Подонья имеет самые близкие аналогии и по конструкции крепостных стен, башен и ворот.

Так, стены их, так же как и изучаемого памятника, были усилены башнями, завершались зубчатым парапетом, были снабжены бойницами. Ворота их, как и в Хумаре, сооружались между двумя башнями. Башни и там и тут были, как обычно, квадратной или прямоугольной формы⁴⁷. Техника кладки из тесаного камня в VIII—X вв. была также широко распространена в ранне-болгарских памятниках Болгарской Народной Республики, которые сближаются по инвентарю, как справедливо пишет С. А. Плетнева, с поселениями салтово-маяцкой культуры⁴⁸ и Хумаринского городища. Здесь, например, можно назвать такие средневековые города, как Плиска, Преслав и другие. Крепостные стены их, как и на Хумаре, возведены из тесаных блоков, причем они обработаны и сложены точно так же, как на Хумаринском городище⁴⁹. Более того, во всех указанных памятниках Нижнего Подонья и Болгарии, как и в нашем городище, найдены идентичные рунические надписи, знаки — тамги, различные рисунки⁵⁰, не характерные для аланских памятников Северного Кавказа, свидетельствующие о тюркоязычности их населения. Важно отметить, что, по мнению болгарского археолога Д. Дмитрова, который в 1979 г. специально приезжал и изучал памятники салтово-маяцкой культуры и наше городище, к памятникам Дунайской Болгарии особенно близка крепостная архитектура Хумаринского городища⁵¹. Причем рассматриваемая архитектура во всех указанных районах не имеет предшествующих традиций. Поэтому есть все основания считать архитектуру памятника явлением привнесенным, непосредственно связанным со строительством Хумаринской крепости. В этой связи возникает вопрос об истоках архитектурной традиции, воплотившейся в памятниках названных районов. С. А. Плетнева, анализируя крепостные сооружения салтово-маяцкой культуры, пришла к выводу, что жители Хазарского каганата технику обтески камня заимствовали из государств Закавказья⁵². Действительно, строительство крепостных (аналогичных) сооружений в средние века широко практиковалось в странах Закавказья, где каменная архитектура имеет древние многовековые традиции и к указанному времени достигает высокого уровня. Многочисленные города и крепости феодальных государств Закавказья имеют сложную планировку, мощную фортификацию, часто расположены в труднодоступных местах, и крепостные сооружения их, так же как и нашего памятника, возведены на высоком уровне из искусно обработанных камней.

В качестве примера можно привести такие памятники, как Дманиш, Уджарма, Вани, Ацкури, Хертвиси в Грузии⁵³, Гарни, Ани, Анбердская и Магасбердская крепости в Армении⁵⁴. Если учесть, что Хазария и Северный Кавказ в средние века имели тесные связи с народами Закавказья, можно допустить, что архитектура интересующих нас памятников связана со строительной традицией вышеназванного района. Но другие материалы Хумаринского городища не свидетельствуют о каких-либо связях со странами Закавказья. Население Хумаринского городища, как было отмечено, имело более оживленные связи с различными культурными центрами Северного Причерноморья. В этой связи важно отметить, что строительная техника нашего городища

имеет много общего с памятниками Крыма. Так, самые близкие аналогии с Хумарой имеет крепостная архитектура Херсонеса, Мангуп-Калы, Эски-Кермена, Чуфут-Калы и т. д. Для крепостных сооружений этих памятников, возведенных начиная с VI в., также характерна квадратная кладка по системе «тычков» и «ложков» из тесаных блоков⁵⁵. Правда, последние относятся к VI в. н. э., сооружены раньше, чем Хумаринская крепость. Но если учесть существование в рассматриваемый период тесных связей населения Хумары с Крымом и близость строительной техники названных памятников, на наш взгляд, нельзя исключать влияние архитектуры Крыма на нашу крепость. Тем более, в начале VIII в. в связи с арабской угрозой произошло сближение Хазарии и Византии⁵⁶.

Но если рассматривать вопрос шире, а именно в свете зарождения рассматриваемой архитектурной традиции, то следует предпочесть отдать Ближневосточному культурному региону, т. е. восточным провинциям Византии, ибо здесь (в Сирии и Малой Азии) она прочно бытовала еще в памятниках Римского времени⁵⁷. Очевидно, отсюда она проникла в страны Закавказья, Причерноморья, на Подонье и на Северный Кавказ.

Таким образом, при сооружении Хумаринской крепости использованы наиболее передовые фортификационные приемы того времени и учтен весь опыт строительной практики, уровень военной техники. На основании исследования последних лет можно сказать, что крепостные сооружения Хумаринского городища имеют все основные элементы передовой средневековой фортификации (большую оборонительную стену, протейхизм, сильно укрепленные ворота и вылазные калитки, неприступную цитадель, глубокий ров), характерные для крупных городов и крепостей Азии и Европы. По мощности и сложности планировки, а также по неприступности сооружений Хумаринское городище полностью отвечает рекомендациям Витрувия, Вегеция, Л. Б. и Кюи⁵⁸.

В этой связи представляет большой интерес вопрос — кем, когда и для каких целей была построена крепость. Сперва несколько слов о датировке памятника. Главным датирующим материалом является керамика.

Керамика Хумаринского городища, за исключением отдельных типов (кувшины), в целом отличается от аланской керамики Северного Кавказа и идентична керамике салтово-маяцкой культуры (степной—болгарский вариант). Она датируется VIII—X вв. нашей эры, следовательно, в этих рамках можно датировать и исследованные участки городища. Такой датировке не противоречат и другие материалы, собранные на исследованных участках городища.

Так, наконечник стрелы ромбовидной формы, найденный в верхнем слое раскопа «А», характерен для X в.⁵⁹ Этой дате не противоречат также приемы строительства крепостных сооружений, исследованных на Хумаринском городище, о чем уже говорилось выше.

То же самое можно сказать о юртах, полуземлянках и жилищах на каменном цоколе, открытых и исследованных в раскопе «А». Аналогич-

ные жилища известны опять-таки в памятниках салтово-маяцкой культуры⁶⁰.

Итак, крепость была сооружена в VIII в. и в X в. перестала существовать. Керамический комплекс, формы жилищ и приемы строительства крепостных сооружений, а также рунические надписи, найденные в процессе раскопок, свидетельствуют, что крепость была сооружена в эпоху господства в Юго-Восточной Европе Хазарского каганата, основное население которого составляли болгары.

Она была сооружена хазарами, как справедливо полагает В. А. Кузнецов, на важном стратегическом пункте в связи с усилением арабской угрозы, чтобы перекрыть перевальные пути из Закавказья на Север⁶¹. Строительство такой грандиозной крепости, не имеющей себе равной среди средневековых памятников района, сооруженных до и после нее, могло быть под силу только этносу, который обладал сильной государственной властью. Такой властью обладали в этот период на Северном Кавказе только хазары, подчинившие себе все остальные племена и народы. Последние не имели централизованной власти, и им не под силу было возведение такого мощного сооружения. В пользу постройки крепости хазарами свидетельствуют и хронологические рамки существования крепости. Возникновение и прекращение жизни в крепости по времени совпадают с расцветом и гибелью Хазарского каганата.

В период существования Хазарского каганата, особенно в период усиления арабо-хазарских войн, на многих пунктах Хазарии, заселенных различными народами, возникло большое количество крепостей, призванных защищать границы государства. Особенно много крепостей было сооружено в Дагестане⁶² и на Дону⁶³.

По словам М. Г. Магомедова, «арабским завоеваниям на Кавказе хазары противопоставили глубоко эшелонированную оборону, состоящую из многочисленных городов и крепостей»⁶⁴. Именно создавшаяся политическая ситуация в VII—VIII вв. была причиной возникновения Хумаринского комплекса, ибо арабы стремились овладеть перевалами через Кавказский хребет, проникнуть в степи и ударить в тыл хазар.

Глава III

ЖИЛИЩА, ОЧАГИ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Жилища являются одним из главных элементов материальной культуры любого народа. Изучение их дает ценный материал для решения ряда важных историко-социальных вопросов, позволяет судить о развитии культурного уровня народа, выявить особенности, характеризующие его этническую специфику. В этом плане большой интерес представляют жилища Хумаринского городища, открытые раскопками автора в 1977 и 1980 гг.

Все известные жилища городища, независимо от времени их функционирования, делятся на следующие группы: юрты, полуземлянки, турлучные и каменные наземные постройки.

§ 1. Юрты

Среди различных типов жилищ наиболее хорошо представлены юрты. Всего открыты остатки шести юрт. Они исследованы в 1980 г. в раскопе «А», все они близко примыкали к восточной стене городища с внутренней стороны. От них обычно сохраняются ямки от каркасов и очаги, углубленные в землю. Судя по ямкам, расположенным по периметру постройки, юрты имели в плане круглую или овальную форму с диаметром не более 3—4 м и предназначались для небольшой семьи. Диаметр ямок 0,05—0,10 м, глубина 0,15—0,20 м.

Очаги сооружались в центре постройки и имели тарелкообразную форму. Они слегка углублены в землю. Диаметр их от 0,5 до 0,7 м и заполнены золой и углями (рис. 30—3, 4, 5).

В некоторых случаях вокруг очага зафиксированы ямки от кольев-стоек для перекладины, на которой подвешивали котел.

В некоторых жилищах сооружен еще один очаг, в виде ямки. Их обычно заполняли горячими углями и раскаленными камнями, которые долго сохраняли тепло и обогревали помещение. По археологическим материалам трудно судить о конструкции и внутреннем устройстве описываемых построек. Но наш труд облегчается тем, что намного раньше, чем в Хумаре, аналогичные постройки в большом количестве

открыты в памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья. Материалы из этих районов обобщены в работах В. Д. Белецкого¹, И. И. Ляпушкина² и С. А. Плетневой³.

С. А. Плетнева в капитальном труде «От кочевий к городам», изданном в 1969 г., дает стройную классификацию жилищ названной культуры, в том числе юрт. По Плетневой, здесь представлены юрты двух типов: юрты, не углубленные в материк, и юрты, углубленные в материк.⁴

Юрты Хумаринского городища по всем деталям тождественны с постройками первого типа салтово-маяцкой культуры. Наши юрты, как и указанные постройки, не углублены в землю, в плане овальные или круглые. Они сближаются между собой и по форме и расположению очага, по размерам и другим деталям. Так, в некоторых постройках салтово-маяцкой культуры колья в пол вбиты не наклонно, а вертикально... Это свидетельствует о том, что бытовали юрты не только шалашобразные, но и решетчатые, т. е. сравнительно более благоустроенные.⁵ То же самое можно сказать о наших постройках. Так, в четырех постройках колья были вбиты в пол вертикально, в двух — наклонно. На основе тщательного анализа остатков юрт, открытых на памятниках названной культуры, С. А. Плетнева полагает, что они были аналогичны юртам, хорошо известным по письменным и этнографическим источникам, широко бытовавшим у различных степных народов, начиная с древности до недавнего времени включительно. По С. А. Плетневой, «это легкие наземные каркасные постройки, конусовидные или куцолообразные, крытые лубом или войлоком. В центре пола обычно помещается очаг. Дым выходит через отверстие в верху купола»⁶.

Тождественность всех элементов наших построек с юртами салтово-маяцкой культуры дает основание полагать, что они также соорудились по этой схеме.

Жилища описываемого типа не характерны для средневековых памятников Карачаево-Черкесии и центральных районов Северного Кавказа. Можно только отметить, что юрты указанного типа открыты в Нижнедзулатском городище И. М. Чеченовым в Кабардино-Балкарии, но они относятся к золотоордынскому времени.⁷ Но юрты, близкие к описанным, широко бытовали среди северокавказских ногайцев — прямых потомков степных тюркоязычных половцев. Они неоднократно были описаны исследователями⁸. У ногайцев Северного Кавказа существовали несколько типов юрт, из которых для нас наибольшее значение имеет постройка, называемая терме.⁹ Она «состоит из деревянного остова и кошм, покрывающих ее сверху. Основная часть остова — деревянная решетка терме (или терим) — образуется из нескольких, обычно из восьми отдельных частей — конат, скрепленных между собою шерстяными веревками (юн йип) или ремнями (туар кайс, сыйр кайс). Сверху в решетку втыкают и привязывают изогнутые у основания купольные рейки — уок... Верхний конец уок вставляется в деревянный круг тундук»¹⁰. Полусферическое навершие юрты называлось шагарак,

которое служило окном и отверстием для выхода дыма, очаг находился в центре юрты, тер напротив двери.¹¹

Как видно из приведенного текста, ногайская юрта по основным элементам близка хумаринским постройкам, что бесспорно свидетельствует об устойчивости древних традиций культуры.

Итак, юрты Хумаринского городища, сближающиеся с аналогичными постройками салтово-маяцкой культуры и различных степных народов, первые постройки, открытые на территории Карачаево-Черкесии. Они, по материалу, собранному в слое, где они залегают и внутри них, относятся к VIII—IX вв. н. э. Пока на территории городища исследована небольшая площадь, поэтому трудно сделать окончательные выводы. Но изучение стратиграфии раскопа и залегание юрт приводит к предположению, что эти постройки особенно были характерны для населения памятника в начальный период, в период постройки крепостных сооружений крепости. Об этом свидетельствует то, что на месте некоторых юрт позже появляются полуземлянки и каменные постройки. Очевидно, кочевые племена в начале заселения Хумаринского плато придерживались кочевых традиций, но постепенно освоили оседлый образ жизни и начали строить и другие типы жилищ. В этническом отношении эти постройки принадлежат, очевидно, хазаро-болгарским племенам, которые являлись основным тюркским населением Хумаринской крепости и степей Юго-Восточной Европы в VIII—X вв. н. э. В пользу принадлежности их указанным народам свидетельствует то, что юрты являлись характерной формой жилья хазаро-болгарских племен, что засвидетельствовано и в письменных источниках¹². Так, арабский историк Ал-Истахари,¹³ описывая столицу хазар город Семендер, писал: «Постройки этого города — войлочные палатки, за исключением некоторых жилищ, выстроенных из глины». В пользу нашего предположения говорит и близость юрт Хумары с постройками Подонья, Приазовья, где также обитали указанные племена.

Наконец, об этом же свидетельствует то, что юрта широко бытовала в среде различных тюркоязычных народов Евразийских степей и сохраняется и поныне у казахов, киргизов, ногайцев и других народов.¹⁴

§ 2. Полуземлянки

Всего открыто две полуземлянки в 1977 г.¹⁵ и в 1980 г. на раскопе «А». Они представляют собой постройки четырехугольной формы с закругленными углами, углубленные в землю от 0,25 м до 1,00 м. Размеры 4,10×3,50 м; 3,80×3,70 м (рис. 30—1, 2). Вдоль стенок построек с внутренней стороны по периметру сохранились ямки (гнезда) от вбитых в пол жердей и колышков. Все ямки примерно имеют одинаковый размер и глубину (диаметр 10—13 см, глубина 0,20—0,40 м). Пол в землянках глинобитный, плотно утрамбованный. Вход в жилище, судя по полуземлянке, исследованной в 1977 г., сооружался в западной стене. Он представлял собой ступеньки, сделанные на

материковом грунте¹⁶. У одной из стенок (обычно у восточной или северной) имеется небольшое углубление (размерами 1,00×0,25 м). Очевидно, они имели хозяйственное назначение, где хранились различные продукты. Очаг в полуземлянках, как и в юртах, сооружали в центральной части постройки. Они имеют в плане чашеобразную форму, углублены в землю на 5—6 см с диаметром 0,30—0,40 см. Они имели самую несложную конструкцию и представляли собой очаг открытого типа. В полуземлянке, открытой в 1980 г. на южной части раскопа «А», в центральной части постройки открыт очаг-ямка, расширенный в нижней части (рис. 24), с диаметром 1,10 м, глубиной — 0,30 м. Дно очага выложено камнями-гальками по периметру. На камнях-гальках имеется тонкий слой золы. Очевидно, он предназначался для обогрева помещения—раскаленные камни долго сохраняли тепло. Аналогичные очаги были открыты в жилищах салтово-маяцкой культуры. По мнению С. А. Плетневой, они имели обогревательные цели¹⁷.

Как видно из описания, полуземлянки отличались от юрт тем, что основания их углублены в землю и имеют четырехугольную форму. По всем остальным элементам конструкции, по форме и расположению очага они ничем не отличаются от построек первого типа. Несмотря на углубленность в землю, жилища имели каркасные легкие стены. Об этом убедительно свидетельствуют ямки от кольев по периметру построек, идущие примерно на одном расстоянии друг от друга. В полуземлянках, так же как и в юртах, очаги расположены в центре постройки, которые сближаются и по конструкции.

Для настоящей полуземлянки, как справедливо пишет С. А. Плетнева, характерны не только углубленность, но «и постройка остова стен и крыши из толстых бревен»¹⁸, чего нет в наших жилищах. Описанные жилища типологически близки к юртам и отражают определенную стадию перехода от кочевнических форм жилища-юрты к оседлым типам построек. Причем некоторые из них сооружены на месте, где до них бытовали юрты. Так, полуземлянка, о которой только что шел разговор, была сооружена там, где раньше стояла типичная юрта.

Хумаринское плато, где находится городище, расположено высоко, и зимой здесь сравнительно холодно. Видимо, поэтому жители начали строить углубленные в землю постройки, более теплые, чем юрты. Возможно, здесь сказывалось и влияние местного оседлого населения на степное тюркоязычное население.

Найденные в заполнении полуземлянок и хозяйственных ям, расположенных рядом с жилищами, обломки горшков, амфор, кувшинов аналогичны керамике, обнаруженной в других участках слоя VIII—X вв. н. э. Они позволяют датировать рассматриваемые постройки указанным временем, но предпочтительнее их отнести к IX—X вв. н. э., учитывая их более позднее сравнительно с юртами возникновение.

В средневековых памятниках Восточной Европы, в том числе и на Северном Кавказе, полуземлянки широко распространены и давно хорошо известны. Постройки, углубленные в землю, или полуземляночные сооружения известны и в средневековых памятниках Карачаево-Черкесии. Так, на Кубинском и Тамгацкском поселениях встречены построй-

ки, под которых был ниже уровня материка¹⁹. Аналогичная постройка была открыта и нами в 1978 году на Джамагатском поселении²⁰. Но их стены, т. е. наземная часть, сооружены из камня. Постройки типа расматриваемых в целом не характерны для средневековых памятников Карачаево-Черкесии.

Сопоставительное изучение остатков вскрытых сооружений позволило установить, что по размерам, конструкции, внутреннему устройству и по назначению исследованные постройки тождественны аналогичным жилищам салтово-маяцкой культуры.

Так, постройки указанного типа открыты на Правобережном Цимлянском городище и Дмитровском селище²¹. При классификации построек салтово-маяцкой культуры, С. А. Плетнева их отнесла к жилищам типа III и называет юртами-полуземлянками²².

К этому типу построек относятся исследованные нами жилища. Правда, юрты-полуземлянки указанной культуры отличаются от наших по форме. Они в плане круглые, а наши, как было сказано выше, имеют четырехугольную форму. Но опять, по планировке наши постройки сближаются с полуземлянками первого типа, по С. А. Плетневой, средневековых памятников Нижнего Дона, синхронных и близких по материалу Хумаринскому городищу. Названные полуземлянки, как и Хумаринские постройки, имеют квадратную, реже — прямоугольную форму. Они также углублены в землю, нередко очаг располагался в центре постройки²³.

Итак, постройки рассмотренного типа типологически близки к юртам и находят самые близкие аналогии в жилищах салтово-маяцкой культуры. Важно отметить, что эти постройки двух районов также сближаются по материалу, найденному в них, что свидетельствует не только об общности культуры, но и об этнической близости населения их.

§ 3. Наземные жилища

К наземным жилищам относятся постройки, стены которых выстроены из камня, глины и турлука. По строительному материалу и конструкции стен среди них можно выделить два типа.

К I-му типу относятся жилища со стенами из турлука, обмазанного с обеих сторон глиной. Всего на городище открыты две постройки указанного типа — в 1975 и в 1980 гг.

В 1975 г. в юго-восточной части раскопа «А» были расчищены фрагментарные следы турлучной постройки, погибшей в пожаре. Они представляли отдельные скопления различных кусков глиняной обожженной обмазки, горелой, относительно плотной белесой глины, мелкой гальки и осколков камней, а также скопления небольших песчаниковых плиток со следами пребывания в огне, перемешанные с частицами угля и золы. Большая часть кусков глиняной обожженной обмазки имела достаточно хорошо прослеживаемые отпечатки в виде изогнутой полосы, имеющей у основания ширину 1,40 м, длину около 4 м, ориентированной с востока на запад.

Несмотря на отрывочность данных, зафиксированные на участке куски глиняной обмазки с отпечатками турлука свидетельствуют о том, что это остатки сгоревшей наземной турлучной постройки, обмазанной с обеих сторон глиной. Следовательно, стены ее были сооружены из плетня, обмазанного глиной.

В силу плохой сохранности постройки, трудно судить о планировке, конструкции стен и кровли ее. Отсутствие внутри нее очага дает основание предполагать, что это было не жилое помещение, а постройка или навес хозяйственного назначения. Такое предположение подтверждается и расположением данного помещения по отношению к жилым постройкам на этом участке городища. С юго-запада и севера к указанной постройке довольно близко примыкают юрты и полуземлянки. Очевидно, эти комплексы жилых и хозяйственных построек представляли собой отдельные дворы или усадьбы.

Сравнительно лучше сохранилась постройка, исследованная в 1980 году. Она также представляет собой наземную турлучную постройку, обмазанную глиной. Об этом свидетельствуют куски обожженной глины с отпечатками турлука, обнаруженные в процессе расчистки постройки. Но последняя отличается от первой тем, что она имела каменный цоколь или фундамент.

Цоколь, выложенный из плит местного известняка, сохранился в один ряд (рис. 30—4). Он был уложен прямо на древнюю дневную поверхность. Постройка в плане имеет круглую форму с диаметром 3,4 м. Пол жилища земляной, хорошо утрамбованный и обмазан желтой глиной. Очаг — тарелкообразной формы, углубленный в землю, располагается в центре постройки.

Под каменными плитами, составлявшими фундамент или цоколь, выявлены ямки от кольев, располагавшиеся по периметру постройки. Диаметр их колеблется от 0,15 до 0,20 м. Выявленные элементы планировки и конструкции постройки дают основание предполагать, что она представляла собой остатки глинобитной постройки (т. е. турлучной постройки, обмазанной глиной) на каменном цоколе, шалашеобразной формы, типологически близкой вышеописанному помещению. Оба они вскрыты в слое VIII—X вв. н. э. и, соответственно, должны быть датированы этим периодом. В пользу такой датировки говорят обломки керамики и железные ножи, обнаруженные в них.

В средневековых памятниках Карачаево-Черкесии постройки описанного типа встречаются довольно часто. Так, турлучные постройки на каменном фундаменте открыты в Тамгацикском поселении. По мнению Е. П. Алексеевой, стены построек (особенно на селищах) были турлучные.²⁴ Турлучные постройки хорошо представлены и в памятниках других районов Северного Кавказа. Так, турлучные постройки, наряду с юртами, широко были распространены в поселениях VII—VIII вв. Дагестана, отождествляемые М. Г. Магомедовым с хазарскими городищами²⁵. Факт бытования построек указанного типа в хазарских памятниках Дагестана зафиксирован и в письменных источниках.

Так, о жилищах, выстроенных из глины, сообщает арабский иссле-

дователь Истахри при описании города Семендера²⁶. Важно отметить, что постройки, выстроенные из плетня, обмазанного глиной, на Северном Кавказе бытуют с эпохи бронзы и сохраняются до позднего средневековья. Так, они в большом количестве открыты в поселениях кобанской культуры на территории Чечено-Ингушетии²⁷.

Наземные жилища, выстроенные из дерева, глины, богато представлены и в памятниках VIII—IX вв. салтово-маяцкой культуры Подонья и Приазовья. Жилища указанной культуры отличаются тем, что стены их выстроены из тростника, что объясняется отсутствием леса в степных районах Подонья и Приазовья. По другим элементам конструкции стен и планировке они имеют много общего с нашими постройками. Так, они, так же как и хумаринские постройки, были обмазаны с обеих сторон, имели материковый пол. Кровля их опиралась на столбы, врытые в пол или просто упирающиеся в него. Очаги их, как и у нас, тарелкообразные и сооружались в центре жилища²⁸. Важно отметить, что в VIII—IX вв. в Приазовье, Подонье и в Восточном Крыму широко бытовали наземные постройки на каменных цоколях²⁹. За пределами СССР глинобитные постройки были распространены на поселениях изучаемого времени Болгарской Народной Республики³⁰, куда эту традицию занесли тюркоязычные болгары, этнически близкие населению Хумаринского городища. Вышеприведенные аналогии позволяют полагать, что рассмотренные жилища также оставлены тюркоязычными хазаро-болгарскими племенами, перешедшими к оседлой жизни в условиях Северного Кавказа, ибо такие постройки характерны для всех оседающих на землю кочевых народов³¹. По мнению большого знатока истории тюркских народов Восточной Европы С. А. Плетневой, в глиняных домах жили наиболее бедные жители, не имевшие достаточного количества скота для изготовления войлока, покрывавшего каркас юрты³².

Ко II-му типу относятся постройки, целиком выстроенные из камня. Всего выявлено 4 постройки разной степени сохранности. Из них остатки 3 строений относились к первому этапу жизни поселения (VIII—VI вв. до н. э.), т. е. к эпохе бронзы, а остатки I — стратиграфически соответствовали самому позднему этапу третьего периода (VIII—X вв. н. э.) жизни памятника. Принципиальных различий в конструкции ранних и поздних построек нет. Все выявленные остатки принадлежали к одному типу наземных каменных построек, сложенных из рваного камня местной породы. Форма домов раннего периода была неправильной — четырехугольной и овальной. Постройка третьего этапа имеет четырехугольную форму, ее стены сохранились на высоту 0,75 м при ширине 0,55 м, длине 3,50 м. В центре постройки была сооружена хозяйственная яма. Отсутствие очага в постройке дает основание предполагать, что это здание имело хозяйственное назначение (рис. 30—6).

Размеры помещений раннего периода из-за плохой сохранности их трудно определить, за исключением постройки, исследованной в раскопе № 3, к востоку от городища. Указанная постройка с размерами 8×12 м была сооружена на южном склоне холма-цитадели и была ориентирована с юго-запада к северо-востоку. Стены, сохранившиеся на 0,35 м, сложены из рваного бесформенного камня. Пол материковый,

плотно утрамбованный. Внутри помещения, на юго-восточном углу его, сохранился развал очага, углубленного в землю и выложенного камнями и обломками зернотерок. Основание очага (диаметр пятна 0,20—0,30 м) сильно прокаленное, много угля, золы, кусков обожженной глины. О форме перекрытия постройки трудно судить, но можно предположить, что она была плоской, покрыта хворостом и землей и глиной. Возможно, слой древесного угля и куски обожженной глины, зафиксированные внутри здания, являются остатками обвалившейся крыши. Помимо того, такое закрытие крыши жилища прочно бытовало в памятниках Карачаево-Черкесии³³.

Большие размеры постройки показывают, что она предназначалась для большой патриархальной семьи. Итак, каменные постройки, открытые на городище, в основном относятся к VIII—VI вв. до н. э. и принадлежат местному кавказоязычному населению, имеющему прочную оседлую жизнь. Каменные дома в целом не характерны для оседающих кочевников VIII—X вв. Каменные постройки выполнены кавказскими домостроительными приемами.

К сожалению, жилища, относящиеся к IV—VII вв. н. э., на городище не выявлены. Но остатки их хорошо прослеживаются на территории открытого поселения, на склонах балки Инал. Они также представляют собой остатки каменных построек четырехугольной и круглой формы. Подъемный материал, главным образом керамика, из поселения относится суммарно к IV—XI вв. н. э. Очевидно, здесь в указанный период обитало местное и аланское население, строившее дома и хозяйственные постройки из камня.

Каменное строительство в условиях Северного Кавказа глубоко традиционно и имеет преемственность от более ранних памятников края. На территории Карачаево-Черкесии еще в эпоху ранней бронзы строили каменные гробницы, склепы, и монументальные дольмены. Но каменное строительство особенно широко было распространено в Карачаево-Черкесии в средние века. В этот период жилые и хозяйственные постройки района преимущественно строились из рваного или обработанного камня насухо или на растворе.

Так, каменные дома и хозяйственные постройки открыты в Узунколском, Адниухском, Гилячском городищах Т. М. Минаевой³⁴. Исключительно из камня строились различные здания Нижнего Архыза³⁵. Аналогичные жилые и хозяйственные постройки, по нашим наблюдениям, характерны Красновосточному, Красногорскому, Каракентскому, Байтал-Чапканскому, Учкурскому, Амгатинскому и другим многочисленным городищам и поселениям района. Причем, как показали результаты изучения средневековых памятников края, каменные постройки преимущественно сосредоточены на территории открытых поселений крупных городищ.

Что касается небольших поселений, расположенных в глубоких горных ущельях и урочищах, то там здания строились исключительно из камня (Гидам, Ачитара, Индыш, Джалан-Кол). Каменные жилища средневековых памятников Карачаево-Черкесии по конструкции стен делятся на два типа:

Наземная постройка и здания, пол которых был ниже уровня материка. Постройки большинства названных памятников относятся к первому типу. Постройки, пол которых был ниже уровня материка, открыты в Кубинском и Тамгацикском поселениях.³⁶

Жилище указанного типа открыто нами в 1978 г. в Джамагатском поселении в Тебердинском ущелье.

Таким образом, на городище строили несколько типов жилищ: юрты, полуземлянки, турлучные и каменные постройки. Каменные постройки восходят к кавказским строительным традициям и наиболее характерны для первого и второго периода существования памятника и населению посада в VIII—X вв. Основными носителями традиции каменного строительства являлись местное население и аланы, испытывавшие сильное культурное влияние первых.

Наибольшим разнообразием отличаются жилища третьего периода, что соответствовало потребностям местного феодального общества. По мнению С. А. Плетневой, «Это явление типично для всех кочевых народов во все времена»³⁷. Такое разнообразие характерно для жилищ памятников салтово-маяцкой культуры,³⁸ синхронных и родственных Хумаринскому городищу.

Для городища наиболее характерны были юрты — традиционная кочевническая постройка. Преобладание их над другими жилищами, несмотря на оседлый образ жизни населения, на мой взгляд, убедительно свидетельствует в пользу тюркоязычности населения, обитавшего внутри городища, и о устойчивости специфических черт их культуры.

§ 4. Хозяйственные ямы

На городище часто встречаются ямы хозяйственного назначения (рис. 30—7—12). Все они, за исключением одной, относящейся к раннему средневековью,³⁹ связаны с третьим этапом жизни и выявлены внутри городища. Они располагались рядом с жилищами или внутри них у стен и очагов.

Они вырыты в материковой глине и имеют конусовидные формы, дно тщательно выровнено. Ямы имели узкую горловину и широкое дно. Размеры ям: глубина 0,4—1,50 м, диаметр устья 0,7—1,30 м, диаметр дна 1,20—1,70 м. Часть хозяйственных ям были заброшены и превращены в мусорные еще раньше, чем перестало существовать поселение. Они обычно заполнены костями животных и битой керамикой вперемешку с углями и золой.

Ямы использовались различно. В них хранили зерно, держали различные животноводческие продукты (молоко, айрын, сыр курт). В ямах часто попадаются почти целые сосуды: горшки, кувшины, амфоры.⁴⁰ Видимо, в этих ямах хранили молочные продукты и запасы воды.

В двух полуземлянках у стен открыты, помимо ям, небольшие углубления.⁴¹ Очевидно, они служили для хранения продуктов повседневной необходимости.

Хозяйственные ямы рассмотренных типов широко распространены повсеместно и в памятниках разных эпох⁴². По мнению В. А. Кузнецова, для памятников западного варианта аланской культуры хозяйственные ямы, вскрытые в материке, не характерны⁴³. Но хозяйственные ямы хорошо представлены в средневековых памятниках Карачаево-Черкесии. Так, они открыты Т. М. Минаевой в Кубинском городище, Е. П. Алексеевой в Тамгацикском поселении, нами в Джамагате.

§ 5. Святилище

Важным результатом работ на городище является открытие остатков святилища, расположенного между первой и второй оборонительной стеной крепости. В связи с уникальностью его для Северного Кавказа остановимся на нем более подробно.

В 1974 г. с внешней стороны большой стены были расчищены остатки квадратной каменной постройки, занимавшей площадь $6,20 \times 7,00$ (рис. 31). Постройка была возведена под углом около 15° к линии стены и ориентирована в разрезе с основными архитектурными сооружениями данного участка — башней и стеной. Расстояние между стеной и юго-западным углом постройки 0,66 м, между северо-западным углом и стеной — 3,10 м. Постройка была возведена, вероятнее всего, после завершения строительства оборонительной стены. Подошва ее западной и южной стен (юго-западный угол) лежит несколько выше уровня подошвы оборонительной стены, и под них уходит прослойка песчанистого щебня, которая, вероятнее всего, осталась от больших строительных работ по сооружению оборонительного комплекса. Постройка была возведена без фундамента на освобожденную от дерна поверхность склона, и нижние ряды их кладок повторяют его рельеф. Ширина этих стен соответственно равна: 1,00 м, 0,75 м, 0,80 м. Кладка северо-западной и юго-западной стен состоит из двух лицевых рядов камня, настолько подогнанных один к другому, что между ними практически нет места для забутовки. Камни клались насухо, но швы между ними частично были промазаны известковым раствором, подобным тому, который употреблялся при строительстве оборонительной стены. Кладка северо-восточной стены представляет два панцирных ряда уплотненных блоков, в середину между которыми был засыпан бут, кладка также сделана насухо. Наиболее характерные размеры блоков, использованных в кладках этих стен: $0,50 \times 0,35 \times 0,30$ м; $0,50 \times 0,40 \times 0,20$ м; $0,40 \times 0,30 \times 0,20$ м (рис. 31).

От юго-восточной стены сохранилось лишь несколько камней, которые прослежены по краю горизонтальной площадки, поднятой до уровня поверхности внутри постройки. Размеры площадки: длина 5—10 м, ширина — 1,30 м. Площадка была вымощена мелким бутом. Юго-восточная стена опиралась на подпорную стену (крепиду), которая началась у северо-восточного угла постройки, проходила под стеной и продолжалась за пределами постройки в направлении башни.

Внутри постройки, в центральной части ее, на равном расстоянии от стен, был выделен квадратный участок площадью $2,50 \times 2,40$ м, обрамленный с юго-запада, северо-запада и северо-востока двойным рядом плит, поставленных на «образок» (рис. 3). С юго-востока, т. е. со стороны площадки, опирающейся на подпорную стену, внутрь квадратного участка вела ступенька, образованная плитами внешнего ряда обрамления, поставленными, так же как и другие плиты, «на образец», и плитами внутреннего ряда, положенными плашмя.

Пол внутри помещения за пределами выделенного квадрата прослеживался с большим трудом, поскольку остатки постройки дошли до нас в сильно деформированном состоянии. Тем не менее удалось проследить, что мощеная площадка в юго-восточной части была несколько выше пола между обрамлением квадрата и стенами (разница около 0,20 м). Квадрат представлял собой утрамбованную поверхность из суглинка и крошки песчаника. Внутри квадрата пол оказался земляным с большим содержанием золисто-углистой супеси, при его зачистке обнаруживались слабо выраженные, но достаточно определенные пятна горения, угля и золы. Внутри постройки было сделано исключительно мало находок: при разработке завала и расчистках пола встречались единичные фрагменты красноглиняных амфор IX—X вв., обломки лощеных сосудов, среди которых преобладали фрагменты раннесредневековой столовой керамики, единичные фрагменты костей животных (некоторые со следами пребывания в огне).

При расчистке участка вдоль северной стены святилища, около его восточного угла был обнаружен небольшой зольник (диаметр 0,30 см, мощность 0,11 см), состоящий из чистой золы и золисто-землистой супеси. Среди этой массы было найдено железное кресало простой эллипсоидной формы. Можно предполагать, что зольник образовался в результате выброса золы из святилища. Вновь проведенная зачистка внутренней площадки в центре святилища показала, что на ней, без сомнения, разжигался огонь, который, однако, не представлял собой простого костра, так как камни, ограждающие площадку, не имеют следов действия прямого и сильного огня. Вместе с тем, в земле, заполнявшей площадку, были видны небольшие красноватые и серовато-белесые остатки золы. Невольно возникает предположение, что на площадке священный огонь возжигался в специальных курильницах или на особых жертвенниках. Угли, зола после совершения ритуала регулярно выносились за пределы святилища и сыпались в одном месте — около его северо-восточного угла.

В 1975 г. при исследовании святилища нами (А. В. Гадло, Х. Х. Биджиев) была сделана попытка получить более определенное представление об участке, находящемся между квадратом, где возжигался огонь, и восточной стеной. Это место соответствует айвану в зороастрийских храмах. К сожалению, его конструкцию не удалось изучить. Весь камень, покрывающий площадку, оказался раскрошенным, а его блоки утратили свою первоначальную форму, что могло произойти по ряду причин:

1. Площадка (айван) могла подвергаться усиленному действию ветров и дождевых потоков.

2. На площадке могли концентрироваться молящиеся, и, следовательно, выстилающий ее камень мог разрушиться от хождения по нему.

3. Наконец, в более позднее время здесь была проложена дорога, пожалуй, основное, что разрушило айван святилища. Нам, однако, удалось вновь подтвердить прежнее наблюдение, что вход в святилище был расположен в южной части площадки и что в святилище вела лесенка, имевшая несколько ступеней (ее ширина 1,15 м). Оказалось также, что айван был действительно вымошен.

Внутри постройки находок было мало: встречались фрагменты красноглиняных амфор VIII—X вв., обломки столовой керамики, единичные фрагменты костей животных (некоторые со следами пребывания в огне). Недалеко от святилища, в юго-западной части, были обнаружены скопления костей животных, обломок правой верхней челюсти человека, трехгранная кость запястья, фрагментированный чернолощенный кувшинчик с прочерченным на поверхности тамгообразным знаком в виде кружка с отходящими вниз в разные стороны двумя черточками — угольниками. Следует особенно подчеркнуть почти полное отсутствие культурных остатков в районе святилища, так резко контрастирующих с обилием их в слое, примыкавшем к стене с внутренней стороны.

Топографическое положение постройки и ее планировка заставляют нас предполагать ее необычное, не бытовое назначение. Постройка расположена вне внутренней территории поселения, между первой и второй линиями обороны. Постройка ориентирована преднамеренно вразрез с ориентировкой оборонительных сооружений, ее юго-восточная сторона направлена строго (видимо, не случайно) в сторону летнего восхода солнца. Возведение постройки и подпирающей ее крепиды должно было потребовать значительных усилий и достаточно квалифицированного коллектива строителей. Постройка реконструируется как помещение зального типа с открытой внутрь галереей — айваном. Вход в нее находился в юго-западной стене, где подход к нему обозначен камнями — продолжением крепиды. Возможно, здесь был подъем пандуса, который приводит на галерею — айван.

Все вышеприведенные наблюдения дают право предполагать культурное назначение постройки. Планировка позволяет сопоставить ее с зороастрийскими храмами, в которых центральное положение занимал стабильный или переносный жертвенник с горящим огнем, ориентированный на солнечный восход. Если наше предположение верно, то представляется весьма интересным, что возникло святилище не ранее VIII в., т. е. в период разгрома арабами основных центров зороастризма. Он мог быть разрушен раньше гибели всего поселения и раньше начала разрушения крепостных стен, но он, несомненно, существовал в начальный период бытования поселения, в период постройки оборонительной линии вокруг горного отрога Калез, который продолжался, как свидетельствуют наблюдения, не одно десятилетие.

Хумаринское святилище не имеет каких-либо близких аналогий среди синхронных памятников Северного Кавказа. Можно отметить только краткое сообщение В. Г. Котовича о том, что в Урцеском городище — в древней столице гуннов Дагестана — открыт храм огнепоклонников с постоянно горящим священным огнем в центре⁴⁴. Но материалы его не опубликованы, поэтому трудно проводить какие-либо аналогии. Недавно храм указанного типа открыт экспедицией С. А. Плетневой в Маяцком городище,⁴⁵ на Дону.

Наконец, тождественный нашей постройке храм был открыт в первой столице Дунайской Болгарии — в Плиске, который после принятия христианства был переустроен в христианский храм. Храм из Плиски, так же как и Хумаринский, представляет собой в плане квадрат в квадрате. Его стены сложены точно из таких же блоков, как в Хумаре. По мнению болгарских археологов, он является языческим святилищем протоболгар.⁴⁶

Храмы и святилища указанного типа, т. е. квадрат в квадрате, были широко распространены в Иране и Средней Азии,⁴⁷ где бытовала в древности зороастрийская религия. Можно предположить, что Хумаринское святилище генетически восходит к ним.

В этой связи заслуживает внимания мнение Б. Н. Заходера о том, что хазары, которые жили близко к району распространения иранской культуры, могли быть магами.⁴⁸ Возможно, часть населения Хумары проповедовала эту религию. Но не исключено и другое, а именно — население памятника могло соорудить языческие святилища по типу иранских храмов. Что касается культа огня и солнца, то он также широко распространен среди тюрков и кавказских народов. В целом, вопрос о назначении святилища остается открытым до накопления новых материалов.

Глава IV

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ОБРЯД

Для изучения погребальных обрядов населения Хумары мы располагаем большим материалом — здесь представлены различные типы погребальных сооружений: каменные ящики, гробницы, склепы, скальные, грунтовые, подбойные и катакомбные погребения. Благодаря этому нам представляется возможным дать суммарную характеристику типов погребальных сооружений, попытаться разобраться в особенностях обычаев, связанных с погребением умерших, а также религиозных представлениях населения памятника.

§ 1. Каменные ящики

Большинство погребальных сооружений указанного типа располагаются к северу от городища, на склонах балки Инал и юго-восточном склоне холма-цитадели, где в 1980 г. в раскопе № 3 были исследованы три могилы. Одно погребение исследовано в раскопе «А» в 1980 г.

Они представляют собой грунтовые ямы четырехугольной формы, обставленные по всем сторонам стенок плитами и перекрыты одной или несколькими обработанными или рваными плоскими плитами. Могилы эти залегают относительно неглубоко, не более 0,4—0,6 м от дневной поверхности. Каменные ящики, судя по их размерам (1,20×0,5 м; 1,30×0,6 м и т. д.), предназначались для одиночных захоронений и имели неустойчивую ориентировку (рис. 32—б, в). К сожалению, погребения могильника на балке Инал давно разрушены, поэтому невозможно говорить о погребальном обряде и точно установить время памятника.

В двух каменных ящиках, расчищенных нами, найдены фрагменты сероглиняной керамики, характерной для IV—VII вв. н. э. Это позволяет каменные ящики из балки Инал отнести суммарно к раннему средневековью.

Как было указано выше, два из трех погребений, исследованных в раскопе № 3, — детские, без вещей. Другой каменный ящик ориентирован с юго-востока на северо-запад, но он тоже без вещей. Но, по всем данным, они сближаются с могилами первой группы, и, видимо, они синхронны.

Каменный ящик из раскопа «А» конструктивно не отличается от других аналогичных сооружений. Но стратиграфически относится к VIII—X вв. Несмотря на то что могила не содержала покойника, материалы, найденные в нем (керамика), тождественны керамике указанного слоя. Поэтому его можно отнести к третьему периоду жизни городища.

К юго-западу от городища, на склонах балки Шугара, имеется другой могильник из каменных ящиков более раннего времени. Судя по сероглиняному горшку с нарезным орнаментом из разрушенного погребения, могильник относится к эпохе поздней бронзы. Такие могилы часто встречаются в памятниках Карачаево-Черкесии¹ и всего Северного Кавказа² и являются для названного района глубоко традиционными, ибо они бытовали еще в эпоху бронзы.³

§ 2. Подземные гробницы

Подземные гробницы расположены в юго-западной части склона балки Инал. Они в плане представляют собой вытянутый четырехугольник. Стены гробниц сложены из битого или слегка подтесанного камня и сверху перекрыты несколькими толстыми плитами. Они имеют различные размеры (длина от 2 до 4 м, ширина от 1 до 2 м, высота от 1 до 1,5 м), что, очевидно, связано с социальным положением погребенных: обычно большие гробницы сооружали для знатных лиц, маленькие — для рядовых членов общества (рис. 33).

К сожалению, они давно разрушены, поэтому трудно установить погребальный обряд и время бытования подземных гробниц. Но можно отметить, что большинство гробниц были ориентированы с юго-запада на северо-восток или с юга к северу. Следовательно, покойники были ориентированы к северо-востоку или к северу, ибо склон имеет сильный уклон к югу и они в эту сторону головой не могли быть направлены.

У некоторых сооружений, расчищенных нами, имеются ниши, лежащие вдоль длинной стены, и дно могилы выстлано тонкими плитами (редко). Надо полагать, что в древности эти погребения на поверхности земли чем-то обозначались, что впоследствии помогало грабителям найти их.

Судя по различным размерам и количеству костей внутри сооружений, гробницы предназначались для одиночных, парных и коллективных захоронений.

В одной из расчищенных нами гробниц найдены стеклянные и пастовые бусы, а также фрагменты чернолощенной керамики, в том числе зооморфная ручка от сосуда в виде животного. Несмотря на фрагментарность, они позволяют отнести подземные гробницы к средним векам, хотя невозможно точно установить хронологические рамки бытования их.

В Карачаево-Черкесии подземные гробницы описанного типа в средние века являлись одним из характерных погребальных сооружений. Так, аналогичные гробницы исследованы Т. М. Минаевой в Гилячском, Адиюхском городищах, Узун-Колском поселении, в Усть-Тебердинском

могильнике и в других памятниках Карачаево-Черкесии, суммарно датирующихся IV—XII вв. н. э.⁴

Подземная гробница XI—XII вв. указанного типа была исследована В. А. Кузнецовым против поселка Нижний Архыз в 1956 г.⁵ Аналогичные погребальные сооружения на территории Карачаево-Черкесии были открыты еще до революции В. М. Сысоевым.⁶

Археологической экспедицией КЧНИИ, возглавляемой автором, гробницы указанного типа открыты в Тебердинском ущелье (Амгата, Ачитара, Джингирик и т. д.), в ауле Новый Карачай, в Каракентском городище и в ряде других пунктов.⁷

Важно отметить, что гробницы указанного типа имеют в Карачаево-Черкесии глубокие местные корни и бытуют еще в эпоху бронзы. Так, в 1976 и 1981 гг. у аулов Кубина и Бесленей нами исследованы каменные гробницы описанного типа, относящиеся к II тыс. до н. э.⁸

Наконец, подземные гробницы широко бытовали в прошлом и в других районах Северного Кавказа.⁹

§ 3. Подземные склепы

Наряду с каменными ящиками и гробницами в поселении в IV—X вв. н. э. были довольно богато представлены подземные склепы. В конструктивном отношении и по размерам они очень близки подземным гробницам, стены их тоже сложены из битого или подтесанного камня, сверху покрывались каменными плитами и присыпались землей, в плане имели четырехугольную форму. Но, в отличие от гробниц, они в передней стене имеют входное отверстие. Поскольку склепы, как и гробницы, расположены на крутом склоне балки Инал, их отверстие сооружено в середине южной стены. Склепы ориентированы преимущественно с юга к северу с сезонными отклонениями. Размеры их различны: длина 3—4 м, ширина—1,5—2 м, высота 0,7—1,2 м. В настоящее время все они ограблены и разрушены. Поэтому трудно что-либо сказать о погребальном обряде и положении костяков, а также о времени бытования их. Можно только отметить, что они в могильнике расположены вперемежку с каменными ящиками и подземными гробницами, что свидетельствует о их одновременности и принадлежности к одному этносу. В целом они, как уже отметили, по строительным приемам связаны с гробницами и «конструктивно полуподземные склепы составляют как бы переходную ступень от грунтовых каменных гробниц к надземным склепам».¹⁰

Аналогичные сооружения широко распространены на территории Карачаево-Черкесии и хорошо известны¹¹ по работам В. М. Сысоева, Т. М. Минаевой, Е. П. Алексеевой и В. А. Кузнецова. Склепы указанного типа широко распространены также в других районах Северного Кавказа.

На западной пологой части отрога над балкой Инал располагается подземный склеп, который по конструкции отличается от только описанных. Он имеет в плане круглое основание и куполовидный верх,

т. е. выстроено в форме юрты. Размеры: диаметр — 4 м, высота — 2,5 м. Вход четырехугольной формы устроен на западной стороне склепа и сверху перекрыт толстыми плитами. На юго-восточной части склепа имеется ниша. Стены склепа сложены из хорошо обработанных плит регулярной кладкой на известковом растворе. Кладка осуществлена строго регулярными рядами и свидетельствует о высокой строительной технике мастера, строившего склеп (рис. 34). При всем разнообразии погребальных памятников Карачаево-Черкесии, склепы указанного типа не известны до сих пор на рассматриваемой территории. К сожалению, склеп ограблен, и трудно определить время сооружения. Можно только отметить, что он был возведен не ранее VIII в., ибо в каменных постройках края известковый раствор как связывающий материал стали использовать не ранее указанного времени.

В целом каменные ящики, гробницы и склепы — кавказский тип погребальных сооружений и оставлены местными племенами, которые в IV — V вв. обитали на Хумаринском городище. Причем в VIII — X вв. они занимали территорию открытого поселения и находились в зависимом положении от господствующей хазаро-болгарской верхушки крепости.

§ 4. Погребения в грунтовых ямах

Всего исследованы 7 погребений, из них три в раскопе № 3, два в раскопе «А» и два — Е. П. Алексеевой в 1964 г. — к востоку от городища.

По всем основным деталям грунтовые погребения не отличаются друг от друга и характеризуются следующими чертами.

Грунтовые могилы представляют собой сравнительно неглубокие (0,4—0,90 м) ямы удлиненной формы с вертикальными или слегка скошенными стенами. Размеры их: 0,7 м, длина от 1,2 до 1,8 м, ширина от 0,7 до 1,2 м. Могильные ямы, как правило, заполнены землей (рис. 32—а).

В некоторых погребениях в заполнении ямы встречаются кости животных, а на дне — древесный уголь. Могилы предназначались для одиночных захоронений. В них похоронены мужчины, женщины и дети. Обряд погребения устойчивый и одинаков для всех покойников, независимо от их пола и возраста. Почти все они вытянуты на спине, головой на северо-запад.

Положение рук неустойчивое. Часто руки или вытянуты вдоль туловища, или согнуты на животе, или одна из них вытянута, другая же согнута так, что расположена либо на тазовых костях, либо на груди.

Характерной особенностью грунтовых погребений является отсутствие или малочисленность могильного инвентаря. Обычно в них находятся: один горшок, несколько бусин, редко нож. Исключение составляют два погребения из раскопа «А», исследованные в 1980 г., где, помимо керамики, найдены браслеты и бронзовое зеркало. Это различие мы склонны

объяснять хронологической разницей между ними и другими грунтовыми погребениями, т. е. они относятся к эпохе бронзы (рис. 45).

Итак, делая краткие выводы из раскопок грунтовых погребений, мы можем сказать, что для всех них характерно единство погребального обряда, что выражается прежде всего в одинаковой ориентировке (все скелеты ориентированы головой на северо-запад), во-вторых, они в положении скелетов — на спине, вытянуто.

Как выше было отмечено, грунтовые погребения из раскопа «А» относятся к первому периоду жизни городища, т. е. к эпохе бронзы. В пользу этого говорят найденные в них вещи. Так, бронзовое зеркало и сосуд с ручками в виде петли из погребения № 2 характерны для памятников VIII — VI вв. до н. э.¹²

Для памятников кобанской культуры, наряду с каменными ящиками, характерны ямные погребения указанного типа. В указанный период грунтовые погребения встречаются в памятниках кобанской культуры почти всего Северного Кавказа.

Остальные погребения относятся к средним векам, хотя фрагментарность материала затрудняет точное определение времени. В пользу принадлежности их к указанному периоду говорят железный нож и керамика.

Так, в погребении № 5 найден чернолощенный кувшинчик формы, бытующей начиная с V в. по XII в. включительно.

Топография городища и могильника позволяют не очень строго эти погребения отнести к третьему периоду жизни городища, т. е. к VIII—X вв. н. э. Так, исследованные погребения находятся недалеко от святилища VIII—X вв., открытого в 1974 г., и, видимо, не случайно здесь располагается могильник, относящийся к этому времени. Помимо этого, месторасположение могильника в районе городища — наиболее удобное место для устройства кладбища — юго-восточный пологий склон холма рядом с религиозно-культурным центром крепости. В пользу нашего предположения, кажется, говорит и то, что погребения отличаются отсутствием или бедностью инвентаря, что было характерно для ямных погребений могильников VIII—IX вв. салтово-маяцкой культуры¹³, этнически родственной населению Хумаринского городища.

Итак, последние погребения мы относим к VIII — X вв. н. э., и если так, то они являются первыми ямными погребениями, исследованными на городище, этническая принадлежность болгарам которых наиболее вероятна.

Для средневековых памятников Карачаево-Черкесии ямные погребения не характерны, хотя они встречаются, но не так широко распространены, как каменные ящики, гробницы, склепы. Рассматриваемые погребения сближаются по конструкции с Узунколским грунтовым могильником VI — VII вв. н. э. И Хумаринские, и Узунколские погребения грунтовые. Сближает их и посылка древесным углем¹⁴. Узунколские погребения отличаются от наших тем, что там черепа покойников

деформированы (чего нет в Хумаре) и имеют неустойчивую ориентировку.

Наиболее хорошо исследованным грунтовым могильником на территории Карачаево-Черкесии является Джамагатский, где в 1978 г. автором вскрыты 16 погребений. Последний по указанным признакам также сближается с Хумаринским могильником, т. е. он также грунтовый и на дне ямы встречаются куски древесного угля. Джамагатские погребения отличаются от наших тем, что покойники, ориентированные головой на юго-запад, покоились в деревянных рамах и колодах. Других аналогий им в Карачаево-Черкесии нет.

Грунтовые могильники в виде простой ямы встречаются в Кабардино-Балкарии, хотя и здесь преобладают другие типы памятников. В Кабардино-Балкарии они представлены тремя могильниками: Зилги, Кардан, Кешене-алы. Эти погребения с хумаринскими сближаются по конструкции могил, по положению и ориентировке покойника. Во всех названных памятниках скелеты лежали в простых ямах, вытянуто, на спине, головой на запад или на северо-запад. Важно отметить, что эти памятники относятся к одному периоду и могильники Кабардино-Балкарии исследователи связывают с болгарами¹⁵. Последнее очень ценно, если учесть, что в VIII — X вв. н. э. основное население городища (т. е. население, которое жило внутри крепости) составляли болгары и в изучаемый период ямные погребения, оставленные болгарами, были широко распространены в Подонье и Приазовье.

Результаты сопоставления показывают сходство основных деталей обряда ямных погребений салтово-маяцкой культуры (южный вариант) с хумаринскими грунтовыми могилами. Так, болгарские погребения представляют собой, как и наши, неглубокие грунтовые ямы¹⁶. Они, так же как и наши могилы, предназначались для одиночных захоронений.¹⁷

Общность в обряде прослеживается также в ориентировке и положении скелета. Во всех названных памятниках скелеты лежали вытянуто, на спине, головой на запад (в салтово-маяцкой культуре) или на северо-запад, с неустойчивым положением рук¹⁸.

Другой, чрезвычайно интересной особенностью погребального обряда является наличие угля на дне могил. Эта особенность нередко встречалась в болгарских погребениях салтово-маяцкой культуры¹⁹. Таким образом, из всего сказанного вытекает, что между грунтовыми погребениями и болгарскими погребениями салтово-маяцкой культуры, а также северо-кавказскими и хумаринскими грунтовыми могилами имеется много общих черт, сближающих их.

Общие языческие черты погребального обряда, которые удастся проследить в этих памятниках, дают право сделать предположение об этнической близости населения, оставившего их. Это предположение становится вполне реальным, если учесть, что болгары, проникшие в предгорья и горы Северного Кавказа еще в первые века н. э., в VIII—X вв. прочно бытовали в разных районах края, в том числе в изучаемом памятнике.

§ 5. Погребения в подбоях

Рассматриваемые погребения сооружены в твердой материковой глине и состоят из двух частей: входной ямы и погребальной камеры — подбоя. Входная яма представляла собой шахты овальной в плане формы, ориентированной по линии восток — запад. Размеры их: длина — от 1,5 до 2 м, ширина — от 0,50 до 0,95 м, глубина — от 1,20 до 1,58 м.

Погребальные камеры — подбои во всех случаях сооружены в середине северной стены траншей, имеют сводчатый потолок. Размеры подбоев: длина 1,50—1,63 м, ширина 0,60—1,20 м, глубина 0,65—0,90 м.

Камеры имели ровный пол и к нему из траншей вело входное отверстие (размеры 0,40—0,50 м), которое закрывалось плоскими каменными плитами (размеры плит 0,40—0,70 м). Из-за плохой сохранности покойников, трудно установить погребальный обряд. Можно отметить, что погребения были одиночные, за исключением подбоя № 1, где зафиксировано парное захоронение. Покойники лежали головой на запад, на северо-запад и в одном случае на восток (рис. 35).

В заполнении траншей и подбоев часто встречаются кости животных, на дне ямы куски мела и древесный уголь. Таковы результаты раскопок могильника. Всего нами исследовано 5 могил. К сожалению, большинство из них начисто ограблены и не содержат покойника. Поэтому невозможно установить погребальный обряд и определить время бытования их. Тем не менее результаты исследования показали, что погребальный обряд могильника весьма устойчив и однообразен. Все могилы представляли собой подбойные погребения, которые сближаются между собой по всем деталям конструкций. Причем большинство из них близки не только по конструкции, но и имеют почти одинаковые размеры, а также погребальные камеры всех их ориентированы по линии восток — запад. Для них всех характерно наличие на дне ямы мела и древесного угля. Наконец, почти во всех могилах найдены кости животных. Это, очевидно, свидетельствует об известном единстве населения в этническом отношении и о принадлежности исследованных погребений к одному хронологическому периоду. В погребальном инвентаре исследованных могил самыми многочисленными находками были бусы. Они довольно разнообразны по материалу, величине и форме. Среди них преобладают бисер, мелкие стеклянные и пастовые бусы круглой, цилиндрической, шарообразной, катушкообразной и т. д. формы. Встречаются крупные глазчатые бусы, а также с поперечными волнистыми узорами из стекла. Редки бусы из гагата, янтаря (рис. 23). В инвентаре много бус-подвесок из стекла и пасты различных цветов (рис. 22).

Очевидно, бисер и мелкие бусы употреблялись для украшения одежды. Некоторые крупные бусы выполняли функции пуговиц, фибул, подвесок и т. д. Но, видимо, главным образом, бусы составляли ожерелье. Найденные в погребениях бусы и подвески можно отнести к пер-

вым векам н. э. Вещи указанного типа широко распространены в этот период в памятниках Северного Причерноморья²⁰ и Кавказа²¹.

Второе место по количеству погребального инвентаря памятника занимают различные бронзовые украшения: подвески в виде колокольчика, бубенчиков, петлевидные привески с отогнутыми в разные стороны концами, бронзовые фибулы, пряжки, наконечники ремня, зеркала из высокооловянистой бронзы, браслет, массивное кольцо и т. д.

Вещи перечисленного типа хорошо известны в памятниках первых веков н. э. Северного Кавказа и других районов нашей страны. Так, бронзовые подвески, привески, фибулы, имеющие ближайшие аналоги рассматриваемых экземпляров, найдены в погребениях II — III вв. н. э. Нижне-Джунатского²² и Усть-Лабинского могильников²³, а также в сарматских могильниках Дагестана и Нижнего Поволжья²⁴.

Бронзовые пряжки и наконечники ремня также характерны памятникам II—III вв. н. э.²⁵

Массивный бронзовый браслет из могильника имеет замкнутые концы и украшен с внешней стороны многочисленными шишечками (поперечные выступы) (рис. 22). Браслеты этого типа встречаются в памятниках Восточной Европы, начиная с IV в. до н. э. и существуют также в комплексах II—III вв. н. э.²⁶, в том числе в сарматских погребениях. То же можно отметить и относительно других вещей (каменные оселки, железные пряжки, ножницы). Такие вещи также существуют и в указанный период.²⁷

Итак, как видно из приведенных примеров, разнообразные вещи могильника находят аналогии в комплексах памятников II — III вв. н. э.

Принимая во внимание это обстоятельство, надо отнести исследованные погребения к рубежу II — III вв. н. э. Такой датировке не противоречит и единственный черноглиняный горшок с зооморфной ручкой из могильника, характерный для указанного времени.

Итак, исследованный могильник — первый подбойный могильник, известный на территории Карачаево-Черкесии. Если учесть, что принадлежность подбойных могильников первых веков н. э. сарматам доказана, то памятник археологически документирует проникновение их в горные районы Карачаево-Черкесии и имеет большое значение для изучения сложной этнической истории Хумаринского городища.

В заключение следует сказать, что по конструкции и функциональному назначению описанные подбои близки к катакомбным погребениям, к рассмотрению которых я перехожу.

§ 7. Погребения в катакомбах

Всего исследовано шесть катакомб с коллективными, парными и одиночными захоронениями. Несмотря на незначительность их, вскрыты в них 14 покойников и разнообразный материал, а также погребения

льные сооружения исключительно хорошей сохранности дают ясное представление о религиозных верованиях носителей этого обряда.

Катакомбы были сооружены в материковом грунте, представляющем собой твердую желтую глину. Каждая катакомба состояла из двух частей: дромоса и погребальной камеры. Дромосы представляли собой узкие траншеи, вырытые на пологом склоне холма-цитадели, с вертикальными стенами. Размеры дромосов: длина 2—2,40 м, ширина—0,65—0,90 м, высота 0,40—1,20 м. Все дромосы ориентированы с юга на север с сезонными отклонениями. Вход в камеру находился в северной стороне дромоса, у пола. Вход в камеру во всех катакомбах закрывался плоской каменной плитой. Размеры входа: ширина 0,40—0,45 м, высота 0,40—0,60 м (рис. 36).

Для погребальных камер характерны общность приемов устройства и ориентации. Они, как правило, направлены с северо-запада на юго-восток, имеют овальные или эллипсоидные в плане формы и сводчатый потолок. Пол камер ровный, тщательно утрамбован и обычно ниже дна дромоса на 0,7—1,2 м. Размеры камер сравнительно единообразны, хотя имеются различные по величине. Так, длина камер колеблется от 1,62 до 2,12 м, ширина — от 0,90 до 1,47 м, высота — от 1,45 до 2,12 м. Исключением является катакомба № 1, исследованная на самом верху холма-цитадели, которая имела глубину более 4 м. В катакомбных могильниках, как правило, размеры камер и длина дромосов зависят от социального положения погребенных и на какое количество покойников предназначена она. Для богатого покойника и для коллективных захоронений рыли большие камеры, для бедных — маленькие. И в наших катакомбах размеры камер, видимо, зависят от указанных причин. Правда, материал из различных камер не так резко отличается, поэтому можно полагать, что их размеры больше зависели от количества погребенных. В больших камерах были захоронены 3 или 4 покойника, в маленьких — один или подросток.

После завершения похоронного ритуала дромос плотно забивали глиной, а входное отверстие закрывали плоской плитой, имеющей со стороны дромоса подборки, чтоб земля не сыпалась в камеру.

Для исследованных катакомб характерна устойчивая ориентировка покойников. Независимо от количества погребенных, все они ориентированы головой на юго-запад. Исключение составляют два покойника из катакомб № 2, № 5. Покойник из первой катакомбы, где покоятся 4 скелета, ориентирован головой на северо-восток, в последней катакомбе один из трех покойников лежит головой на северо-восток.

Обычно погребенные лежат на спине, с вытянутыми руками вдоль тела (6 покойников), или лежат скорченно — на правом боку (5). Большинство покойников положены по длинной оси камеры, головой влево от входа. Причем, скорченно — на правом боку — лежат женщины. В заполнении и на дне камер встречаются кости мелкого рогатого скота, куски древесного угля, редко мел и краска.

Как правило, вместе с покойником в камеру клали вещи. В целом мате-

риал катакомб не богат, хотя отличается друг от друга по количеству. Характерной особенностью Хумаринских катакомб является незначительность или полное отсутствие керамики. Так, только в трех катакомбах найдено по одному сосуду, а в других вообще нет их. Даже в катакомбе № 2 с 4 покойниками найден один разбитый сосуд в дромосе.

Второй особенностью катакомб является то, что нет оружия, за исключением одного железного наконечника из катакомбы № 3. Как правило, в катакомбы (рис. 40, 42) вместе с покойниками клали предметы украшения (серьги, бусы, браслеты, бляшки, брошки, фибулы, зеркала и т. д.) и быта (нож, ложки, пуговицы). В катакомбе № 2 найдена серебряная иранская монета VI в. н. э. с отверстиями.

Указанные вещи характерны для взрослых покойников. В детских камерах вещей нет. Так, в катакомбе № 6 был погребен подросток в возрасте 12 — 13 лет, с которым ничего не положили.

По нашим наблюдениям, все коллективные и парные захоронения осуществляли одновременно, т. е. все покойники погребены в один прием. Так, в катакомбе № 2 все четыре костяка лежат очень плотно, буквально накладываясь друг на друга, но положение костей не нарушено, чего не могло бы быть, если бы захоронили при разложении трупов. Очевидно, тут имеет дело со случаем, когда умершего мужчину-воина на тот свет сопровождают убитые зависимые люди и их дети. Аналогичный обряд хорошо известен у некоторых народов²⁸ и зафиксирован в катакомбных могильниках Восточной Европы.²⁹

Итак, исследованным погребениям характерна устойчивость основных приемов устройства могильных сооружений, состоявших, как правило, из дромоса и погребальной камеры.

Различия между ними можно проследить лишь в размерах и деталях погребального обряда. Единство приемов устройства могильных сооружений и погребального обряда, видимо, свидетельствует о существовании сложившихся единых канонов погребального ритуала.

Как выше было отмечено, катакомбы и подбой, исследованные нами, имеют много общего по конструкции погребальных сооружений. Подбой и катакомбы состоят из двух частей. Причем погребальные камеры там и тут ориентированы по линии восток — запад, имеют в плане овальную форму. В обоих случаях в камеру ведет входное отверстие, закрывающееся плоскими каменными плитами. Много общего между ними и в погребальном обряде. Так, на дне камеры у тех и других прослежены куски мела и древесного угля.

Итак, в целом катакомбы по конструкции и строительным приемам, по погребальным обрядам связаны с подбоями и, бесспорно, составляют новую фазу, эволюцию развития культуры сармато-аланских племен. В пользу этого говорит и то, что подбой предшествовали катакомбам. Первые относятся к III—V вв. н. э., а катакомбы — к VI—VII вв. Напомним, оба вида памятников относятся ко второму периоду жизни городища, т. е. функционировали до возведения фортификационных сооружений Хумаринской крепости в VII—X вв. н. э. Это убедительно подтверждается не только вещами, хорошо датирующимися VI—VII вв., но и стратиграфией памятника. Дело в том, что все катакомбы, за

исключением № 1, исследованы в раскопе «А». Они все лежат под слоем VIII—X вв., могильные сооружения не перерезают слои указанного времени, ими нарушен слой VIII—VI вв. до н. э., хронологически предшествовавший сооружению катакомбных погребений.

Итак, катакомбные погребения Хумаринского городища перестают функционировать на рубеже VII—VIII вв. н. э. Важно отметить, что в указанный период перестают существовать и другие катакомбные могильники Карачаево-Черкесии, за исключением памятников района Римгорского городища, который в естественно-географическом отношении стоит ближе к другим районам Центрального Кавказа, чем верховьям Кубани.

Так, исследованиями последних лет катакомбные могильники открыты у станицы Исправненской, в Учкурском городище, у аула Новая Джегута, два могильника у аула Кумыш. Происходящие из этих могильников вещи (керамика, украшения, бронзовые котлы и т. д.) верхнюю дату их определяют не позже рубежа VII — VIII вв. Нет ни одного памятника более позднего времени. В этой связи крайне важно отметить, что в VIII в. в Подонье появляется масса катакомбных могильников, идентичных аланским памятникам Северного Кавказа. Причем, как справедливо пишет С. А. Плетнева, в Подонье нет могильников V—VII вв., предшествовавших могильникам VIII—IX вв.³⁰ На основе многолетних исследований памятников указанного района, С. А. Плетнева пришла к выводу, что «катакомбные могильники в Подонье принадлежали выходцам из северо-кавказских областей — аланам, вынужденным покинуть насиженные предгорья на рубеже VII—VIII вв.»³¹

Хронологическое совпадение времени существования катакомбных могильников Карачаево-Черкесий и начало функционирования аналогичных могильников Подонья дают основание полагать, что этот обряд туда привнесли племена, ушедшие с верховья Кубани.

По мнению исследователей, аланы с Северного Кавказа ушли в связи с арабской угрозой. Нам думается, переселение их связано со стремлением хазар обезопасить границы государства, переселив в глубинные районы страны враждебно настроенных алан, в связи с усилением наступления арабов. Аланы, занимая важные стратегические пункты, не раз вступали в союз с врагами Хазарии.

§ 8. Скальные погребения

Погребения указанного типа зафиксированы на южном и северном склонах балки Инал и в верховьях балки Шугара. Погребения на склонах балки Инал в свое время изучены Т. М. Минаевой³² и Е. П. Алексеевой.³³

Обычно скальные погребения состоят из камеры и входа-лаза. Все они вырублены в отвесных горных склонах и давно ограблены. Входные отверстия бывают четырехугольной или овальной формы. Камеры овальные, параллельные к входам, некоторые имеют ниши и нарты,

потолки сводчатые, сферические, редко плоские. Входные отверстия обычно закрывались каменной стеной, сложенной на глине, насухо или на известковом растворе, размером $1,20 \times 1$ м, $1,30 \times 0,95$ и т. д.

Размеры камер также различны и имеют неустойчивую ориентировку. Те погребения, которые доступны, давно ограблены, поэтому трудно судить о погребальном обряде и датировке. Но найденные в камерах отдельные вещи и керамика позволяют их отнести суммарно к VII—XI вв. н. э.

Скальные погребения указанного времени широко распространены в Карачаево-Черкесии и были изучены Т. М. Минаевой.³⁴ Последние годы автором открыты ряд новых могильников указанного типа. В этой связи достоин внимания вопрос об этнической принадлежности скальных могильников, открытых в Карачаево-Черкесии и соседних районах в последние годы. По мнению Т. М. Минаевой и В. А. Кузнецова, они принадлежат аланам и преемственны от земляных катакомб.³⁵ Но имеющиеся материалы, на наш взгляд, позволяют высказать гипотезу в пользу тюркской принадлежности их. Так, во многих захоронениях указанных могильников найдены нехарактерные аланам глиняные котлы с внутренними ушками³⁶. Помимо этого, судя по работам С. Я. Байчорова, в камерах многих скальных могильников найдены памятники древнетюркской рунической письменности.³⁷ Важно то, что скальные могильники отсутствуют в Северной Осетии, где в средние века прочно бытовало значительное аланское население. Наконец, аналогичные памятники были характерны в средние века тюркоязычному населению Южной Сибири³⁸.

В целом, причины возникновения этого погребального обряда и этническая принадлежность их остаются открытыми.

Таким образом, мы рассмотрели все известные погребальные памятники городища, отличающиеся разнообразием и богатством. Из анализа погребальных обычаев становится очевидным, что населению памятника все периоды жизни была характерна вера в загробную жизнь как продолжение земной.

Наличие нескольких типов погребальных сооружений в каждом случае объясняется конкретными причинами: этническим, религиозным и социальным различием населения.

Так, каменные ящики, гробницы, склепы являются продолжением исконно местных форм погребальных сооружений и принадлежат местным племенам. Причем в склепах следует, прежде всего, видеть отражение имущественно-сословной дифференциации общества. Подбойные и катакомбные погребения являются важным этническим признаком и принадлежат аланам. Несколько грунтовых погребений VIII — X вв., на мой взгляд, следует считать преемственными от аналогичных погребений болгар. Наконец, причины возникновения скальных погребений остаются открытыми.

Глава V

РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

§ 1. Керамика

Раскопками установлено, что культурный слой городища делится на три подслоя. Нижний слой, более древний, датируется VIII — VI вв. до н. э. и принадлежит племенам кобанской культуры. Средний, образовавшийся до постройки стен городища, датируется IV — VII вв., верхний—VIII—X вв.

Ранний слой прослеживается не всюду. В наших раскопках он был зафиксирован только в северной части раскопа «А» и в раскопе № 3, расположенных на юго-восточной части плато на площади 110 кв. м.

Находки из него — в основном фрагменты керамики, датирующиеся по аналогиям VIII—VI вв. до н. э. Благодаря большому количеству целых сосудов, известных в синхронных памятниках Северного Кавказа, мы можем говорить, что обнаруженные нами фрагменты относятся к четырем типам:

1. Горшки с раздутым туловом и слабо отогнутым венчиком. На верхней части тулова они часто имеют семечковидный орнамент, по венчику — косые насечки, ногтевые вдавлины. К этой категории относятся также горшки с загнутым бортиком без выгиба, покрытые типичным геометрическим орнаментом (рис. 37—5, 10, 15—18, 20).

2. Миски с сильно вогнутым внутрь бортиком и с шишечками на тулове (рис. 37—3,7).

3. Небольшие чернолощенные чарки с выступающими ручками.

4. Крупные тонкостенные сосуды с раздутым туловом и узким горлом (рис. 37—9).

Вся керамика лепная, черепок в изломе серый или коричневый. Они изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью шамота, обжиг удовлетворительный.

Орнамент трех типов: рельефный, геометрический и лощенный.

Фрагменты посуды с рельефным орнаментом преимущественно встречаются в нижних пластах. Рельефный орнамент представляет собой продольные бороздки, бордюры из полулунок, косые семечковидные вдавлины, поперечные линии, ногтевые вдавлины, шишечки — на верхней части тулова (рис. 37—11). Керамика с геометрическим орнаментом встречается во всех пластах. Он представляет собой лесенку и тре-

угольники, заштрихованные косыми и продольными линиями (рис. 38).

Орнамент с лощением — штриховой и сетчатый. Керамика описанного типа прочно бытует в памятниках Северного Кавказа VIII — VI вв. до н. э.

Так, горшки первого типа неорнаментированные и украшенные по тулову семечковидным орнаментом, миски с нарезным орнаментом, кружки с рифленой поверхностью, с вылуклинами, с шишечками хорошо представлены в Змейском поселении.¹ Небольшие чарки с выступающими ручками хорошо прослеживаются также в Змейском поселении и в других памятниках Северной Осетии (Верхняя Рутха)². Керамика с нарезным орнаментом разных форм, тождественным описанным формам, богато представлена во многих памятниках VIII—VI вв. до н. э. Северного Кавказа³.

По форме, по фактуре и по орнаментации наша керамика на территории Карачаево-Черкесии самые близкие аналогии имеет, как справедливо пишет Е. П. Алексеева, посудой из Инжиччукунского могильника VIII—VII вв. до н. э.⁴

Исследованиями последних лет автора памятники с керамикой указанного типа обнаружены у с. Терезе, у аула Красный Восток, у ст. Исправненской, у с. Важное и в др. пунктах Карачаево-Черкесии⁵. Все они относятся к VIII—VI вв. до н. э.

На основе указанных аналогий керамику нижнего слоя городища можно отнести к VIII—VI вв. до н. э. Очевидно, она принадлежит к местному кавказо-язычному населению.

Керамика II — VII вв. н. э.

Слой IV—VII вв., как и нижний слой прслеживается не всюду. В наших раскопках он был, как уже было отмечено, зафиксирован только в раскопе «А» на площади 20 кв. м.

Находки из него—в основном фрагменты керамики, датирующиеся по аналогиям IV—VII вв. Благодаря большому количеству целых сосудов, известных в синхронных памятниках Северного Кавказа, мы можем говорить, что обнаруженные нами фрагменты относятся к четырем типам:

1. Лощеные столовые горшки встречались в соответствующем слое раскопа «А» и в катакомбах №№ 3, 4. Горшки представляют собой сосуды шаровидной и баночной формы с плоским дном и отогнутым венчиком. Некоторые из них снабжены небольшой ручкой, прикрепленной одним концом к плечу сосуда, другим — к венчику, а также имеют сосцевидные налепы на тулове. Керамическое тесто содержит в качестве примеси значительное количество крупного кварцевого песка. Специфическим признаком посуды является наличие в тесте блесток слюды. Емкость горшков, судя по целым экземплярам, происходящим из погребений, небольшая — 0,5—1,5 л.

2. Небольшие лощеные кувшинчики серого или черного цвета. Эти кувшинчики обычно имеют слабо отогнутый или прямой венчик, шаро-

видное тулово, ручки, начинающиеся от венчика, снабжены сосцевидными налестками на расширенной части тулова. Большинство из них имеют зооморфные ручки в виде хищной птицы или животного. Они сделаны на ручном гончарном круге и изготовлены из хорошего плотного теста, черепок в изломе серый или серо-черного цвета (рис. 39—10). Керамическое тесто обычно содержит дресву и блестки слюды. Поверхность кувшинчиков орнаментируется вертикальными и горизонтальными лощеными линиями, кружками в виде зигзагов, линиями рифления (рис. 40). Среди этой группы выделяется кувшинчик из катакомбы № 3 (рис. 40—7). Он по форме, фактуре и оформлению ручки аналогичен другим экземплярам описываемой посуды. Но, в отличие от остальных экземпляров, он имеет кольцевую подставку, что очень редко встречается в IV—VII вв. в памятниках Карачаево-Черкесии.

3. К третьему типу относятся фрагменты больших кувшинов со сливом и одной или тремя ручками. Они обычно имеют яйцевидную или грушевидную формы, изготовлены они из серой или черно-серой глины с темно-серым лощением (рис. 41—68). Отличительной чертой этой керамики являются тонкие стенки, хорошо отмученное тесто, содержащее блестки слюды. Они, как и предыдущие, на поверхности имеют орнамент в виде налестчатых сосков, горизонтальных и вертикальных полос лощения. Судя по фрагментам, тулова некоторых из них снабжались вертикальными ребрами, расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга. Все формы и типы указанной керамики хорошо представлены в памятниках Карачаево-Черкесии IV—VII вв. Так, кувшины, горшки, кружки, подобные рассматриваемым, известны по раскопам Т. М. Минаевой,⁶ И. М. Мизиева⁷ и других. Более того, данная керамика характерна почти для всех памятников Северного Кавказа IV—VII вв. н. э.⁸

Исходя из приведенных аналогий, керамику нижнего слоя Хумаринского городища суммарно можно отнести к IV—VII вв. н. э.

4. К этому типу мы относим глиняные котлы с внутренними ушками. Они, главным образом, найдены на склонах балки Инал, за исключением двух фрагментов, обнаруженных у подножия цитадели, с внешней стороны городища. Керамика указанного типа хорошо представлена в памятниках Карачаево-Черкесии. Так, фрагменты ее найдены Е. П. Алексеевой в Кызыл-Калинском поселении в слое VI—VII вв. н. э.⁹ Аналогичная керамика встречается в скальных могильниках и в слоях средневековых поселений Карачаево-Черкесии¹⁰, Кисловодской котловины,¹¹ Кабардино-Балкарии.¹²

Но на большинстве памятников Карачаево-Черкесии котлы относятся к X—XI вв. и, видимо, связаны с печенегами и болгарским населением, которые после распада Хазарского каганата покинули степи и ушли в горы Центрального Кавказа.

Керамика указанного типа известна также в некоторых памятниках салтово-маяцкой культуры VIII—X вв. Подонья, Приазовья и Крыма¹³.

Обращает внимание тот факт, что такой посуды нет в слое VIII—X вв., т. е. в слое болгарского времени Хумаринского городища, синхронного салтово-маяцким памятникам, где распространен этот тип керамики. Если учесть их бытование не только в слоях X—XI вв. памятников Карачаево-Черкесии (Римгорское городище и др.), но и в ранних слоях¹⁴ поселения, можно предположить, что население края приступило к изготовлению котлов раньше, чем в других районах, где они встречаются. Котлы указанного типа не характерны для памятников IV—V веков. В этот период для памятников изучаемого региона характерны бронзовые котлы, которые позже, за редким исключением, не встречаются. Возможно, глиняные котлы пришли на смену бронзовым котлам и возникли где-то на рубеже VI—VII веков. Причем, если согласиться с болгарской принадлежностью котлов, то надо признать их раннее проникновение на территорию Карачаево-Черкесии.¹⁵ Но окончательно время возникновения и употребления, а также этническую принадлежность их можно решить путем исследований памятников VI—XI веков.

Керамика VIII—X веков н. э.

Наиболее богато и полно представлена керамика третьего, более позднего периода времени постройки и интенсивной жизни Хумаринской крепости.

Керамический материал очень выразителен, он близок к керамике салтово-маяцких памятников Нижнего Подонья, Приазовья, Восточного Крыма и степного Предкавказья, хорошо известных по работам М. И. Артамонова¹⁶, И. И. Ляпушкина¹⁷, А. Л. Якобсона¹⁸, С. А. Плетневой¹⁹, А. В. Гадло²⁰ и других.

С. А. Плетнева при анализе керамического материала использовала метод функционально-технической классификации. Он позволил ей получать исчерпывающую информацию по ряду вопросов — об этнических связях, бытовом укладе, уровне развития производства.²¹ При классификации керамики Хумаринского городища также применялся указанный принцип функционально-технического анализа, поскольку он более всего соответствует целям данного исследования.

В керамике Хумаринского городища можно выделить следующие функциональные группы:

1. Посуда, которая использовалась в домашнем быту для приготовления пищи на огне.
2. Столовая посуда, которая использовалась во время потребления пищи, в какой-то мере являлась парадной.
3. Посуда, которая использовалась для хранения запасов продовольствия, воды, а также для транспортировки жидких и сыпучих продуктов (амфоры).²²

Между этими группами, разумеется, не существовало резких границ, но здесь, в интересах исследования, они будут несколько искусственно

разделены. К сожалению, материал, который имеется в нашем распоряжении, не позволяет внутри каждой из перечисленных групп выделить отдельные подгруппы соответственно технологической характеристике, размерам и формам, так как сосудов, целых или достаточно полных для воссоздания формы, имеется всего несколько. В основном, керамика представлена фрагментами, но, тем не менее, на основании хорошо изученных форм аналогичной посуды, найденной на других памятниках салтово-маяцкой культуры, можно в какой-то степени классифицировать и хумаринский материал.

Кухонная керамика

1. Кухонная керамика в материалах Хумаринского городища представлена особенно богато, и наиболее распространенное место среди них занимают горшки, изготовленные на ручном гончарном круге. Они представляют собой сосуды яйцевидной или шарообразной формы с небольшим плоским дном и в большинстве случаев слабо отогнутым венчиком. Как правило, горшки имеют очень невысокую шейку и четко выраженный в большей части закругленный сверху венчик. Тесто содержит в качестве примеси значительное количество крупного кварцевого песка. Специфическим признаком посуды, найденной на городище, является наличие в тесте блесток слюды. Обжиг сосудов ровный, черепок в изломе серый, поверхность темно-серая или серо-черная. Некоторые сосуды оранжево-черного цвета (пятнистые). Черепок у них в изломе черный. С наружной стороны горшки часто сохраняют следы закопчености. Все они изготовлены на ручном гончарном круге, о чем свидетельствуют их днища, имеющие по краям характерные бортики, следы примазки горшков к подвеске, на которой их формовали.

Форма горшков довольно устойчива. Их размеры варьируются в пределах: высота от 10 до 40 см, диаметр дна от 10 до 20 см, диаметр горловины 15—20 см, толщина стенок колеблется от 0,5 до 1,5 см. Емкость горшков от 0,5 до 5—6 л (рис. 43).

Характер ornamentации горшков довольно единообразен: горизонтально-линейный, сплошной, линейно-волнистый, линейно-зональный, ряды отпечатков гребня. Наносили орнамент гребенчатым штампом в три — семь рядов. На ряде горшков — зубцы мелкие, зональные, но есть случаи и глубокого, широкого. Встречаются случаи ornamentации сосудов косыми насечками по горлу длиной до 2,5 см. Но особенно часто насечки наносились по краю венчика. В некоторых случаях они сделаны погтем путем нажатия. В некоторых экземплярах по венчику идут слегка заметные косые вдавления, напоминающие ложный «витой» жгут.

Интересным видом орнамента является ornamentация по «срезанному» краю венчика: это врезная многолинейная волна и оттиски гребенчатого штампа (рис. 43).

Вообще же орнаментация по краю венчика на кухонных горшках городища встречается очень часто. В основном, это, как уже было сказано, косые насечки, вдавления, оттиски штампа. Подобный вид декора: в виде косых насечек, накола штампика, волны — встречается в Подонье²³.

Встречаются горшки с остросереберным валиком и косыми насечками по венчику²⁴ (рис. 43).

Территория распространения гончарных горшков с линейно-волнистым орнаментом охватывает огромное пространство — от Волги до Дуная. На Северном Кавказе они известны в протобулгарских поселениях VIII—X вв. Ставропольской возвышенности по работам А. В. Гадло²⁵, а также разведкам археолога краеведческого музея г. Ставрополя И. А. Отюцкого²⁶. Последним в 1977 году собран выразительный керамический комплекс из поселений в окрестности с. Китаевка на р. Томузловка. В его составе преобладают обломки горшков описываемого типа. Гончарные горшки известны и в погребальных памятниках Ставрополя. Так, в музее краеведения г. Ставрополя хранится комплекс вещей, в том числе горшок со сплошным горизонтально-линейным орнаментом, сданных в 1965 году учителем истории Л. А. Глобенко²⁷ и, согласно сведениям которой, происходящих из разрушенного погребения у с. Труновское Изобильненского района.

По форме и орнаменту горшки из с. Китаевки и с. Труновское тождественны сосудам из Хумаринского городища. Они отличаются от наших сосудов тем, что песок в составе теста хоть и значителен, но мелкозернистый. Поэтому обжиг придает этим сосудам светло-серый цвет, тогда как на Хумаре они темно-серые или черные. В составе теста у них, в отличие от наших сосудов, отсутствуют также блестки слюды.

Горшки описанного типа характерны для памятников VIII — X вв. степных районов Краснодарского края. Особенно близки нашим горшкам из поселений, расположенных в окрестности г. Армавира.

В частности, обломки горшков: богато представлены в инвентаре городища Горькая Балка и известны благодаря усилиям Н. И. Навротского²⁸. Благодаря любезности последнего мы имели возможность ознакомиться с материалами из указанного городища. Они по всем основным признакам тождественны нашим сосудам. Отличаются они, как и ставропольские горшки, от наших сосудов по цвету и отсутствию блесток слюды. Важно отметить, что здесь представлены все формы и типы керамики, бытующие в Хумаре в VIII—X веках.

Территориальная близость памятников степного Предкавказья (Ставропольского и Краснодарского краев) к Хумаринскому городищу и тождественность их материала свидетельствуют об этнической близости населения их, о высоком уровне развития производства и единых установившихся традициях.

Горшки указанного типа в значительном количестве встречаются также в соответствующих слоях средневековых городищ Дагестана²⁹.

Гончарные горшки, аналогичные нашим сосудам, богато представлены в памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья, Приазовья³⁰ и Восточной Таврики³¹.

Такого рода горшки со сплошным линейным орнаментом распространены были и широко бытовали в Болгарии в изучаемый период³². Гончарные горшки в указанных районах в целом по форме и орнаменту близки сосудам Хумаринского городища, хотя в каждом районе они имеют частичные различия друг от друга. Так, у большинства горшков Хумаринского городища нижняя часть тулова часто не украшена. Такая орнаментация характерна для зливкинских сосудов и отсутствует в Саркеле и Карнауховском поселении³³. Наряду с этим в матерналах Подонья встречается орнаментация внутренней стороны венчика³⁴ (орнамент — линейный, волнистый, отпечатки зубцов грёбенки), чего нет на Хумаринском городище.

То же самое можно сказать о составе теста, имеющего, как справедливо пишет С. А. Плетнева, специфические особенности в каждом районе³⁵. Исследования, проведенные И. И. Ляпушкиным и С. А. Плетневой, позволили установить, что гончарные горшки с линейно-волнистым орнаментом — принадлежность южного (степного) варианта салтово-маяцкой культуры³⁶.

Материалы из Северного Кавказа, собранные в последние годы, подтверждают правильность мнения указанных авторов. Здесь они также прочно бытуют в степных поселениях и на Хумаринском городище, тождественных по ведущим элементам с южным вариантом салтово-маяцкой культуры. В других памятниках, синхронных им, Центрального Кавказа они, за редким исключением, не встречаются. Для них характерна хотя близкая, но другая форма кухонной керамики. Нет горшков указанного типа и в инвентаре памятников Карачаево-Черкесии.

В соответствующих слоях хорошо известных городищ (Гилячское, Адиухское, Терезинское, Амгатинское и т. д.) Карачаево-Черкесии кухонные горшки с линейно-волнистым орнаментом не встречаются.

II. Наряду с гончарной кухонной посудой, при раскопках Хумаринского городища попадаются в небольшом количестве и лепные горшки. Несмотря на немногочисленность находок лепных сосудов, все же можно по некоторым почти целым горшкам, найденным в 1974 и 1980 гг., составить представление о их формах. Это сосуды с яйцевидным гладким туловом, с прямым широким горлом и плоским дном. Некоторые экземпляры, судя по горшку из раскопа «А», найденные в 1980 году, баночной формы с сильно расширенным туловом, немного сужающиеся книзу и плавно переходящие в широкое горло, венчик не выражен (рис. 44—1).

Некоторые экземпляры снабжены ручкой, прикрепленной одним концом к верхней, а другим к нижней части тулова.

Горшки изготовлены из некачественного рыхлого теста с примесью песка, обжиг слабый, неравномерный, черепок в изломе серый или темный, поверхность гладкая, заглаженная.

Обычно лепные горшки встречаются на самых верхних слоях памятника. Это свидетельствует о том, что они относятся к самому последнему периоду жизни на городище.

В целом, как уже указывалось, они в материале нашего памятника представлены слабо.

Такого рода лепные горшки хорошо известны в памятниках салтово-маяцкой культуры. По словам С. А. Плетневой, «они попадают на всех степных поселениях болгарских племен VIII—IX вв. н. э.»³⁷

Кроме того, лепные горшки описанного типа изредка встречаются в сельских поселениях Юго-Западной Таврики³⁸.

Лепная посуда описанного типа была характерна для различных тюркоязычных племен, начиная с первых веков до XIII в. н. э. включительно, от Алтая до Дуная.

III. Другим видом кухонной керамики в материалах Хумаринского городища являются сковороды.

Описываемый тип сковородок в технологическом отношении ничем не отличается от кухонных горшков. Их тесто содержит в своем составе в качестве примеси крупнозернистый песок. Цвет сковородок оранжево-серый, пятнистый и аналогичен некоторым горшкам, дно слегка покрыто нагаром.

В Подонье известны сковородки, изготовленные на круге из глины с примесью крупнозернистого песка или дресвы, цвет их серый. Они имеют невысокие, прямые, слегка отогнутые наружу стенки и плоское дно. Высота 3 — 5 см, диаметр 25 — 30 см. Стенки с внешней стороны в некоторых случаях покрывались у них линейным орнаментом, а по срезу наносились насечки или оттиски зубцов гребенки, иногда орнаментировались и с внутренней стороны дна³⁹.

Столовая керамика

Обломки столовой посуды в материалах Хумаринского городища составляют значительную часть всей керамики. В основном, она представлена фрагментами сосудов, поэтому их нелегко дифференцировать и дать описание всех форм этой группы. По хорошо сохранившимся верхним частям сосудов можно выделить следующие формы: кувшины (или кувшинообразные сосуды), кружки, корчаги, горшки, миски и сковороды.

Объединение всех этих форм в одну группу и ее наименование условны. Как и при анализе первой группы керамики — кухонной, так и здесь мы используем метод функционально-технологической классификации.

Посуда всех указанных форм использовалась, в основном, для приема пищи. Технологическое объединение ее состоит в том, что она изготовлена из хорошей, чистой глины с примесями (песок, известковая кро-

шка), хорошо обожжена, черепок в изломе серый и покрыт лощением — или сплошным, или в виде полос.

I. Особенно часто среди фрагментов столовой керамики встречаются обломки кувшинов так называемого салтовского типа, хорошо известных по памятникам Северного Донца, Подонья, Приазовья, Восточного Крыма и Ставропольской возвышенности. Среди материалов городища встретилось несколько крупных обломков таких кувшинов, позволяющих судить о форме их верхней части. Они имеют горло с хорошо выраженным сливом, которое отделяется от тулова тремя горизонтальными каннелюрами, идущими параллельно друг другу. Внешняя сторона горла и тулова покрыта вертикальными полосами лощения, внутренняя сторона горла заложена (рис. 44—2).

Ручки описываемых кувшинов имеют в сечении характерный овальный контур. Они прикреплены к тулову не посредством штыря, входящего в стенку сосуда, как это практиковалось в аланской керамике, а особым образом — примазывая к телу сосуда расплющенные концы глиняного катышка, из которого целиком формовалась ручка.

II. Ко второму виду относится кувшин с яйцевидным удлинненным туловом и коротким горлом. Он имеет прямое горло, и венчик не имеет слива. Кувшины имеют, обычно, одну или две ручки, прикрепленные одним концом к плечу сосуда, а другим — к стенке горла. Кувшины имеют орнамент в виде вертикальных, линейно-волнистых и сетчатых полос (рис. 40—7).

III. Кувшины третьего вида представляют собой сосуды с низким раздутым туловом и высоким горлом — сливом. Поверхность тулова и горла покрыта сетчатым, вертикальным и горизонтальным орнаментом из лощеных полос (рис. 44—18).

IV. Кувшины четвертого вида представляют собой небольшие чернолощенные сосуды с раздутым туловом и низким горлом. Они имеют одну довольно длинную ручку, прикрепленную одним концом к нижней части тулова, а другим концом — к верхней части горла. В большинстве случаев они представлены мелкими фрагментами. Правда, в 1974 г. в раскопе «А» был найден чернолощенный кувшинчик указанного типа с прочерченным на поверхности тамгообразным знаком в виде кружка с отходящими вниз в разные стороны двумя черточками — угольниками⁴⁰.

К этому типу относится по основным пропорциям небольшой кувшинчик, обнаруженный в погребении № 5, исследованный в 1980 г.

Кувшины перечисленных видов хорошо известны в памятниках всего Северного Кавказа⁴¹.

Важно отметить, что они имеют глубокие местные корни и основные формы их функционируют с первых веков раннего средневековья вплоть до X в. включительно⁴². Ранние формы кувшинов перечисленных типов особенно богато представлены в Джамагатском могильнике, исследованном в 1978 г.⁴³

Кувшины первых трех типов хорошо известны также в памятниках степного Предкавказья (Ставропольский и Краснодарский края) по

материалам А. В. Гадло⁴⁴, И. В. Отуцкого и Н. И. Навротского. Кувшины всех перечисленных видов широко известны также в памятниках Подонья, Приазовья и Волжской Болгарии⁴⁵.

За пределами СССР они известны на территории Болгарской Народной Республики⁴⁶. Среди посуды, собранной на городище, есть обломки, принадлежащие к другим формам кувшинов, но, к сожалению, восстановить их невозможно.

IV. Другим видом столовой керамики, фрагменты которой часто встречаются на Хумаре, являются корчаги.

В нашем распоряжении целых сосудов нет, однако имеются несколько крупных фрагментов тулова, которые можно причислить к корчагам. Эти фрагменты имеют по небольшой ручке, круглой в сечении, прикрепленные к плечикам сосуда, тесто хорошего качества, обжиг равномерный, черепок звонкий, черно-серого или оранжево-коричневого цвета.

Большая часть обнаруженных в Хумаринском городище корчаг снабжены резным линейно-волнистым орнаментом (рис. 44—2).

Сосуды указанного типа не свойственны синхронным Хумаринского городища, памятникам Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Но корчаги были широко распространены в салтово-маяцких памятниках Подонья и Приазовья⁴⁷, сближающихся с нашим городищем по основным элементам культуры.

V. Другим видом столовой керамики, фрагменты которой редко встречаются в составе инвентаря городища, являются сковороды. Они изготовлены из плотного тонкоотмученного глиняного теста, характерного для столовой посуды, и имеют темно-серый цвет. Аналогичная по форме и тесту сковорода известна по материалам Ставропольских селищ⁴⁸, обломки которой покрыты горизонтально-линейным орнаментом. Подобного же типа сосуды, иногда украшенные линейным орнаментом, известны среди материалов Саркела⁴⁹.

Другие виды столовой керамики — горшки, кружки и миски — представлены единичными фрагментами. Орнаментального декора они не имеют, отсутствует также и залощенность. В технологическом отношении они ничем не отличаются от кувшинов и корчаг и выделены нами лишь функционально.

Вся столовая керамика, несмотря на индивидуальное различие, является в целом проявлением одного ремесленно-художественного направления. Она связана едиными приемами приготовления глиняного теста, способами форм, общими приемами орнаментации. Ее объединяет одинаковая техника нанесения полос лощения и равномерный, довольно качественный, обжиг.

Тарная керамика

I. Наиболее полно в этой группе представлены амфоры. Красноглиняные амфоры VIII—X вв. — массовый материал в городище — в процентном отношении занимают второе место после кухонных гор-

шков. К сожалению, в основном, это фрагменты, но часть из амфор удалось почти полностью реконструировать, а от множества других сохранились верхние части с венчиком и ручками, сохранились также и днища, поэтому можно довольно полно и четко воспроизвести форму данных сосудов. Все они имеют красный обжиг и изготовлены из чистой плотной глины. У некоторых экземпляров поверхность покрыта ангобом.

В составе амфор Хумаринского городища по форме тулова, ручек, венчика, по характеру орнамента и цветовой окраске черепа можно выделить 5 видов сосудов, хорошо известных в литературе и твердо датированных VIII—X вв. н. э.

К первому виду относятся большие бороздчатые амфоры (высотой 60—70 см) с высоким горлом и плавно суживающимся книзу туловом. Они круглодонные, имеют две длинные ручки, прикрепленные одним концом к венчику, а другим — к верхней части плечика. Ручки в большинстве случаев посередине имеют продольное ребро или выступ-гребень. По имеющимся материалам, можно говорить о двух типах оформления венчика амфор.

У первого типа обычно венчик имеет верхний край, выступающий в виде тонкого венчика. У второго типа венчики в виде валикообразной формы. Причем амфоры с венчиком первого вида преимущественно встречаются в нижних горизонтах, а второго вида — в верхних пластах культурного слоя VIII—X вв. Очевидно, амфоры с венчиком первого типа более ранние, чем вторые. Характерна для этих сосудов сильно выраженная бороздчатость. Они изготовлены из чистой глины, тесто плотное, с примесью мелкодробленого шамота, обжиг качественный, равномерный, черепок краснокирпичного цвета (рис. 46—1, 2).

Ко второму виду амфор (высота 50—60 см) мы относим сосуды с зонами рифления. Это круглодонные яйцевидной формы сосуды с крутыми плечиками, высоким горлом, пухлым венчиком (встречаются амфоры и с коротким горлом) и двумя ручками, плавно опускающимися на плечики.

Ручки, прикрепленные к венчику и плечикам сосуда так же, как и в вышеописанных амфорах, имеют выступ-гребень посередине. Указанные амфоры имеют гладкое округло-раздутое тулово, укрепленное в верхней части зонами мелкого частого рифления. Они изготовлены из плотного и хорошо отмученного теста с примесью мелкодробленого шамота, обжиг качественный, красный равномерный, черепок имеет красный цвет (рис. 46—11).

Следующий вид амфор по форме аналогичен, судя по имеющимся фрагментам, только что описанным. Характерной особенностью их тулова также является орнамент — мелкие зоны рифления. Только поверхность последних покрыта белым ангобом. Они изготовлены из очень плотного, хорошо отмученного теста, глина светлого тона и покрыта белым ангобом, содержит примесь шамота.

К четвертому виду относятся яркокрасные амфоры с характерной примесью в тесте мелкого песка и желтовато-золотистой слюды. Сосуды этого типа также представлены фрагментами, целых амфор нет. По-

этому трудно точно установить их форму. В 1975 году нами обнаружен фрагмент такой амфоры, на которой сохранился тамгообразный знак в виде трезубца, подобный знакам, встреченным на камнях в кладке стен Хумаринского городища⁵⁰ (рис. 46—12, 13). Однако, судя по более крупным обломкам, эти амфоры по форме тулова, венчика и ручек были близки другим видам сосудов, описанным выше.

Наконец, к пятому виду относятся сосуды, близкие к первому, но отличающиеся от всех других видов небольшим размером (высота 38 — 42 см). Эти амфоры представляют собой круглодонные яйцевидные сосуды с крутыми плечиками, коротким туловом и горлом, венчиком в виде валика, двумя ручками, примыкающими к горлу непосредственно под венчиком. Они имеют выступ-ребро, образующий на наружной части ребро, только с выступом посередине. Поверхность тулова указанных амфор украшена горизонтальными линиями-бороздами (рис. 45—5).

Следует отметить, что многие фрагменты амфор, найденных на городище, имеют на тулове два и более отверстия, астренки с внутренней стороны покрыты тонким слоем мерного вещества.

Амфоры перечисленных видов не характерны для инвентаря средневековых памятников Карачаево-Черкесии. Как выше отмечали, благодаря усилиям советских археологов, в Карачаево-Черкесии открыто и исследовано большое количество поселений. Но ни в одном из них нет посуды указанного типа, за исключением Нижне-Архызского городища⁵¹ и городища «Указатель»⁵². Но амфоры Нижне-Архызского городища относятся к более позднему времени (X—XII вв.), а материалы из второго памятника пока не опубликованы. Рассматриваемая посуда не встречается также в инвентаре памятников Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана.

На Северном Кавказе амфоры изучаемого типа известны в болгарских поселениях VIII — X вв. на Ставропольской возвышенности, которые стали известны в науке благодаря разведкам А. В. Гадло⁵³. В большом количестве фрагменты амфор попадают в поселения VIII—X вв. Краснодарского края. В частности, они известны в инвентаре поселения, расположенного в окрестности г. Армавира по материалам Н. И. Навротского. Амфоры из этого поселения по форме, составу теста, по плану и другим признакам имеют самые близкие аналогии посудой, найденной в Хумаринском городище.

Вне Северного Кавказа совершенно тождественные нашим сосудам амфоры найдены в памятниках Таврики, Приазовья и на Нижнем Дону.

Так, амфоры, аналогичные первому виду наших амфор, найдены в восточной части Крыма в Чабан - Куле, в Канакской балке, в Херсонесе⁵⁴, в Приазовье⁵⁵, в хазарском слое Саркела на Дону⁵⁶, в Северном Донцу в Салтове и в некоторых славянских поселениях Среднего Дона⁵⁷.

Причем в Таврике (в Чабан - Куле, Канакской балке и в Херсонесе) обнаружены гончарные мастерские, где производили этот вид амфор⁵⁸. По мнению Л. А. Якобсона и С. А. Плетневой, амфоры, производимые в

гончарных центрах Восточного Крыма, развозились по Причерноморью и по всему Подонью⁵⁹.

Совершенная тождественность наших амфор с посудой Восточного Крыма и наличие там крупных мастерских по производству тары дает основание полагать, что хумаринские амфоры первого типа привозились оттуда.

Амфоры второго, третьего и четвертого типов Хумаринского городища имеют очень близкие аналогии в памятниках вышеназванных районов. Так, амфоры с зонами рифления найдены в Керчи⁶⁰, на Керченском⁶¹ и на Таманском⁶² полуостровах, Саркеле⁶³ и в Карноухском поселении на Дону⁶⁴, на Северном Донце⁶⁵, на Маныче⁶⁶. По мнению Л. А. Якобсона, амфоры с зонами рифления производились в Восточной Таврике. Амфоры, поверхность которых покрыта белым ангобом и плечики украшены линейным орнаментом, прочно бытовали и на Таманском полуострове⁶⁷. Причем они, как и некоторые типы амфор нашего памятника, в тесте содержали примесь шамота⁶⁸. То же самое следует сказать о небольших бороздчатых амфорах, выделенных нами в пятую группу. Аналогичные амфоры в VIII—IX вв. были широко распространены в Приазовье⁶⁹ и Северном Причерноморье⁷⁰.

Итак, вышеприведенные аналогии свидетельствуют о том, что в целом амфоры для центральных районов Северного Кавказа и Дагестана не типичны. Амфоры Хумаринского городища тождественны посуде Северного Причерноморья и Приазовья, а также Подонья. Причем, амфоры, аналогичные первому, второму и пятому типу хумаринских амфор, изготовлялись в гончарных центрах Таврики⁷¹. Надо полагать, что они завозились в памятник из этих районов. Очевидно, Хумаринское городище, как крупный военно-политический центр Хазарии на Северном Кавказе, было тесно связано с юго-западными районами каганата⁷². Прежде всего в них в городище поступали вино, оливковое масло, различные пряности, смола.

Амфоры с их содержимым были доступны не всем слоям населения. Об этом красноречиво говорит материал городища — массовость фрагментов амфор внутри больших оборонительных стен — в собственно крепости и полное отсутствие их на территории поселений, примыкающих к крепости с северной стороны и являющихся составной частью Хумаринского городища. Очевидно, это свидетельствует в пользу глубокой социальной дифференциации общества. В этой связи заслуживает внимание вывод С. А. Плетневой, сделанный на основе изучения амфор Подонья и Приазовья. Она в результате многолетних исследований салтово-маяцких памятников пришла к заключению, что обломки амфор попадают почти на каждом городище-замке, однако на большинстве прилегающих к городищам поселений их нет или почти нет. Это подчеркивает разницу между населением замков, имевшим возможность покупать дорогие продукты, и населением поселков, в руки которого они не попадали⁷³.

Большой интерес представляет датировка амфор для определения хронологических рамок хазарского слоя нашего городища.

И. И. Ляпушкин⁷⁴, Л. А. Якобсон⁷⁵ и С. А. Плетнева⁷⁶ амфоры Подонья, Приазовья и Таврики, тождественные нашим, относят к VIII—X вв. н. э. Такая датировка предложена на основе твердых фактов (монеты, петрографический анализ, состав комплекса), массового материала и не вызывает сомнения. Суммарно к этому времени относятся и амфоры Хумаринского городища. Такой датировке не противоречат и другие материалы, найденные в слое, где бытуют амфоры. Так, они найдены вместе с кухонными горшками и столовой посудой, датирующимися VIII—X вв. н. э. Следует отметить, что 1 и 5 тип наших амфор встречаются во всех пластах слоя VIII—X вв., следовательно, они бытовали весь указанный период. Амфоры с зонами рифления чаще встречаются в верхних горизонтах слоя, поэтому их предпочтительно отнести к IX—X вв. н. э.

II. Кроме амфор, в составе керамики городища VIII — X вв. встречаются фрагменты красноглиняных кувшинов. Правда, они представлены слабо и, по сравнению с другими типами керамики, незначительны. Несколько фрагментов стенок и венчика от кувшинов обнаружены в 1977 г. в раскопе «1» в цитадели. Верхняя часть, венчик и ручка от другого кувшина найдены в 1980 г. в раскопе «А». Судя по этим фрагментам, кувшины изготовлены из рыхлого теста, в котором значительна примесь песка, черепок в изломе слоистый, темно-красного цвета при толщине около 1 см. По имеющимся фрагментам, кувшины имели венчик в виде плоского валика (рис. 46—11). Такие кувшины не характерны для Северного Кавказа. В инвентаре памятников Кавказа, синхронных Хумаринскому городищу, они вообще не встречаются! Однако они хорошо известны по работам С. А. Плетневой⁷⁷ и Л. А. Якобсона⁷⁸, посвященным памятникам Приазовья, Подонья и Северного Причерноморья. В частности, в нижецитируемых работах С. А. Плетневой дается тщательное и высококвалифицированное описание тары, прослеживается ареал распространения и этапы эволюции их в VIII—X вв.

По С. А. Плетневой, кувшины — «это высокие стройные сосуды с удлиненным горлом и небольшим дном. Плечики у них покатые, венчик выражен слабо: он представляет собой однорядный или двурядный валик. По плечикам и иногда по горлу проведен орнамент в виде одной или двух линий. Характерная особенность кувшинов — плоские широкие ручки, одним концом прикрепленные к плечикам, а другим — примерно к середине горла. С высшей стороны ручки украшены рядом продольных наколов. Все кувшины изготовлены из песчанистого рыхлого и слегка слоистого теста, цвет их всегда кирпично-красный. Более 80 проц. всех обнаруженных на поселениях кувшинов с внутренней стороны покрыты тонким слоем черного вещества — смолы хвойных деревьев, предохранявшей жидкость от испарения»⁷⁹.

Как видно из приведенного отрывка, обломки посуды, обнаруженной нами на городище, по цвету черепка, составу теста и по форме венчиков аналогичны кувшинам, описываемым С. А. Плетневой. Поэтому можно полагать, что наши экземпляры относятся к этой категории керамики. Как уже указывалось, стройных кувшинов в памятниках

Северного Кавказа нет совсем и они не имеют традиций. Они впервые обнаружены в Хумаринском городище. Поэтому надо полагать, что кувшины также не местного производства и привозились или с Северного Причерноморья или из Приазовья, где они в VIII—XII вв. прочно бытовали. Так, красноглиняные кувшины в Приазовье найдены в большом количестве в Таманском городище и Саркеле⁸⁰, в Северном Причерноморье — в Херсонесе и Боспоре⁸¹.

По мнению С. А. Плетневой⁸² и Л. А. Якобсона⁸³, специально и основательно занимавшихся изучением средневековой керамики Восточной Европы, центры производства их находились в Таматархе, Саркеле и Херсонесе.

Фрагменты кувшинов в Хумаринском городище встречаются обычно вместе с амфорами, кухонными горшками и столовой посудой VIII—X вв. Совместная находка той и другой делает бесспорным их одновременность.

III. В материалах Хумаринского городища встречаются фрагменты больших сероглиняных толстостенных пифосов. Правда, их немного и фрагментарность находок не позволяет составить полное представление о их форме. Можно только отметить, что это были большие сосуды с яйцевидным туловом, широким горлом, треугольным в сечении венчиком, изготовленные из плотного теста. Судя по имеющимся фрагментам, бытовали желобчатые и гладкостенные пифосы (рис. 44—11, 12). Если учесть «устойчивость форм пифосов, державшихся очень долго и изменявшихся очень медленно»⁸⁴, то можно допустить, что хумаринские пифосы были аналогичны сосудам, широко распространенным в середине века в различных районах Юго-Восточной Европы. В частности, пифосы часто встречаются в памятниках Северного Кавказа⁸⁵.

По справедливому заключению В. А. Кузнецова, в бытовой керамике городищ Северного Кавказа VIII — XII вв. они составляют массовый материал⁸⁶. В Карачаево-Черкесии пифосы, помимо Хумары, найдены нами в Римгорском и Инджургатинском городищах.

Кроме того, обломки сосудов, тождественных описываемым, найдены нами в 1977 и 1979 гг. на поселении у аула Новый Карачай, расположенного недалеко от Хумаринского городища. В 1973 г. разбитый большой пифос был найден нами в Кубинском городище. Фрагменты сероглиняных и красноглиняных пифосов с горизонтальными, треугольными в сечении валиками найдены В. Б. Ковалевской в городище «Указатель»⁸⁷.

Наши наблюдения позволяют полагать, что в VIII—X вв. в Карачаево-Черкесии изготовляли сероглиняные пифосы с яйцевидным туловом, с резко отогнутым плоским венчиком, в некоторых экземплярах их тулова были снабжены желобками и валиками.

Пифосы широко бытовали в изучаемый период и в памятниках Подонья и Приазовья⁸⁸, сближающихся с Хумарой по культуре и этническому составу населения.

В Таврике в изучаемый период были распространены большие пи-

фосы нескольких типов: шаровидной или яйцевидной формы с желобками, гладкостенные, а также с обручами-валиками⁸⁹.

Несмотря на то что пифосы являются сосудами местного производства, в материалах Хумары они встречаются редко и немногочисленны. Очевидно, основным типом большой тары являлись пифосообразные сосуды, достаточно богато представленные в составе керамики Хумаринского городища, к рассмотрению которых мы и переходим (рис. 44—10, 47).

Пифосообразные сосуды по форме и по тесту напоминают кухонные горшки, но отличаются от них большими размерами. Они представляют собой большие сосуды яйцевидной формы с постепенно суживающимся ко дну туловом, с массивным отогнутым венчиком (диаметр венчика 50 — 60 см).

Характерной особенностью и отличием является то, что их шейка выражена очень слабо или почти отсутствует, поэтому венчик непосредственно переходит в тулово. Изготовлены сосуды из очень рыхлого и грубого теста, в которое в качестве примеси в большом количестве добавлен крупнозернистый песок, цвет серый, толщина стенок 1,5 — 3 см. Поверхность сосудов обычно орнаментирована: корпус целиком покрыт горизонтальными, реже вертикальными¹ линиями рифления, а по венчику наносилась ложновитая композиция с глубокими косыми вмятинами (рис. 47). В составе керамики этого типа иногда встречаются обломки сосудов, имеющих, наряду с линейным орнаментом, линейно-волнистый пояс в верхней части тулова. Описываемые сосуды более характерны для нижних пластов, хотя они изредка встречаются и в верхних пластах культурного слоя памятника.

Пифосообразные сосуды не имеют аналогий в керамическом комплексе памятников Центрального Кавказа, в том числе Карачаево-Черкесии. Они известны в поселениях VIII — X вв., расположенных в окрестности г. Армавира и в протоболгарских селищах Ставропольской возвышенности⁹⁰. Пифосообразные сосуды описанного нами типа были широко распространены в поселениях VIII — X вв. Подонья. Так, по мнению И. И. Ляпушкина, они найдены почти на всех поселениях⁹¹ в бассейне р. Дона. Пифосообразные сосуды изредка встречаются в хазарском слое Саркела⁹².

На основе тщательного и глубокого анализа керамического комплекса памятников Подонья С. А. Плетнева пришла к заключению, что эти сосуды наиболее характерны для поселений VIII — IX вв. Северного Донца; «к началу X в. они, по-видимому, исчезают — этим объясняется тот факт, что в Саркеле их очень мало»⁹³.

Наши материалы из раскопок Хумаринского городища, кажется, подтверждает вывод С. А. Плетневой. Как выше уже отмечалось, пифосообразные сосуды встречаются в нижних слоях, датирующихся VIII—IX вв., а в верхних слоях их мало.

Итак, обзор керамики Хумары VIII — X вв. свидетельствует о том, что она в целом представляет комплекс, типичный для многочисленных салтово-маяцких памятников Нижнего Подонья, Восточного

Крыма, Тамани и степного Предкавказья. Амфоры и красноглиняные кувшины завезены в Хумару из ремесленных центров Крыма и Приазовья.

Обилие фрагментов этих сосудов, в целом не типичных для Центрального Кавказа и Дагестана, объясняется тем, что Хумаринское городище было расположено на международной торговой трассе и было тесно связано с юго-западными районами Хазарии.

Вся остальная керамика является продуктом производства болгарского населения, обитавшего в VII—X вв. в предкавказских степях и имевшего всесторонние связи с горами Кавказа. Очевидно, именно этому населению и принадлежала Хумаринская крепость, бывшая крупным военно-политическим центром каганата. Это население сыграло огромную роль в этногенезе современных тюркоязычных народов Северного Кавказа — карачаевцев, балкарцев, кумыков.

§ 2. Предметы быта, украшения, оружие, пряслица

Среди бытовых предметов наиболее богато представлены пряслица, относящиеся, в основном, к VIII — X вв. н. э.

Наиболее многочисленными были пряслица, изготовленные из черепков красноглиняных амфор VIII—X вв. н. э.

Встречаются пряслица, вылепленные из глины, изготовленные из черепков кухонных горшков, столовой керамики и из твердых пород камня (*рис. 48—19—37, 41—44*). Наряду с пряслицами, в слое VIII—X вв. встречаются заготовки для их изготовления различной степени их обработки.

Пряслица указанного типа и их заготовки богато представлены в синхронных памятниках Северного Кавказа и всей Восточной Европы⁹⁴.

Ножи

Другая группа бытовых предметов, встречающихся в могильниках и слое VIII — X вв. н. э. городища, представлена ножами, ножницами, оселками и пуговицами.

Железные ножи особенно частая категория находок в катакомбных погребениях VI — VII вв. Они также часто встречаются в слое VIII — X вв. н. э. Они мало отличаются не только друг от друга, но и от современных кустарных ножей. Отличаются они между собой только размерами, которые колеблются от 10—12 до 14—20 см (*рис. 48—2—8*). Найдены только однолезвенные, черешковые ножи. Рукоятки у них изготовлялись из дерева или кости и насаживались на узкий черешок. Они служили в качестве универсального орудия труда в повседневном обиходе населения. Аналогичные железные ножи в

средние века бытовали на широкой территории Северного Кавказа⁹⁵ и Восточной Европы⁹⁶. Наши ножи относятся к двум периодам: ножи из катакомб — к VI—VII вв. н. э., из поселения — к VIII—X вв.

Поясные наборы

В катакомбных погребениях найдены поясные бляшки и наконечники ремней. Большая их часть — литые, но есть и штампованные из тонкой бронзовой пластинки. Подобного типа украшения поясных наборов являются характерными для VI—VII вв. н. э. (рис. 39, 40, 41) и в настоящее время широко известны в различных памятниках СССР⁹⁷.

В погребениях IV — VII вв. и в слое VIII — X вв. найдены железные и бронзовые пряжки (рис. 48—10, 11).

1. Четыре бронзовые овальнорамчатые односоставные пряжки; с прямоугольным и геральдическим щитком.

2. Три прямоугольнорамчатые пряжки.

3. Шесть железных овальнорамчатых пряжек с подвижным язычком.

Пряжки 1 и 2 группы характерны для VI—VII вв.⁹⁸, а 3 — для VIII—X вв.⁹⁹

Из других предметов городища следует упомянуть ножницы для стрижки овец, шилья, точильные камни-оселки для ножей, бронзовые колокольчики, кресала, жернова, изготовленные из песчаника, терки, игральные кости — альчики, железные гвозди и железные массивные пластинки для обшивки дверного полотна ворот, обломки различных костяных предметов. Они все, за исключением ножниц, колокольчиков и оселков, найдены в слое VIII — X вв. н. э. Ножницы, колокольчики, оселки встречались и в погребениях II—VII вв. н. э.

Наконечники стрел

Наконечники стрел представлены 4 экземплярами. Три из них происходят из слоя VIII — X вв., один — из катакомбы № 2. Все они железные. В VIII—X вв. наиболее распространенными были ромбовидные и листовидные небольшие наконечники, плоские в разрезе (рис. 48—9). Аналогичные наконечники широко бытовали в памятниках Восточной Европы¹⁰⁰.

Других материалов об оружии памятника нет. Можно только отметить, что в процессе исследования городища вдоль крепостных стен были обнаружены в разных местах скопления округлых речных гольшей (диаметр 5 — 8 см), которые могли служить метательными орудиями — боллами.

В материале наиболее богато представлены бусы, фибулы, зеркала и другие предметы украшения. Бусы найдены во всех подбойных и катакомбных погребениях, реже в грунтовых. Среди них преобладают

гошировые, стеклянные, пастовые бусы, а также бусы из хрусталя. Редко встречаются из янтаря и полихромные бусы. Все они относятся к IV—VII вв. н. э. (рис. 40, 41).

Браслеты обнаружены во многих погребениях и представлены 12 экземплярами.

1-й тип — круглопроволочные браслеты с утолщенными концами. Такие браслеты найдены в катакомбах № 1, 2, 3, 4 и в подбое № 1.

2-й тип — браслеты с завязанными концами. Найдены в катакомбах № 5, № 6.

Браслеты указанного типа характерны для памятников II—VII вв. н. э.¹⁰¹

Зеркала

Всего найдено 8 зеркал. Все они однотипные и отличаются по размерам и орнаменту на лицевой стороне.

Они сделаны из высокооловянистой бронзы и имеют в центре петлю, а лицевая сторона снабжена рельефным орнаментом.

Зеркала указанного типа широко бытуют в памятниках раннего средневековья, начиная со второго в. н. э.¹⁰² Наши экземпляры хорошо датируются II—VII вв. н. э.

Серьги

Серьги, обнаруженные нами, делятся на два типа: первый тип представляет собой серьгу в виде калачика, изготовленную из бронзового прута. Они найдены в катакомбных погребениях VI—VII вв. н. э. Второй тип представляет собой экземпляры с удлиненной подвеской, стерженьком, на который была надета бусина (рис. 48—44, 45). Они происходят из слоя VIII—X вв. и характерны для конца VIII в. — первой половины IX в., по С. А. Плетневой.¹⁰³

§ 3. Обработка металла, камня и дерева

Большую роль в хозяйстве населения памятника играла обработка металла. Об этом говорят многочисленные железные предметы, найденные на городище. Есть на городище и документальные материалы о металлообработке, в частности, о плавке железа. Речь идет о многочисленных кусках железного шлака. Они были найдены на городище Е. П. Алексеевой¹⁰⁴ и нами. Куски шлака встречаются на всей территории памятника и в раскопах. По словам Б. А. Рыбакова, «наличие шлаков на городищах всегда является признаком местной выработки металла»¹⁰⁵.

Особенно большое скопление шлаков зафиксировано на северной части городища — между цитаделью и главными воротами. Очевидно, на этом участке городища находились кузнечные мастерские. Об

этом свидетельствует то, что здесь Е. П. Алексеевой найдены «много кусков обгоревшей прокаленной печины — возможно, эти куски — остатки разрушенных печей для выплавки железа»¹⁰⁶.

Археологических материалов, позволяющих судить, каким образом хумаринцы осуществляли плавку железа, нет. Можно только отметить, что В. А. Кузнецовым в 1962 году во время раскопок Нижне-Архызского городища X—XIII вв., расположенного недалеко от Хумары, были открыты «остатки железоплавильной трехкамерной печи, сложенной из плоских камней»¹⁰⁷. На основе тщательного изучения постройки В. А. Кузнецов пришел к заключению, «что в Англии X—XIII вв. существовал сыродутный способ плавки железа в подземных домищах»¹⁰⁸. Можно предположить, что и в Хумаре таким способом плавилы железо. Такой способ плавки железных руд зафиксирован и в Средней Азии¹⁰⁹.

Судя по археологическим находкам, в средние века хумаринские мастера производили ножи, ножницы, зубила, шилья, пряжки, гвозди, скобы, топоры, тесла и кресала. Массивные железные пластины со шипами для обшивки дверного полотна, тесла, наконечники стрел, шпоры и т. д. (рис. 48).

Если учесть, что Хумаринское городище являлось крупной военной крепостью, то, видимо, особое значение имело оружейное дело и производство принадлежностей конского снаряжения, хотя материалов для суждения нет. Очевидно, хумаринцы в VIII — IX вв. производили также специализированные орудия для добычи, обработки и тески камня.

Таковы предметы кузнечного производства, найденные на городище. Нам неизвестно, занимались ли хумаринцы добычей руды или мастера имели дело с привозными крицами. Можно только отметить, что на территории Карачаево-Черкесии много месторождений металлов, в том числе железных руд¹¹⁰. Месторождения различных руд имеются также на склонах Скалистого хребта, недалеко от городища.

Богатый материал о высоком уровне обработки камня и строительного дела дают исследования крепостных сооружений и погребальных памятников городища. Крепостные стены, башни, святилища, постройки цитадели сложены из искусно обтесанных квадров местного песчаника насухо или на известковом растворе. В фортификации Хумары были использованы передовые приемы строительства своего времени: квадры сложены по системе «тычков» и «ложков», в процессе кладки применены блоки с прямоугольными вырезами, клиновидные блоки. Высокой квалификации и опыта требовало строительство стен, планировка зданий, оформление сводов и перекрытий. Большого труда и высокой квалификации требовали также добыча, транспортировка и обработка камня, необходимого для крепостных сооружений городища. Если учесть, из камня сооружены: стена протяженностью более 2300 м при ширине 3,5—6 м, при высоте не меньше 10 м, 16 башен, цитадель, святилище и т. д. О высоком уровне строительной культуры бесспорно свидетельствует планировка главных ворот крепо-

сти, отвечавшей всем требованиям военной техники и архитектуры своего времени. Трудно найти какие-либо аналогии им среди памятников Северного Кавказа, за исключением Дербента в Дагестане.

На территории памятника, особенно в период строительства крепости, хорошо было налажено производство известкового раствора. Для его производства и гашения сооружали специальные постройки — ямы. Одна из таких построек открыта нами в 1980 г. у подножия цитадели. Известковый раствор использовался при кладке стен крепостных сооружений и побелки парадных участков крепости.

Важно отметить, что известковый раствор на территории Карачаево-Черкесии применен впервые на исследуемом памятнике.

Важное место в строительном деле занимала обработка дерева. Раскопки остатков башен, ворот и цитадели дали обильный материал, свидетельствующий о широком использовании дерева в процессе строительства сооружений крепости. В указанных постройках были найдены под завалом камней и щебня большие и мелкие куски обработанного дерева. Перекрытия башен, главной постройки цитадели, святилища и других зданий имели деревянные перекрытия. Из дерева были сделаны дверные полотна главных ворот и калиток-проходов. При расчистке прохода главных ворот найдены обработанные бревна до 2 м длиной.

Для перекрытий башен, святилища, для облицовки дверных проемов и дверей требовалось большое количество обработанного дерева: балок, прогонов, плах, досок. Это свидетельствует о том, что в Хумаре работали опытные плотники и, возможно, столяры.

Обилие животноводческого сырья способствовало развитию промыслов, связанных с обработкой сельскохозяйственной продукции — выделкой кожи и изготовлением различных предметов из нее. Из кожи изготовлялись обувь, ножны для ножей, кинжалов, футляры для колчанов, бурдюки, ремни, пояса, веревки и т. д. Так, остатки кожаной обуви, ножны найдены в катакомбных погребениях. В катакомбе № 2 на черепе покойника найдена кожаная лента с прикрепленными к ней бляшками и другими украшениями.

В Хумаринской крепости, на наш взгляд, населенной воинами, кожа имела массовое употребление при изготовлении конского снаряжения и сбруи — седел, уздечек, ремней и т. д.

Наконец, в VIII — X вв. население Хумары в большом количестве изготовляло войлоки, необходимые для покрытия и внутреннего убранства юрт. Изготовление войлоков является традиционным занятием тюркских народов Северного Кавказа и в настоящее время.

Таким образом, в Хумаре имелись мастера по обработке металла, камня, дерева, строители, плотники, столяры, по выделке кожи, по изготовлению войлоков и т. д. Естественно, приведенный перечень видов ремесла не полон. Очевидно, существовали и другие отрасли ремесла. Из-за отсутствия данных о них трудно что-либо сказать конкретно. Но приведенный перечень тоже свидетельствует, что среди населения Хумары имелись опытные мастера, обладающие хорошими техническими навыками.

§ 4. Надписи и знаки

Новую страницу, исключительно важную для истории культуры средневековых тюркоязычных народов Северного Кавказа, открывают древнетюркские рунические надписи Хумаринского городища. Большая часть надписей были найдены случайно в 1960—1962 гг. и опубликованы¹¹¹. Исследованиями последних лет на городище открыты новые надписи (рис. 49).

Рассматриваемые надписи высечены острым орудием на лицевой стороне каменных блоков, из которых сооружены крепостные стены, башни, ворота, калитки. Исключением являются остатки довольно большой надписи, найденной на блоках восточной стены в 1975 г. Знаки описываемой надписи нанесены красновато-коричневой охрой на поверхности известковой обмазки крепостной стены. Причем знаки надписи на стенах крепости возобновлялись после его ремонта и новой побелки и делалось это в одних и тех же условиях на тех же местах (рис. 49).

Надписи Хумаринского городища являются объектом исследования В. А. Кузнецова, А. М. Щербака, Г. Ф. Турчанинова, С. Я. Байчорова, М. А. Хабичева.

По мнению А. М. Щербака и С. А. Байчорова, эти надписи являются древнетюркскими¹¹². В. А. Кузнецов и Е. П. Алексеева считают их болгарскими, т. е. также тюркскими¹¹³. По словам В. А. Кузнецова, «открытие древнетюркской рунической письменности в верховьях Кубани имеет принципиальное значение для археологии и истории Северного Кавказа. С документальной точностью устанавливается обитание тюркского населения на Северном Кавказе задолго до монгольского нашествия XIII в. Существовавшие вплоть до последнего времени представления о том, что тюркские этнические элементы появляются в горах и предгорьях Кавказа лишь после монгольского нашествия, оказываются несостоятельными»¹¹⁴. По словам Г. Ф. Турчанинова, граффити Хумаринской крепости им удовлетворительно прочитаны по-касажски¹¹⁵. По мнению М. А. Хабичева, «Рунические памятники из аланских городищ (Хумаринское, Каракентское, Нижне-Архызское городища — Х. Б.) написаны на древних тюркских языках».¹¹⁶

Не будучи специалистом, трудно что-либо конкретно сказать о дешифровке их. Но эти надписи имеют прямые аналогии в памятниках тюркской рунической письменности Алтая, Средней Азии, Восточной Европы¹¹⁷. Более того, надписи относятся к последнему периоду жизни городища, т. е. к VIII—X вв. н. э. Материал указанного времени городища имеет самые близкие аналогии в инвентаре памятников Восточной Европы, принадлежащих различным тюркоязычным народам.

Исходя из всего этого, мы присоединяемся к мнению о тюркоязычности надписей и полагаем, что они принадлежат средневековым болгарам. Как справедливо пишет крупный кавказовед В. А. Кузнецов, «исключительное значение хумаринские памятники должны приобрести для дальнейших исследований в области этногенеза современных

тюркоязычных народов Северного Кавказа — карачаевцев и балкарцев»¹¹⁸.

Знаки и тамги, как справедливо пишут многие исследователи, в древности были широко распространены среди многих народов и о них имеется большая литература.¹¹⁹

Первые сведения о знаках на территории Карачаево-Черкесии были получены еще до Великой Октябрьской социалистической революции¹²⁰, и в настоящее время знаки открыты во многих памятниках Карачаево-Черкесии и всего Северного Кавказа.

Огромную роль в изучении археологических памятников области, в том числе знаков, сыграли раскопки Т. М. Минаевой. Она опубликовала большое количество знаков из скальных могильников: Крейда, Гнакызы, Токмак-Кая¹²¹. Этим же автором отдельные знаки были найдены в Кубинском и Гиляском городищах¹²². В. А. Кузнецов издал знаки из Нижне-Архызского городища и Змейского могильника¹²³.

Разнообразные знаки, написанные охрой, зафиксированы в Хасатском скальном могильнике.¹²⁴

В разные годы знаки обнаружены нами на керамике Джамагатского могильника, на керамике из поселения Кизиловая Балка и Горькая Балка под г. Армавиром, в керамике Бесленеевского курганного могильника. Помимо того, знаки часто встречаются в составе наскальных изображений вместе с рисунками людей и животных. Наиболее интересные памятники указанного типа в Карачаево-Черкесии открыты Г. Х. Текеевым в Урупском районе, В. И. Марковиним у а. Кумыш¹²⁵, С. Я. Байчоровым в могильнике Гнакызы.

Но больше всего знаков обнаружено в Урцекском городище в Дагестане и Хумаринском городище в Карачаево-Черкесии. Материалы из Урцекского городища изучены и изданы М. Маммаевым¹²⁶. Знаки Хумаринского городища рассматриваются в настоящей работе наряду со знаками из других памятников Карачаево-Черкесии. Так как большинство знаков происходит из Хумаринского городища, в разделе в основном речь идет о знаках из указанного памятника. Это объясняется еще тем, что они до сих пор не были темой специального исследования.

Первые знаки из городища были опубликованы В. А. Кузнецовым и Е. П. Алексеевой. В. А. Кузнецов совершенно справедливо сопоставил их со знаками Саркела и Маяцкого городища¹²⁷. По Е. П. Алексеевой, хумаринские знаки представляют собой, возможно, знаки мастеров строителей¹²⁸. Часть знаков, обнаруженных раскопками последних лет, были опубликованы автором и А. В. Гадло¹²⁹.

Раскопками 1974, 1975, 1977, 1979, 1980 годов на городище найдено большое количество знаков, выбитых тупым орудием и высеченных острым предметом. Они были встречены на блоках стены, башен, прохода-калитки, главных ворот, лестницы, святилища, на стенах амфор, кухонных горшков и стловой посуде.

Так, в раскопе «А» на блоках, использованных в кладке башен и стены, были обнаружены знаки: 4 знака на восточной стене башни в первом и седьмом ряде кладки, 3 знака на блоках, уложенных в тол-

щу стены в ее среднюю часть, 2 знака на обломках блоков, находившихся в развале башни. Знаки изображают различные вариации двузубца и трезубца, три параллельно-вертикальных черты, свастику (рис. 51—4, 2).

На отрезке стены, расчищенном к югу от дороги, и на двух блоках второго сверху ряда удалось обнаружить два знака (один из них находится на расстоянии 1,80 м от конца траншеи). Знаки представляют собой вырезанные в камне разбедренные треугольники (длина основания около 0,20 м), обращенные вершинами вверх. У обоих треугольников линия основания выражена четко, от вершин вверх отходят прямые линии, приблизительно равные половине стороны треугольника. На камнях со знаками имеются следы известкового раствора, частично закрывающие их. Несколько блоков, с вырезанными на них знаками, найдены в завале при расчистке стены и башни. Среди знаков наиболее распространен знак в виде трезубца, средний зубец которого несколько короче двух крайних (рис. 51—1, 9).

На камнях 5-го и 4-го рядов кладки (на высоте от 1,26 до 1,70 м) на остатках известкового раствора, сохранившегося фрагментарно на поверхности стены, также обнаружены знаки, нанесенные красновато-коричневой охрой. Следы охры на известковой обмазке начинают встречать с 6 м, по длине стены, если двигаться вдоль нее от угла, и, возможно, продолжают к югу, где стена понижается, спускаясь вдоль склона. На отрезке стены в районе между 7 и 8 метрами от угла знаки имеют удовлетворительную сохранность. Они образуют скопления, в которых удается четко выделить горизонтально расположенный знак в виде двухстороннего двузубца, затем, несколько выше, знак в виде широкой буквы «Н» с расходящимися концами вертикальных линий, и знак, напоминающий крест. Описанные знаки, по-видимому, одновременны: они начертаны на поверхностном слое штукатурки. Под ними прослеживаются еще слои, на которых также имеются нанесенные охрой знаки и, возможно, даже целые композиции. Так, правый крайний знак на нашем рисунке является знаком более нижнего пласта. Его очертания выступили сквозь верхний слой в виде красноватого пятна. Попытка расчистить его привела к раскрытию части непонятного знака.

Обследование поверхности стен и башни после открытия знаков показало, что отдельные, слабо различимые пятна — остатки подобных изображений сохранились и на восточной стене башни, и на других участках оборонительной стены возле угла башни. К сожалению, штукатурка сохранилась здесь исключительно плохо: она почти везде осыпалась и рассыпалась, что привело к разрушению знаков. Характер зафиксированных нами изображений позволяет предполагать, что в основном наносились знаки, подобные тамгам на блоках, из которых сложены стены крепости. Любопытно, что тамгообразные знаки на стенах крепости возобновлялись после ее ремонта и новой побелки, и наносились на одни и те же места.

Как и на раскопе «А», при расчистке на раскопе «Б» были обнаружены многочисленные знаки, выбитые тупым орудием или процарапанные острием. Знаки встречались на внешних и внутренних (обра-

ценных внутрь кладки) плоскостях блоков, они были встречены на стенах прохода, на плитах лестницы, на камнях кладки стен под слоем известковой обмазки. В большинстве своем знаки имеют облик тамг и мало отличаются от знаков, обнаруженных в северо-восточной части городища.

Разнообразные знаки обнаружены в 1977 г. во время работы на цитадели. Здесь также представлены в виде двузубца, трезубца, креста, трех черточек и т. д. Наряду с этим здесь найдены знаки, не имеющие аналогий среди других знаков, собранных на городище. Так, на блоках стены цитадели найдены два знака в виде двузубца с секирообразным завершением. Имеются знаки, напоминающие форму серпа и другие. Отдельные знаки встречаются и на стенах кувшинов и амфор, но их мало, по сравнению со знаками на камнях.

В раскопе № 2, в блоках, извлеченных из развала, также найдены знаки. Они выбиты или высечены на лицевой стороне каменных блоков, из которых были сооружены стены, башни, фланкировавшие ворота. Они имеют форму в виде двузубца, трезубца, с косым ответвлением (рис. 51, 29). Имеются знаки в виде римской цифры четыре и т. д. Некоторые блоки с тамгами находились в самых различных участках кладки стены, в любом положении, как кверху знаками, так и книзу.

В этой связи следует сказать несколько слов о мнении Т. М. Минаевой относительно происхождения надписей и знаков Хумаринского городища, обнаруженных случайно в 1960 году во время разборки камня из крепостных сооружений памятника для строительства животноводческих ферм совхоза. По предположению Минаевой хумаринские «плиты с надписями находились во вторичном использовании. Высекались они не для Хумаринской цитадели, а появились здесь в качестве строительного материала откуда-то извне».¹³⁰ Главным аргументом автора в пользу указанного предположения является то, что якобы «плиты были обращены надписями внутрь стены. Об этом нам неоднократно приходилось слышать от местных жителей, поэтому мы сомневаемся в том, что надписи относятся к периоду строительства крепости»¹³¹. Т. М. Минаева это предположение высказала, когда еще на городище фактически не были проведены исследования. После работ последних лет на городище нет, на наш взгляд, особой необходимости доказывать ошибочность этого положения. Ибо большинство надписей и знаки были высечены на лицевой стороне каменных блоков. Так, почти все знаки, за исключением нескольких экземпляров, обнаружены нами на лицевой стороне блоков. И надпись, обнаруженная нами в 1977 г., была высечена на лицевой стороне блоков цитадели.¹³² Помимо того, вряд ли можно в настоящее время сомневаться в том, что хумаринские квадры специально добывались и обрабатывались для фортификационных сооружений этого памятника, ибо нами обнаружены карьеры и запасы обработанного камня на склонах балки Шугара. Итак, часть знаков были нанесены на блоки в период добычи и обработки камня и не играли никакой роли в процессе сооружения крепости. Знаки на лицевой стороне блоков, надо полагать, были высечены в период возведения крепостных сооружений.

Итак, работами последних лет на городище и в других памятниках Карачаево-Черкесии собрано большое количество знаков. Чтобы как-то правильно осмыслить собранный материал, нами привлекаются знаки из других регионов. Как известно, в прошлом знаки были распространены повсеместно¹³³, и если последовать принципу графического сходства знаков, то нашим материалам можно найти немало аналогий не только в сопредельных территориях, но и в знаках и алфавитах Древнего Востока, в рунических алфавитах Германии и Скандинавии, в знаках тибетского алфавита¹³⁴ и т. д. Но такие совпадения не исключают случайности и не могут привести к объективным выводам, как полагают многие авторы, занимающиеся изучением знаков¹³⁵. Поэтому мы ограничиваемся привлечением аналогий из средневековых памятников Северного Кавказа, Нижнего Дона, Дунайской и Волжской Болгарии. Это оправдано тем, что знаки Хумаринского городища относятся к болгаро-хазарскому периоду существования крепости, т. е. к VIII—X вв. н. э. В этот период не только большую часть Северного Кавказа, но и основную часть степей Восточной Европы занимали многочисленные тюркоязычные племена, связанные между собой тесными этническими и культурными взаимоотношениями.

Нами привлекаются также материалы из памятников эпохи Золотой Орды Азии и Европы, ибо тюркоязычные и кавказоязычные племена Северного Кавказа эпохи раннего средневековья сыграли огромную роль в сложении культуры и этнического состава населения Золотой Орды. Более того, «тамговая система Золотой Орды была воспринята от населения юго-восточных европейских степей: от огузов, кипчаков, болгар и других союзов племен»¹³⁶.

Помимо того, мы наши знаки сопоставляем с родовыми тамгами народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Крыма, ибо совпадение средневековых знаков с тамгами современных народов надо считать закономерным, и это, на наш взгляд, возможно, свидетельствует о культурно-исторической связи между ними.

Среди знаков наиболее богато представлены двузубцы. Общее количество их превышает более 100 экз. За исключением трех знаков, происходящих из могильников Крейда и Токмак-Кая, они зафиксированы в каменных блоках Хумаринского городища. Единичные двузубцы зафиксированы и в фрагментах амфор из памятника. Двузубцы отличаются не только многочисленностью, но и разнообразием. В основе всех их лежит двузубец, и они близки друг другу по форме и начертанию. Тем не менее большинство знаков в деталях отличаются друг от друга. Они отличаются между собой по форме, по размерам, по наличию отдельных элементов, черточек и т. д. По этим деталям среди них можно выделить несколько видов: прямоугольные двузубцы с вертикальным отростком, прямоугольные двузубцы с длинным отростком и горизонтальной подставкой (рис. 51, 32), прямоугольные двузубцы с отростком, повернутым влево или вправо, округлые двузубцы с отогнутым вправо или влево отростком, двузубцы в виде угла с отогнутым вправо или влево отростком, двузубцы в виде угла с

отростком и горизонтальной подставкой (рис. 51, 82). двузубцы в виде угла с коротким или длинным отростком, двузубцы без отростка, двузубцы с отростком с секирообразным завершением (рис. 51, 42, 61); прямоугольные и округлые двойные двузубцы (рис. 51, 3, 80). Помимо указанных видов, встречаются двузубцы с добавлением черточки, новых отростков (рис. 51, 83, 89, 90). Черточки и отростки добавлялись внутри зубцов, снизу или по бокам (рис. 51, 77, 82, 90, 93).

Итак, двузубцы отличаются многочисленностью и разнообразием. Характерной чертой их является то, что сохраняется для всех них общая основа, но имеются большое количество видов, отличающихся друг от друга по отдельным чертам и элементам.

Очевидно, наличие разнообразных видов двузубцев, при общей основе, свидетельствует о том, что они принадлежали разным лицам, связанным между собой родственными узами. К такому мнению пришли многие исследователи, занимающиеся изучением знаков и тамг разного времени. Так, по мнению В. С. Драчука, «Поворот этих знаков влево или вправо или прибавление новой черточки в верхней части знака связаны с изменением имени владельца»¹³⁷.

По словам Л. И. Лаврова, «Сходство тамг должно было подчеркивать принадлежность их владельцев к общему родственному кругу»¹³⁸. А. В. Чернецов полагает, что «при разделе семей или при переходе имущества от отца к сыну знак собственности нередко претерпевал изменения; сохранялся основной контур старого знака, а видоизменялась какая-нибудь несущественная деталь или добавлялся небольшой дополнительный элемент»¹³⁹.

Рассмотренные двузубцы имеют аналогии в знаках, обнаруженных в памятниках Северного Кавказа. Так, округлые двузубцы без отростка найдены в могильниках Токмак-Кая и Крейда в Карачаево-Черкесии.¹⁴⁰

Двузубцы с вертикальным отростком и без отростка найдены в Урцекском городище в Дагестане.¹⁴¹ Прямоугольные и округлые двузубцы с отростком хорошо представлены также среди знаков на золотоордынской керамике.¹⁴² Несколько двузубцев с вертикальным отростком нами зафиксированы в 1982 г. в фрагментах керамики, обнаруженных на поселениях Предкавказья (Кизиловая Балка и Горькая Балка). Изучаемые двузубцы имеют многочисленные аналогии среди родовых тамг народов Кавказа¹⁴³ (адыгов, абазин, балкарцев, карачаевцев и др.) и тюркоязычных народов¹⁴⁴ (казахов, башкир, крымских татар, хакасов, ногайцев и др.).

Наконец, наши двузубцы имеют самые близкие аналогии в знаках салтово-маяцкой культуры, в Волжской и Дунайской Болгарии.¹⁴⁵ Знаки указанных регионов совпадают с нашими не только по общему начертанию и форме, но и в деталях. Причем некоторые виды хумаринских знаков имеют аналогии только в указанных районах. Так, двузубец с вертикальным отростком с секирообразным завершением встречается только в Хумаре и Саркеле.¹⁴⁶

Среди знаков, после двузубцев, наиболее богато представлены

трезубцы. Они также отличаются разнообразием и многочисленностью видов. Можно отметить следующие варианты: прямоугольный трезубец с отростком, повернутым вправо или влево, трезубец в виде птичьей лапки, с повернутым влево отростком и дополнительной черточкой, трезубец с секирообразным завершением, прямоугольный трезубец с отростком, повернутым влево, средний зуб которого имеет два маленьких отроста (рис. 51).

Трезубцы часто встречаются и в других памятниках Карачаево-Черкесии. Так, они найдены в могильниках Гнакызы, Крейда, Токмак-Кая¹⁴⁷ и среди наскальных рисунков у а. Кумыш¹⁴⁸. Важно отметить, что перечисленные знаки, за исключением у аула Кумыш, зафиксированы на скальных могильниках. Если учесть, что основную часть населения Хумары в VIII—X вв. составляли болгары, то наличие в синхронных скальных могильниках знаков, аналогичных нашим, говорит косвенно в пользу их принадлежности тюркоязычным племенам, но не исключено и случайное совпадение их. Перечисленные знаки отличаются от наших тем, что они не имеют отростка и отсутствуют виды с дополнительными черточками.

Трезубцы различных вариантов встречаются в памятниках и других районов Северного Кавказа. Так, трезубцы в виде птичьей лапы и без отростка, с горизонтальной подставкой и дополнительными черточками богато представлены на керамике Урцекского городища¹⁴⁹. Прямоугольный трезубец с вертикальным отростком обнаружен в могильнике Мокрая Балка¹⁵⁰. Прямоугольный трезубец с отростком, повернутым влево, обнаружен нами в обломке кувшина из поселения Кизиповая Балка. Но более близкие аналоги наши трезубцы имеют среди знаков салтово-маяцкой культуры и Дунайской Болгарии. Так, в Саркеле представлены самые разнообразные виды двузубцев.¹⁵¹ Трезубцы в виде птичьей лапки богато представлены на каменных блоках Плиски.¹⁵²

Трезубцы часто встречаются также на золотоордынской керамике. Большинство их не имеют вертикального отростка, хотя встречаются виды с отростком в виде навершия¹⁵³.

Наконец, наши трезубцы имеют аналогии с тамгами народов Кавказа (адыгов, абазин, балкарцев, карачаевцев, осетин и др.)¹⁵⁴ и тюркоязычных народов (казахов, башкир, татар, чувашей, ногайцев и др.)¹⁵⁵.

Многие авторы, анализируя знаки разных народов, пришли к заключению, что двузубец и трезубец являются знаками царствующих родов¹⁵⁶. Недавно такую закономерность проследила для татаро-монголов на золотоордынских материалах М. Д. Полубояринова.¹⁵⁷ По мнению того же автора, «тамговая система Золотой Орды была воспринята от населения юго-восточных европейских степей: от огузов, кипчаков, болгар»¹⁵⁸.

Возможно, наши двузубцы и трезубцы также принадлежали местной феодальной верхушке или могущественным родам.

В этой связи интересно отметить, что родовая тамга карачаев-

ских князей Карабашевых и Урусбиевых представляла собой трезубец¹⁵⁹. У ногайцев Карачаево-Черкесии трезубец без отростка называется «ханской тамгой».¹⁶⁰

Следующую крупную группу знаков составляют кресты и кресты с лопастями — свастика. Кресты бывают косые или прямые. Редко встречаются более усложненные или упрощенные кресты (рис. 51).

По мнению многих исследователей, кресты, свастика и ряд других знаков представляют собой священный символ солнца — огня у многих народов мира¹⁶¹. В силу этого эти знаки широко распространены и довольно часто встречаются в памятниках Карачаево-Черкесии и всего Северного Кавказа¹⁶². Знаки в виде креста на Северном Кавказе особенно часто встречаются в раннесредневековой керамике, причем в сочетании с кругом и квадратом. Знаки указанного типа обнаружены нами на керамических сосудах Джамагатского могильника и на керамике из поселений: Кизиловая Балка, Горькая Балка, на горшках Хумаринского городища.

Разнообразные виды креста и свастики найдены в памятниках салтово-маяцкой культуры¹⁶³ и в Дунайской Болгарии¹⁶⁴.

Крест и свастика богато представлены также в позднесредневековых памятниках тюркоязычных народов¹⁶⁵. Наконец, знаки в виде креста и свастики хорошо представлены среди родовых тамг народов Кавказа и тюркоязычных народов Азии и Европы.¹⁶⁶ Знаки в виде косоугольного креста встречаются также среди букв древнетюркского рунического письма¹⁶⁷.

Следующую группу составляют знаки в виде палочки или в виде угла (рис. 51). В некоторых экземплярах к знаку добавляются одна или две черточки или же имеется дополнительный отрог. Обычно черточки располагаются слева от знака (рис. 51). Аналогичные знаки известны из могильников Крейда и Хасаут в Карачаево-Черкесии¹⁶⁸. Такие знаки хорошо представлены в Урцекском городище¹⁶⁹. Знаки в виде угла найдены также в Саркеле¹⁷⁰, на камнях Маяцкого городища¹⁷¹ и Плиски¹⁷². Этот знак встречается также на золотоордынской керамике.¹⁷³ Знаки указанного типа известны среди тамг народов Кавказа¹⁷⁴ и тюркоязычных народов (казахов, чувашей, каракалпаков, башкир)¹⁷⁵. Такой знак прочно бытует среди букв рунического письма.¹⁷⁶

Немало среди рассматриваемых памятников знаков в виде одной, двух, трех вертикальных черт (рис. 51). Отличаются они между собой по длине черточек и по положению знака: в одних случаях они вертикальные, в других — горизонтальные и наклонные.

Знаки, состоящие из прямых черточек, редко встречаются в памятниках Северного Кавказа и среди тамг народов Кавказа. Наиболее богато они представлены в Урцекском городище¹⁷⁷. За пределами Северного Кавказа знаки указанного типа известны в Саркеле¹⁷⁸, Маяцком городище¹⁷⁹, в Плиске¹⁸⁰. Знаки указанного типа особенно богато представлены среди тамг казахов, башкир, каракалпаков, киргизов, ногайцев, чувашей, татар¹⁸¹. Знаки указанного типа найдены также в золотоордынских памятниках¹⁸².

Редко встречаются знаки в виде круга с отростками, ромба и квадрата с отростками, в виде звезды и т. д.

В Хумаринском городище обнаружены всего четыре знака указанного типа (рис. 51, 18, 34, 53, 76). Из них знак в виде круга с двумя отростками, повернутыми влево и вправо, зафиксирован в тулове кружки. Остальные были высечены на каменных блоках. В целом, знаки в виде круга, квадрата, ромба и других геометрических форм не характерны для Хумаринского городища. Они более характерны другим памятникам Карачаево - Черкесии. Так, знаки в виде круга и квадрата известны в могильниках Крейда¹⁸³ и Мокрая Балка¹⁸⁴, а также среди наскальных рисунков у а. Кумыш¹⁸⁵, в Змейском могильнике.¹⁸⁶ Знаки указанного типа бытуют в памятниках салтово - маяцкой культуры, в Волжской Болгарии и Дунайской Болгарии¹⁸⁷. Знаки, аналогичные описываемым, известны также среди знаков на золотоордынской керамике¹⁸⁸. Особенно богато представлены знаки указанного типа среди тамг народов Кавказа¹⁸⁹. Знаки описываемого типа встречаются также среди тамг башкир, казахов, узбеков и других тюркоязычных народов СССР.¹⁹⁰

Итак, рассматриваемые знаки многочисленны и разнообразны. Некоторые из них имеют аналогии среди знаков, обнаруженных в памятниках Северного Кавказа эпохи раннего средневековья. Они имеют также сходство с тамгами народов Кавказа, Средней Азии, Крыма и Поволжья. Некоторые из них имеют близкие аналогии также в рунах древнетюркской рунической письменности. Но наиболее близкие аналогии им имеются среди знаков салтово - маяцкой культуры и Дунайской Болгарии. Они во многом тождественны со знаками Саркела, Маяцкого городища и Плиски. Возможно, это связано с наличием среди населения названных районов родов, входивших некогда в состав одного племенного объединения, имевших общий племенной знак. Можно полагать, что в результате каких-то политических и этнических процессов произошло расчленение племен и роды, имеющие общий знак, оказались в составе населения различных территорий. Такое предположение оправдано тем, что в прошлом тюркоязычным народам была характерна сложная племенная структура: каждое племя состояло из нескольких родов и родовых подразделений.¹⁹¹ Обычно роды, образующие одну племенную организацию, имели помимо родовой единую племенную тамгу¹⁹². Это подтверждается также этнографическими данными. Так, род кипчаков в составе башкир, ногайцев, казахов, узбеков, киргизов, каракалпаков имеет одинаковую тамгу¹⁹³. Это объясняют исследователи тем, что все эти роды, зафиксированные в составе указанных народов, представляют собой «потомков одних и тех же племен, входивших некогда в состав Золотой Орды»¹⁹⁴. Общая тамга есть также у башкир, киргизов, узбеков, каракалпаков, что указывает на общность их этнических корней¹⁹⁵. Древнейшее ядро карачаевского народа состояло из четырех племен - къаумов (Адурхай, Будян, Науруз, Трам), каждый из которых объединял десятки родов.

Роды, входящие в один кѡаум-племя, считались кровнородственными и имели, кроме родовой тамги, общую племенную тамгу.

Общие знаки у разных народов могли возникнуть также в результате заимствования или проникновения одного этноса в среду другого народа. Так, карачаевцы Хубиевы и абазины Хубиевы имеют одну тамгу. Как правильно отметил Ш. Ш. Хуранов, это может говорить о карачаевском происхождении абазин Хубиевых, или об абазинском происхождении Хубиевых-карачаевцев»¹⁹⁶, т. е. Хубиевы являются в составе эти народов двумя подразделениями одного рода, которые продолжают по традиции носить общую тамгу.

Совпадение многих кавказских тамг с тамгами ногайцев и крымских татар Л. И. Лавров объясняет тем, что «Некоторые из обладателей подобных тамг действительно происходили от ногайцев или татар (абазины Хачуковы, адыгейский хануки Султан-Гирей и др.)».¹⁹⁷ Совпадение знаков из разных памятников Карачаево-Черкесии, принадлежавших к разным этносам: тюркоязычным болгарам, ираноязычным аланам, местным племенам, видимо, во многих случаях можно также объяснить такими этническими процессами в средние века. Большой интерес представляет вопрос о значении знаков. Он давно привлекает внимание специалистов и до сих пор остается спорным. Так, знаки на черепицах и амфорах средневековой Таврики А. Л. Якобсон рассматривает как знаки ремесленников.¹⁹⁸ По А. М. Шербаку, «почти все саркельские знаки из числа тех, которые были сделаны на керамике, являются знаками собственности и напоминают хорошо известные специалистам тюркские и монгольские тамги»¹⁹⁹.

На основе анализа знаков салтово-маяцкой культуры С. А. Плетнева предполагает, что «они могли быть знаками феодалов, ремесленников и вывод ученых о символическом значении знаков не лишен основания»²⁰⁰.

Знаки Урцекского городища, нанесенные в процессе производства сосудов, являются, по мнению М. Маммаева, ремесленными метками. «Являясь ремесленными метками, рассмотренные знаки одновременно выполняли функцию оберега»²⁰¹.

М. Д. Полубояринова на основе изучения знаков на золотоордынской керамике полагает, что «знаки ставились где-то на промежуточном этапе между мастером и владельцем. Вероятно, их ставили купцы, которые использовали кувшины (и сферокуны) как емкости для транспортировки и продажи каких-то жидкостей и сыпучих продуктов... Знаком купец мог удостоверить точную меру и качество продаваемого товара... Во всяком случае, кто бы ни ставил знак на золотоордынских сосудах, он ставил свой знак собственности»²⁰². По мнению С. М. Ахинжанова, «знаки на посуде XVI—XVIII вв. из Отрара и его периферии — это свидетельство принадлежности керамических мастерских в городах тем, или иным племенам или, скорее всего, главам казахских родов»²⁰³. Специалист по знакам Северного Причерноморья З. И. Соломник пришла к выводу, что знаки служили одновременно для разных целей, меняясь и развиваясь только во времени»²⁰⁴.

По В. С. Драчуку, «Знаки были родовыми и личными тамгами».²⁰⁵ По словам Л. И. Лаврова, «Тамги следует рассматривать прежде всего как знаки собственности»²⁰⁶. Помимо того, тамги, по Л. И. Лаврову, выступали в роли производственного клейма, заменяли подпись или печать, выступали в роли герба.

Итак, как видно из вышесказанного, единого мнения о значении знаков до сих пор нет.

На мой взгляд, ближе к истине те исследователи, которые полагают, что знаки использовались с различными целями. Это подтверждается этнографией народов Кавказа. Так, они тамгами «метили... скот, их вырезали также на косяках или створках дверей, на столбах домов, на деревянной посуде, на трещотках... вытесывали на каменных могильных памятниках, на придорожных столбах или на стенах зданий, рисовали краской на знаменах и скалах, а также проставляли под документами вместо подписей и печатей»²⁰⁷. Применение тамг в перечисленных целях сравнительно недавно дает основание предположить, что средневековые знаки Карачаево-Черкесии применяли также по такому назначению. В частности, знаки, обнаруженные на керамике, могли быть метками ремесленников или феодалов, владеющих керамической мастерской. Часть средневековых знаков могли иметь религиозно-магическую функцию. Но «знаки могли иметь культовый смысл лишь тогда, когда их наносили на культовые памятники с культовой (магической) целью»²⁰⁸. Можно предположить, что религиозную функцию имели знаки, обнаруженные в могильниках, в камерах погребений. Возможно, магические цели имели знаки, зафиксированные на камнях святилища, и знаки восточной стены Хумаринского городища, нанесенные красновато-коричневой охрой. Может быть, этим объясняется то, что указанные знаки на стене крепости возобновлялись после ее ремонта и новой побелки и наносились на одни и те же места²⁰⁹. В качестве гипотезы можно высказать мнение, что после завершения строительства крепости на блоки восточной стены торжественно были нанесены тамги господствующих родов. Что касается остальных знаков городища, то они представляют собой родовые и личные тамги средневекового населения городища, являющегося пестрым в этническом и языковом отношении. Добыча, обработка, перевозка камня на плато была осуществлена их силами, хотя, по-видимому, строительством крепости руководили специалисты-архитекторы. Строители крепости знаками могли отметить количество добытого, обработанного, перевезенного и сложенного камня, т. е. они могли выполнить функцию метки, наносимой на камни для учета выполняемой работы за определенное время каким-то количеством людей, родом, племенем и, т. д.

Итак, исследование знаков привело нас к выводу, что Карачаево-Черкесия в средние века имела тесные этнические и культурные связи с другими районами Северного Кавказа и Восточной Европы. Большинство наших знаков (главным образом знаки из Хумары) имеют наиболее близкие аналогии со знаками салтово-маяцкой культуры, Дунайской Болгарии. Это подтверждает наше мнение о том, что в VIII—X вв. н. э. основную часть населения городища составляли болгары, представлявшие часть тюркоязычного населения степного Предкавказья.

Наряду со знаками, на цитадели городища в 1977 году найдены несколько рисунков в виде скачущих всадников, ослика. На одном из блоков главных ворот зафиксирован рисунок очень плохой сохранности. Можно предположить, что он представляет собой рисунок какого-то копытного животного. Наибольший интерес представляет рисунок, сделанный на лицевой стороне одного из блоков крепостной стены цитадели. На нем изображены две человеческие фигуры на фоне горы (очень стилизованно), напоминающей по своим контурам вершины Эльбруса (рис. 12). Человеческие фигуры изображены в полный рост, четко очерчены их части тела и представляют собой мужчин атлетического телосложения. Первая фигура изображена головой вверх, руки согнуты в локтях, подняты вверх и раскинуты, пальцы растопырены, туловище немного наклонено вперед и левая нога соответственно с туловищем приподнята и выдается вперед, как бы в прыжке. Фигура вместо пяти имеет по шести пальцев на каждой руке, и нос больше напоминает клюв птицы, чем нос человека. Вторая фигура изображена вниз головой, руки подняты вверх вертикально друг к другу и согнуты в локтях, ноги раздвинуты. Фигура в левой руке имеет шесть пальцев, и нос также напоминает клюв птицы.

Трудно сказать, какой смысл имеет рисунок. Если представить обе фигуры вверх головой и друг против друга, то можно предположить, что на рисунке изображена сцена единоборства богатырей. Но все элементы рисунка, особенно поза человеческих фигур, позволяют предположить, что они исполняют какой-то ритуальный танец, т. е. рисунок имеет религиозно-магическое назначение. По сюжету и по технике выполнения близкие нашему рисунку памятники найдены недавно С. А. Плетневой в Маяцком городище, и, по ее мнению, они тоже имеют культовое назначение.²¹⁰ В этой связи интересно отметить, что в культовые действия средневековых тюркоязычных народов Северного Кавказа «входили борьба и битва на мечах, причем противники выступали обнаженными один на один или группами, скачки на конях, игры, пляски и оргии»²¹¹ (М. И. Артамонов. История Хазар, с. 187). В памятниках Северного Кавказа нам подобные рисунки неизвестны. Можно только отметить, что на Кавказе очень часто встречаются наскальные изображения, иероглифы, сочетающие человеческие фигуры, рисунки животных и разнообразные знаки, относящиеся к самым различным периодам истории местного населения. На памятниках Кавказа также часто встречаются бронзовые скульптурные изображения людей.

Что касается рисунков в виде всадников, лошади, ослика, то они богато представлены на памятниках широкого ареала. Так, самые различные рисунки указанного типа встречаются в памятниках Сибири²¹². Аналогичные рисунки также часто находят на блоках крепостных стен салтово-маяцкой культуры и в памятниках Болгарии²¹³.

§ 5. Торговля

Одним из основных факторов развития Хумары как города-крепости было его выгодное географическое положение. В районе Хумары скре-

щивались торговые и хозяйственные дороги местного и международного значения.

О существовании торговой магистрали, проходившей через Хумару, первым писал А. И. Дьячков-Тарасов²¹⁴. Мнение его было поддержано другими исследователями и в настоящее время не вызывает сомнения²¹⁵.

Археологический материал, собранный в процессе раскопок, свидетельствует о тесных торговых связях населения Хумары с Северным Причерноморьем, Приазовьем. Об этом говорит большое количество амфор, найденных на городище. В них на городище завозились вино, масло, нефть, смола.

О связях с Закавказьем свидетельствуют различные бусы, украшения, фибулы, найденные в погребениях II—VII вв.

Самые тесные связи имело население городища с Крымом, Предкавказьем, с местными горскими племенами, которые входили в состав Хазарии.

В материалах Хумары встречаются также находки, происходящие из более отдаленных стран, что свидетельствует о широте ареала торговых связей. Так, еще до революции была найдена византийская монета. В катакомбе № 2 найдена иранская серебряная монета. В погребениях часто встречаются стеклянные сосуды сирийского происхождения, янтарные бусы из Приднепровья и т. д.

О среднеазиатско-китайских связях говорят зеркала, найденные еще до революции. Так, в Государственном Историческом музее СССР в Москве хранится коллекция привозных бронзовых зеркал с этикеткой «Хумара»²¹⁶. В одном из зеркал имеется китайская надпись. В целом эти зеркала характерны для средневековья²¹⁷.

Приток в Карачаево-Черкесию предметов из Средней Азии и Китая увеличивается после VI в., когда была открыта новая ветка шелкового пути через Северный Кавказ в Византию. Иран, в связи с ухудшением отношений с Византией, всячески мешал согдийским купцам, направляющимся в Византию, облагая их высокими пошлинами. Тогда была установлена прямая связь Средней Азии с Византией, минуя Иран, основу которого положило посольство тюркского когана Истеми во главе с согдийским купцом Маниахом, прибывшее в 568 г. в г. Константинополь²¹⁸.

Путь посольства Истеми и караванов, направлявшихся с Востока на Запад и обратно, проходил через Хумару по перевалам Клухор, Махар, Санчар и др.

Об интенсивности караванной торговли, проходившей через Карачаево-Черкесию, свидетельствуют шелковые ткани из Китая, Средней Азии и Византии, найденные в Карачаево-Черкесии²¹⁹.

Таким образом, многолетние работы на Хумаринском городище привели к получению новых данных как об этом замечательном памятнике, так и о тех исторических процессах, которые имели место в разные эпохи в Верхнем Прикубанье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные в работе факты позволяют сделать ряд выводов. Одни из них, по-видимому, можно считать достаточно прочно обоснованными и убедительными, а другие, носящие гипотетический характер, требуют последующей проверки.

Как показывает разнообразный рассмотренный материал, культурный слой городища делится на три подслоя. Нижний слой, более древний, принадлежит племенам кобанской культуры.

Данные анализа свидетельствуют о том, что кобанские племена вели оседлый образ жизни, занимались скотоводством, земледелием, имели развитое гончарное производство. В силу оседлости и обилия строительных материалов, кобанцы подавляющее большинство построек возводили из камня. Наиболее распространенными типами жилищ в этот период надо считать большие четырехугольные и круглые постройки, предназначенные для большой семьи.

Рассмотренные нами погребальные памятники свидетельствуют о том, что в изучаемую эпоху для кобанцев были характерны каменные ящики и грунтовые могилы. В целом нижний слой относится к VIII—VI вв. до н. э. Такая датировка этого слоя была предложена еще в 1964 г. Е. П. Алексеевой. Наши материалы подтвердили ее хронологию.

Материалы второго периода относятся ко II—VII вв. н. э. и оставлены сармато-аланами и потомками племен кобанской культуры. Хронологические рамки этого периода, особенно верхняя, хорошо датируются комплексами из катакомбных погребений. Эту дату подтверждает и серебряная монета VI в., найденная в катакомбе № 2.¹

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что в данный период на Хумаринском плато бытовали каменные ящики, гробницы, склепы, подбойные и катакомбные погребения. Первые три вида памятников представляют собой типичный кавказский тип погребальных сооружений и, видимо, принадлежат местным племенам. Погребения в подбоях и катакомбах несвойственны местным племенам и принадлежат аланам². Причем, как и в других местах Верхнего Прикубанья, катакомбный обряд перестает в Хумаре действовать на рубеже VII—VIII вв. н.

э., что, очевидно, связано с переселением какой-то части их на Дон и смещением с местным населением.

В целом, во II—VII вв. на Хумаринском плато существовало значительное поселение со смешанным населением, с развитым многоотраслевым хозяйством, поддерживавшим связи с сопредельными странами, в частности с Закавказьем, Ираном и Северным Причерноморьем.

Наконец, открытие на городище культурного слоя и катакомбного могильника VI—VII вв. имеет принципиальное значение и позволяет не очень строго отождествить Хумару с древним Схимарисом, упоминаемым в церковных летописях VII в. В церковных преданиях есть сообщения о том, что святой Максим Исповедник, вместе с двумя учениками, за непризнание ереси северян был сослан в крепость Схимерис, пограничную с аланами³. «Тут Максима заточили в крепость Гимар, что недалеко от страны овсов»⁴, — повествуется в грузинских летописях XI в. Еще М. Г. Джанашвили, Л. И. Лавров и Е. П. Алексеева высказывали мнение, что средневековые источники под Схимарисом подразумевают Хумаринскую крепость⁵. Однако тогда на городище не было известно слоя IV—VII вв. и, э., что затрудняло сопоставление Схимариса с Хумарой. После работ последних лет можно совершенно определенно сопоставить средневековый Схимар (Гимар) с Хумарой. Это оправдывается не только сходством названий: Гимар — Схимар — Хумара, но и археологическими материалами, а также географическими ориентирами.

Но особенно интенсивной жизнь была в третий период, когда здесь возник военно-политический центр Хазарского каганата, сопровождающийся возведением целого комплекса фортификационных сооружений.

Анализ материалов из городища, наблюдения, проведенные в процессе раскопок на Хумаре, а также обследование других средневековых памятников Карачаево-Черкесии и сопоставление наших данных с синхронными памятниками соседних районов привели нас к заключению о том, что оно было крупнейшим на Северном Кавказе.

В этот период для Хумары были характерны почти все особенности раннефеодального города: большая площадь, сложная трехчастная структура, наличие различных видов ремесла, мощные фортификационные сооружения.

Одним из основных факторов развития Хумары как города-крепости было его выгодное географическое положение. Он контролировал важные хозяйственные дороги местного назначения и международную торговую магистраль, связывающую цивилизацию стран Запада и Востока.

О высоком уровне материальной и духовной культуры Хумары свидетельствуют также жилые, хозяйственные, культовые сооружения, надписи, знаки и рисунки.

Об этом особенно ярко говорят раскрытые и исследованные в ходе раскопок остатки монументальной крепостной архитектуры, которой до сих пор не знала археология Северного Кавказа.

Крепостная архитектура, характер кладки и строительство их говорят о том, что у населения бытовало глубокое знание о самых передовых фортификационных приемах того времени, применявшихся при постройке крепостей Азии и Европы. Они наиболее близкие аналогии име-

ют в архитектуре крепостей салтово-маяцкой культуры и Болгарской Народной Республики, синхронных и родственных в этническом отношении нашему памятнику. Вместе с тем, положение нашего памятника на стыке Закавказского и—шире—Ближневосточного древнего культурного региона и Восточно-Европейской степи определенно указывает направление, в котором следует вести поиски истоков архитектурной традиции, воплотившейся в крепостях Хазарии и Дунайской Болгарии.

Материалы третьего периода относятся к VIII—X вв. н. э.

Основным датирующим материалом служит разнообразная керамика, прежде всего привозные амфоры. Здесь, за исключением отдельных типов (кувшины), представлены все формы и типы керамики, идентичной салтово-маяцкой посуде, хорошо известной и твердо датирующейся VIII—X вв. н. э. Следовательно, в этих рамках можно датировать и Хумаринское городище. Нижняя дата VIII в. соответствует времени возведения оборонительных сооружений и строительства цитадели. Верхняя дата синхронна времени прекращения жизни на памятнике.

Таким датировкам не противоречат и другие материалы (предметы быта, украшения, вооружения), собранные на исследованных участках городища. Они тоже относятся к указанному времени. Этой дате не противоречат также жилые, хозяйственные постройки, архитектура и приемы строительства крепостных сооружений, исследованных нами.

По монументальности крепостных сооружений Хумаринское городище не имеет себе подобных не только в Карачаево-Черкесии, но в других районах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Строительство такой крепости могло быть под силу только этносу, имеющему централизованную власть, отдельному племени оно было не под силу. Такой властью на Северном Кавказе в VIII—X вв. н. э. обладал только Хазарский каганат. Ее построили хазары в стратегически наиболее важном пункте в военных целях, прежде всего для охраны горных перевалов Верхнего Прикубанья. В VIII—IX вв. хазары во многих стратегически важных пунктах каганата построили мощные крепости, где держали военные гарнизоны, призванные защищать государство. Учитывая важность указанного района, хазары, одни из первых в каганате, построили Хумаринское укрепление, чтобы защищать горные проходы от вторжения неприятеля, прежде всего, арабов. В пользу строительства крепости в военных целях свидетельствует и то, что, по сообщению армянского историка Мовсеса Каганкатвацци⁶, арабы дважды прошли через Абхазию и нанесли хазарам неожиданные удары с фланга.

Вообще, с древнейших времен разные народы и государства стремились контролировать перевалы как важные стратегические пункты, которые связывали цивилизации разных стран. За перевалы боролись киммерийцы и скифы, сарматы и аланы, Иран и Византия, хазары и арабы и т. д.

Помимо этого, крепость контролировала крупную международную торговую магистраль, связывающую цивилизации стран Запада и Востока. Но Хумаринская крепость имела и другое важное значение. Постройка ее была вызвана не только внешней опасностью со стороны пе-

ревалов, но и связана внутренней политикой Хазарского каганата — закрепить зависимость местного населения от каганата.

Наконец, надо учесть то, что основное население каганата занималось животноводством. Оно ежегодно, как и современное население этих мест, выгоняло на лето скот в горные альпийские луга: пастбища Биче-сына, Индыша, Джалан-Кола и др. Все дороги, ведущие на эти пастбища со стороны степей, проходят надалеко от Хумаринского городища. Хумаринская крепость как бы является воротами к горным альпийским пастбищам. Очевидно, большой военный гарнизон крепости охранял стада хазар от горцев в период перегона их в горные пастбища и весь сезон пребывания их там. Словом, она являлась одним из важных военно-политических центров хазар на Северном Кавказе.

Но, как и в любом большом памятнике, население городища в VIII—X вв. было в этническом и языковом отношении неоднородным, пестрым. Наряду с хазаро-болгарами здесь обитали местные племена и, по-видимому, аланы. Причем тюркоязычная феодальная верхушка занимала цитадель, хорошо укрепленную и ограниченную от внешнего мира, в том числе от самого города-крепости.

Большой гарнизон был расквартирован внутри крепости. Зависимое местное население располагалось на территории открытого поселения. Следовательно, структура и топография городища находились в прямой зависимости от социальной структуры населения древнего поселения.

В целом материалы памятника способствуют разработке проблемы этнокультурной и политической взаимосвязи предгорий Северного Кавказа, степи и лесостепного Подонья, Приазовья в эпоху Хазарского каганата.

Исследования данной проблемы следует, видимо, продолжать в настоящее время с изучения вопросов, связанных с ролью тюркских племен в раннесредневековой истории населения Северного Кавказа. Но мы знаем, что в кавказоведческой литературе доминирующая роль отводилась аланам, а не тюркам, что было уже справедливо отмечено А. В. Гадло⁷.

Однако начиная с первых веков н. э., различные тюркские племена проникают в различные районы Северного Кавказа и принимают активное участие в политической жизни и в этнических процессах края.

Особенно важную роль в истории Северного Кавказа тюркские народы сыграли в VIII—X вв., в период усиления арабских завоеваний. К VIII в. арабы захватили огромную территорию, включавшую Закавказье, Среднюю Азию, Северную Индию, Пиринейский полуостров, и реально угрожали народам Северного Кавказа. В эти трудные для народов Северного Кавказа дни тюркские народы возглавили борьбу против арабов, плечом к плечу с горцами Кавказа боролись с врагом и остановили натиск их. В частности, хазары, в связи с усилением арабской угрозы, заключили союз с Византией.⁸ Под их воздействием было образовано Абхазское царство.⁹ Были объединены все народы Кавказа

для борьбы с арабами. Хазары проявили большую осмотрительность в этих условиях и начали проводить массовое строительство крепостей на стратегически важных пунктах, где были расквартированы военные гарнизоны.

Строительство Хумаринской крепости, как выше было сказано, также связано с усилением арабо-хазарских войн. Население ее приняло самое активное участие в арабо-хазарских войнах, в хазаро-кавказских политических событиях VIII—X вв.

В VII—X вв. все народы Северного Кавказа входили в состав Хазарского каганата и тюркские племена вступили в этнические контакты с местным населением, шел процесс взаимовлияния и сближения их культуры.

В результате этих контактов образовалось много общих элементов в культуре и языке современных народов Кавказа¹⁰.

Наконец, болгары сыграли огромную роль в этногенезе современных тюркоязычных народов Северного Кавказа — балкарцев, карачаевцев и кумыков. В пользу этого говорят данные этнографии, археологии, топонимики и языка¹¹. Попытаемся обосновать этот тезис, ибо это имеет принципиальное значение для воссоздания истории указанных народов.

На первый взгляд, карачаевцы, балкарцы, живущие в течение многих веков изолированно от тюркского мира, среди кавказских народов, мало чем отличаются по культуре и быту от своих соседей. Но при тщательном изучении этнографии у них можно найти немало материала, связанного с тюркскими традициями. В этой связи попытаемся проследить эти черты и сопоставить их с этнографическими материалами тюркских народов.

В области материальной культуры черты былой степной жизни предков карачаевцев и балкарцев прослеживаются в характере занятий, внутреннем убранстве и деталях архитектуры жилых помещений и пище¹².

Пережитки тюркоязычных предков могут быть намечены и в народном календаре карачаевцев. Так, судя по этнографическим материалам, в прошлом карачаевцы счет годам вели по двенадцатилетнему животному циклу¹³. Такой способ летоисчисления характерен для тюркских и монгольских народов¹⁴. Аналогичный способ летоисчисления в прошлом практиковался у болгар и чувашей¹⁵.

У карачаевцев существует богатая номенклатура названий для различных возрастов и цвета животных¹⁶. Карачаевцы и балкарцы, как и многие тюркские народы, практикуют систему наименований животных по наличию и состоянию зубов¹⁷.

Излюбленными видами питания карачаевцев являются мясо-молочные продукты. Не только названия этих продуктов (эт, сют, каймак, айран, бышлакъ, шорпа, джёрме, кыйма), но и способ приготовления их носит чисто тюркский характер¹⁸.

Более того, В. Ф. Каховский, анализируя способ приготовления пищи балкарцев, полагает, что, несмотря на общетюркский характер их, имеются специфические черты, сближающие балкарцев с чувашами¹⁹.

Следы древнейших связей карачаевцев с тюркскими народами со-

хранились в некоторых деталях жилища и особенно во внутреннем убранстве помещения²⁰.

Некоторые связи могут быть намечены и в одежде карачаевцев с тюркскими народами. Например, в прошлом карачаевцы для пастухов изготовляли из войлока верхнюю одежду прямого покроя—гебенек²¹. Материал, назначение этой одежды, ее название вполне совпадают с типом одежды других тюрков²², киргизов²³, малоазийских турков. Такой вид одежды, под тем же названием, отмечает Ибн-Фанлен. Как указывает К. Шаниязов, аналогичные одежды, под названием чайдам, носили карлуки Шургинского района в Узбекистане²⁴. Все это дает основание полагать, что гебенек восходит к древним тюркским образцам одежды, характерным для скотоводов и воинов.

В обычаях, в семейно-родственных отношениях, в народной музыке этих народов также немало общетюркских элементов. Здесь нет необходимости останавливаться подробно на всех них. Отмечу лишь, что карачаевцы и балкарцы, как и чувашаи, татары и другие тюркские народы²⁵, за невесту платили калым деньгами и скотом. Причем в состав калыма обязательно входила лошадь с седлом. В этой связи нельзя не вспомнить обычай древних тюрков, согласно которому после сговора о браке родственники со стороны жениха должны были из своих табунов предоставить возможность каждому из приехавших родственников невесты выбрать себе любую лошадь²⁶.

Композитор Г. К. Шейблер, изучая карачаево-балкарскую музыку, пришел к выводу, что она очень близка к народной музыке чувашей, татар и других тюркских народов²⁷.

Однако особенно ярко и полно сохранилась преемственная историческая связь карачаевцев с тюркскими народами по линии религиозных верований и обрядов, т. е. по линии наиболее консервативных элементов культуры. По мнению Л. П. Потапова, «религиозные представления древних тюрков обладают поразительной устойчивостью»²⁸.

Наиболее подробное описание языческих верований древних тюрков дает Монсей Каганкатваци в «Истории агван»²⁹. В частности, он описывает религию и обряды гуннов, родственных средневековым болгарам. Крупный специалист по истории и культуре тюркских народов М. И. Артамонов считает, что формы религиозных верований, отмеченные у гуннов, являлись характерными и для болгарских племен³⁰. Поэтому небезынтересно данные письменных источников о религии тюрков, а также данные археологии сопоставить с религиозными верованиями карачаевцев и балкарцев, бытовавшими в прошлом.

Так, по археолого-этнографическим данным и письменным источникам главным богом древних болгар, как и многих других тюркских народов, был Тенгри. Почитание Тенгри-хана, как высшего божества, отразилось в материальной культуре средневековых болгар. В погребениях салтово-маяцкой культуры найдены солнечные амулеты с всадниками, сидящими на грифонах. По мнению С. А. Плетневой, которая специально и основательно занималась историей болгар, «солнечные амулеты, широко распространенные в пределах Хазарского каганата, были символами Тенгри-хана—бога неба»³¹. Почитание указанного бога су-

ществовало у болгар и после переселения на Дунай. Так, в надписи хана Омуртага, найденной в Мадаре, упоминается божество Тангра³². В греческих источниках имеются свидетельства о приношении болгарами в жертву животных в честь бога Тангри³³. Бытование у протобулгар культа Тангри подтверждается еще тем, что культ указанного бога в прошлом отчетливо прослеживался в языческих верованиях татар и чувашей³⁴.

У карачаевцев и балкарцев в прошлом также широко было распространено почитание верховного божества Тейри — бога неба. По общему мнению исследователей, карачаево-балкарский Тейри восходит к древнетюркскому богу Тенгри-хану³⁵.

Следует отметить, что Тейри, как высшее божество, в религии карачаевцев наделяется теми же качествами, что и Тенгри-хан: это божество судьбы людей, источник всех благ и радостей. Ему посвящали большинство молений и жертвоприношений. Так, еще в XIX в. Клапрот писал, что балкарцы почитают бога, именуемого не аллахом, а Тенгри, в качестве подателя всякого добра³⁶.

Почитание Тейри, как высшего божества, отразилось и в карачаево-балкарском фольклоре. Так, до наших дней дожили песни, обращенные к Тейри:

«Тейри пусть благословит,
Тейри пусть от несчастья избавит,
Тейри пусть счастье нам даст,
Тейри пусть даст дорогу счастливую,
Кто произносит имя Тейри,
Пусть скажет аминь.
Кто не скажет,
Пусть себе язык прикусит»³⁷.

Следует отметить, что в настоящее время культ бога Тенгри почти у всех тюркских народов утрачен, а у указанных народов его пережитки бытуют по настоящее время. Например, имя Тейри можно услышать до сих пор в некоторых архаических формах заклинания — Тейри Урсун (что значит: да накажет божество Тейри), в пожеланиях — Тейри берсин ол насыбны, Тейри Сакъласын (Да подать это благо Тейри, благословит тебя Тейри), а также в клятвах — Тейри адамы (Клянусь именем Тейри). Наконец, карачаевцы и балкарцы по настоящее время во время различных торжеств (свадьба, праздники) произносят длинные речи — благопожелания от имени Тейри. Некоторые исследователи полагают, что карачаево-балкарский Тейри преемственен от кипчаков³⁸. Однако следует учесть, что если он был характерен докипчакским тюркским народам Северного Кавказа, то можно предположить, что карачаевский Тейри занесен на Кавказ болгарами. В пользу этого высказались уже некоторые исследователи³⁹. Кроме того, верховным божеством кипчаков был не Тенгри, а Кам⁴⁰.

Интересным является также характерное совпадение карачаево-балкарских верований о священных рощах и деревьях с аналогичными представлениями средневековых тюркских племен и народностей.

Наиболее подробное сообщение о почитании тюркскими народами

Северного Кавказа священных деревьев содержится в «Истории агван» Моисея Каганкатваца⁴¹. По сообщениям автора «Истории агван», тюрки в дубовых рощах Тенгри-хану приносили в жертву лошадей. «Кровь их поливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья деревьев», «если и пили тело и кровь жертвенных животных»⁴².

По описанию Моисея Каганкатваца, они испытывали суеверный страх перед священными деревьями, их запрещалось трогать: если кто-либо брал от этого дерева «падшие ветви или сучья для своих нужд, то оно наказывало их страшными муками, бешенством, даже смертью, и истребляло дом и род их»⁴³. Все эти элементы, характерные для культа священных деревьев у древних тюрков, находим в этнографических описаниях домусульманских религиозных верований карачаевцев и балкарцев. Например, в Карачае, около с. Хурзук, была священная сосна; в Балкарии, около с. Верхняя Балкария, стояло «священное дерево», носившее имя Раубазы. Оба дерева считались «священными» и были объектами богослужений и жертвоприношения⁴⁴. Как сообщает Х. О. Лайпанов, щепки и отдельные сучья Раубазы некоторые старики носили в кармане в качестве могущественного талисмана еще в эпоху господства мусульманской религии. Эти старики говорили мусульманам: «Пусть аллах будет за вас, но только, чтобы Раубазы был за нас»⁴⁵. Более того, священные деревья карачаевцев и балкарцев также считались неприкосновенными и запрещалось их трогать. Так, в 1896 году эфенди Али Энеев из села Гунделен собирался срубить Раубазы, но жители села не дали его срубить⁴⁶.

Вышеприведенные параллели приводят нас к предположению, что культ священного дерева у карачаевцев и балкарцев восходит к аналогичным поверьям их тюркоязычных предков.

В пользу нашего предположения говорит и то, что реликты былого почитания священного дерева сохранились и у дунайских болгар⁴⁷. В прошлом жертвоприношение в священных рощах занимало важное место также в религиозных верованиях чувашей и казанских татар — потомков болгар⁴⁸. У всех указанных народов все эти моменты, характерные для культа священных деревьев, очень близки и отличаются только в деталях.

Особо следует сказать о культе камня в Карачае. По данным этнографии и письменных источников, в прошлом в Карачае у каждого селения и даже у каждого рода имелись свои священные камни⁴⁹. Так, в Учкулане существовал священный камень «Чопшаны Ташы», население один или два раза в год собиралось здесь и устраивало праздник. Жители просили бога (Тейри) обеспечить их всякими благами, при этом прыгали через камень, а в заключение праздника резали жертвенных животных и поедали их⁵⁰.

Известно, что в селении Хурзук почитался священный камень «Байрам-Таш», а около местечка Худес «Карачайны къадау ташы». О Хурзукском камне еще в начале XX в. Н. С. Иваненко писал: «Около него и теперь кладут пожертвование деньгами, вещами и хлебом, вознося молитвы за счастье новорожденного, за здоровье отца или близкого человека, за удачу в каком-либо предприятии»⁵¹. Несомненно, подобные празд-

ники отражали первобытно-языческие верования предков карачаевского народа.

Почитание камня было опять-таки широко распространено в среде тюркоязычных народов. Например, в Дунайской Болгарии было специальное святилище, посвященное камню⁵², аналогичные культовые сооружения существовали и в Волжской Болгарии, гузы считали, что некоторые камни вызывают дождь, половцы носили камень неба — лазурит — в виде амулетов на груди⁵³. Аналогичные поверья бытовали в прошлом и у алтайских тюрков⁵⁴. Очевидно, этот культ, вера в его очистительно-защитную роль перешел к карачаевцам от одного из тюркских народов (болгар или половцев), принявших участие в их этногенезе.

Интересным является также характерное совпадение карачаево-балкарских тотемических верований о волке с древнейшими тотемическими представлениями о нем, отмеченными среди тюркских народов.

Так, согласно тотемическим представлениям древнейших тюрков, волк является отцом первого тюрка, существовали различные поверья, связанные с почитанием волка⁵⁵.

Почитание болгарами волка подтверждается данными археологии. Так, волчьи амулеты являются частой находкой в салтово-маяцкой культуре⁵⁶, аналогичные предметы известны в инвентаре памятников, оставленных волжскими болгарами⁵⁷. Дунайские болгары даже специально отливали из металла фигурки волка⁵⁸.

Отсутствие сведений о религиозных верованиях карачаевцев изучаемого времени мешает нам воссоздать стройную картину почитания волка. Но, судя по поздним этнографическим материалам, поверья, связанные с культом волка, в их языческих верованиях имели место. Так, очевидно, вера в магическую силу волка породила различные волчьи обереги, которые носились взрослыми и детьми. В частности, в качестве талисмана и оберега они использовали волчьи зубы⁵⁹. От древних тотемических верований сохранился запрет произносить настоящее имя волка. Культ волка отразился и в различных приемах народной медицины, колдовстве карачаевцев и балкарцев. Так, при заболевании людей (преимущественно детей) кожной болезнью карачаевцы подвешивали на шею волчьи астрагалы. Кроме того, в прошлом прочно бытовало среди карачаевцев поверье, что отданная в руки волчьей жила вызывает судороги различных частей тела и помогает обнаружить его. От этого поверья сохранилось выражение: «Къолунгъа берю синъир бергей эдим» (Если бы дал в руки волчьи жилы)⁶⁰. Очевидно, указанные примеры свидетельствуют о том, что в прошлом культ волка бытовал также у карачаевцев и был перенят от тюркоязычных предков.

В пользу этого говорит тот факт, что абсолютно аналогичные же поверья, связанные с волком, отмечены учеными в религиозных верованиях других тюркских народов. Например, у чувашей различные части волчьей туши употреблялись при лечении кожных заболеваний, волчье сухожилие служило для порчи, а клыки использовали в качестве оберегов⁶¹.

Л. П. Поталов сообщает, что среди тюркских и монгольских народов

существовало поверье, что сжигание волчьей жилы вызывает у вора судороги рук и ног и приводит к неизлечимому недугу⁶².

В прошлом карачаевцы и балкарцы почитали также собак. По воззрениям карачаевцев, собаки когда-то спасли людей от чудовищного Джельмауза, который в день сотнями поедал людей. По их представлениям, эти же собаки охраняют луну от драконов. Они полагали, что если бы не собаки, то дракон проглотил бы луну и наступил бы конец человечества. Кроме того, в прошлом, как сообщает этнограф И. М. Шаманов, шерсть собаки использовали в качестве оберегов и амулетов⁶³. Опять-таки, имеются многочисленные свидетельства о религиозном почитании собаки тюркскими народами. Например, в древних китайских источниках содержатся неоднократные упоминания о приношении в жертву собаки древними тюрками⁶⁴. Почитание собаки было широко распространено среди средневековых болгар. Как сообщает С. А. Плетнева, в Саркеле собака была одним из жертвенных животных⁶⁵.

Религиозно-магическое почитание собаки было характерно для дунайских⁶⁶ и волжских болгар. В частности, по сообщению Ахмед-ибн-Фадлана, волжские болгары, как и карачаевцы и балкарцы, приписывали собаке способность прогонять нечистую силу, злых духов⁶⁷. Почитание собаки волжскими болгарями подтверждается также данными археологии⁶⁸. Наконец, следы почитания собаки сохранились и у казанских татар⁶⁹ и чувашей⁷⁰.

Следы этнокультурных связей предков карачаевцев с тюркскими народами распространяются даже на мелкие поверья и приметы (суу анасы, суу атасы, обур, эмеген, джелмауз, байчы).

В пользу тюркского компонента говорят данные археологии⁷¹ и языка⁷². Археологический материал дает основание говорить о ранней и неоднократной инфильтрации различных тюркоязычных племен на территорию Карачаево-Черкесии и в соседние районы. Еще до революции в Карачаево-Черкесии были обнаружены тюркские каменные статуи, сближающиеся по всем деталям с аналогичными памятниками Алтая, Монголии и Средней Азии. В последние годы автором и Г. Х. Текеевым найдены новые тюркские статуи. Главной отличительной чертой наших статуй от памятников указанных районов является то, что у многих из них на головном уборе и на плечах изображены кресты. По предположению В. А. Кузнецова и Т. М. Минаевой, кресты могли быть высечены позднее⁷³. Можно предположить, что кресты на статуях свидетельствуют о распространении христианства среди тюркского населения края. В этой связи заслуживает внимания мнение Л. Н. Гумилева о том, что «христиане проповедовали свою веру среди кочевых тюрок не без успеха. Тюрки, захваченные в плен византийцами в битве при Балярате в 591 г., имели на лбах татуировку в виде креста»⁷⁴.

Судя по материалам Хумары и городища «Указатель», не позже VIII в. на территории Карачаево-Черкесии внедряется новая волна болгар из Предкавказских степей. Имеются материалы о проникновении в этот район половцев (курганы и каменные бабы).

Различные тюркские этнические наименования сохранились в топо-

нимике края и в родовых названиях карачаевцев. Так, в Балкарии имеется местность под названием «гун тала», т. е. поляна гуннов. Былымское городище местному балкарскому населению известно под названием «Гацар-Кала»⁷⁵. В Тебердинском ущелье имеется река и урочище Агур. Один из притоков р. Кяфар называется Кяфар-Агур. В Балкарии имеется ущелье — Акур-кол, и башня Усхур-кала. По справедливому замечанию В. А. Кузнецова, топоним Агур связан с болгарской этнонимикой⁷⁶. Замечательно то, что название одного из древних родов карачаевцев Дола — Долалары — Долаевы созвучно с родоплеменной группой западнотюркского каганата Дуло. Как известно, Кубрат — основатель Великой Болгарии — принадлежал также к роду Дуло⁷⁷. Примечательно то, что карачаевцы древнетюркской рунической письменностью, унаследованной от болгар, пользовались еще в XV в. Так, архиепископ персидского города Султани Ионн де Галонифонтибус в работе «Книга познания мира», изданной в 1404 г., пишет о карачаевцах (черные черкесы) и замечает, что они имеют свою письменность⁷⁸. По предположению Е. П. Алексеевой, речь идет о рунической письменности, которая дожила у карачаевцев до позднего средневековья⁷⁹. Одно из подразделений рода Тохчуковых — Ауарлы — Аварлы переключается с этнонимом авары.

Вызывает интерес также сложный этнический термин «Аш-Тигор» (Ас-Тигор), упоминаемый в «Армянской географии» VII в. Племена под названием «ас-аз» часто встречаются в древнетюркских рунических памятниках⁸⁰. Названия племен и родов с основой «ас» и «аз» бытуют и у многих современных тюркоязычных народов: у ногайцев (род: ас, кара ас, терт ас), алтайцев (род: тёрт-ас, Дети-ас, Байлаг-ас)⁸¹, башкир (подразделения ас, ассы в составе башкир — катайцев)⁸². У карачаевцев и балкарцев до сих пор сохранилось выражение: асыны баласы «сын аса», асыдан тугъан ассы «ас, рожденный от аса» и другие. Большинство средневековых восточных авторов определенно отличают, как справедливо пишут В. А. Кузнецов и Т. М. Минаева, асов от алан и считают их тюрками (Идриси, Ибн Саид, Абульфедя). Более того, осетины Балкарию называют Ассией, балкарцев — ассами, абхазы — азами.

Вышеприведенные материалы дают основание высказать гипотезу о тюркоязычности определенной части племен, скрывавшихся под этнонимом «ас». В этой связи интересно отметить, что и термин «Тигор» широко распространен в родоплеменных названиях тюркоязычных народов эпохи средневековья. Так, Махмуд Кашкарский в составе огузов перечисляет 22 племени, в том числе племя тьюгер. Рашид ад-дин в составе огузов приводит племя дюкер (тьюгер). Указанный термин зафиксирован также в топонимике и личных именах туркменом и огузов⁸³.

В этногенетических преданиях и в фольклоре карачаевцев и балкарцев также немало общетюркских элементов. Так, в основу предания о происхождении кутригуров и утигуров положен, как справедливо пишет А. В. Гадло, сюжет «о лани», «якобы приведшей гуннских охотников к открытию новой земли и последующему за этим переселению гуннов на европейскую сторону.. Меотиды»⁸⁴, переключаясь с легендой об открытии охотником Боташем Хурзука и заселении карачаевцами вер-

ховьев Кубани. Карачаевское предание о Аллемели созвучно с тюрко-монгольскими преданиями⁸⁵.

Итак, несмотря на многовековую обособленность карачаевцев и балкарцев от тюркских народов, в культуре их до наших дней сохранилось много элементов, присущих тюркским народам. Очевидно, в сочетании с данными других смежных дисциплин они дают право говорить о главной роли тюркского компонента в этногенезе изучаемых народов. Сам факт победы тюркского языка говорит в пользу большего удельного веса тюрков в этногенезе указанных народов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Археологическая экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института в последние годы, наряду со стационарными раскопками ряда важных объектов, проводила разведку по выявлению новых памятников на территории Карачаево-Черкесии. За десять полевых сезонов (1969—1979 гг.) работы экспедицией, возглавлявшейся автором, в разных районах области было открыто и в разной степени обследовано довольно много объектов: от эпохи бронзы и до позднего средневековья. Изучение памятников сопровождалось зачисткой культурных выходов, закладкой шурфов, обмерами различных сооружений, съемками и картографированием. В некоторых из них проведены археологические раскопки. Ниже дается краткое описание некоторых из них для сравнения с материалами Хумаринского городища.

ПАМЯТНИКИ ТЕБЕРДИНСКОГО УЩЕЛЬЯ

Экспедиция подвергла сплошному исследованию ущелье, начиная с г. Теберды до аула Верхняя Теберда. Выбор этого участка для разведок объясняется тем, что в археологическом отношении район плохо изучен. Экспедицией были зафиксированы остатки 20 поселений и могильников, расположенных на берегах правых и левых притоков р. Теберда. Ниже приводится краткое описание памятников в порядке их открытия. Сначала рассмотрим памятники, которые выявлены на левом берегу указанной реки.

1. Поселение и могильник на р. Ачитара

Река Ачитара берет начало высоко в горах и сливается с Тебердой в 4 км к северо-западу от г. Теберда и образуется слиянием двух горных ручейков Уллу-Ачитара и Гитче-Ачитара. На левом берегу р. Уллу-Ачитара, в 2 км к западу от слияния с Тебердой, открыты поселение и могильник. Поселение с площадью около 2 га занимает часть плоской вершины небольшого плато. На территории поселения в бес-

порядке расположены остатки каменных построек. Могильник располагается на юго-восточной части плато. Здесь зафиксированы десятки разрушенных подземных гробниц четырехугольной формы, стенки которых сложены из обработанных камней на глиняном растворе и сверху перекрыты большими плоскими плитами. Ориентированы они обычно с северо-востока на юго-восток или с юго-востока на северо-запад. Подъемная керамика позволяет отнести памятник к середине раннего средневековья.

2. Поселение и могильник на р. Гидам

В 6 км к западу от а. Верхняя Теберда в верховьях Гидама располагаются поселение и могильник. Поселение занимает небольшую площадь на левом берегу реки и вся его территория покрыта густым лесом из больших сосновых и фруктовых деревьев. Площадь поселения составляет около 2,5 га. На этой территории в беспорядке разбросаны остатки различных каменных построек. Они имеют в плане четырехугольную и круглую форму. Наряду с постройками небольших размеров, являющихся остатками жилищ, имеются сооружения больших размеров. Последние — остатки построек для скота.

Судя по хорошо сохранившимся постройкам, они сооружены из битого и обработанного камня без раствора. Около одной из построек найдены разбитый сероглиняный горшок и железный наконечник стрелы, характерные для VI—VII вв. н. э. Помимо их, на поселении собраны фрагменты керамики черного и серого цвета. Такая керамика прочно бытует в памятниках Карачаево-Черкесии IV—VII вв. н. э. Найденные немногочисленные материалы на поселении позволяют датировать их предположительно IV—VII вв. н. э.

По соседству с поселением располагается могильник. Некоторые из них на поверхности земли отмечены камнями. На могильнике исследовано нами одно погребение, представляющее собой грунтовую могилу овальной формы. Заполнена яма землей. В нижней части стенки ее обложены большими камнями. В центре ямы (на дне) зафиксировано скопление угля и костей животных. Среди сильно обуглившись мелких костей имеются и человеческие. У северной стенки ямы найден разбитый двухручный сероглиняный сосуд. Недалеко от него найдены кости мелкого рогатого скота и зубы лошади. Других находок в погребении нет. Так как в могиле нет скелета и в ней зафиксированы обуглившись кости, то можно предположить, что здесь было трупосожжение.

Помимо этих памятников, на левом берегу Теберды зафиксированы шесть поселений. Все они представляют собой открытые селища. Обычно поселения расположены в верховьях небольших горных речек или у выхода из урочищ в долину Теберды. На их территории сохранились остатки различных построек (жилищ, загонов для скота). В поселениях никаких находок нет, поэтому трудно определить время их существования. Но они все по месту расположения и по площади, а также

по хорошо сохранившимся остаткам построек, аналогичны поселениям на р. Ачитара, Гидам, которые по материалу датируются IV—VII вв. н. э. Очевидно, к этому времени относятся и эти памятники.

На территории указанных поселений зафиксированы и погребальные памятники (подземные гробницы, каменные ящики). Все они давно разрушены и ограблены. Подземные гробницы по форме и размерам очень близки погребениям, найденным на поселении Ачитара.

Следы поселений найдены (на левом берегу р. Теберда):

3. На речке Гитче-Ачитара, в 1,5 км в восток от поселения на речке Уллу-Ачитара.

4. В 2 км к северу от указанного поселения, на склоне горы.

5. На правом берегу горной речки Куру-Кол, в 2,5 км к северу от предыдущего поселения.

6. На левом берегу р. Гидам, на западной окраине аула Верхняя Теберда.

7. На правом берегу р. Агур, на западной окраине аула Верхняя Теберда, по соседству с карьером черного мрамора.

8. На левом берегу р. Гымылдык, в 2,1 км к западу от слияния ее с р. Теберда.

9. Поселение и могильник у аула Джингирик, к югу от г. Карачаевска. В разрушенных подземных гробницах найдены горшки с сосцевидными налепами, двухручные кувшины со сливом, характерные для IV—VII вв.

10. Поселение и могильник (каменные ящики, подземные гробницы) IV—VII вв. у аула Бирлик.

11. Экспедиция института в 1978 г. вела раскопки могильника и поселения «Джамагат» в Тебердинском ущелье Карачаево-Черкесии. Раскопки могильника были вызваны угрозой разрушения памятника в процессе земляных работ на его территории.

Джамагатский комплекс расположен на правом берегу р. Теберда в 500—600 м к северу от места слияния рек Джамагат и Теберда. Указанный участок долины Теберды называется Джамагат или Адам кырылгъан (дословно по-карачаевски «место, где вымерли люди»). Последнее название местности связано с реальными историческими событиями. Здесь в XVIII—XIX вв. существовал карачаевский аул Джамагат, население которого погибло от эпидемии чумы. По мнению специалистов, в поэме великого русского поэта М. Ю. Лермонтова «Хаджи-Абрек» воспет указанный аул.

В могильнике исследованы 14 погребений. Они представляют собой грунтовые ямы различных размеров, с вертикальными или слегка скошенными стенами и заполнены землей, выкопанной из могильных ям. Могильные ямы в плане прямоугольные, за исключением могилы № 14, со слегка закругленными углами. Размеры их зависели от размеров и, видимо, социального положения погребенных. Обычно в больших ямах погребены взрослые, а в маленьких — дети и подростки. Причем в могилах небольших размеров почти нет инвентаря.

Погребения совершались в деревянных гробах или в рамах. Из-за плохой сохранности дерева, трудно восстановить их конструкцию. Но,

судя по погребениям, где относительно хорошо сохранилось дерево, большинство из них представляли собой рамы, сложенные из четырех плах. Стенки их обычно не соединены между собой, а плотно пригнаны друг к другу. Можно предположить, что торцовые или боковые плахи имели пазы, не дающие им упасть на покойника. Помимо этого, рамы с внешней и внутренней стороны были обложены камнями. Они, видимо, не давали плахам упасть под давлением земли на покойника. Наконец, все гробы или рамы сверху перекрывались также плахами.

Могилы предназначались для одиноких захоронений. Обряд погребения устойчивый и одинаков для всех покойников, независимо от их пола и возраста, за исключением погребений № 10 и № 13, где отсутствовали покойники. Все погребенные лежали вытянуто на спине, головой на юг и юго-запад. Из-за плохой сохранности трудно сказать что-либо о положении рук многих погребенных. Но там, где имеется удовлетворительная сохранность, они вытянуты вдоль тела покойника.

В 3-х погребениях зафиксированы кости животных. Из них в двух могилах (погребения № 13, 14) найдены целые скелеты лошадей. В погребении № 1 найдены кости барана, лежавшие внутри бронзового котла. Важно отметить, что скелеты лошадей и кости животных были положены и в погребения, разрушенные во время земляных работ трактором, до начала раскопок на памятнике.

Инвентарь могильника состоит из посуды, оружия, бытовых вещей, предметов украшений и одежды. Среди них первое место по количеству занимает керамика. Керамика черно- и сероглиняная, изготовлена на круге, тесто содержит дресву и блестки слюды. Независимо от формы и размеров, все они тонкостенные, тесто плотное, хорошо перемешанное. Глиняная посуда является обязательным предметом во всех погребениях. Обычно у ног погребенного помещался большой сосуд, а у головы мелкие кувшинчики и горшки. По форме сосудов, в ней можно выделить несколько основных типов. Наиболее распространенным, встречавшимся почти в каждой могиле, являются сероглиняные горшки с шаровидным туловом, слегка согнутым венчиком и с ручками. Некоторые из них имеют на тулове (обычно три) сосцевидные налепы и зооморфные ручки.

Ко второму типу относятся сероглиняные кувшины средних размеров с одной или тремя ручками и со сливом.

Третий тип представлен большими кувшинами. Они имеют яйцевидную форму, одну ручку и снабжены у горла со сливом. Часто верхняя часть тулова их снабжена линейным орнаментом.

К четвертому типу относятся два красноглиняных кувшина гончарного производства. Эти кувшины имеют чашеобразный венчик, раздутое тулово и на верхней части снабжены орнаментом в виде многорядной волны.

Все указанные формы керамики, кроме кувшинов четвертого типа, находят себе многочисленные аналогии в инвентаре памятников IV—VII вв. н. э. Карачаево-Черкесии и являются предметами местного производства. Что касается кувшинов из погребения № 10, то они неизвестны в памятниках Карачаево-Черкесии. Но они прочно бытуют в инвентаре

Цебельдинских некрополей III—V вв. н. э. в Абхазии¹. Могильник «Джамагат» расположен недалеко от Клухорского перевала, который ведет к южному склону (в Абхазию) Главного Кавказского хребта. Очевидно, кувшины попали в Теберду, как предмет обмена, из Абхазии.

Помимо керамики, к посуде надо отнести клепаный котел из тонкой листовой меди со сферическим дном и дужкой для подвешивания, а также импортный стеклянный сосуд желто-зеленого цвета из погребения № 10.

После керамики, в инвентаре могильника хорошо представлены различные украшения: амулеты и подвески с изображением птичьих голов, браслеты, изготовленные из круглой в сечении бронзовой проволоки с расплощенными концами, зеркала из белого сплава, с петлей в центре и рельефным орнаментом, серьги, фибулы, бронзовые литые пряжки с подвижным язычком. Наиболее интересными из них являются фибулы. Они двух типов. Первый тип представлен двухчленными дуговидными подвязными фибулами. Второй тип представлен бронзовой фибулой с крестовидной посередине дужкой.

Хорошо представлены в инвентаре могильника различные бусы (горный хрусталь, сердолик, янтарь, стекло). Лучше представлены из них стеклянные бусы. Они имеют темно-серый, темно-коричневый, черный, голубой, синие цвета. По форме они шарообразные, округлые, многогранные и т. д. Стеклянные и янтарные бусы надо считать привозными, бусы из горного хрусталя, видимо, являются местного происхождения.

Кроме перечисленных предметов, в погребениях найдены железные мечи, кинжалы, ножи, кольчатые удила, стрема.

Инвентарь позволяет могильник отнести к V—VII вв. н. э.

К могильнику с северо-западной стороны примыкает поселение. На его территории хорошо сохранились остатки различных построек, сооруженных из битого камня и булыжника. Постройки, по внешним признакам, имеют различные формы и размеры. В плане они имеют круглую, четырехугольную, овальную формы и различные размеры (размеры их: 20×30 м, 17×32 м, 27×40 м, диаметр: 29,30,35 м). Судя по размерам, они являются остатками загонов для скота. Другая часть построек имеет четырехугольную форму и по размерам меньше, чем отмеченные. Они имеют размеры: 6×4 м, 8×3 м и т. д. Они, видимо, являются остатками жилых построек. На территории поселения подъемного материала нет, поэтому о площади его можно судить только по остаткам указанных построек. Площадь, занятая постройками, с юга на север имеет протяженность около 300 м, с востока на запад—120 м.

Нами на поселении исследованы остатки небольшой четырехугольной постройки, ориентированной с севера-востока на юго-запад. Размеры ее: длина — 6,35 м, ширина — 3,90 м. Стены жилища сложены из двух параллельных рядов битого камня, а пространство между ними заложено мелкими камнями. По углам стены укладывали большие камни. За исключением отдельных экземпляров, они не обработаны и, вообще, кладка стен осуществлена очень небрежно. Вход в жилище был устроен в северном углу восточной стены впритык к северной стене. Пол жи-

лица земляной, хорошо утрамбован. В центральной части жилища открыта хозяйственная яма. К северу-западу от нее открыта яма № 2. В 0,40 м к юго-западу от ямы № 1 открыто небольшое углубление овальной формы. Стенки и дно углубления сильно прокалены от огня. Прокаленность стенок и заполнение ямки позволяют предположить, что это — очаг открытого типа. Он был углублен в материк на 0,20 м, имел диаметр 0,37 м, располагался в центральной части постройки. Из-за плохой сохранности постройки, восстановить ее можно частично. Видимо, она представляла собой жилище из одной комнаты с открытым очагом в центре. Судя по обгоревшим плахам, жилище имело деревянное перекрытие, которое было покрыто хворостом и присыпано землей. Вход в жилище был устроен на углу восточной стены.

12. В 1978 г. мы посетили и осмотрели хорошо известное городище на р. Амгате. Первое сообщение о памятниках Амгаты принадлежит И. А. Владимирову, который посетил городище в 1899 году². В 1976 году на Амгате произвел раскопки Г. Х. Тексев³. Амгатинское городище находится у истоков речки Амгата на верхней площадке скалистого горного хребта. На вершине хребта имеются три скальных отрога с труднодоступными склонами. Городище располагалось на вершине указанных отрогов. На городище с долины Теберды серпантинном по южному склону хребта ведет горная тропинка. На расстоянии 300 м до городища, с северной стороны тропинки, имеются десятки скальных погребений, высеченных на склоне горного кряжа. Большинство из них высечено так высоко, что без специального снаряжения практически невозможно подняться до них. Камеры, высеченные в нижней части скалы, давно начисто ограблены.

Городище находится высоко в горах и труднодоступно, оно сильно укреплено. Каждый отрог (в отдельности) укреплен по периметру стеной. На склонах отрогов хорошо сохранились остатки стены. Стены сооружены из хорошо обработанных каменных плит различного размера и рваного камня, без связывающего раствора.

Но особенно сильно укреплен северный отрог. Он укреплен по периметру двумя, а местами тремя параллельными каменными стенами. В некоторых участках стена сохранилась до высоты 2,2 м, при толщине ее 1,40 м. На вершине отрога и между двумя стенами хорошо сохранились остатки различных построек. В 1899 году на его вершине И. А. Владимиров зафиксировал остатки храма, который в настоящее время целиком разрушен. В толще оборонительных стен имеются камни очень больших размеров. Они, бесспорно, первоначально предназначались не для стены. По археологической литературе известно, что в Амгате, наряду с другими погребениями, имелись дольмены. Видимо, эти камни взяты для стены из дольменов. Судя по разрушенным и исследованным Г. Х. Текеевым погребениям, могильники располагались в центральной части плато и в северо-западной части северного отрога (рис. 46). Погребальные сооружения представлены каменными ящиками и подземными гробницами. Материалы Г. Х. Текеева из Амгатинского могильника относятся к IV—VII вв. н. э. Но, как было отмечено, на городище имеет-

ся храм, который В. А. Кузнецов аргументированно относит к XI—XII вв. н. э.⁴ Поэтому Амгатинский комплекс можно предварительно отнести к IV—XIII вв. н. э. По мощности оборонительных сооружений и по многочисленности памятников Амгатинский комплекс — один из интересных археологических объектов Карачаево-Черкесии.

ПАМЯТНИКИ КУБАНСКОГО УЩЕЛЬЯ

13. Поселение и могильник IV—VII вв. в 4,5 км к югу от аула Хурзук.

14. Поселение и могильник (каменные ящики) IV—VII вв. на северо-восточной окраине а. Учкулан, недалеко от моста через р. Хурзук.

15. Могильник из каменных ящиков и подземных гробниц на левой стороне Кубани, около аула Каменноост. Керамика (горшки, кувшины) из разрушенных погребений датирует памятник IV—VII вв.

16. На восточной окраине того же селения располагается скальный могильник, камеры которого давно ограблены.

17. Около поселка Шахта № 11 обнаружен могильник с христианским обрядом захоронения. Погребальные сооружения представляют собой узкие каменные ящики, стенки которых сложены из обработанных плит. Время могильника XI—XII вв.

18. На южной окраине аула Новый Карачай открыты поселение и могильник. На территории поселения собраны фрагменты посуды (горшки, кувшины, пифосы), характерной для IV—XI вв. Погребальные сооружения представлены каменными ящиками и подземными гробницами. В разрушенных погребениях найдены горшки с сосцевидными налестками и большие кувшины со сливом. Суммарно памятник относится к IV—XI вв.

19. Интересные памятники открыты на южном склоне балки Инал, недалеко от аула Хумара, на правом берегу Кубани. Некоторые памятники Инала (поселение, катакомбы, скальные захоронения) нашли свое отражение в работах Г. М. Минаевой и Е. П. Алексеевой. Здесь нами открыто большое количество каменных ящиков, подземных гробниц и грунтовых погребений. Стены гробниц сложены из обработанных плит насухо и сверху закрыты одним или несколькими каменными плитами. Вход-лаз четырехугольной формы устроен с южной стороны. Все они давно ограблены. Только в одной из гробниц найдены нами бусы, бронзовый браслет, фибулы, относящиеся к IV—VII вв. Давно ограблены также скальные погребения. Но в одной из камер могильника нами собран выразительный материал (бронзовые браслеты, бусы, ажурная бляха, бронзовый амулет, фрагменты сероглиняного кувшинчика), типичный для инвентаря памятников VIII в.

На западной пологой части отрога над балкой Инал располагается подземный склеп — мавзолей. Склеп имеет в плане круглое основание и куполовидный верх, то есть выстроен в форме юрты. Стены его сложены из хорошо обработанных каменных плит регулярной кладкой на известковом растворе. Вход четырехугольной формы устроен на западной стороне склепа и сверху перекрыт толстыми плитами. При всем разно-

образии погребальных памятников Карачаево-Черкесии склепы указанного типа не известны до сих пор на рассматриваемой территории. К сожалению, склеп ограблен и трудно определить время сооружения. Можно только отметить, что он был возведен не ранее VIII в., ибо в каменных постройках края известковый раствор, как связывающий материал, стали использовать не ранее указанного времени. (Стены построек IV—VII вв. обычно сложены на глине или насухо). Суммарно памятники балки Инал (поселение и могильники) относятся к IV—XI вв.

20. Каракентское городище, расположенное на юго-западной окраине аула Кумыш, на левом берегу р. Кубань, было исследовано в 1979 г. Оно занимает плоскую вершину мыса, хорошо защищенного с трех сторон природными преградами. Крутые склоны мыса, где находится городище, с юга и севера ограничены балками Каракент и Кумыш, на востоке обрываются в глубокое ущелье. На западе мыс узкой полосой соединен с основным массивом гор, только с западной стороны можно было проникнуть на территорию древнего поселения. Тем не менее, городище было укреплено по периметру мощной каменной стеной, усиленной башнями (площадь 7 га). Ворота были сооружены на северо-западном углу западной стены (рис. 52). Городище имеет трехчастную структуру—цитадель, собственно крепость и открытое поселение—посад. Цитадель занимает восточную часть мыса и разграничена от остальной части городища мощной каменной стеной. Крепостные стены и башни городища возведены из хорошо отесанных плит без связывающего раствора, насухо. Поселение примыкает к городищу с юго-восточной стороны. Оно расположено в долине речки Каракент до слияния ее с Кубанью.

Открытое селище занимает большую площадь и на его территории хорошо прослеживаются остатки жилищ, разрушенных погребений, плиты с крестами и различными изображениями. Поселение на месте слияния речки Каракент и Кубани было отмечено еще Нарышкиным⁵ и в 1950 г. здесь работала экспедиция КЧНИИ, возглавлявшаяся Е. П. Алексеевой⁶.

На территории поселения имеются самые различные могильные сооружения (каменные ящики, гробницы, скальные погребения, земляные катакомбы и т. д.) с языческим и христианским обрядом захоронения. В 1979 г. случайно на территории Кумышского кирпичного завода открыт катакомбный могильник. Керамика и бронзовый котел из разрушенных погребений относятся к VI—VII вв. н. э. Этот могильник тоже находится на территории Каракентского поселения. Суммарно городище относится к VI—XII вв. и является одним из крупных памятников раннегородского типа.

21. Поселение и могильник открыты в 1978 г. на правой стороне Кубани, около Усть-Джегутинского гипсового завода (с. Важное). Поселение занимает значительную площадь, начиная от берега Кубани до речки Учкурка. Памятник двухслойный. Нижний слой относится к X—XIII вв. н. э. На поселении много керамики, котлы с внутренними ушками, сероглиняные и красноглиняные кувшины с линейным орнаментом, пифосы. К поселению с южной стороны примыкает христианский мо-

гильник, состоящий из каменных ящиков, синхронный верхнему слою памятника. В древности погребения на поверхности земли были обозначены каменными плитами. Об этом свидетельствует то, что над одним из погребений найдена каменная плита со знаком в виде креста.

22. К востоку от описанных памятников на правой стороне р. Учкурка открыто городище. Оно занимает плоскую вершину мыса и с напольной стороны укреплено каменной стеной. Напротив этого памятника, на левой стороне названной речки, располагается хорошо известное Учкурское городище, исследованное в 1963 г. Б. Д. Гальпериной и В. П. Любыным⁷. Керамический материал из указанных памятников идентичный и относится к одному хронологическому периоду. Поэтому вновь открытые объекты можно отнести к VII—XII вв.

23. В 4 км к северо-западу от с. Важное, в верховье реки Байтал-Чапхан открыто городище. Оно занимает плоскую вершину горы-останца с крутыми склонами. К городищу с восточной стороны примыкает открытое поселение. На территории поселения хорошо прослеживаются остатки жилищ и хозяйственных построек из битого камня и обработанных плит. На южном склоне горы-останца имеются скальные захоронения. Суммарно Байтал-Чапханский комплекс можно отнести к IV—XI вв.

24. Между селениями Важное и Красногорское, на левом берегу Кубани, напротив источника нарзана, находится отвесная скала, которая имеет в середине большое отверстие, называемое местным населением «Тешик-Кая», т. е. «Кольцо-гора». На вершине скалы-мыса располагается многослойное древнее поселение. Оно с южной, восточной и северной сторон защищено крутыми склонами мыса, а с напольной стороны укреплено стеной. На этой западной стороне были сооружены ворота-проезд к крепости. К городищу с южной и северной стороны примыкает открытое селище. На городище и на поселении сохранились остатки каменных жилищ, загонов для скота различных размеров и форм. С южной стороны городища на отвесной скале располагается скальный могильник. Могилы вырублены в труднодоступном месте скалы и имеют форму овала, полукруга, квадрата.

Основным датирующим материалом памятника является керамика. Керамика из нижнего слоя городища относится к VI—V вв. до н. э., а верхнего — к VI — XI вв. н. э.

25. Остатки древней крепости найдены на левом берегу реки Кубань, недалеко от с. Садовое Адыге-Хабльского района. Она в плане имеет четырехугольную форму с закругленными углами и по периметру обнесена каменной стеной, которая в настоящее время прослеживается в виде валообразной насыпи (ширина стены 2,25 м, высота—1,5—2 м). Городище, насколько можно судить по современному состоянию памятника, имело одни ворота, сооруженные на южной части западной стены. Общая площадь памятника составляет 3 га. На территории поселения никаких находок не сделано, что затрудняет его датировку. Но если учесть, что укрепленные поселения на территории области возникают в VII — XIII вв., то можно и этот памятник отнести к раннему средневе-

ковью. Следует сказать, что это единственный памятник такого типа, зафиксированный на плоскостной части Карачаево-Черкесии.

26. На юго-западной окраине с. Первомайское открыто средневековое поселение. Оно занимает вершину горы останца, вытянутого с юга на север, и имеет площадь около 1 га. Состоит из двух частей: цитадели и укрепленного естественными преградами поселения. Цитадель занимает северную, возвышенную часть горы, отграничена от остальной части поселения рвом и валом. Причем цитадель по периметру была обнесена каменной стеной. Крепостные стены цитадели были сооружены из обработанных плит, уложенных плашмя, без связывающего раствора, всухую. К западу от этого памятника имеется второе городище, расположенное также на вершине горы останца. Последнее тоже состоит из двух частей: северо-восточная часть отделена от другой части поселения глубоким рвом. Расположенные недалеко друг от друга эти два городища имеют много общего (топография, керамика), и относятся ориентировочно к V — XI вв. н. э., причем средневековый слой их покоится на слое поселений VI — V вв. до н. э.

27. Укрепленное городище открыто на южной окраине а. Красный Восток, в верховьях р. Кумы. Городище представляет собой обычное небольшое (4 га) мысовое укрепление, обнесенное оборонительной стеной с напольной стороны (рис. 52—5). Мыс, на вершине которого располагается городище, с южной стороны ограничен балкой Жанбера, с северной стороны балкой Калез. На восточной стороне край мыса имеет крутой склон и обрывается в долину р. Кумы. На территорию городища можно попасть с северо-западной стороны. Здесь городище укреплено мощной стеной, остатки которой прослеживаются в виде валообразной насыпи. Вдоль стены (с внутренней стороны стены) тянутся остатки различных каменных построек. Ворота были сооружены на юго-западном конце мыса, над верховьем балки Жанбера (ширина 10 м). Дорога к воротам пролегла по склону балки Калез, параллельно оборонительной стене.

Селище растянулось с восточной стороны городища, в долине р. Кума. На территории поселения прослеживаются остатки построек различных размеров, сооруженных из камней. По керамике, собранной на территории городища, памятник относится к VII—X вв. н. э. Средневековое городище возникло на месте поселения эпохи поздней бронзы. Об этом свидетельствует материал, найденный на левом берегу р. Кума. Здесь на обрывистом берегу реки располагается могильник, состоящий из каменных ящичков. В одном из разрушенных погребений нами найден сероглиняный горшок, характерный для позднего этапа кобанской культуры.

28. На северной окраине с. Новая Джегута, на левой стороне р. Эльтаркач располагается городище, укрепленное по периметру каменной стеной. К городищу с юга примыкает открытое поселение. Памятник многослойный: ранний слой относится к VI—V вв. до н. э., средневековый суммарно — к IV—XI вв. н. э.

Средневековые памятники богато представлены также в Зеленчукском районе. Здесь, на правом и левом берегах Большого Зеленчука, имеются, наряду с многочисленными курганами эпохи бронзы, десятки сре-

дневековых поселений. Наиболее значительные расположены в окрестностях станицы Исправной.

29. Клевцовское городище находится на правом берегу Большого Зеленчука между станицами Зеленчукская и Исправная. Памятник с площадью более 14 га занимает плоскую вершину горного отрога, вытянутого с востока к западу. Городище с севера, юга и востока хорошо защищено глубокими балками и имеет сложную оборонительную систему. Так, с напольной стороны памятник защищен глубоким рвом и мощной каменной стеной с башнями. Каменной стеной с башнями были укреплены также отдельные участки отрога с южной стороны. Стеной были укреплены в этой части наиболее уязвимые места отрога. Остатки стены хорошо прослеживаются на юго-западной и юго-восточной части отрога.

Территория памятника была разделена поперечными рвами на пять отсеков. Наиболее хорошо укреплен западный отсек, занимающий западный угол отрога. Очевидно, в этой части находилась цитадель городища — резиденция местного феодала. В отсеках, расположенных в западной части памятника, хорошо прослеживаются остатки различных построек, часто попадаются обломки керамики, характерной X—XIII вв. н. э. Проезд на городище был устроен на юго-восточном углу памятника. Он был надежно защищен каменными стенами с башнями и рвом.

Наконец, на территории третьего отсека возвышаются остатки четырёхугольной башни. Она сооружена из каменных плит на известковом растворе. Хорошая сохранность и строительная техника говорят в пользу того, что она не имеет отношения к городищу и позднего времени. По мнению Т. М. Минаевой, она сооружена в XVIII в.⁹

30. На южной окраине станицы Исправная исследовано в 1972 году нами и Г. Х. Текеевым Курлукское городище, которое занимает хорошо защищенный отрог между Большим Зеленчуком и балкой Курлук. Городище с западной и восточной стороны надежно защищено глубокими балками. На севере отрог обрывается в долину Большого Зеленчука, с запада и востока он ограничен глубокими балками. На юге отрог узким перешейком, зажатым между верховьями балок, соединен с коренным плато террасы. Его площадь около 6 га. С него хорошо просматривается долина Большого Зеленчука и прилегающие к ней нагорья.

С напольной стороны городище защищено каменной стеной с башней и рвом. Территория городища разделена на три части-отсека. Наиболее хорошо укреплена северная часть памятника. Она отделена от другой части памятника глубоким рвом и каменной стеной. Следующая часть отделена от южной части глубоким рвом.

Открытое поселение, синхронное городищу, расположено в долине р. Курлук. Здесь хорошо сохранились остатки построек (жилище, загон для скота), сооруженных из битого или обработанного камня без раствора, насухо. Памятник многослойный. В VII—VI вв. до н. э. место было заселено племенами кобанской культуры.

На восточном склоне отрога (со стороны балки Курлук) нами исследованы разрушенные земляные катакомбы VI—VII вв. н. э. Суммарно средневековый комплекс можно отнести к VI—XIII вв. н. э.

31. Балашовское городище («Балашовская крепость») расположено на левом берегу Большого Зеленчука, в 1,5 км к северо-западу от станицы Исправной. Состоит из двух частей: цитадели, которая занимает вершину курганообразного холма, и собственно крепости, укрепленной с северной стороны мощной каменной стеной с башнями, сложенной из рваного камня—белого известняка насухо. Отрог, на вершине которого расположено городище, на востоке и на юге обрывается в долину Большого Зеленчука. На западе городище надежно защищено глубокой балкой. Цитадель занимает небольшую площадь и отделена от собственно крепости глубоким рвом. Въезд на городище был сооружен на северо-западном углу памятника и был сильно укреплен естественными преградами, каменной стеной и башнями. Площадь городища составляет более 6 га. Открытое поселение располагалось к северо-востоку от городища и в долине Большого Зеленчука. Здесь хорошо прослеживаются остатки каменных построек и часто попадаются фрагменты средневековой керамики. Судя по керамике, найденной на городище и в открытом поселении, памятник можно ориентировочно отнести к X—XIII вв. нашей эры.

32. Городище, близкое по планировке вышеописанным памятникам, располагается на балке Абрекская в 1,3 км к северу от станицы Исправной на левом берегу Большого Зеленчука.

33. Такое же городище под названием «Лысая гора» имеется в 5 км к северу от указанной станицы.

34. Городище «Башкирка» в 25 км к юго-западу от станицы Исправной.

Три последних памятника по планировке и по конструкции оборонительных сооружений, а также по керамике, собранной в них, близки вышеописанным памятникам и, видимо, относятся к одному времени.

35. В 8—9 км к юго-востоку от с. Учкеекн открыты поселение и скальный могильник. В 1973 г. житель с. Учкеекн М. Тамбиев доставил в Карачаево-Черкесский областной краеведческий музей комплекс вещей (браслеты, амулеты, бусы, железный нож и т. д.) из исследованной им камеры скального могильника. Вещи, найденные им, хранящиеся в краеведческом музее области, относятся к VIII в.

Погребение, исследованное М. Тамбиевым, представляет собой камеру овальной формы, вырубленную на склоне отвесной скалы. Вход в камеру был закрыт стеной, сложенной из слегка обработанных камней на глиняном растворе. Повторно могильник был исследован нами. Здесь располагаются десятки скальных могил, аналогичные вышеописанным. В погребении, исследованном М. Тамбиевым, нами найдены разнообразные вещи, подтверждающие время существования памятника. Ценность этого могильника в том, что, благодаря исключительной труднодоступности, здесь сохранились неограбленные камеры, в отличие от других аналогичных памятников Карачаево-Черкесии. Поселение и могильник относятся к VIII—XI вв.

36. В 7 км к северу от а. Красный Восток располагается городище, известное местному абазинскому населению под названием «Калаж», т. е. крепость. Оно занимает вершину мыса, вытянутого с юга к северу.

Отрог исключительно хорошо защищен естественными преградами. Так, отрог с востока и запада ограничен глубокими балками, на юге края его обрываются в долину р. Кумач — одного из левых притоков Кумы. Открытым остается только узкий перешеек на севере. Отрог через этот перешеек соединяется с основным массивом гор.

Памятник имеет сложную оборонительную систему, сочетающую каменные и земляные укрепления. Так, путь к городищу с напольной стороны преграждает мощная каменная стена, сооруженная между двумя балками. Длина 90 м, высота—1—1,4 м, ширина—4—5 м. Она сложена из каменных плит без раствора, как и многие другие аналогичные средневековые сооружения Карачаево-Черкесии. Проезд на городище был оставлен на восточной части между стеной и краем балки. И был надежно укреплен пристенной башней и естественными преградами. В 80—85 м к югу от стены проходит с востока на запад глубокий ров, сооруженный параллельно оборонительной стене. Он в настоящее время имеет следующие размеры: длина — 85 м, ширина в основании — 3 м, ширина по верху — 20 м, глубина 4—5 м. В западной части рва сохранились остатки какой-то постройки. Возможно, ров был укреплен башней. В 180 м к югу от описанного сооружения, параллельно ему проходит другой ров длиной — 70 м, глубиной — 3 м, шириной — 5—6 м. К югу от рва располагается наиболее возвышенная часть отрога, которая плавно понижается к югу. Причем создается впечатление, что по краю рва (с южной стороны) проходит параллельно крепостная стена, укрепленная башнями. Но это только предположение и нуждается в проверке раскопками.

Итак, городище оборонительными сооружениями было разделено на три отсека. Наиболее хорошо был защищен южный отсек. Видимо, он являлся местопребыванием феодальной верхушки и последним убежищем. В 1982 г. на городище были заложены несколько шурфов для изучения стратиграфии и определения времени бытования памятника. Судя по шурфам, культурные остатки хорошо представлены в южной части городища. Здесь мощность культурного слоя составляет 0,70—1,00 м. Он насыщен фрагментами разнообразной керамики, костями, древесным углем и обработанными камнями. Камни происходят, видимо, из жилых и хозяйственных построек городища. В северном отсеке культурный слой не прослеживается. Здесь под дерновым слоем лежит материк-скала. С юга к городищу примыкает селище, которое раскинулось на левом берегу р. Кумач, имеет большую площадь и насыщено керамикой.

Собранная нами на городище и селище керамика по функциональному назначению делится на три группы: кухонная, столовая, тарная. Кухонная керамика представлена горшками черного и серого цвета, их венчик слегка отогнут, тесто грубое, содержит блестки слюды. Столовая керамика представлена фрагментами лощеных кувшинов различных размеров серо-черного и стального цвета. Многие фрагменты снабжены полосами лощения. Помимо того на селище встречаются фрагменты красноглиняных кувшинов с плавно отогнутым венчиком, тесто

чистое, плотное, в изломе черепок черный. Тарная керамика представлена фрагментами сероглиняных лифосов с отогнутым венчиком и сужающимся к основанию туловом. Описанные типы керамики характерны для эпохи раннего средневековья и позволяют отнести памятник ко второй половине первого тысячелетия н. э.

К югу от селища на проезжей части дороги обнаружено разрушенное погребение. По форме разрушенное погребение напоминает основание камеры катакомбы. Возможно, здесь располагается катакомбный могильник, синхронный описанному городищу.

К северо-западу от разрушенного погребения располагается обширный курганный могильник. Курганные насыпи близко примыкают друг к другу и имеют небольшие размеры (высота от 0,20 до 1,2—1,5 м, диаметр от 3 до 10 м). Нами в 1982 г. на могильнике был исследован небольшой курган размерами: диаметр — 4 м, высота — 0,48 м. Насыпь кургана целиком состоит из булыжника и мелких камней, пересыпанных землей. Могильная яма располагалась под центральной частью насыпи, была прямоугольной формы и ориентирована с востока на запад. На дне могилы помещался мужчина средних лет. Он лежал вытянуто на спине, головой на запад, с протянутыми вдоль туловища руками, в деревянной колоде. По конструкции и погребальному обряду исследованный памятник сближается с позднесредневековыми курганами адыгов и карачаевцев. Видимо, курганный могильник не имеет отношения к городищу и датируется XIV—XVII вв. н. э. В целом в районе аула Красный Восток располагаются интересные археологические объекты. Стационарное изучение их может восполнить во многом наши знания о древней истории народов Карачаево-Черкесии.

37. Городище Кизиловая Балка под г. Армавиром было открыто разведками Н. В. Анфимова еще в 1940 годы. Последние годы городище, как и другие памятники, расположенные в окрестности г. Армавира, находятся под наблюдением Н. И. Навротского. В 1970 году памятник осмотрел также археолог А. В. Гадло, который занимался разведками и изучением болгарских памятников Центрального Предкавказья.

В 1982 г. экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института провела разведки в окрестности г. Армавира и в Ставропольском крае. Одним из объектов работы являлось указанное городище, расположенное между поселком Форштатд и станицей Прочноокопская.

Памятник находится на правом высоком берегу Кубани, и его территория каждый год распахивается под посев. Территория памятника хорошо защищена естественными преградами и укреплена земляными сооружениями. Так, с севера он надежно защищен труднодоступной и глубокой балкой. На западе и юго-западе края памятника обрываются в долину Кубани. Городище остается открытым с восточной стороны. С этой стороны его были сооружены глубокий ров и вал параллельно друг другу длиной около 700 метров. Ров и вал, сооруженные между балкой и крутым берегом Кубани, плотно закрывают путь к городищу и замыкают его от внешнего мира.

На юго-восточной части памятника функционирует карьер по добыче глины, которым уничтожена часть оборонительных сооружений городища. На северной части памятника культурный слой нарушен современными силосными траншеями. Для изучения культурного слоя памятника нами была осуществлена зачистка стены одной из силосных траншей. Мощность культурного слоя достигает 0,60—0,80 м. Он насыщен разнообразной керамикой, костями животных. На шурфе, заложеном в этой части памятника, мощность культурного слоя достигает 1—1,20 м. Материал здесь также представлен разнообразной керамикой VIII—X вв. н. э.

В отдельных участках городища встречается значительное скопление керамики, обожженной глины от турлука и кости животных. Видимо, это остатки жилых и хозяйственных построек.

В одном из таких участков, расположенных в 150 м к юго-востоку от животноводческой фермы, нами был заложен небольшой раскоп (размеры раскопа 8 × 4 м). Культурный слой на раскопе в целом небольшой. Сверху лежит лерепаканый слой—чернозем толщиной 0,20—0,30 м. Ниже зафиксирован слой, насыщенный фрагментами керамики, костями животных, углем и обожженной глиной от турлука. Этот слой соответствует времени существования поселения. Мощность его составляет 0,30—0,45 м. Ниже лежит материковый слой без культурных остатков.

На раскопе открыты остатки турлучной постройки, имеющей в плане круглую форму диаметром 5 м. По периметру постройки сохранились ямки от кольев. Диаметр кольев — 5—7 см, глубина 10—12 см. Пол постройки ровный, хорошо утрамбован и был подсыпан глиной. Ближе к южному углу постройки обнаружен очаг открытого типа. Он представляет собой углубление чашеобразной формы, заполненное углями, керамикой и костями.

В пользу того, что открытое сооружение представляет собой остатки турлучной постройки, свидетельствует обилие обожженной глины со следами турлука, обнаруженного в процессе раскопок. Их особенно много было по периметру постройки. К северу от турлучной постройки обнаружены остатки другой постройки. Здесь также имеются ямки от кольев, но нет обожженной глины и турлука. Возможно, это остатки юрты. Нами открыт только край постройки. Основная часть ее, видимо, уходит в северный борт раскопа.

Турлучная постройка, открытая на раскопе, имеет близкие аналогии среди средневековых жилищ Северного Кавказа, в том числе Карачаево-Черкесии. Аналогичные постройки характерны и для Хумаринского городища. Что касается юрты, то трудно сказать что-либо о форме и размерах, без полной расчистки ее. Можно только отметить, что весь период средневековья в степях Северного Кавказа юрта была одной из главных построек различных тюркоязычных народов, начиная от гуннов и кончая ногайцами. Видимо, в VIII—X вв. н. э. в городище «Кизиловая Балка» и в других синхронных памятниках Кубанской Болгарии, основными типами жилищ являлись юрты и турлучные постройки.

Наиболее массовым материалом из городища является разнообразная керамика, которая служит основным источником для суждения о ремесле, внешних связях и этническом составе обитателей памятника.

Среди керамики памятника богато представлены фрагменты кухонных горшков яйцевидной или шарообразной формы с отогнутым венчиком и плоским дном. Для них характерен темно-серый или черный цвет. По тулову, обычно, они имеют линейный или линейно-волнистый орнамент.

В материалах памятника богато представлены также фрагменты столовой керамики. Особенно часто среди фрагментов столовой керамики встречаются обломки больших трехручных кувшинов со сливом и полосами лощения. Имеются фрагменты кувшинов и других типов. Все они изготовлены из чистой глины, хорошо обожжены, имеют серый или черный цвет.

Массовым материалом надо считать в составе керамики городища обломки красноглиняных амфор VIII—X вв. н. э. Среди фрагментов преобладают обломки бороздчатых амфор, есть также фрагменты амфор с зонами рифления. Для фрагментов амфор характерно хорошо отмученное тесто, обжиг качественный, равномерный, красный. В материалах городища богато представлены также фрагменты сероглиняных толстостенных пифосов с массивным венчиком. Обычно пифосы на тулове имеют желобки и валики, а также снабжены линейно-волнистым орнаментом. Некоторые пифосы, судя по собранным фрагментам, имели ложно-витой орнамент по венчику и горизонтальные полосы по горлу.

Среди керамики городища встречаются также фрагменты сковородок, пифосообразных сосудов и корчаг. Тесто корчаг плотное, чистое, звонкое, серого цвета. Обычно они снабжены волнистым орнаментом и горизонтальными полосами. Вся описанная керамика находит аналогии во многих памятниках Восточной Европы и относится к VIII—X вв. н. э. Наличие амфор свидетельствует о тесных связях населения городища с Крымом и Приазовьем. Типы жилищ и керамика поселения позволяют полагать, что оно принадлежало средневековым тюркоязычным племенам, прежде всего болгарам, которые составляли основное население степного Предкавказья в VIII—X вв. н. э.

38. Вторым объектом работы экспедиции явилось поселение у хутора Горькая Балка на территории 4 отделения совхоза «Армавирский», расположенное в 18 км к северо-западу от г. Армавира. Здесь на правом берегу речки Горькая Балка и к северу от хутора располагаются открытые селище и могильник. На территории поселения нами собраны фрагменты кухонных горшков, столовой керамики, амфор и пифосов. Все они аналогичны керамике, найденной в предыдущем поселении, и относятся к VIII—X вв. н. э. По сообщению местных жителей, несколько лет тому назад около школы было найдено большое количество целых сосудов, в частности амфор.

На могильнике нами доисследованы два погребения. Погребение № 1 находится на проезжей части дороги, ведущей от хутора к машинно-тракторной станции, и представляло собой каменный ящик четырех-

угольной формы. Верхняя плита каменного ящика не сохранилась. Стены его состояли из четырех массивных плит. На дне ящика расчищен костяк плохой сохранности. От него сохранились только несколько трубчатых костей. Судя по ним, он лежал вытянуто на спине головой на запад. По стенкам ящика (с внутренней стороны) сохранились следы дерева. Надо полагать, что это следы истлевшей колоды или гроба. Следовательно, покойник лежал в деревянной колоде или в гробу. Размеры каменного ящика: длина 2,10 м, ширина—0,60—0,70 м, высота—0,60 м.

Погребение № 2 находилось на левой стороне дороги на краю обрыва. Оно тоже представляет собой каменный ящик четырехугольной формы. Он ориентирован по длинной оси по линии восток—запад. Верхние плиты здесь тоже отсутствовали и ящик был заполнен землей. Стены каменного ящика состояли из отработанных массивных плит. Северная и южная стены состоят из нескольких плит, западная стена из двух плит, восточная — не сохранилась. Размеры ящика: длина — 2 м, ширина — 0,60—0,70 м, высота — 0,50 м. На дне каменного ящика расчищен скелет хорошей сохранности. Он лежал вытянуто на спине, головой на запад. Кисть правой руки согнута и лежит на тазу, кисть левой руки вытянута вдоль тела. Находок при покойнике нет.

Судя по разрушенным погребениям, здесь располагается обширный могильник. Отсутствие находок в исследованных погребениях затрудняет датировку могильника. Можно только отметить, что могильник по погребальному обряду относится к средним векам и находится на территории поселения VIII—X вв. н. э. Это дает основание предположить, что они синхронны и оставлены одним и тем же населением, т. е. тюркоязычными племенами степей Северного Кавказа.

39. Поселение у водохранилища около хутора Горькая Балка. Описываемое поселение располагалось между хуторами Горькая Балка и Школьный на правом берегу речки, носящей также название Горькая Балка. Подъемный материал из поселения в основном представлен фрагментами кухонных горшков, столовой керамики, пифосов, амфор.

Жилые постройки располагаются в долине речки. Здесь сохранились остатки каменных построек четырехугольной и овальной формы. Недавно совхоз «Армавирский» здесь построил водохранилище и в настоящее время поселение располагается на западном берегу его. Значительная часть территории поселения разрушена строителями и осталась под водохранилищем.

В 1982 г. совхоз решил расширить русло водохранилища к западу, т. е. в сторону поселения. В процессе расширения бульдозером водохранилища были разрушены новые участки поселения и в одной из построек местные жители нашли огромное количество целых сосудов: амфор, пифосов, кувшинов. Благодаря усилиям археолога Н. И. Навротского, нами у местного населения были собраны 3 красноглиняные амфоры и сероглиняный пифос.

Когда мы прибыли на поселение, то участок его, где были найдены сосуды, оказался уже затопленным. На берегу озера было разбросано огромное количество фрагментов разнообразной керамики: амфоры,

пифосы, кувшины. При зачистке берега ниже уровня водохранилища нами найдены кувшины, пифосы, амфоры. Все они уже были повреждены и разбиты. Нам удалось установить, что все сосуды стояли верхом вниз. Трудно определить количество сосудов, находящихся здесь, так как много было разбито трактором, местными жителями, а часть осталась под водой. Можно только отметить, что здесь находился тарный склад.

Среди собранной нами керамики имеются красноглиняные амфоры, кувшины и пифосы. Судя по целым экземплярам, амфоры представляют собой красноглиняные сосуды (высота 0,40—0,45 м), широко распространенные в VII—X вв. на большой территории: в Таврике, на Нижнем Дону, Приазовье, в степных районах Северного Кавказа. Точно такие амфоры происходят из Хумаринского городища. Основные центры их производства находились в Северном Причерноморье. Оттуда они завозились в различные районы Восточной Европы, в том числе в описываемые поселения кубанских болгар.

Богато представлены в составе керамики также большие черноглиняные кувшины со сливом и тремя ручками. Аналогичные кувшины также богато представлены во многих памятниках Восточной Европы. Их много и в степных и горных районах Северного Кавказа, в том числе в Хумаре.

Наконец, в составе керамики хорошо представлены пифосы. Это большие сосуды с расширяющимся кверху туловом, отогнутым венчиком и узким дном. Емкость их достигает 30—35 литров. Тулова их украшены вертикальными лощеными полосами. На верхней части тулова сосудов имеется два параллельных горизонтальных валика. Между ними проходит линейно-волнистый орнамент. Размеры пифосов: высота 0,60 м, диаметр венчика — 0,28 м, диаметр тулова — 0,45, диаметр дна — 0,22 м. На венчике одного из пифосов имеется два знака, нанесенные после обжига сосуда. Один из них в виде незавершенного треугольника, другой в виде косоугольного креста. Несколько знаков в виде креста, свастики, двузубца найдены на фрагментах керамики на городище Кизиловая Балка. Аналогичные знаки известны во многих памятниках Азии и Европы.

Итак, судя по работам в окрестности г. Армавира, в VIII—X вв. н. э. в степях Центрального Предкавказья (на территории Кубанской Болгарии) существовали два типа поселений: к первому типу относятся укрепленные поселения со стабильным культурным слоем. Наиболее характерным памятником такого типа является городище Кизиловая Балка. Ко второму типу относятся поселения открытого типа, не имеющие крепостных сооружений. Для них характерно отсутствие сплошного культурного слоя и незначительность находок на поверхности.

Почти все степные поселения, так же как и средневековые поселения горных районов, расположены на берегах рек или недалеко от источников воды. Основными типами жилищ являлись юрты и турлучная постройка. Кое-где встречены и каменные постройки.

Население степей в VIII—X вв. своих покойников хоронило в грунтовых ямах и в каменных ящиках. Помимо того, нашими разведками в

Труновском районе Ставропольского края установлено, что в указанное время население степей для своих покойников сооружало впускные погребения в насыпях курганов предшествующего времени. В степях Северного Кавказа не позже IV в. н. э. господствующее положение заняли различные тюркоязычные племена, которые сменяли друг друга и господствовали до распада Золотой Орды. Об этом говорят не только письменные источники и археологические памятники, но и топонимика края. Среди топонимика степных районов Северного Кавказа богато представлен тюркский пласт. В качестве примера можно дать такие названия: Ачикулак, Ачы суу, Ташла, Калаус, Кендже Кулак, Кубань, Кума, Егорлык, Айгурка, Янкул, Карамык, Каратюбе, Бештау, Ессентуки и другие.

40. Городище Джанукку впервые было описано в 1975—1976 гг. Я. А. Федоровым и У. Ю. Элькановым. Оно находится в верховьях р. Джанукку — один из правых притоков Кубани, в 6 км к северу от трассы Карачаевск—Учкулан. Городище расположено на вершине горы — останца, вытянутого с севера к югу на 180 м. Городище занимает южную — наиболее высокую и труднодоступную часть горы. На северной — более пониженной части располагается обширный могильник. Памятник, как справедливо пишут вышеназванные авторы, труднодоступен. Гора особенно крутые склоны имеет с запада, востока и юга. Путь к памятнику идет с севера — со стороны могильника. Здесь была вырублена скала и проложена узкая тропинка к вершине горы, где располагается городище. Дорога настолько крутая, что по ней не каждый человек может подняться к вершине горы. Видимо, в древности к вершине поднимались по подвесной лестнице.

Городище имеет небольшую площадь — менее одного га, но было густо застроено каменными постройками различных форм и размеров. Нами зафиксированы более 13 построек четырехугольной и круглой формы. Они сооружены из обработанных и ровных плит местного песчаника без связывающего раствора, всухую. Культурный слой на памятнике небольшой или почти отсутствует. Видимо, данное городище представляло собой временное убежище для населения, которое обитало в долине речки Джанукку. Долина речки со всех сторон прикрыта высокими горами и здесь бывает очень тепло зимой. Кроме того, здесь имеются хорошие пастбища и сенокосы. Прекрасные климатические условия способствовали разведению в этих местах значительного количества скота. В случае опасности или нападения, население уходило на труднодоступное городище. Как выше было отмечено, памятников указанного типа много не только в Кубанском ущелье, но и в верховьях Теберды, Подкумка, Кумы, Большого и Малого Зеленчуков. К северу от городища располагается могильник, Я. А. Федоров и У. Ю. Эльканов в могильнике насчитали 8 гробниц.⁹ По нашим подсчетам здесь имеется более 100 могил с 3 типами могильных сооружений. Большинство могил представляют собой наземные гробницы четырехугольной формы. Почти все они разрушены и ограблены, но отличаются монументальностью и высокой техникой кладки. Они сложены из хорошо обработанных плит регулярной кладкой без раствора и имеют четы-

реугольную форму. Сверху перекрыты каменными плитами. Гробницы, расположенные в юго-восточной части могильника, имеют ориентировку север—юг. Гробницы, расположенные на северо-западном пологом склоне горы, ориентированы с востока к западу. Возможно разная ориентировка их свидетельствует о том, что они были сооружены в разное время или принадлежат к разным родам.

На южной части могильника нами расшифрована гробница четырехугольной формы (размеры: длина—2,60 м, ширина—1,80 м, современная высота—1—1,20 м). Она сложена из каменных плит, обработанных с внешней стороны, регулярными рядами без раствора. Судя по сохранившейся части, постройка до определенной высоты сплошная, глухая, т. е. не имела камеры. Нижняя часть постройки представляла собой панцирную кладку с забутовкой, межпанцирное пространство было заполнено битым и мелким камнем. Трудно что-либо конкретно сказать о верхней части и камере гробницы, ибо они не сохранились. Можно только предположить, что гробница была двухъярусная: состояла из нижней сплошной глухой части и погребальной камеры, сооруженной в верхней части постройки. В пользу нашего предположения свидетельствуют некоторые постройки, более-менее хорошо сохранившиеся на западной части могильника. Здесь сохранилась двухъярусная постройка. Она состоит из нижней глухой части и погребальной камеры, представляющей собой каменный ящик четырехугольной формы, сооруженный на верхней части гробницы. В таких постройках погребальные камеры—каменные ящики сооружены особенно аккуратно и тщательно. Но в могильнике имеются гробницы, где камеры сооружены на уровне земли. Эти постройки обычно перекрыты деревянными плахами и массивными каменными плитами. Деревянные плахи обычно уложены поперек стены.

1. Гробницы, расположенные в юго-восточной части могильника, ориентированы с севера к югу. Гробницы, расположенные на северо-западном пологом склоне, ориентированы с востока к западу. Как уже отметили, все постройки отличаются высокой техникой кладки регулярными рядами с обработанных каменных плит. Но особенно отличаются аккуратностью обтески плит, прекрасной кладкой и монументальностью гробницы на северо-западном склоне горы. На наш взгляд, они были сооружены в завершающем этапе памятника. Гробницы сверху были перекрыты деревянными плахами, а над ними лежали массивные каменные плиты. Деревянные плахи обычно уложены поперек стены.

2. Помимо наземных гробниц, в памятнике имеются массивные каменные ящики. Они также сооружены на поверхности земли, имеют четырехугольную форму, стены их сложены из цельных каменных плит. Сверху они тоже были перекрыты такими же каменными плитами.

3. Наконец, в могильнике имеются подземные гробницы. Они тоже разрушены. Судя по открытым постройкам, они сооружены так же, как и наземные гробницы второго типа, и имеют четырехугольную форму. Отличаются от наземных только тем, что они находятся под землей.

В заключение следует подчеркнуть, что погребальные памятники указанного типа богато представлены в Карачаево-Черкесии и преиму-

щественно расположены в горной части края. По вполне справедливому мнению большинства археологов-кавказоведов гробницы, каменные ящики и склепы являются памятниками культуры местных кавказоязычных племен.¹⁰ Между тем при изучении и определении этнической принадлежности этих памятников, на наш взгляд, надо оговориться. В эпоху раннего средневековья в каменных сооружениях могли хоронить покойников не только местное население, но и пришлые тюрко-язычные племена. Иначе трудно объяснить, почему во многих местах, где имеются памятники указанного типа, встречаются тюркские каменные статуи-изваяния, не характерные местным и ираноязычным племенам. Так, каменные статуи найдены около станиц Преградной, Сторожевой, Исправной, в ущелье р. Большой Зеленчук, в ущелье р. Бежгон, в верховьях р. Кяфар.¹¹ Еще В. М. Сысовым были зафиксированы каменные статуи в местности Дуарбат, в Баба-сыне в верховьях р. Аманкол.¹² Такие же статуи ими же отмечены недалеко от современного города Карачаевска.¹³

Т. М. Минаева в 1939 г. обнаружила две каменные статуи «против северной оконечности известного Архызского городища».¹⁴ Последние годы каменные статуи найдены в урочище Маража, в Даусузе, к югу от а. Верхняя Мара, в Учкулане. Важно еще раз подчеркнуть, что статуи часто располагаются в горной части области, где богато представлены каменные ящики, гробницы, склепы, скальные захоронения¹⁵. Например, на плоскогорье Индыш-Башы широко представлены гробницы и склепы. Здесь же найдены, как уже отметили, каменные статуи. За этими памятниками стоят конкретные люди, которые не только воздвигали каменные статуи, но сооружали жилые и погребальные памятники. Кстати, тюрки каменные статуи ставили над могилами близких людей. Если все погребальные сооружения, сделанные из камня, принадлежат местному населению, то невольно возникает справедливый вопрос: где же тогда могилы тех, кто ставил каменные статуи? В Индыш-Башы нет могил других типов. Если учесть, что каменные статуи и указанные могилы относятся к раннему средневековью, то надо признать, что и тюркское население хоронило своих покойников в каменных сооружениях. Видимо, тюркские племена, проникшие в верховья Кубани, под воздействием местной традиции утратили традиционные черты культуры и вскоре восприняли некоторые элементы культуры местного населения. В данном случае надо полагать, что они усвоили от кавказоязычных племен описанные формы погребальных сооружений. Вероятно, тюркские племена, оказавшись в новых географических условиях, вынуждены были усвоить наиболее приемлемые элементы культуры местного населения. Вместе с тем они устойчиво сохраняли наиболее древние и важные элементы культуры — обычай ставить над могилой каменную статую и древнетюркскую руническую письменность.

41. Памятники верховьев р. Подкумок.

Наиболее значительным памятником в верховьях Подкумка, после Римгорского городища, является Терезинское городище. В археологи-

ческой литературе памятник известен под названием городище Уллу-Дорбунла. Известный исследователь памятников района Кисловодска и Малокарачаевского района КЧАО А. П. Рунич опубликовал краткое описание и план городища.¹⁶ В плане, опубликованном А. П. Руничем, неправильно указаны географические ориентиры. В частности, там, где значится речка Уллу-Дорбунла, течет р. Конду-Кол. Речка Уллу-Дорбунла находится юго-западнее памятника. Площадь городища тремя крепостными стенами и валом (?) разделена на четыре отсека. Во многих двух- и трехчастных средневековых памятниках Карачаево-Черкесии обычно собственно крепость располагается на мысу, на останцах, на отрогах, а открытое поселение находится ниже — в долине реки. В изучаемом памятнике имеется нижнее поселение, расположенное на обоих берегах Подкумка. Помимо того, имеется верхнее поселение, прилегающее к городищу с юга. Как показали шурфы, заложенные на территории городища, его культурный слой сравнительно небольшой. Мощность культурного слоя достигает не более 0,20—0,30 м. Между тем культурный слой на нижнем поселении имеет значительную толщину. Мощность его более 1 м. Такая разница в мощностях культурных остатков укрепленной части и открытого поселения прослеживается и во многих других памятниках Карачаево-Черкесии, особенно в горной части области.

Для выяснения строительной техники нами была расчищена часть северной крепостной стены городища. Судя по участку, исследованному нами, для крепостных стен Уллу-Дорбунла характерна двухпанцирная кладка с забутовкой пространства между ними. Панцирные ряды сложены из обработанных каменных плит плашмя, без раствора. Стена сохранилась на высоту 1,5 м. На глубине 1 м с северной стороны стены наряду с другими фрагментами керамики, обнаружен фрагмент глиняного котла с внутренними ушками.

Помимо могильника, расположенного с юга городища, имеется нижний могильник. Он находится на восточном склоне балки Конду-Кол. В 1975 году во время строительства дороги по склону балки были открыты подземные гробницы. Многие из них были разрушены, и вещи разобраны строителями животноводческого комплекса. Рабочий совхоза «Терезинский» А. Д. Саркитов передал нам из этого могильника обломки сабли, несколько бус, фрагменты стеклянных стаканов, керамики. Эти вещи относятся к последним столетиям раннего средневековья.

Помимо описанного городища, в верховьях Подкумка расположено множество поселений. Как показали наши разведки, остатки средневековых поселений находились во всех балках и урочищах, где имеется вода. Поселения были небольшие, расположенные на склонах и труднодоступных урочищах. Начиная от аула Терезе до Бийчесына, где берет начало река Подкумок, нами открыты десятки памятников. На плато Бийчесын имеются самые разнообразные памятники. Здесь наиболее богато представлены курганы разных эпох. Огромное Бийчесынское плато насыщено многочисленными курганными могильниками. Наиболее интересными из них являются Тохтамышский курганный могильник, расположенный недалеко от перевала Гум Башы, в 12 км от аула

Верхняя Мара. Могильник находится около шоссе Учкекен—Бийчесын и на высоте более 2000 м. Здесь нами исследован один курган (размеры: диаметр — 8 м, высота — 0,80 м). Насыпь кургана состояла из битого камня и супеси. Под насыпью кургана на уровне древней дневной поверхности в центральной части обнаружены следы кремации, остатки ткани, древесный уголь, фрагменты керамики, бронзовый наконечник копья. Возможно, здесь было трупосожжение. Контуры могильной ямы проследить не удалось. Наконечник копья и фрагменты лепной керамики с насечками на венчике позволяют курган отнести ориентировочно к VIII—VII вв до н. э.

Следующий крупный курганный могильник на Бийчесыне — Оба Сырт располагается в 11 км к югу от Тохтамыша. Могильник находится около шоссе Учкекен—Маслосырзавод. С северо-востока он ограничен глубоким ущельем Тешик-Таш. Курганы расположены около трассы и тянутся цепочкой с запада к юго-востоку по краю ущелья на 1 км. Здесь компактно расположены 75 насыпей. Отличительной чертой могильника является хорошая сохранность курганных насыпей, близкое расположение рядами друг к другу. Они имеют самые различные размеры. Диаметр их от 3 до 40 м, высота от 0,5 до 6 м. Большое количество разнообразных курганов, сосредоточенных на сравнительно небольшой площади, производят сильное впечатление. Среди карачаевцев бытуют самые различные легенды об этих курганах. Одна из них гласит, что на Бийчесыне произошло решающее сражение войск хана Тохтамыша с местным населением. Там, где находится могильник, погибла армия Тохтамыша и образовался Обала, т. е. могильник.

На могильнике исследован нами небольшой курган (размеры: диаметром 10 м, высотой — 1,50 м). Курган в плане полушаровидной формы, насыпь состоит из камней и супеси. Под центром кургана на уровне древней дневной поверхности открыта каменная гробница четырехугольной формы, ориентированная с востока к западу. Гробница была разбита и покойник не сохранился. Кости покойника, лежащие в беспорядке, попадались под гробницей в насыпи кургана. В насыпи кургана и в гробнице обнаружены фрагменты лепной керамики. Они аналогичны керамике, найденной в Тохтамышском кургане. Следовательно, и этот курган можно отнести к VIII—VII вв. до н. э. В целом курганные могильники Бийчесына представляют большой интерес для воссоздания древней истории края.

В 2 км к юго-востоку от маслосырзавода стоит каменный столб-стела высотой 2,30 м, диаметром 1,67 м. Он сделан из песчаника и называется Бийче-сын, что в переводе с карачаевского означает памятник княгине. Камень хорошо обработан, но сильно отбит, особенно верхняя часть. Поэтому трудно сказать, имелись ли на камне какие-либо изображения. Об этом камне существуют разнообразные легенды среди народа. Согласно карачаевской легенде, один молодой горец на коне похитил красавицу-княгиню. Родственники догнали горца на Бийче-сыне и выстрелом из лука убили девушку. В честь нее на месте смерти был воздвигнут этот огромный памятник Бийчесын, и все плато стало называться также в честь нее. Аналогичный камень-стела стоит во дворе

одного из жителей аула Эльтаркач. Возможно, все эти памятники относятся к эпохе средневековья.

42. Кубинское городище — одно из крупных средневековых памятников Карачаево-Черкесии. Разнообразные памятники у современного аула Кубина были отмечены еще А. Фарковичем и Нарышкиными. В 1952 г. к исследованию памятника приступила Т. М. Минаева, которая раскапывала городище в течение пяти полевых сезонов.

В 1973—1976 гг. на территории памятника археологические раскопки вела экспедиция института, возглавляемая автором.

Кубицкое городище располагается на левом берегу Кубани между селениями Кубина и Важное. Общая площадь его достигает 100 га и является одним из интересных памятников Карачаево-Черкесии. Следует сказать, что Кубинское городище единственное крупное средневековое городище, расположенное в низменной части долины Кубани. Обычно большинство средневековых памятников верховьев Кубани расположены в труднодоступных мысах, останцах и горных отрогах. Памятник имеет мощную оборонительную систему, сочетающую каменные и земляные укрепления. Так, городище с юго-западной стороны было укреплено рвом, валом и каменной стеной, с северной стороны — мощными двумя параллельными валами. Они закрывали путь к городищу с северной стороны и имели длину около 1000 м. На территорию городища вели два въезда, остатки которых сохранились на юго-западной и северной части памятника. Въезды были защищены, помимо валов и крепостных стен, привратными укреплениями.

Наряду со сложной системой укрепления и с большими размерами для памятника характерен мощный культурный слой, насыщенный различными находками. Культурный слой был наиболее хорошо выражен в юго-восточной части памятника на берегу Кубани. Здесь мощность культурного слоя достигает местами до 1—1,20 м. В материалах памятника богато представлена разнообразная керамика. Среди фрагментов керамики преобладают черепки красного цвета, имеющие линейный и линейно-волнистый орнамент. Довольно многочисленны черепки с орнаментом из косоперекрещивающихся линий, иногда встречается волна, штрих. Среди керамики много фрагментов красноглиняных кувшинов и больших пифосов с желобками и обручами. Собранные нами фрагменты керамики принадлежат к типу посуды, широко распространенной в памятниках Центрального Кавказа в эпоху средневековья. На территории памятника нами были найдены также многочисленные зернотерки, ступы, различные предметы из кости животных, целый большой пифос. Все предметы позволяют городище отнести к X—XIII вв. н. э. Возможно, на городище имеется слой XIV в.

На территории поселения во время земляных работ трактором были выявлены в двух местах могилы. Там, где были обнаружены могилы, мы заложили 2 раскопа. Первый раскоп заложили в восточной части поселения, в 350 м к востоку от фермы совхоза «Красногорский», второй — в 650 м к западу от указанной фермы. Погребения, исследованные в первом раскопе, отнесены нами условно к могильнику № 1, погребения второго раскопа — к могильнику № 2.

Могильник № 1

Могильник расположен в восточной части поселения. Погребения никаких наземных признаков не имели и располагались сравнительно близко одно к другому. Здесь нами исследованы 10 могил. По форме могильных сооружений они делятся на две группы.

1. Погребения первой группы представляют собой узкие и длинные каменные ящики (могилы №№ 1, 2, 5, 6, 7, 8, 10), стены которых составлены из нескольких каменных плит (4—6 плит), поставленных на ребро. Сверху каменные ящики закрывались каменными плитами. Погребения в них были одиочные. Каменные ящики ориентированы длинной осью по линии восток-запад. Внутри они заполнены хорошо утрамбованным грунтом. В каменных ящиках №№ 5, 6 костяки лежали на каменных плитах, т. е. пол ящиков был выстлан каменными плитами. Каменные ящики №№ 5, 7 были частично разрушены трактором и потревожены.

2. Погребения второй группы (могилы №№ 3, 4, 9) представляют собой неглубокие грунтовые ямы, углубленные в грунт. В плане они в большинстве случаев имеют прямоугольную форму. Грунтовая яма могилы № 9 сверху была накрыта массивной каменной плитой. Они также, как и каменные ящики, ориентированы длинной осью по линии восток-запад. Погребальный обряд во всех исследованных могилах один и устойчив. Все костяки покоились на спине, вытянуто, головой на запад. Руки либо скрещены на груди, либо на животе, либо одна вытянута, а другая согнута. Во всех могилах отсутствуют вещи. На дне трех могил (№ 3, 8, 10) хорошо прослеживались куски древесного угля.

Судя по обряду, в исследованных могилах захоронения совершались по-христиански. Как известно, выше отмеченный обряд свойственен христианским захоронениям. В пользу этого говорит также отсутствие вещей в могилах. Следовательно, исследованные могилы сооружены не раньше X в. н. э., ибо известно, что христианство на территории Карачаево-Черкесии получает распространение в X в. нашей эры.¹⁷ Следует отметить, что каменные ящики и грунтовые могилы с христианским обрядом захоронения часто встречаются в Карачаево-Черкесии в могильниках, относящихся к последним столетиям эпохи раннего средневековья. Так, каменные ящики указанного типа исследованы Е. П. Алексеевой у аула Жако и Каракент. По мнению автора, они датируются X—XI вв. нашей эры.¹⁸ Христианский могильник из каменных ящиков XIII—XIV вв. н. э. исследован В. А. Кузнецовым у Северозеленчукского храма.¹⁹ Такие могилы исследованы Т. М. Минаевой на Кубинском, Адиюхском и Гилячском городищах. Суммарно они датируются X—XIII вв.²⁰ Подобные каменные ящики встречались и в могильнике Дардон X—XII вв.²¹ Грунтовые могилы указанного типа встречались в могильнике Каракент XI в.²² и на Кубинском городище XI—XII вв.²³

Грунтовые ямы раскопала Т. М. Минаева в Новокувинском могильнике XIII—XIV вв.²⁴

Каменные ящики и грунтовые могилы указанного типа встречаются в могильниках X—XIV вв. за пределами Карачаево-Черкесии.²⁵

В указанных могильниках также погребения были совершены или в каменных ящиках, или грунтовых ямах. Сходство между ними наблюдается и по положению костяков. Во всех названных памятниках скелеты лежали вытянуто, на спине, головой на запад. Положение рук в них также неустойчивое. Общим для всех этих памятников является также отсутствие вещей в погребениях, что весьма характерно для христианского обряда.

Итак, анализ погребального обряда и указанные параллели дают основание могильник № 1 датировать временем не ранее X в. и не позже XIII в.

О времени могильника можно привести некоторые соображения другого порядка. Например, как было отмечено выше, могильники располагаются на территории поселения. Поселение по характеру керамики нами датировано X—XIII вв. нашей эры, что указывает и на эпоху могильника, так как, несомненно, могильник синхронен поселению. Эту дату следует считать удовлетворительной, так как нет предметов, датирующих более точно.

Могильник № 2

Могильник № 2 находится на правом берегу р. Кубань, в 960 м к западу от первого могильника, на плато. Здесь, на самом краю плато, нами исследованы 11 могил, располагавшихся близко друг к другу. Над некоторыми погребениями на поверхности земли (пп. 4,5) или под дерновым слоем (пп. 1,8,9) лежали крупные каменные плиты.²⁶

Могилы по характеру погребальных сооружений неоднородны. Среди них можно отметить два вида. Погребальные сооружения первого вида представляли собой каменные ящики, стенки которых были образованы каменными плитами местного песчаника, поставленными на ребро. Сверху ящики покрывались большой плитой или двумя-тремя небольшими плитками (пп. № 1, 3, 5, 6, 7, 9, 10).

Ко второму виду относятся могилы в виде неглубокой, узкой грунтовой ямы без каменных стенок (пп. № 2, 4, 11). Наибольший интерес из исследованных погребений имеет погребение № 1, которое располагалось в 102 м к западу от фермы местного совхоза. Под дерновым слоем земли обнаружена искусно обработанная массивная каменная плита, имеющая прямоугольную форму. На ее боковых стенах и лицевой стороне имеется геометрический орнамент в виде треугольников и прямых линий. Размеры каменной плиты: $1,85 \times 0,66$ м, толщина 0,29 м. Непосредственно под плитой зафиксирован каменный ящик, имеющий в плане прямоугольную форму, ориентированный по линии восток-запад. Стены ящика образованы из каменных плит, поставленных на ребро и прикрытых крупной плитой. Верхняя плита ящика лежала на глубине 0,35 м от поверхности земли. Размеры каменного ящика: длина — 1,6 м, ширина у головы и в середине 0,48, у ног — 0,44 м, высота — 0,33 м, толщина стен — 0,1—0,2 м. Длина верхней плиты — 1,8, ширина — 0,6, толщина — 0,09 м. После расчистки камен-

ного ящика, заполненного землей (супесь), на дне его был выявлен костяк удовлетворительной сохранности. Он лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Руки согнуты и лежат на животе, череп не сохранился. Длина сохранившейся части костяка — 1,18 м. На груди покойника обнаружены 2 бронзовых бубенчика-пуговицы и костяная пуговица, 2 бронзовые пружины, 2 бронзовые пластины, железное кресало (длина 0,04) и обломок сероглиняной керамики.

Над некоторыми каменными ящиками и грунтовыми могилами, как и в погребениях могильника № 1, на поверхности земли (могилы № 4, 5) или под слоем дерна (могилы 1, 8, 9,) лежали крупные каменные плиты.²⁷ Очевидно, ими были обозначены могилы. В некоторых могилах (№ 8, 9) под костяком, как и в могильнике № 1, хорошо прослеживаются куски древесного угля. В погребениях №№ 2, 3, 4 костяки покоились в деревянных гробах. Трудно что-нибудь сказать о форме их, ибо они сохранились очень плохо.

В погребении № 3 зафиксировано повторное захоронение, где кости предыдущего покойника были сдвинуты в кучу к ногам очередного, который лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. Следует отметить, что контуры грунтовых могил прослеживались в отдельных случаях плохо вследствие того, что могильник расположен на месте поселения и могилы впущены в культурный слой и им же засыпаны.

По погребальному обряду каменные ящики и грунтовые погребения, как и в предыдущем могильнике, не отличаются друг от друга и характеризуются следующими чертами. Во всех названных могилах скелеты лежали вытянуто на спине, головой на запад. Руки либо скрещены на животе, либо одна вытянута, другая согнута. Каменные ящики и грунтовые могилы ориентированы длинной осью по линии восток-запад. Во всех погребениях зафиксированы одиночные захоронения, кроме каменного ящика № 3 из могильника № 2. Изучаемые погребения по форме могильных сооружений и погребальному обряду абсолютно не отличаются от погребений могильника № 1. В обоих памятниках могильные сооружения представляют собой каменные ящики и простые грунтовые ямы. В них всегда строго выдерживается западная ориентировка погребенного, положение его на спине с неустойчивым положением рук. Видимо, они синхронны и принадлежат жителям поселения на территории, на которой они и находятся. Можно считать, что население, оставившее эти памятники, было этнически однородным и соблюдало христианский обряд захоронения. Такой датировке не противоречит и незначительный погребальный инвентарь. Инвентарь, найденный в погребениях, характеризуется отсутствием керамики, вооружения, пищи. Он состоит из мелких принадлежностей одежды. В погребениях найдены: бронзовые бубенчики, костяные пуговицы, железные пряжки, бронзовые кольца, железное кресало, амулет из сурьмы в виде головы рыбы, бусинки.

Бронзовые бубенчики. Чаще других вещей в погребениях могильника встречаются бронзовые бубенчики. Бубенчики, штампован-

ные из листочков бронзы с петелькой наверху, встречались в 6 погребениях (8 штук).

Костяные пуговицы. В погребениях № 1, № 2 найдены две костяные круглые пуговицы с отверстиями в центре, украшенные орнаментом в виде точек и кружков.

Пряжки. В погребениях № 3, 11 обнаружены железные пряжки с подвижным язычком, имеющие рамки в виде круга. Кроме того, в погребении № 11 в области таза найдены 2 бронзовых кольца. Они предназначались, возможно, для прикрепления к поясу ножей и других предметов повседневного обихода.

Бусы. В могилах № 2 и № 5 найдены 4 бусинки из пасты. Бусы из погребения № 2 сделаны из голубой пасты, а бусы из погребения № 5 — из желтой пасты. В погребении № 7 обнаружены 2 амулета. Один изготовлен из сурьмы в виде головы рыбы, а второй представляет собой ракушки с отверстием.

Кроме того, в погребениях № 1, № 3, № 4 найдены витые бронзовые пружины неизвестного назначения. В могиле № 1 найдено кресало, изготовленное из железного прута. Наряду с этим, в некоторых погребениях (№ 1, 5, 6) найдены черепки красного и серого цвета. К могильному инвентарю они не имеют отношения, ибо в погребение попали эти черепки из культурного слоя поселения, разрушенного при устройстве могил. Таковы вещи, обнаруженные в погребениях могильника № 2.

Подобные вещи обычны для памятников Северного Кавказа в эпоху раннего средневековья, в том числе X—XIII вв. н. э. Так, например, бубенчики указанного типа найдены были в могильниках Жако, Дардон, Каракент, Адюх, Гиляч (Карачаево-Черкесия) и суммарно датируются X—XIII вв.²⁸

Абсолютные аналогии им известны с христианского могильника на городище Верхний Джулат XIII—XIV вв.²⁹ и могильнике Курноят XIII—XIV вв.³⁰ (первая группа могил). Костяные пуговицы с отверстием в центре, подобные найденным нами, обнаружены в христианском могильнике на городище Верхний Джулат XIII—XIV вв.³¹ Такая пуговица найдена Е. П. Алексеевой в могильнике Жако X в.³² Похожие пуговицы известны и в инвентаре могильников Хасаут VIII—XIII вв.³³ и Курноят XIII—XIV вв.³⁴

Бусы из пасты различного цвета, типа найденных нами, хорошо известны в инвентаре средневековых памятников Северного Кавказа.³⁵ То же самое можно сказать о железных пряжках, кольцах и других предметах из изучаемого могильника. На основании приведенных данных и этот могильник можно датировать временем не ранее X в. и не позже XIII в. н. э.

Курганный могильник

В 1976 г. в связи со строительством тепличного комбината на территории Кубинского городища нами был исследован курганный могильник.

Могильник находился к югу от аула Кубина на левом берегу реки Кубань на трассе Черкесск—Теберда. Здесь долина Кубани расширяется и представляет собой ровное поле с площадью более 100 га.

Это место в народе носит название «Байтал чабхан» (дословный перевод «долина, где скачет лошадь», что связано, видимо, с джигитовками, скачками на лошадях). На этой площади разбросаны исследованные нами курганы, которые были расположены двумя группами. Курганы №№ 1, 4, 5, 6 образовывали компактную группу, которая тянулась с востока на запад. Курганы № 3, 7, 8, 9, 10 находились в 500 м к югу от указанных курганов и группировались отдельно.

Нами исследованы в 12 курганах 25 погребений. По словам местных жителей раньше здесь было курганов намного больше. Но часть из них были разрушены при сельскохозяйственных работах еще в пятидесятые годы. Все курганы, за исключением курганов № 2, № 4, по форме и размерам довольно однотипны. Они имеют в плане полушаровидную или овальную форму.

Высота насыпи их колеблется от 1 м до 3 м, при диаметре 16—30 м. Насыпи курганов состоят из желтого суглинка и камней.

Большая часть насыпи кургана № 4 состояла из плотной материковой глины желтого цвета. Одной из основных особенностей в строении курганов надо признать то, что их насыпи содержат большое количество камней. Особенно много камней было над могильными сооружениями. Обычно над погребениями и вокруг них насыпалось огромное количество булыжника. В одном случае над центральным погребением (курган № 4, погребение № 6) был сооружен небольшой каменный курганчик.

Важной особенностью в строении некоторых курганов надо признать кромлехи, открытые в основании их, в виде кольца из булыжника и известняка. Так, в основании кольца-кромлеха открыты в кургане № 1, № 4, № 5, 6 у аула Кубина.

Каменные кольца в большинстве случаев имеют внушительные размеры и представляют ценные памятники культовой архитектуры древности. Сооружение подобных каменных колец связано с религиозными верованиями древних, которые чтили культ солнца — источника света и тепла. По представлению их, кольца вокруг захоронения символически изображали солнечный диск.

При характеристике курганов следует отметить также, что в насыпи курганов, над погребальными сооружениями в камнях, вокруг могил зафиксированы куски красной краски. Важным показателем наличия погребения являлся окрашенный красной краской, окружавший могилы грунт и скопления камней (кроме кургана № 2). В исследованных курганах красной краской обильно посыпалась насыпь, окружавшая погребения, стены могильных сооружений (гробницы, каменные ящики), камни, но не сами покойники. Из исследованных погребений только костяк из погребения № 6 кургана № 4 был сильно окрашен в красный цвет. В других погребениях костяки окрашены редко. В насыпи курганов, обычно над могилами, попадались кости животных, фрагменты керамики. Возможно, что это остатки тризны.

В одиннадцати исследованных курганах (кроме кургана № 2) зафиксированы 24 погребения. Могильные сооружения их представляли собой каменные гробницы (12 штук), или каменные ящики (3 штуки), грунтовые ямы (4 штуки), катакомбы (погребение № 2 в кургане № 1 у а. Псыж).

В четырех случаях (п-1 из кургана № 1, п-1, 2 из кургана № 4, п-3 из кургана № 8) покойники лежали в насыпи кургана и не имели специального могильного сооружения. Как видно из приведенного описания, большинство исследованных погребений составляют каменные гробницы (курган № 1-п-2, погребение из кургана № 3, курган № 4 — погребения № 3, 4, 5, погребение кургана № 5, курган № 6 — погребения № 1, 2, курган № 7-п-1, 2, курган № 8-п-2, погребение из кургана № 10) и каменные ящики. Все они по конструкции ничем не отличаются друг от друга, кроме того, что имеют различные размеры. Они имеют четырехугольную форму и сооружены из массивных каменных плит, установленных вертикально. Все они сверху перекрыты такими же большими каменными плитами. Исключение составляет гробница из кургана № 7 (п-2), стены которой сложены из камней, положенных плашмя. Гробницы и каменные ящики устраивались в насыпи кургана или под насыпью кургана, на уровне древнего горизонта. Поверх гробниц и каменных ящиков имелось огромное количество булыжника.

Как отмечали выше, одной из весьма интересных деталей, постоянно встречающихся при раскопках курганов, является использование во время погребения большого количества красной краски. Ею окрашивались камни, составляющие насыпи и кромлехи курганов, сами умершие, стены и щели молельных сооружений, пол, погребение. Подобный ритуал широко бытовал на Северном Кавказе в древности и связан с религиозными верованиями населения. Красная краска в их понятии символизировала вечно горящий огонь, который имел якобы очистительную силу. Следует отметить также, что в гробницах и каменных ящиках щели между плитами, стыки стен тщательно обмазаны глиной или заложены мелкими камнями. Это опять-таки связано с религиозными представлениями людей, которые сооружали такие памятники; они старались изолировать погребенного от проникновения к нему нечистой силы.

Грунтовые могилы (курган № 4, погребение № 6, курган № 1 у а. Псыж — погребения № 1, 3, погребение из кургана № 2, а. Псыж) представляли собой неглубокие ямы, вскрытые в материковом грунте. Судя по остаткам истлевшего дерева, стены их были облицованы деревянными плахами. Некоторые грунтовые ямы сверху были перекрыты массивными каменными плитами (п-6 кургана № 4 и др.).

Дно погребения № 6 кургана № 4 было выложено галечником, а покойник сильно окрашен в красный цвет. Следы краски имелись и в других погребениях, но сами покойники не были окрашены.

Наконец, в кургане № 1 у аула Псыж исследовано катакомбное захоронение. Катакомба была сооружена в насыпи кургана.

В четырех погребениях костяки покоились на спине, в вытянутом положении, головой либо на запад (п-1 из кургана № 4, п-2 из кургана № 7), либо на восток (п-2 из кургана № 1, п-2 из кургана № 6).

В девяти погребениях скелеты лежали на спине вытянуто (погребение № 3 из кургана № 8, погребение № 1 из кургана номер 9, погребение № 1 из кургана № 1 у аула Псыж, погребение № 3 из кургана № 1 у а. Псыж, погребение № 1 из кургана № 2 у а. Псыж) или сильно скорченно на боку (погребение № 1 из кургана № 1, погребение № 2 из кургана № 4, погребение № 2 из кургана № 9). Они были ориентированы головами на север (погребение № 3 из кургана № 8, погребения № 1, 2 из кургана № 9, все погребения из Псыжа, кроме катакомбы), или на юг (погребение № 1 из кургана № 1, погребение № 2 из кургана № 4, погребение № 6 из кургана № 4).

Из-за несохранности скелетов, трудно что-либо сказать о положении покойников в других погребениях. Покойники отсутствовали всего в 8 погребениях (в п. из кургана № 3, п. № 3, 4, 5 из к. № 4, п. № 1 из к. № 7, п. № 1 из к. № 6, п. № 1 из к. № 7, п. из к. № 10). Из них погребения из кургана № 5 и погребение № 2 из кургана № 6 предположительно можно считать кенотафами. В других погребениях покойники истлели.

В основном, покойники отсутствовали в гробницах или каменных ящиках. Большинство из них (могильные сооружения) были ориентированы по длинной оси по линии восток-запад. Исходя из этого, можно полагать, что покойники в этих погребениях лежали на спине, вытянуто, головой на запад или на восток. Если это так, то большинство покойников, исследованных нами, лежали на спине, вытянуто, головой либо на восток, либо на запад.

Такова краткая характеристика погребального обряда исследованных погребений в 1976 году у а. Кубина и Псыж.

Из них погребение № 6 из кургана № 4 можно отнести к майкопской культуре. Об этом свидетельствуют инвентарь и погребальный обряд могилы. Найденные в погребении металлические предметы, керамика и другие вещи являются характерными для майкопской культуры. Так, бронзовые котлы с жемчужным орнаментом найдены в Новосвободненских дольменах³⁶ и в Бамутском могильнике³⁷. И котел из погребения № 6 украшен характерным для майкопской культуры жемчужным орнаментом. Аналогичные котлы найдены и в памятниках Кабардино-Балкарии.³⁸

Широкое распространение в инвентаре майкопской культуры имеют золотые височные кольца³⁹, бронзовые тесла⁴⁰, шило⁴¹, кинжалы⁴², подобные найденным в исследованном нами погребении.

То же самое можно сказать о керамике, обнаруженной в погребении № 6. Это керамика, известная и характерная для майкопской культуры в целом.⁴³ Что касается погребального обряда нашего погребения, то он является характерным для всей майкопской культуры.⁴⁴

Бронзовые предметы, изготовленные из прута, типа найденных нами в погребении № 6, также известны в комплексах майкопской культуры Северного Кавказа.⁴⁵

Они заслуживают особого внимания. Как выше отмечали, они сделаны из круглого в сечении бронзового прута с закругленными

концами. Эти находки уникальны по своей значимости, на территории Карачаево-Черкесии они обнаружены впервые. Всего их до наших находок обнаружено семь экземпляров.⁴⁶ Р. М. Мунчаев, который специально изучал эти предметы, пришел к выводу, что они являются древнейшими металлическими псалями.⁴⁷

Исходя из этого, автор справедливо считает, что в эпоху майкопской культуры на Северном Кавказе лошадь использовали для верховой езды, хотя она была редким и очень дорогим животным.⁴⁸ На современном уровне наших знаний об этих предметах и о древней металлургии Кавказа, нам представляется мнение Р. М. Мунчаева убедительным. В пользу этого говорят, кажется, и условия находки их нами. Внутри котла, где лежали псалии, достаточно хорошо прослеживалась труха истлевшей кожи. Возможно, это остатки истлевшей конской узды.

Следовательно, на территории Карачаево-Черкесии уже в эпоху ранней бронзы лошадь была приучена и применялась для верховой езды. Но кости домашней лошади и ее снаряжение в инвентаре памятников ранней бронзы встречаются исключительно редко. Обычно они встречаются, как и в других районах Северного Кавказа, только в богатых погребениях. Поэтому надо полагать, что лошадей было мало и ими владели только наиболее богатые, знатные люди.

Итак, исходя из указанных аналогий, можно отнести основное захоронение кургана № 4 к позднему этапу майкопской культуры. Намного сложнее обстоит дело с датировкой погребений № 1, 4, 5, ибо в них нет инвентаря и покойники истлели.

Но в насыпи кургана № 4, на той же глубине, что и погребения № 4, 5, найден фрагмент толстостенного сосуда с пачкающей поверхностью. Черепок в изломе черный, а поверхность красного цвета. Керамика указанного типа очень часто сопровождает погребения майкопской культуры.⁴⁹ Учитывая это обстоятельство, указанные погребения тоже относим к майкопской культуре.

Погребение № 2 из кургана № 4, видимо, надо отнести к последним столетиям эпохи раннего средневековья (т. е. X—XIII вв. н. э.). В пользу этого говорит то, что покойник был захоронен по христианскому обряду. В X—XIII вв. н. э. на территории Карачаево-Черкесии появляются христианские погребения, связанные с принятием верхушкой местного населения этой религии.

Следует отметить, что недалеко от исследованного могильника располагается средневековое поселение и могильники, исследованные нами в 1976 г. В них были исследованы погребения, аналогичные описываемому, о чем говорилось в первой части работы. Судя по погребальному обряду, погребение № 1 из кургана № 4 относится к населению этого поселения.

Если учесть, что недалеко от места расположения кургана находилось средневековое поселение, население которого придерживалось христианского обряда, то ничего удивительного, что в насыпи кургана эпохи ранней бронзы оказалось христианское захоронение.

Погребение № 1 из кургана № 1 и погребение № 2 из кургана № 4 мы относим к срубной культуре. В пользу этого говорит погребальный обряд. В 1963—1964 гг. в окрестности г. Усть-Джегута А. Л. Нечитайло были исследованы погребения срубной культуры, аналогичные рассматриваемым. Погребения, исследованные А. Л. Нечитайло, тоже находились в насыпи кургана, обычно на вершине насыпи. Покойники лежали сильно скорченные на боку, головой на юг и имели инвентарь, характерный для срубной культуры.

Погребения, исследованные А. П. Нечитайло, находятся недалеко от курганной группы у аула Кубина.

Видимо, все эти погребения связаны с проникновением в эпоху бронзы в Центральное Предкавказье племен срубной культуры.

Погребение № 2 (курган № 1 у а. Псыж) относится к предкавказскому варианту катакомбной культуры II тыс. до н. э. В пользу этого говорит, прежде всего, форма могильного сооружения — катакомба.

Аналогичные погребения широко распространены в степях Северного Причерноморья, Приазовья, Северного Кавказа во втором тысячелетии до н. э. и принадлежат племенам катакомбной культуры.⁵⁰ Об этом свидетельствует также погребальный обряд. Покойник из погребения № 2 кургана № 4 у аула Псыж лежал на спине вытянуто, головой на юг. Скелет был окрашен в красный цвет и в погребении зафиксированы куски древесного угля (внутри горшка).

Аналогичные катакомбы с таким погребальным обрядом исследованы А. П. Нечитайло в окрестности г. Черкесска,⁵¹ т. е. недалеко от аула Псыж, где располагался исследованный нами курган.

Принадлежность этого погребения к катакомбной культуре подтверждается и погребальным инвентарем его. Так, в погребении найден сероглиняный горшок с загнутым внутрь краем. На тулове его имеется орнамент в виде треугольников, заполненных нарезками. Горшок имеет две наlepные ручки. Точно такие горшки найдены А. П. Нечитайло в кургане № 43, недалеко от города Черкесска.⁵²

В этом же погребении найдены 34 бронзовых бусы плохой сохранности. Такие бусы часто встречаются в памятниках II тыс. до н. э. на Северном Кавказе.⁵³ Кроме того, найден тонкостенный горшок черного цвета с узким дном и раздутым туловом. Он был заполнен древесным углем. Горшки близкие по форме найдены А. П. Нечитайло в указанном могильнике⁵⁴. На основании указанных аналогий, погребение № 2 (курган № 1 у а. Псыж) относим ко II тыс. до н. э.

Все остальные погребения можно отнести к северокавказской культуре, причем по строению насыпи курганов, по форме могильных сооружений и по погребальному обряду они сближаются с памятниками северокавказской культуры района Пятигорья. Так, насыпи курганов Пятигорья, как и исследованных нами, состоят из земли и камня⁵⁵. Над верхним перекрытием могил имеется огромное количество камней,⁵⁶ в погребениях присутствует краска.⁵⁷ Большинство могильных сооружений Пятигорья представляют собой каменные ящики и гробницы, стены которых состоят из массивных каменных плит.⁵⁸

Большинство покойников лежали на спине, вытянуто, головой на

запад или на восток.⁵⁹ Все перечисленные черты ритуала свойственны и памятникам у аулов Кубина и Псыж.

Некоторые покойники в исследованных могилах лежали скорченно, что нехарактерно для памятников Пятигорья. Однако это не противоречит тому, что они относятся к северокавказской культуре. Ибо, по мнению В. И. Марковина, который специально и основательно занимался указанной культурой, скорченные захоронения на территории Центрального Кавказа встречаются часто.⁶⁰ Погребения северокавказской культуры со скорченными костяками, наряду с вытянутыми, встречены во многих памятниках эпохи средней бронзы Центрального Кавказа.⁶¹

Наши погребения от памятников Пятигорья отличаются тем, что в отличие от последних⁶² в них присутствует много красной краски. Однако, как уже отмечали, и в наших погребениях сами покойники редко окрашены, хотя краска постоянно присутствует. Возможно, это объясняется тем, что наши памятники более ранние, чем последние, т. е. относятся к первому этапу северокавказской культуры. В некоторых погребениях северокавказской культуры, исследованных нами, имеется инвентарь.

Так, в погребении № 1 кургана № 6 обнаружен сероглиняный горшок плохой сохранности. В погребении № 2 того же кургана найдены две миски и горшок с ручкой. В погребении № 3 кургана № 4 обнаружены фрагменты керамики (20 штук) и большое количество бронзовых бус.

Керамика, обнаруженная нами, характеризуется грубой выделкой, слабым обжигом, глина содержит примесь песка. Поверхность их серого (горшки) или черного цвета, черепок в изломе черный. Венчик горшков слабо отогнут наружу. Все перечисленные формы сосудов, цвет черепков, качество теста находят прямые аналогии в комплексах северокавказской культуры II тыс. до н. э.⁶³

То же самое можно сказать о бусах, обнаруженных в погребении № 3 кургана № 4.⁶⁴

В погребениях кургана № 2 у аула Псыж обнаружено два височные кольца в полтора оборота (бронза). Височные кольца в полтора оборота также характерны для памятников северокавказской культуры.⁶⁵

Наконец, в насыпи кургана № 8, над погребением № 3 обнаружены фрагменты кувшина с линейно-волнистым орнаментом. Кувшин относится к более позднему, возможно, к сарматскому времени и не имеет отношения к погребениям эпохи бронзы.

Такова краткая характеристика новых комплексов эпохи бронзы из аулов Кубина и Псыж, полученных в 1976 г.

43. Поселение у аула Бесленей. В 1981 г. экспедицией было зафиксировано к северу от аула средневековое поселение. Материалы из поселения (керамика) суммарно относятся к X—XIII вв. н. э.

Поселение возникло на курганном поле эпохи бронзы. Трест «Карачай-Черкесскводстрой» в 1981 г. приступил к строительству оросительной системы у аула Бесленей. В результате этого оказались под угрозой уничтожения курганы и нами были проведены охранные рас-

ковки. На могильнике нами раскопаны 13 курганов. Исследованные курганы друг от друга отличаются по размерам, но имеют много общего по структуре насыпей и другим элементам. При сооружении их был использован суглинок, глина, чернозем, булыжник и редко гравер. Исследованные курганы, за исключением курганов № 2, № 13, все под насыпью имели каменное кольцо-кромлех. Все они сооружены из булыжника, который привозили из долины Большого Зеленчука, расположенного рядом с могильником. В курганах № 5, 6, 9 зафиксированы по два кольца, сооруженных параллельно друг к другу. Обычно кольца-кромлехи располагаются под центром насыпи. Исключение составляет курган № 12. Здесь кольцо было смещено к северу от центра кургана.

Некоторые курганы, кроме кромлеха, имели в центральной части каменные курганообразные наброски. Так, каменные курганчики открыты в курганах № 5, 9. В насыпи курганов часто попадаются кости животных, керамика, краска. Всего в 13 курганах учтены 82 погребения. В зависимости от устройства и формы их можно разделить на несколько типов. В количественном отношении преобладают грунтовые ямы, сооруженные в насыпи курганов и на материковом грунте. Они имеют в плане четырехугольную, овальную, кругло-овальную форму и различные размеры. При сооружении некоторых грунтовых ям использовано дерево как подстилка и перекрытие могил. Особую группу среди грунтовых ям составляют могилы со срубами. Наиболее типичными могилами указанного типа являются погребения № 21, 22 в кургане № 5.

Отдельную группу образуют погребения, сооруженные из камня. Это каменные ящики и гробницы. В количественном отношении их немного. Погребения указанного типа открыты в курганах № 5, 10.

В целом исследованные погребения отличаются бедностью инвентаря. Многие погребения вообще не имеют никаких вещей. Много без вещей могил не только выпускных, но и основных. Во многих курганах центральные погребения, отличающиеся тщательностью и фундаментальностью конструкции, не содержали никаких вещей. Отсутствие материала во многих погребениях затрудняет определение хронологии этих памятников. Тем не менее, на основе имеющихся материалов и погребального обряда можно констатировать, что исследованные погребения достаточно отчетливо делятся на несколько хронологических групп. Древнейшие из них относятся к майкопской культуре. Их немного. Это погребение № 11 из кургана № 1 и погребение № 3 из кургана № 14. В этих погребениях вещей нет, но они являются основными захоронениями в указанных курганах, в насыпи которых найдены фрагменты красноглиняной керамики, характерной для майкопской культуры. Поэтому мы их относим к III тыс. до н. э. Нашему предположению о принадлежности их к майкопской культуре не противоречит форма могил и погребальный обряд. Описываемые погребения представляют собой грунтовые ямы, сооруженные в материковом грунте. Аналогичные погребения хорошо известны в памятниках майкопской культуры. Так, грунтовые погребения указанного типа исследованы у с. Чегем в

Кабардино-Балкарии. Аналогичные погребения, относящиеся к майкопской культуре, были открыты автором и в курганах у аула Кубина в Карачаево-Черкесии в 1976 г. То же самое можно сказать о положении покойников. В погребении № 11 из кургана № 1 покойник лежал скорченно на правом боку, головой на юг. У ног покойника хорошо прослеживалась краска. Все указанные элементы погребального обряда характерны для памятников майкопской культуры, исследованных в различных районах Северного Кавказа.⁶⁶ Итак, курганы № 1, № 14 были сооружены в III тыс. до н. э.

Основная часть исследованных погребений в курганах у а. Бесленей относится к северокавказской культуре, т. е. к II тыс. до н. э. Это погребения: 3, 6, 10 в кургане № 1; единственное погребение в кургане № 2, погребение 2 в кургане № 4; погребения: 1, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 16, 17, 19, 21, 22 (основное погребение), 23 в кургане № 5, все четыре погребения в кургане № 6; погребения: 2, 3, 4, 6, 7, 9, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18 в кургане № 7; погребения: 1, 2, 3, 4 в кургане № 8; погребения 1, 2 в кургане № 9; погребения: 1, 2, 3, 4, 5, 7 в кургане № 10; погребения: 1, 2 в кургане № 11, погребения: 1, 2 в кургане № 12; погребение из кургана № 13; погребения: 1, 2 в кургане № 14. Часть перечисленных погребений не имеют инвентаря, у некоторых впускных погребений не прослежены контуры и покойники истлели. Поэтому они нами отнесены к северокавказской культуре с учетом погребального обряда предположительно. Такие погребения имеются в кургане № 5 (погребения: 6, 7, 8, 11), в кургане № 6 (погребение № 1), в кургане № 7 (погребения: 2, 6, 13). Но в целом большинство погребений этой группы по погребальному обряду и инвентарю можно уверенно отнести к северокавказской культуре. Подавляющее большинство погребений II тыс. до н. э. представляют собой грунтовые ямы, сооруженные в материковом грунте и в насыпи курганов. В курганах № 5, 10 зафиксированы каменные ящики и гробницы. Указанные типы погребальных сооружений богато представлены в памятниках северокавказской культуры II тыс. до н. э.⁶⁷

В исследованных погребениях северокавказской культуры могильника нет полного единства в положении покойников и ориентировке их по сторонам света. В некоторых исследованных погребениях костяки лежали на спине в вытянутом положении, ориентировка головы неустойчивая. Встречаются костяки, ориентированные головой на восток, на запад, на юг с сезонными отклонениями. Часть покойников лежали скорченно на правом или на левом боку, ориентировка неустойчивая. Такой неустойчивый погребальный обряд свойственен многим памятникам северокавказской культуры.⁶⁸

Одной из особенностей погребального ритуала можно считать наличие краски — охры в погребениях. Чаще всего охрой засыпались фаланги ног и череп, редко дно могилы. Часто в погребениях встречаются кости животных, уголь, куски мела (редко), остатки дерева и т. д. Указанные черты погребального обряда также характерны для памятников Северного Кавказа II тыс. до н. э.⁶⁹

В погребениях описываемой группы обнаружен довольно интерес-

ный материал. В инвентарь входили глиняные сосуды, бронзовые булавки и ножи, различные бронзовые подвески, височные кольца, бронзовые шилья, бронзовые и пастовые бусы. В инвентаре хорошо представлена керамика. В основной массе — это горшки, сосуды, миски. Керамика встречается не только в погребениях, но и в насыпи курганов. Керамика характеризуется грубой выделкой, слабым обжигом, с различными примесями в тесте. Поверхность их заглажена или залощена. Часть сосудов снабжена нарезным, шнуровым орнаментом. В целом керамика из погребений этой группы типична для северокавказской культуры.⁷⁰

Среди металлических вещей сравнительно хорошо представлены бронзовые ножи. Ножи найдены в кургане № 5 (погребение № 21), в кургане № 11 (погребение № 1). Они, за исключением ножа из кургана № 11, обоюдоострые листовидные. Аналогичные ножи, по мнению В. И. Марковина, встречаются на всей территории, занятой северокавказской культурой.⁷¹ Такие ножи хорошо представлены в северокавказских памятниках Кабардино-Балкарии⁷² и Карачаево-Черкесии.⁷³

Бронзовые булавки найдены в курганах № 6 (погребение 2), № 1 (погребение № 10), № 7 (погребение № 12). Булавки из курганов № 1 и № 6 имеют поперечную перекладину и богато орнаментированы. Булавка из кургана № 7 изогнута, булавка в виде «посоха». Оба типа булавок характерны для северокавказской культуры.⁷⁴

То же самое надо сказать о бронзовых четырехгранных шильях, найденных в курганах № 5 (погребение № 21), № 8 (погребение № 2).⁷⁵

Среди металлических вещей хорошо представлены разнообразные подвески, колечки, височные кольца. Подвески в полтора оборота найдены в погребении № 21 в кургане № 5. Колечки найдены в курганах № 5 (п-21), № 7 (п-12), к-10 (п-3). Встречаются подвески в виде кружочков и колец, снабженные стерженьком, ушком для подвешивания. Есть подвески, напоминающие обрывок шнура с узлом на конце. Подвески найдены в курганах № 4 (п-2), № 6 (п-3), № 7 (п-19). Подвески указанного типа также характерны памятникам северокавказской культуры.⁷⁶ То же самое можно сказать о разнообразных бронзовых и пастовых бусах, а также о каменном песте, найденном в кургане № 7 (п-12).

Следующая группа погребений относится к сарматскому периоду. Они представляют собой впускные погребения и сооружены в насыпи курганов эпохи бронзы. К этой группе относятся два погребения в кургане № 1 (погребения 7, 8), одно погребение в кургане № 1 (погребение № 3), погребение № 12 в кургане № 5 и погребение № 3 в кургане № 8. В этих погребениях найдены горшки и миски, а также бронзовые зеркала с боковым ушком, характерные для инвентаря памятников сарматского времени. В частности, зеркала из белого сплава с боковым ушком найдены в погребениях № 7, № 8 в кургане № 1. О позднем происхождении этих погребений свидетельствуют железные предметы, найденные в курганах № 4 (погребение № 3), № 5 (погребение № 12). Исследованные погребения являются первыми сарматскими погребениями на территории Карачаево-Черкесии.

В курганах № 5 и № 7 имеются несколько погребений, которые отличаются от других хорошей сохранностью покойников. Это погребения № 4, 13, 15, 18, 20 в кургане № 5 и пп. № 8, 10 в кургане № 7.

Этим погребениям характерен мусульманский погребальный обряд: они лежат в вытянутом положении на правом боку, головой на запад. Погребальный обряд и хорошая сохранность костяков говорят в пользу позднего происхождения их.

Наконец, погребения № 2 и № 3 из кургана № 5 можно отнести к эпохе средних веков. Об этом говорят бронзовые бубенчики, найденные в погребении № 2, и железные предметы из погребения № 3. К эпохе средних веков относится, по погребальному обряду, и погребение № 5 в кургане № 7.

В целом материалы экспедиций представляют большой интерес для изучения истории и религиозных верований населения Карачаево-Черкесии в эпоху бронзы и сарматское время.

44. Поселение у а. Кумыш. К западу от аула, недалеко от моста через Кубань, располагается двухслойное поселение. Оно занимает склоны балки и имеет сравнительно небольшую территорию. По топографии и планировке описываемый памятник сближается высокогорными родовыми и патронимическими поселениями Тебердинского ущелья, верховьев Кумы, Подкумка, Большого и Малого Зеленчуков. Судя по подъемной керамике, поселение, как и многие памятники Карачаево-Черкесии, двухслойное. Древний слой относится ориентировочно к VIII—VII вв. до н. э. Этот период представлен фрагментами горшков, мисок и больших сосудов, характерных для памятников позднего этапа кобанской культуры. Верхний слой относится к раннему средневековью. Следует сказать, что большинство поселений края многослойные. Древнейший слой их относится к позднему этапу кобанской культуры и сарматскому времени.

Итак, работами указанных лет в Карачаево-Черкесии выявлено большое количество средневековых памятников.

Изучение средневековых памятников района, начатое еще в конце XVIII—начале XIX вв., в настоящее время получило солидную источниковедческую базу, благодаря работам Т. М. Минаевой, Е. П. Алексеевой, В. А. Кузнецова, В. Б. Ковалевской, А. П. Рунича, Я. А. Федорова, Г. А. Афанасьева, У. Ю. Эльканова, И. М. Мизиева и других. При отсутствии письменных источников, изучение средневековых памятников приобретает исключительный интерес, ибо «если для античности исходным пунктом служил город и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила деревня»⁷⁷. Это обязывает хотя бы вкратце суммировать материалы археологических изысканий последних лет и попытаться осветить некоторые аспекты (планировка, топография, структура крепостных сооружений), касающиеся средневековых поселений.⁷⁸

По планировке и топографии, а также по ряду других важных признаков, средневековые поселения Карачаево-Черкесии с определенной оговоркой можно разделить на четыре большие группы.

Памятники первой группы представлены открытыми поселениями. Главной особенностью их является небольшая площадь, наличие каменных построек жилого и хозяйственного назначения, а также, за редким исключением, отсутствие оборонительных сооружений. Жилища преимущественно представлены наземными и слегка углубленными в материк каменными постройками с открытым очагом в центре или на одном из углов помещения. Судя по многочисленности каменных построек, предназначенных для загона скота, экономическую базу населения составляло животноводство с преобладанием мелкого рогатого скота.

Большая часть указанных поселений расположена в труднодоступной горной части края и начинает функционировать не ранее IV века. Это дает основание предположить, что они принадлежали населению, которое покинуло степи и предгорья Кавказа в эпоху великого переселения народов под давлением гуннов.

К поселениям примыкают могильники, состоящие из разнотипных погребальных сооружений. Для этого периода наиболее характерны каменные ящики, гробницы, наземные и подземные склепы и земляные катакомбы. Важно отметить, что в последние годы открыты новые катакомбные могильники, которые перестают функционировать на рубеже VII—VIII веков. Работами 1979 г. в Хумаринском городище открыт подбойный могильник, относящийся к II в. н. э. Хумаринский могильник — первый подбойный могильник, открытый и исследованный на территории Карачаево-Черкесии, который документирует проникновение подбойников в горные районы области и имеет большое значение для изучения сложной этнической истории края.

В инвентаре поселений массовым материалом является керамика, идентичная посуде синхронных памятников Центрального Кавказа. Помимо того, в некоторых поселениях встречается особый тип керамики — котлы с внутренними ушками, приписываемые болгарам. Так, они найдены в Хумаринском, Кызыл-Калинском, Иналском и других поселениях.

Обращает внимание тот факт, что такой посуды нет в слое VIII—X веков, т. е. в слое болгарского времени Хумаринского городища, синхронного салтово-маяцким памятникам, где распространен этот тип керамики. Если учесть их бытование не только в слоях X—XI в. (Римгора и др.), но и в ранних слоях поселения, можно предположить, что население края приступило к изготовлению котлов с внутренними ушками раньше, чем в других районах, где они встречаются. Котлы указанного типа, как показали результаты исследования последних лет, не характерны для памятников IV—V веков. В этот период для памятников изучаемого региона характерны бронзовые котлы, которые позже, за редким исключением, не встречаются. Возможно, глиняные котлы пришли на смену бронзовым котлам и возникли где-то на рубеже VI—VII веков. Причем, если согласиться с болгарской принадлежностью котлов, то надо признать их раннее проникновение на территорию Карачаево-Черкесии. Но окончательно время возникновения и

употребления, а также этническую принадлежность их можно решить путем стационарных исследований памятников рассматриваемого времени.

Открытые поселения функционировали весь период раннего средневековья. Но они наиболее характерны для IV—VII вв. н. э. Это особенно относится к поселениям, расположенным в высокогорной части края — в верховьях Кубани, Теберды, Кумы, Подкумка, Большого Зеленчука. Как уже было отмечено, они по площади небольшие и представляют собой родовые и патронимические поселения.

Вторую группу составляют поселения, также не имеющие сплошной линии оборонительных сооружений, но укрепленные одной или несколькими башнями. Башни, обычно, строились на вершине крутых гор, у подножья которых располагались поселения, и являлись местопребыванием феодальной знати, т. е. они фактически представляют цитадели поселения. Башни, обычно, в плане прямоугольной и квадратной формы, стены их сложены из хорошо тесанных плит регулярной кладкой на известковом растворе. Жилые и хозяйственные постройки поселения этой группы, как и первой группы, представлены наземными каменными постройками.

Характерными памятниками этого типа являются Хурзукское и Бесленевское поселения. Аналогичные поселения имеются также в окрестностях с. Хасаут-Греческий, станицы Морх и в других районах края. По подъемному материалу и по приемам строительства и характеру техники кладки башен, они относятся к последним векам раннего средневековья. Памятники описываемой группы представляют собой более высокий этап развития поселений первой группы и свидетельствуют о более высокой социальной дифференциации общества, о зависимости планировки поселения от отношения между феодальной верхушкой и рядовым населением. Такая планировка (т. е. разрыв между цитаделью и поселением, городом) характерна для многих памятников Армении⁷⁹ и Средней Азии⁸⁰.

Третью группу составляют поселения, состоящие из укрепленной части — собственно крепости и прилегающего к ней селища. По ряду признаков памятники этой группы делятся на 2 типа.

К первому типу относятся двухчастные поселения. Они состоят из укрепленного городища и селища. Наиболее характерными памятниками указанного типа являются: Красновосточное, Байтал-Чапханское, Красногорское и другие городища.

Ко второму типу относятся поселения более сложной планировки. Эти памятники от поселения первого типа отличаются тем, что их городища, обычно, имеют двух-трех-четырёх-частное деление, четко выделяется цитадель. В числе таких памятников можно назвать Адиюхское, Каракентное, Учкурское, Терезинское (Уллу-Дорбунла), Хумаринское, Клевцовское, Балашовское, Курлукское и другие городища. По времени памятники первого типа возникли раньше, чем описываемые поселения. Последние представляют собой новую ступень развития поселения первого типа.

Внутри второй группы образуют отдельную подгруппу: большие поселения раннегородского типа. К таким памятникам, наряду с Нижне-Архызским и Рим-горским городищами, бесспорно, являющимися остатками раннефеодальных городов (В. А. Кузнецов, А. П. Рунич), можно отнести Кубинское, Каракентское, Терезинское, Клевцовское городища. Им присущи почти все элементы, характерные для средневековых раннефеодальных городов: сложная многочастная структура, мощные крепостные сооружения, большая площадь и т. д.

Время возникновения и существования городов хронологически совпадает с двумя крупными историческими событиями — с установлением господства на Северном Кавказе Хазарского каганата в VIII в. и монгольское нашествие в XIII в.

Четвертую группу составляют феодальные замки-крепости — резиденции местных феодалов. Наиболее характерными памятниками этой группы являются Амгатинское, Инжургатинское городища и остатки крепости у с. Садовое.

Памятники третьей и четвертой группы можно суммарно датировать VII—XIII вв. Но предпочтительно основную часть их отнести к X—XIII вв. Это особенно относится к крупным трех-четырёх-частным городищам.

Большинство памятников третьей и четвертой группы тяготеют к бассейнам рек, к важным хозяйственным и военным трассам местного и международного значения. Городище и замки-крепости, как правило, имеют двух- и трехчастное деление, которое является показателем социальной структуры населения, ибо четко разграничивает различные слои населения по их социальному составу.

Для поселений третьей и четвертой группы весьма характерна также сложная система оборонительных сооружений, свидетельствующая о высокой строительной культуре и глубокой социальной дифференциации общества. Древние строители исключительно умело сочетали природные условия и искусственные укрепления. По своему функциональному назначению, характеру и материалу строительства, крепостные сооружения подразделяются на две группы. Первую группу фортификации составляют оборонительные валы и рвы.

Остатки земляных укреплений зафиксированы в Адюхском, Хумаринском, Кубинском, Первомайском, Байтал-Чапканском, Балашовском, Клухорском, Клевцовском городищах. Следует отметить, что земляные оборонительные сооружения наиболее характерны для памятников предгорной части края. Так, глубокими рвами были защищены с напольной стороны Курлукское и Клевцовское городища. Помимо того, территория Клевцовского городища четырьмя продольными рвами членена на пять отсеков, Курлукское городище — двумя рвами — на три отсека. В Балашовском городище цитадель отделена от остальной территории глубоким рвом. Особенно внушительны земляные укрепления Кубинского городища. Но в целом земляные укрепления, широко распространенные в других районах Северного Кавказа, менее характерны для памятников Карачаево-Черкесии. В Карачаево-Черкесии городища, обычно, укреплены рвами и валами в исключительных

случаях, или снаружи дополнялись каменные крепостные стены. Так, Хумаринское городище с восточной стороны дополнительно было укреплено рвом. Узунколское поселение с южной стороны, наиболее доступной для вторжения врага, также было укреплено рвом и валом⁸¹.

Для памятников Карачаево-Черкесии, как справедливо пишут Е. П. Алексеева и В. А. Кузнецов⁸², наиболее характерны каменные стены, усиленные монументальными башнями. Первоклассная фортификация, умело сочетающая каменные стены и башни, характерна для всех поселений третьей и четвертой группы. Такие укрепления распространены повсеместно на территории области. Как правило, рассматриваемые поселения располагались на труднодоступных мысах, отрогах, защищенных с трех сторон глубокими ущельями, которые соединялись с основным массивом гор через узкую полосу, или занимали плоскую вершину плато — останцев с крутыми склонами⁸³. Поэтому древние строители крепостными сооружениями укрепляли памятник только с напольной стороны. Но довольно часто встречаются поселения, укрепленные мощной стеной по периметру. Наиболее характерными памятниками указанного типа являются Хумаринское, Каракентское, Инджургатинское, Амгатинское городища. В некоторых городищах мы находим двойную, даже тройную, систему стен. Так, двойную линию каменных стен имело Хумаринское городище, а в Амгатинском городище функционировали даже тройные стены.

Крепостные стены, обычно, поставлены без фундамента на слабо сnivelированную поверхность скалы-материка. Плохая сохранность их не позволяет говорить о их завершении и высоте. Но работами в Хумаринском городище установлено, что стены его были внушительной высоты и завершались зубчатым парапетом. Очевидно, аналогичное завершение имели стены некоторых других памятников.

Крепостные стены, как уже отмечалось, были снабжены мощными пристенными и выносными башнями, которые являлись важными узлами в сложной системе обороны поселения. Выносные башни сооружались на некотором расстоянии от стен и ставились, в первую очередь, там, где требовалось усиленное укрепление. Выносные башни защищали, например, подступы к главным воротам, наиболее уязвимые участки Хумаринской крепости. Обычно башни имели квадратную и четырехугольную форму и несколько этажей, соединенных между собой каменной лестницей, сооруженной вдоль их стен с внутренней стороны⁸⁴. Круглые башни, богато представленные в фортификации Средней Азии, стран Закавказья и Дагестана, для наших памятников не характерны. Видимо, это связано с тем, что в горных районах Северного Кавказа не имели широкого применения стенобитные машины.

Важное значение в системе обороны поселения имели цитадели и ворота. Цитадели, защищенные собственной системой крепостных стен, являлись важными узлами обороны и местом пребывания феодальной верхушки общества. Они имели, обычно, небольшую площадь, специфическую структуру и преимущественно размещались внутри крепостных стен или занимали один из хорошо защищенных углов города, крепости. В качестве примера такого рода можно назвать цитадели Каракентско-

го, Инжургатинского, Римгорского, Адияхского и других городищ. Особняком стоит цитадель Хумаринского городища, построенная в системе большой оборонительной стены. Она мощной каменной стеной была разграничена от внешнего мира, в том числе и от самого города-крепости. Это свидетельствует о том, что цитадель защищала феодальную верхушку не только от нападения внешнего врага, но и от основной массы населения города, т. е. характер городской фортификации находился в прямой зависимости от социальной структуры населения древнего поселения. Этим и военными соображениями, видимо, связано и то, что цитадель возведена в системе крепостных стен, а не внутри города или за его пределами. В этой связи заслуживает внимания рекомендация крупного специалиста по средневековой фортификации Альберти, который писал, что «крепость (цитадель — Х. Б.) должна давать возможность беспрепятственных вылазок, чтобы можно было нападать на врагов, на граждан, и на своих солдат, — если того потребует мятеж или измена, и чтобы можно, свободно вызвать подмогу от своих или извне...»⁸⁵.

Из-за неизученности трудно сказать что-либо о внутренней застройке цитаделей. Но по материалам Инжургатинского и Хумаринского городищ, можно полагать, что основным элементом построек цитадели являлись башни — донжоны в несколько этажей⁸⁶.

Цитадели поселения имели ворота, сооруженные, как правило, между стенами цитадели и поселения или в середине стены цитадели. В качестве примера первого рода можно назвать проход цитаделей Инжургатинского, Каракентского городищ, примером второго рода является проход цитадели Хумаринского городища. Нередко на территорию цитадели проникали по подставным лестницам.

Особый интерес представляет конструкция ворот рассматриваемых поселений. Поселения, обычно, снабжались одними или двумя воротами и калитками-проходами. Как наиболее уязвимые места в системе обороны, ворота возводились в труднодоступных пунктах, удобных для обороны подступов к ним, и сильно укреплялись искусственными сооружениями. Как правило, ворота вырубались в скале или были поставлены между одной или двумя параллельно поставленными башнями. Проходы-лестницы, вырубленные в скале, зафиксированы в Римгорском, Красновосточном, Амгатинском городищах. В середине башни были сооружены ворота Инжургатинского, Байтал-Чапканского, Красновосточного и других городищ.

Итак, фортификация поселения отличается мощностью и продуманностью планировки и их структура отвечала уровню военной техники, сложному составу общества.

Подводя итоги, следует сказать, что в Карачаево-Черкесии в средние века наблюдалось значительное разнообразие сельских поселений и поселений городского типа, что убедительно говорит о достаточно высоком уровне развития общества, военной и строительной культуры. Основную часть поселений составляли сельские поселения, как и в других районах Северного Кавказа⁸⁷, Средней Азии⁸⁸, Крыма⁸⁹, где деревня господствовала над городом⁹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ Этимология слова Хумара до сих пор остается спорной. К. Ф. Ган возводит его к черкесскому слову хьумэн («хумен») «защищать» (укрепленное место) и полагал, что в древности Схемарус (крепость—ХБ) называется также «Кумярай» (Ган К. Ф. Опыт объяснения географических названий — СМОМПК, вып. 40. Тифлис, 1909, с. 148). Дж. Н. Коков производит это слово от названия абхазо-адыгского антропонима Хумараа «Хумариновы» или Хьумэрэн (Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974, с. 287). По М. А. Хабичеву, Хумара — Хум и ара «центр Хумов», «столица Хумов» (Хабичев М. А. Карачаево-Балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971, с. 9). По С. Я. Байчорову, слово Хум Хому (Кьобу) «трещина», «ущелье» + ара «середина» дало Хомуара (Хумара) «середина ущелий», «водораздел», что полностью соответствует географическому положению Хумары (Байчоров С. Я. О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани. Вольфросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Черкесск, 1978, с. 119).

² Биджиев Х. Х. Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 33—43.

³ Биджиев Х. Х. Раннефеодальные города Карачаево-Черкесии. Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1980, с. 66—67.

⁴ Реконструкция крепостных сооружений городища сделана инженером В. В. Тепловым и художником Л. Н. Бюль.

ГЛАВА I

¹ Открытое поселение примыкает к городищу с северной стороны и располагается на склонах балки Инал. Причем, керамика с синхронного поселения отличается от материалов с территории городища. В частности, там отсутствуют привозные амфоры и кухонные горшки, богато представленные внутри крепости. Очевидно, разница в материале отражает этническую и социальную разницу между двумя частями памятника.

² Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе. — Записки императорского археологического общества. СПб., 1857, т. IX, с. 385—388.

³ Фелицын Е. Д. Некоторые сведения о средневековых гетуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области. — Кубанский сборник, т. V. Екатеринодар, 1889, с. 1—24.

⁴ Сысоев В. М. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г., МАК, 1898, вып. VII, с. 128; его же. Археологическая экскурсия по Закубанью, МАК, вып. IX, 1904, с. 143—146.

⁵ Талицкий Н. Е. Очерки Карачая. СМОМПК, 1909, вып. 40, с. 6—8.

⁶ Дьячков-Тарасов А. Н. Неизвестный торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ. Новый Восток. М., 1930, т. 28, с. 148—156.

⁷ Минаева Т. М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 15.

⁸ Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани. Археология и этнография Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1975, вып. 1, с. 92; его же. «В верховьях Большого Зеленчука». М., 1976, с. 13.

⁹ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, М., 1971, с. 132—135.

¹⁰ Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 134.

¹¹ Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г. АЭ К.Ч. Черкесск, 1979, с. 49—51.

¹² Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1975 г.— В кн.: Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 19.

¹³ Биджиев Х. Х. Раскопки городища Хумара в 1977 г., с. 42—44.

¹⁴ Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища, с. 157; Алексеева Е. А. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 133.

¹⁵ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 54.

ГЛАВА II

¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 75; Афанасьев Г. Е. Некоторые предварительные итоги изучения Маяцкой крепости. X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980, с. 51—53; Магомедов М. Г. Оборонительные сооружения древней Хазарии. IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979, с. 39.

² Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г., с. 45.

³ Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 133.

⁴ Репников Н. И. Подъемная дорога Эски-Кермена. Материалы Эски-Керменской экспедиции. 1931—1933. — ИГАИМК, М.—Л., вып. 117, 1935, с. 20—41.

⁵ Беридзе Вахтанг. Грузинская архитектура с древнейших времен до начала XX века. Тбилиси, 1967, с. 19—59, таб. 6.

⁶ Рунич А. П. Городище «Бургусант» или Римгора. МИСК, 1977, с. 210.

⁷ Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела. — МИА, 1959, 75, ТВДАЭ, т. II, с. 27, рис. 23.

⁸ Халпахчян О. Х. Архитектура Армении. ВИА, т. 3. М.—Л., 1966, с. 226.

⁹ Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена. — В кн.: История и археология средневекового Крыма. М., 1958, с. 45.

¹⁰ Альберти Леон Батиста. Десять книг о зодчестве, т. I. М., 1935, с. 141.

¹¹ Кюй Цезарь. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб., 1889, с. 23.

¹² Воронина В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии. СА, 1959, № 1, с. 90.

¹³ Беридзе Вахтанг. Указ. соч., с. 39—40.

¹⁴ Альберти Л. Б. Указ. соч., с. 140.

¹⁵ Акопян А. М. Связи Армении и Кавказской Албании с Парфией (градо-строительство и архитектура). — СА, 1979, № 4, с. 30.

¹⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 104—105.

¹⁷ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 127.

¹⁸ Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв. — СА, 1973, № 2, с. 71.

¹⁹ Минаева Т. М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 89.

²⁰ Биджиев Х. Х. Из глубины веков. Газ. «Ленинское знамя» от 12.02.1980 г.

²¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 35. Афанасьев Г. Е. Некоторые предварительные итоги изучения Маяцкой крепости. X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980, с. 50.

²² Афанасьев Г. Е. Указ. соч.; Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 114.

²³ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 35; Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении. М., 1971, с. 23—24.

²⁴ Кудрявцев А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 125—126.

²⁵ Халпахчян О. Х. Указ. соч., там же.

²⁶ Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии, 1951, с. 52—60; Воронина В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии. — СА, 1959, № 1, с. 90.

²⁷ ВИА, том I. М., 1958, с. 25, 29, 282.

²⁸ Усейнов М., Британицкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, с. 120—121.

²⁹ Воронина В. Л. Указ. соч., там же.

³⁰ Халпахчян О. Х. Указ. соч., там же.

³¹ Халпахчян О. Х. Указ. соч., там же.

³² Минаева Т. М. Археологические памятники на реке Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 1951, № 23, М.-Л., с. 274—275; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 132—135; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 126—128.

³³ Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 135.

³⁴ Минаева Т. М., правда, башню и стену Узунколского поселения относит к V—VII вв. н. э., но Узунколское поселение, как и другие памятники края, многослойное, там имеются слои более позднего времени. Поэтому датировку поселения, вплоть до публикации всех материалов о нем, следует считать открытой.

³⁵ Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андреаульское городище. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 137—138; Гадло А. В. Указ. соч., с. 142; Магомедов М. Г. Верхне-чирюртовское городище. УЗ ИИЯЛ, т. XIX. Махачкала, 1969, с. 154; Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варчана, Беленджера и Таргу. — В кн.: Древности Дагестана, 1974, с. 185, 223; Котович В. Г. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера. Указ. сборник, с. 239; Кудрявцев А. Город, не подвластный векам, с. 125.

³⁶ Магомедов М. Г. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. канд. дис. Махачкала, 1970, с. 7; его же. Оборонительные сооружения древней Хазарии, с. 39.

³⁷ Магомедов М. Г. Указ. соч., с. 39.

³⁸ Магомедов М. Г. Верхне-чирюртовское городище, с. 150, рис. 3, 4; его же, Указ. соч., там же.

³⁹ Кудрявцев А. Указ. соч. с. 111.

⁴⁰ Кудрявцев А. Указ. соч., там же.

⁴¹ Кудрявцев А. Указ. соч., там же.

⁴² Чеченов И. М. Средневековые городища Кабардино-Балкарии. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, с. 205; Кузнецов В. А. Аланская культура, с. 66; Багаев М. Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. Автореф. канд. дис. М., 1970, с. 7—8.

⁴³ Об этом подробно см.: Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г., с. 50—51; Биджиев Х. Х. Средневековая керамика Хумаринского городища. — В кн.: Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979.

⁴⁴ Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 148; Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андреаульское городище. Указ. сб., с. 134.

⁴⁵ Гадло А. В. Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточной части Ставрополя. X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980, с. 63—64.

- ⁴⁶ Плетнева С. А. От кочевья к городам, с. 25—43.
- ⁴⁷ Афанасьев Г. Е. Некоторые итоги изучения Маяцкой крепости. X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980, с. 51—53; Плетнева С. А. Указ. соч., с. 36; Афанасьев Г. Е. Указ. соч., с. 53.
- ⁴⁸ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 44.
- ⁴⁹ Миятев К. Архитектуратэ в средневнэ Болгария. София, 1965, с. 32—47.
- ⁵⁰ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 44.
- ⁵¹ Северняк Серафим. Прабъягари на берега. На Дон. Журнал «Отечество», София, 1980, № 16. Письмо Дмитрова Д. автору от 17.06.80 г.
- ⁵² Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 47.
- ⁵³ Беридзе Вахтанг. Грузинская архитектура с древнейших времен до начала XX в., с. 9—20, 37—59, таб. 1, 2, 18, 29, 32.
- ⁵⁴ Токарский Н. М. Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961, с. 24, 39, 46—192.
- ⁵⁵ Якобсон А. Я. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63. М. Л., 1963, с. 70—124.
- ⁵⁶ Плетнева С. А. Хазары. М., 1976, с. 24.
- ⁵⁷ Якобсон А. Я. Указ. соч., с. 71.
- ⁵⁸ Витрувий. Десять книг об архитектуре. Перевод Ф. А. Петровского. М., 1936, с. 32, 33; Вегеций Ф. Краткое изложение военного дела. Перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1940, № 1, с. 281—283; Альберти Л. Б. Десять книг о зодчестве. Перевод В. П. Зубова. М., 1935, с. 85—154; Кюри Цезарь. Краткий исторический очерк долговременной фортификации. СПб., 1889, с. 3—23.
- ⁵⁹ Сорокин С. С. Железные изделия Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, с. 147.
- ⁶⁰ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 58—65.
- ⁶¹ Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани, с. 92.
- ⁶² Магомедов М. Г. Оборонительные сооружения древней Хазарии. IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979, с. 38—40.
- ⁶³ Плетнева С. А. Хазары. М., 1977, с. 75.
- ⁶⁴ Магомедов М. Г. Указ. соч., с. 39.

ГЛАВА III

- ¹ Белецкий В. Д. Жилища Саркела — Белой Вежи. — МИА, 1959, 75.
- ² Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. — МИА, 1958, 62, с. 100.
- ³ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 51—58.
- ⁴ Плетнева С. А. Указ. соч., там же.
- ⁵ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 52.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Чеченов И. М. Раскопки городища Нижний Джеулат в 1966 г. УЗКБНИИ, т. XXV. Нальчик, 1967, с. 192—227.
- ⁸ Кочекаев Б. Б. Ногайская юрта и ее убранство. История горских и кочевых народов Северного Кавказа, выпуск 1. Ставрополь, 1975, с. 129—137. Там же приводится литература вопроса.
- ⁹ Кочекаев Б. Б. Указ. соч., с. 132.
- ¹⁰ Кочекаев Б. Б. Указ. соч., с. 132.
- ¹¹ Кочекаев Б. Б. Указ. соч., с. 132—134.
- ¹² Ибн-Хаукаль. Из книги путей и царств. Пер. Н. А. Караулова, СМОМПК, XXXVIII. Тифлис, 1908, с. 108.
- ¹³ Ал-Истахри. Книга путей царств. Пер. Н. А. Караулова, вып. 29. Тифлис, 1901, с. 41.
- ¹⁴ Кочекаев Б. Б. Указ. соч., с. 129.
- ¹⁵ Биджиев Х. Х. Раскопки городища Хумара в 1977, с. 43.
- ¹⁶ Биджиев Х. Х. Указ. соч., там же.
- ¹⁷ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 52.
- ¹⁸ Там же, с. 58.
- ¹⁹ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 128.

- ²⁰ Биджиев Х. Х. Отчет о раскопках КЧНИИ в 1978. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 7121, с. 32, рис. 41.
- ²¹ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 57.
- ²² Там же.
- ²³ Там же, с. 58—59.
- ²⁴ Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 128.
- ²⁵ Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андреаульское городище, с. 137.
- ²⁶ Истахри Ал. Указ. соч., с. 41.
- ²⁷ Козенкова В. И. Кобанская культура, восточный вариант. Свод археологических источников, выпуск В 2—5. М., 1977, с. 13.
- ²⁸ Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение. ТВДАЭ, т. 1, с. 265—285; Плетнева С. А. Указ. соч., с. 61.
- ²⁹ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 63.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. СПб., 1896, с. 99—100.
- ³² Плетнева С. А. Указ. соч., с. 63.
- ³³ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 128.
- ³⁴ Минаева Т. М. Поселение в устье р. Узун-Кол.—СА, 1960, № 2, с. 193—207; ее же. Городище Адюх в Черкесии. — КСИИМК, 1955, 60, с. 110—119; ее же. Археологические памятники на р. Гиляч в верх. Кубани. МИА, 1951, № 23, с. 273—300.
- ³⁵ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв., с. 181.
- ³⁶ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 128.
- ³⁷ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 63.
- ³⁸ Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи, с. 40—134; Плетнева С. А. Указ. соч., там же.
- ³⁹ Биджиев Х. Х. Раскопки городища Хумара в 1977, с. 44.
- ⁴⁰ Биджиев Х. Х. Указ. соч., с. 42.
- ⁴¹ Биджиев Х. Х. Указ. соч., рис. 9А.
- ⁴² Козенкова В. И. Указ. соч., с. 14; Плетнева С. А. Указ. соч., с. 65; Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Указ. соч., с. 129.
- ⁴³ Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв., с. 47.
- ⁴⁴ Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу, с. 230.
- ⁴⁵ Устное сообщение Г. Е. Афанасьева автору.
- ⁴⁶ Михайлов Стамен. Дворцовата църква в Плиске. Известия на археологическия институт. Българска Академия на науките. Отделение за история, археология и философия, XX. София, 1955, с. 242—258.
- ⁴⁷ Кошеленко Г. А. Культура Парфии, М., 1966, с. 20—23; Воронина В. Л. Доисламские культовые сооружения Средней Азии. — СА, 1960, № 2, с. 42—55, рис. 1.
- ⁴⁸ Заходер Б. И. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, т. 1, с. 231.

ГЛАВА IV

- ¹ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным, с. 69—70.
- ² Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, с. 80.
- ³ Биджиев Х. Х. Большой курган у аула Кубина, с. 33—40.
- ⁴ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным, с. 59—62.
- ⁵ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, с. 50.
- ⁶ Сысоев В. М. Поездка на рр. Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. МАК. 1898, VII. М., с. 127; Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. СМОМПК, вып. 43. Тифлис, 1913, с. 109—110.

- ⁷ Биджиев Х. Х. Отчет о раскопках КЧНИИ в 1978 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 7121, с. 35—41.
- ⁸ Биджиев Х. Х. Отчет о раскопках КЧНИИ в 1976. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 6368, с. 41—52.
- ⁹ Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 76—80, 103—106.
- ¹⁰ Минаева Т. М. Указ. соч., с. 63.
- ¹¹ Минаева Т. М. Указ. соч., с. 63; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, с. 48—52.
- ¹² Мошкова М. Г. Ново-Кумаковский курганный могильник близ г. Орска. Памятники скифо-сарматской культуры. — МИА, 1962, 115. М., с. 236.
- ¹³ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 91—99.
- ¹⁴ Минаева Т. М. Поселение в устье р. Узун-Кол. — СА, 1960, № 2, с. 199.
- ¹⁵ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, с. 80, 87—88.
- ¹⁶ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 91—100.
- ¹⁷ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 92.
- ¹⁸ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 97—100.
- ¹⁹ Станчев С. Р. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА, XXVII, 1957, с. 111—112.
- ²⁰ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Археология СССР. Свод археологических источников, вып. П-12. М., 1978, таб. 20, 25, 26.
- ²¹ Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972, рис. 8 — 50—65; Анфимов Н. В. Меотосарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 1952, 23, с. 200—201.
- ²² Абрамов М. П. Указ. соч., рис. 8—29, рис. 9—11, 17.
- ²³ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе селения Тарки, МИА, 1952, 23, рис. 17—13.
- ²⁴ Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 260.
- ²⁵ Абрамова М. П. Указ. соч., рис. 9—13, 14.
- ²⁶ Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей в Восточной Европе, — СА, 1959, № 1, с. 36.
- ²⁷ Смирнов К. Ф. Указ. соч., рис. 18—8, 18.
- ²⁸ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, с. 50.
- ²⁹ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 80.
- ³⁰ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 91.
- ³¹ Там же.
- ³² Минаева Т. М. К истории алан..., с. 82.
- ³³ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии..., с. 90.
- ³⁴ Минаева Т. М. Указ. соч., с. 73—111.
- ³⁵ Минаева Т. М. Указ. соч., с. 113—140; Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани, с. 79.
- ³⁶ Минаева Т. М. Указ. соч., с. 15.
- ³⁷ Байчоров С. Я. Северокавказский регион древнетюркской рунической письменности. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР (Тезисы докладов и сообщений). Алма-Ата, 1976, с. 16.
- ³⁸ Кызласов И. Л. Новый вид погребальных памятников Южной Сибири. Тезисы доклада (рукопись) на секции средневековой археологии СССР в Тбилиси 23 апреля 1981 г. на Всесоюзной конференции, посвященной новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V археологического съезда.

ГЛАВА V

- ¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 148, таб. XVII, XVIII, XXII, XXIII, XXIV.
- ² Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 148, 235, 261, таб. XVIII—2, XVI—21.
- ³ Крупнов Е. И. Указ. соч., таб. IV—8, XIX—1, XXVI—1, 2, 3, 4.
- ⁴ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 52—53, таб. 5, 6.

- ⁵ Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Кобанские вещи из с. Тереза в Карачаево-Черкесии. — СА, 1980, № 3, с. 101—115.
- ⁶ Минаева Т. М. Поселение в устье р. Узун-Кол. — СА, 1960, № 2, с. 195 — 196, рис. 3; Минаева Т. М. Археологические памятники на реке Гиляч, с. 286, рис. 13,5.
- ⁷ Мизиев И. М. Некоторые итоги археологических работ в верховьях р. Малки в 1966 г. Вестник, КБНИИ, выпуск 1, серия историческая. Нальчик, 1968, с. 157, рис. 3.
- ⁸ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, рис. 15(А), рис. 24(А), рис. 27(А).
- ⁹ Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, с. 40, рис. 5.
- ¹⁰ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным, с. 225.
- ¹¹ Кузнецов В. А. Глиняные котлы Северного Кавказа, КСИА, № 113, с. 37—39.
- ¹² Чеченов И. М. Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии. VIII Кругловские чтения (тезисы). Нальчик, 1978, с. 48.
- ¹³ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 108—109.
- ¹⁴ На Иналском поселении раскопки не произведены. Поэтому датировка котлов предположительно и мнение наше о датировке их VI—VII вв. носит предварительный характер.
- ¹⁵ Можно высказать гипотезу, что котлы возникли в Карачаево-Черкесии где-то в VI—VII вв. и отсюда были занесены на территорию распространения салтово-маяцкой культуры в VIII веке, в период арабо-хазарской войны населением, переселившимся из верховьев Кубани. Такое предположение оправдывается тем, что здесь многие поселения не имеют слоя VIII—IX вв., к концу VII, началу VIII вв. перестают функционировать также многие катакомбные могильники края (Хумара, Исправная, Кумыш, Карагент, Учкурка).
- ¹⁶ Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК. 131, Л., 1935, с. 71.
- ¹⁷ Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, МИА, 62, 1958, с. 107—116.
- ¹⁸ Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА 85, 1958, с. 458; его же. Средневековая керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л., 1979.
- ¹⁹ Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи, МИА, 1959, 75, с. 212—273; Средневековая керамика Таманского городища. Керамика и стекло древней Тмуторакани. М., 1963, с. 5—72; От кочевий к городам, с. 103—134.
- ²⁰ Гадло А. В., Найденов А. В., Кудло О. А., Гусаров В. И. Разведки по Егорлыку. — АО, 1972, М., 1973, с. 118.
- ²¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 103.
- ²² В дальнейшем эту группу керамики будем называть тарной керамикой.
- ²³ Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, с. 108; Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 166.
- ²⁴ Кузнецов В. А. считает подобные сосуды характерными для аланской керамики VIII—IX вв. Пятигорья, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. См.: Кузнецов В. А. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА, 1967, 99, с. 36; его же. Змейский катакомбный могильник, МАДИСО, т. 1, 1961, с. 63.
- ²⁵ Гадло А. В. Археолого-этнографические исследования 1972г. в западных районах Ставропольского края. — МИСК, вып. 14. Ставрополь, 1976, с. 157.
- ²⁶ Пользуюсь случаем выразить благодарность И. В. Олюцкому за ознакомление с керамикой из с. Китаевка.
- ²⁷ Ставропольский краеведческий музей, инв. № 249.
- ²⁸ Пользуюсь случаем выразить благодарность Н. И. Навротскому за любезное ознакомление с материалами из его раскопок, хранящихся во Дворце пионеров г. Армавира.
- ²⁹ Гадло А. В. Городище Казар-Кала. КСИА, 1944. М., 1975, с. 65—66.

- ³⁰ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 106—108; Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона.
- ³¹ Якобсон Л. Л. Средневековая керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 60—61, 80—81.
- ³² Жарова Ж. В. Славяно-българско селище край с Попино Силистренско. София, 1956, с. 20, рис. 11; Станчев Ст. Некропът до Нови Пазар. София, 1958, с. 56—63, рис. 5, 6, 8, 1—4, таб. XIV, I. Чангова И. Средневековна битова керамика от България (VIII—XI вв.). — Археология (София), 1959, кн. 1—2, с. 135, рис. 123, I.
- ³³ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 108.
- ³⁴ Ляпушкин И. И. Указ. соч., с. 108.
- ³⁵ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 106.
- ³⁶ Ляпушкин И. И. Указ. соч., с. 106; Плетнева С. А. Указ. соч., с. 112.
- ³⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 104.
- ³⁸ Якобсон Л. А. Средневековая керамика и керамическое производство средневековой Таврики, с. 64.
- ³⁹ Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, с. 110, рис. 6—1.
- ⁴⁰ Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г., с. 42, рис. 14.
- ⁴¹ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, рис. 24, 27.
- ⁴² Кузнецов В. А. Указ. соч., рис. 15—Б, А.
- ⁴³ Биджиев Х. Х. Отчет археологической экспедиции КЧНИИ о раскопках в 1978 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 7121, с. 22.
- ⁴⁴ Гадло А. В. Салтово-маяцкие (протоболгарские) селища Северо-восточного Ставрополя. X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980, с. 30.
- ⁴⁵ Генинг В. Г., Халиков О. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 47, рис. 5.
- ⁴⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 118.
- ⁴⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 118—121.
- ⁴⁸ Биджиев Х. Х. Средневековая керамика Хумаринского городища, с. 157.
- ⁴⁹ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 122, рис. 30,4.
- ⁵⁰ Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1965 году. Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии, с. 33, рис. 8; Биджиев Х. Х. Средневековая керамика... Указ. сб., рис. 7.
- ⁵¹ Кузнецов В. А. Нижний Архыз — раннефеодальный город Алании X—XII вв. Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1980, с. 63.
- ⁵² Ковалевская В. Б. О работах средневекового отряда Ставропольской экспедиции АО—1977, с. 102.
- ⁵³ Гадло А. В. Памятники Салтово-Маяцкой культуры, с. 105.
- ⁵⁴ Якобсон Л. А. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, с. 29—31, рис. 12—1, 2, 4, 5.
- ⁵⁵ Плетнева С. А. Помедские поселения ирез VII—IX в. в Приазовито и бассейна на р. Дон. Археология, София, 1964, кн. 4, с. 3, рис. 2.
- ⁵⁶ Плетнева С. А. Керамика Саркела—Белой Вежи, с. 240, рис. 28, 3, 7, 50, 13—15.
- ⁵⁷ Ляпушкин И. И. Славянские поселения на территории хутора Ближняя Мельница. — МИА, 1958, № 62, т. I, с. 345, рис. 13, 14.
- ⁵⁸ Якобсон Л. А. Указ. соч., с. 30.
- ⁵⁹ Якобсон Л. А. Указ. соч., с. 30—31; Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 129.
- ⁶⁰ Якобсон Л. А. Указ. соч., с. 32.
- ⁶¹ Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму. КСИИМК, вып. 68, 1957, рис. 39,1.
- ⁶² Анфимов Н. В. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова. КСИИМК, вып. 49, 1953, с. 151.
- ⁶³ Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи, с. 243, рис. 29,5.

- ⁶⁴ Ляпушкин И. И. Памятники Салтово-Маяцкой культуры в бассейне р. Дона, с. 114, рис. 8.
- ⁶⁵ Ляпушкин И. И. Указ. соч., там же.
- ⁶⁶ Якобсон Л. А. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. — СА, XV, 1951, с. 333, рис. 4.
- ⁶⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 129.
- ⁶⁸ Плетнева С. А. Указ. соч., там же.
- ⁶⁹ Якобсон Л. А. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. — В кн.: Боспорские города, т. II, МИА, 1958, № 85, с. 473, рис. 2, 1.
- ⁷⁰ Гадло А. В. Средневековое селище на берегу Керченского пролива, КСИА, вып. 113, 1968.
- ⁷¹ Якобсон Л. А. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, с. 32.
- ⁷² В пользу крымского происхождения основной части наших амфор говорят также составы их теста. В результате сопоставления данных петрографического анализа амфор Хумаринского городища с данными по другим памятникам удается установить, что IV группа наших амфор соответствует I группе крымских амфор (по Г. М. Ковнурко), следовательно, центром их производства является Крым.
- К сожалению, петрографический анализ, произведенный Г. М. Ковнурко, не охватил в должной мере достаточное количество амфор Крыма и Приазовья, поэтому амфоры остальных групп нашего городища не находят в них аналогии. Однако все наши амфоры, как это уже выше указывалось, совершенно тождественны многочисленной таре Северного Причерноморья и Приазовья.
- Ковнурко Г. М. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья. — КСИА, вып. 113, 1968, с. 119—121.
- ⁷³ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 131.
- ⁷⁴ Ляпушкин И. И. Указ. соч., с. 116, 124.
- ⁷⁵ Якобсон Л. А. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, с. 32—33.
- ⁷⁶ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 130—132.
- ⁷⁷ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 131, 133.
- ⁷⁸ Якобсон Л. А. Указ. соч., с. 33, рис. 14.
- ⁷⁹ Плетнева С. А. Указ. соч., там же.
- ⁸⁰ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 133.
- ⁸¹ Якобсон Л. А. Указ. соч., с. 33, 75.
- ⁸² Плетнева С. А. Указ. соч., там же.
- ⁸³ Якобсон Л. А. Указ. соч., там же.
- ⁸⁴ Якобсон Л. А. Средневековая керамика и керамическое производство средневековой Таврики, с. 33.
- ⁸⁵ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, с. 113.
- ⁸⁶ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв., с. 126.
- ⁸⁷ Ковалевская В. Б. Указ. соч., с. 102.
- ⁸⁸ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 121.
- ⁸⁹ Якобсон Л. А. Указ. соч., с. 34—36.
- ⁹⁰ Гадло А. В. Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточной части Ставрополя. X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы), М., 1980, с. 112.
- ⁹¹ Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона, с. 112.
- ⁹² Плетнева С. А. Керамика Саркела—Белой Вежи, с. 222.
- ⁹³ Плетнева С. А. Указ. соч., там же.
- ⁹⁴ Левенок В. П. Пряслица городища Саркел — Белая Вежа. ТВДАЭ, т. 11, с. 340—352.
- ⁹⁵ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 333, рис. 11; Магомедов М. Г. К вопросу о происхождении культуры Верхнеюртовского курганного могильника, с. 40, рис. 15.
- ⁹⁶ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 153.
- ⁹⁷ Деопик В. Б. Классификация аланских украшений. — МИА, 1963, № 114, 1963, с. 132; Афанасьев Г. Е. Хронология могильника Мокрая Балка.—КСИА,

1958. М., 1979, с. 43—51, рис. 1; Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник Нальчик, 1972, с. 43, рис. 15—93—97.
- ⁹⁸ Деопик В. Б. Указ. соч., с. 125—129.
- ⁹⁹ Сорокин С. С. Указ. соч., рис. 1—1, 2, 3.
- ¹⁰⁰ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 160—161, рис. 43—7—10; Сорокин С. С. Железные изделия Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75. М., с. 147, рис. 6—7—11.
- ¹⁰¹ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, рис. 25—11.
- ¹⁰² Абрамова М. П. Указ. соч., с. 44.
- ¹⁰³ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 141, рис. 36.
- ¹⁰⁴ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 114.
- ¹⁰⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 130.
- ¹⁰⁶ Алексеева Е. П. Указ. соч., там же.
- ¹⁰⁷ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв., с. 91.
- ¹⁰⁸ Кузнецов В. А. Там же.
- ¹⁰⁹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 69.
- ¹¹⁰ Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 113.
- ¹¹¹ Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища, с. 298—305; Байчоров С. Я. Надписи Хумаринского городища. — Советская тюркология. Баку, 1974, 4, с. 89—94.
- ¹¹² Щербак А. М. О рунической письменности в Юго-Восточной Европе. — Советская тюркология, 1971, № 4, с. 77—78; Байчоров С. А. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности. Автореф. канд. дис. М., 1977.
- ¹¹³ Кузнецов В. А. Указ. соч., там же; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 169—170.
- ¹¹⁴ Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 305.
- ¹¹⁵ Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языки народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, с. 78, 89—94, 97.
- ¹¹⁶ Хабичев М. А. Словообразовательный и этнический анализ некоторых карачаевских этнонимов. В сб.: Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981, с. 40.
- ¹¹⁷ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951; Михайлов Стамен. Археологические материалы от Плиска. Известия на археологический институт. XX, София, 1955, рис. 11, 13, 14.
- ¹¹⁸ Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 305.
- ¹¹⁹ Пожидаев В. П. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент. УЗКНИИ, 1948, т. 4; Лавров Л. И. Кавказские тамги. В кн. Историко-этнографические очерки Кавказа, Л., 1978; Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичихах из Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959; Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике. В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
- ¹²⁰ Сысоев В. М. Древности по верхнему течению р. Кубани. МАК, 1904, IX, М., с. 163—164, рис. 68—69.
- ¹²¹ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 173, рис. 14, 17, 22.
- ¹²² Минаева Т. М. Городище близ аула Кубны в Черкесии. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XXII, вып. IV (история). Орджоникидзе, 1960, с. 183, рис. 11,7.
- ¹²³ Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища. СА, 1963, № 1, с. 305, рис. 4,13; его же. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1972, с. 129, рис. 17.
- ¹²⁴ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья., рис. 23.
- ¹²⁵ Марковин В. И. Средневековые наскальные изображения у аула Кумыш, в кн.: Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкеск, 1979, с. 146—151, рис. 3.
- ¹²⁶ Маммаев М. Знаки на керамике Урцекского городища. В кн.: Материалы по археологии Дагестана, т. III, Махачкала, 1973, рис. 2, с. 45—47.
- ¹²⁷ Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища, с. 305, рис. 2,3.

- ¹²⁸ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 134, 345, таб. 35.
- ¹²⁹ Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г. — в кн.: Археология и этнография Карачаево-Черкесии, Черкесск, 1979, с. 38, р. 7.
- ¹³⁰ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья, с. 218.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Биджиев Х. Х. Раскопки городища Хумара в 1977 г. Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 52, рис. 5.
- ¹³³ Фридриг Иоганнес. История письма. М., 1979, с. 40.
- ¹³⁴ Фридриг Иоганнес. История письма, рис. 76, 77, 87, 89, 112, 127, 170; 196, 233, 286.
- ¹³⁵ Мещанинов И. М. Загадочные знаки Причерноморья. — ИГАИМК, вып. 62. М.—Л., 1933, с. 32—33; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 214—216; Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 107.
- ¹³⁶ Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике., с. 204.
- ¹³⁷ Драчук В. С. Система знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975, с. 98.
- ¹³⁸ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 104.
- ¹³⁹ Чернецов А. В. Полевые меты крестьян Подмосковья в начале XIX в. СЭ, 1982, № 6, с. 102—103.
- ¹⁴⁰ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным, с. 237, рис. 14, с. 245, рис. 22.
- ¹⁴¹ Маммаев М. Знаки на керамике Урцекского городища. Материалы по археологии Дагестана, т. III, Махачкала, 1973, рис. 2, 45—47.
- ¹⁴² Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике. В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, с. 174, рис. 67.
- ¹⁴³ Лавров Л. И. Указ. соч., с. III, таб. 1, рис. 274, 278—280, 705—720; Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978, с. 67.
- ¹⁴⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 188 — 193, таб. 1—10; Бутонаев В. Я. Хакассские тамги и вопрос об аальной общине. Известия сибирского отделения Академии наук СССР, серия общественных наук, выпуск 3, № 11, Новосибирск, 1980, с. 101.
- ¹⁴⁵ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 126, рис. 32—1, 3, 4, 10, 12; Бешевлиев Веселин. Първобългарите. Быт и культура. 1981. София, с. 84 — 85, 88, таб. 4, 11; Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичях из Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, с. 363, таб. XX—XXII; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 303.
- ¹⁴⁶ Артамонов М. И. Указ. соч., там же.
- ¹⁴⁷ Минаева Т. М. Указ. соч., с. 237, 240, 245.
- ¹⁴⁸ Марковин В. И. Средневековые наскальные изображения у аула Кумыш, в кн.: Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 153, рис. 3б.
- ¹⁴⁹ Маммаев М. Указ. соч., с. 90, рис. 2, 32—35, 39, 48.
- ¹⁵⁰ Афанасьев Г. Е. Керамика Мокрой Балки. В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, с. 73, рис. 6, 19.
- ¹⁵¹ Щербак А. М. Указ. соч., табл. III, VI, VIII, XXI, XXII.
- ¹⁵² Бешевлиев Веселин. Указ. соч., табл. 4, 11.
- ¹⁵³ Полубояринова М. Д. Указ. соч., с. 177—178, рис. 1, 9—15.
- ¹⁵⁴ Лавров Л. И. Указ. соч., с. 116, табл. 1, рис. 731—760; Хуранов Ш. Ш. Об абазинских тамгах. В сб. Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 164, рис. 14, с. 171, рис. 113, 115.
- ¹⁵⁵ Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму. — Известия Крымского педагогического института. Симферополь, 1927, кн. 7, табл. 1,1; Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, прил. 2, № 28; Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 180.
- ¹⁵⁶ Полубояринова М. Д. Указ. соч., с. 173.
- ¹⁵⁷ Полубояринова М. Д. Указ. соч., там же.
- ¹⁵⁸ Полубояринова М. Д. Указ. соч., с. 204.

- ¹⁸⁹ Шаманов И. М. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX — начале XX вв. Кавказский этнографический сборник, т. V. М., 1972, с. 82, рис. 1—7, 13.
- ¹⁹⁰ Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, приложение 11, с. 134, № 26. Газета «Советская правда», 17 апреля 1982г.
- ¹⁹¹ Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси. СА, 1960, № 4.
- ¹⁹² Минаева Т. И. Указ. соч., рис. 23; Марковин В. И. Указ. соч., с. 153, рис. 3; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв., с. 129, рис. 17; Маммаев М. Указ. соч., с. 90, рис. 2, 54—62; Афанасьев Г. Е. Керамика Мокрой Балки, с. 73, рис. 6—1, 2.
- ¹⁹³ Щербак А. М. Указ. соч., табл. IV, VIII, XVIII; Плетнева С. А. Указ. соч., с. 126, рис. 32—1.
- ¹⁹⁴ Бешевлиев Веселин. Указ. соч., рис. 4.
- ¹⁹⁵ Полубояринова М. Д. Указ. соч., с. 175, рис. 1, 16—19; Ахинжанова С. М. К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара. Древности Казахстана, Алма-Ата, 1975, с. 50—52, рис. 1, 3.
- ¹⁹⁶ Лавров Л. И. Указ. соч., с. 120, табл. 1; Карачаевцы, с. 67; Хуранов Ш. Ш. Указ. соч., с. 173—175; Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 291, 294, 368.
- ¹⁹⁷ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 14—53, рис. 2—11.
- ¹⁹⁸ Минаева Т. М. Указ. соч., рис. 22, 23.
- ¹⁹⁹ Маммаева М. Указ. соч., с. 90, рис. 2, 44—46.
- ¹⁷⁰ Щербак А. М. Указ. соч., таб. XV, XX, XXI.
- ¹⁷¹ Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. — Известия археологической комиссии. Спб., 1911, вып. 43.
- ¹⁷² Бешевлиев Веселин. Указ. соч., таб. 4.
- ¹⁷³ Полубояринова М. Д. Указ. соч., с. 175, рис. 1, 33.
- ¹⁷⁴ Лавров Л. И. Указ. соч., табл. 1, 589, 590, 591.
- ¹⁷⁵ Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968, с. 65; Кузеев Р. Г. Указ. соч., гл. VIII, таб. 2.
- ¹⁷⁶ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков, с. 22, рис. 2.
- ¹⁷⁷ Маммаев М. Указ. соч., с. 90, рис. 2—2, 14, 17.
- ¹⁷⁸ Щербак А. М. Указ. соч., таб. XII, XIX, XXI.
- ¹⁷⁹ Макаренко Н. Е. Указ. соч., рис. 38, 6.
- ¹⁸⁰ Бешевлиев Веселин. Указ. соч., таб. 4.
- ¹⁸¹ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 470, таб. 2.
- ¹⁸² Полубояринова М. Д. Указ. соч., с. 182, рис. 4, 14, 15.
- ¹⁸³ Минаева Т. М. Указ. соч., там же.
- ¹⁸⁴ Афанасьев Г. Е. Керамика Мокрой Балки, рис. 6, 3, 7.
- ¹⁸⁵ Марковин В. И. Наскальные рисунки у аула Кумыш.
- ¹⁸⁶ Кузнецов В. И. Алания в X—XIII вв. Там же.
- ¹⁸⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 126, рис. 32, 1, 10, 12.
- ¹⁸⁸ Полубояринова М. Д. Знаки на зологординской керамике, с. 192, рис. 4, 28—30.
- ¹⁸⁹ Лавров Л. И. Кавказские тамги, таб. 1, 1—4, 1077, 1090.
- ¹⁹⁰ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 470, таб. 2.
- ¹⁹¹ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 61—71, таб. 8.
- ¹⁹² Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 69.
- ¹⁹³ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 172—173.
- ¹⁹⁴ Полубояринова М. Д. Указ. соч., с. 170.
- ¹⁹⁵ Кузеев Р. Г. Указ. соч., с. 225—226.
- ¹⁹⁶ Хуранов Ш. Ш. Об абазинских тамгах, с. 161.
- ¹⁹⁷ Лавров Л. И. Кавказские тамги, с. 108.
- ¹⁹⁸ Якобсон Л. А. Керамика и керамические производства средневековой Таврики. Л., 1979, с. 68.
- ¹⁹⁹ Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичях, с. 363.

- 200 Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 127—128.
- 201 Маммаев М. Знаки на керамике..., с. 94, 98.
- 202 Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике, с. 205.
- 203 Ахиянжанов С. М. К вопросу о знаках на керамике..., с. 55.
- 204 Драчук В. С. Система знаков Северного Причерноморья, с. 45.
- 205 Драчук В. С. Система знаков Северного Причерноморья, с. 98.
- 206 Лавров Л. И. Кавказские тамги, с. 103.
- 207 Лавров Л. И. Кавказские тамги, с. 91.
- 208 Драчук В. С. Система знаков Северного Причерноморья, с. 97.
- 209 Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1975 году, с. 23.
- 210 Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность С. А. Плетневой за любезное знакомство меня с неопубликованными материалами из городища.
- 211 Артамонов М. И. История хазар, с. 187.
- 212 Асеев И. В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск, 1980, с. 103—125.
- 213 Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 44.
- 214 Дьячков-Тарасов А. И. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ. — Новый Восток, т. 28, М., 1930.
- 215 Подробно см.: Афанасьев Г. Е. К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения Кисловодской котловины Малокарачаевского района. Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 4.
- 216 Гим. Инв. № 9790, оп. 1735—№ 1.
- 217 Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975, рис. 47, 48, 66.
- 218 Артамонов М. И. История хазар. Л., 1961, с. 136.
- 219 Иерусалимская А. А. О Северо-Кавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. — СА, 1967, № 2, с. 55—73.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ Монета определена В. В. Кропоткиным. Она представляет собой сасанидскую драхму Кавада II (488—531) и была выпущена в г. Арташир-Хворэ через 33 года после его смерти. Пользуясь случаем и приношу В. В. Кропоткину глубокую благодарность за определение монеты и любезную консультацию.

² Вопрос об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений остается спорным. Большинство ученых считают, что они принадлежат ираноязычным сарматам и аланам (Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, с. 13; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 70—71, 94; Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным, с. 113—141 и другие авторы).

Последние годы часть ученых считают, что подбойные и катакомбные погребения Верхнечирюртовского могильника оставлены гунно-савирскими и хазарскими племенами (Катович В. Г. Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 97—100; Магомедов М. Г. К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника, с. 50—53).

По Л. Г. Нечаевой, ранние подбойные погребения принадлежат гуннам (Нечаева Л. Г. О переселении кочевников из Азии в Юго-Восточную Европу.—Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, с. 36), по Ю. А. Заднепровскому, подобные памятники Средней Азии могли принадлежать и сармато-аланам и гуннам (Заднепровский Ю. А. Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа. — В кн.: ТКАЭЭ, III, Фрунзе, 1959, с. 28—29).

Мы свое мнение о сармато-аланской принадлежности их высказываем как постановку вопроса.

³ Джанашвили М. Г. Известия грузинских летописей и источников о Херсоне, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэтии и России. — СМОПК, 1899, 26, с. 11—12.

- ⁴ Джанашвили М. Г. Указ. соч., там же.
- ⁵ Лавров Л. И. Адыги в раннем средневековье. Сборник статей по истории Кабарды, выпуск 4. Нальчик, 1955, с. 19—64; Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 132.
- ⁶ Каганкатвацци М. История агван. СПб, 1861, с. 261.
- ⁷ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Ленинград, 1979, с. 9—11.
- ⁸ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 201; Плетнева С. А. Хазары, с. 42.
- ⁹ Новосельцев А. П., Пашуто В. Г., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 251.
- ¹⁰ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949, с. 11; Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., с. 105—107. — Кавказский этнографический сборник. М., 1969, с. 69—70; Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980, с. 10—108.
- ¹¹ Хабичев М. А. Указ. соч., там же.
- ¹² Об этом подробно см.: Биджиев Х. Х. Средневековый Карачай. Рукопись монографии. Архив КЧНИИ, ф. 6, оп. 11, д. 15, с. 157—179.
- ¹³ Шаманов И. М. Народный календарь карачаевцев, СЭ 1971, № 5, с. 108—109.
- ¹⁴ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965 г., с. 719; Потапов П. П. Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хемчика. Труды ТКАЭЭ, т. II, М., с. 38—39.
- ¹⁵ Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа, 1964, с. 152—153.
- ¹⁶ Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978, с. 59.
- ¹⁷ Потапов Л. П. Указ. соч., с. 45.
- ¹⁸ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953; Каховский В. Ф. Указ. соч., с. 86.
- ¹⁹ Каховский В. Ф. Указ. соч., с. 286.
- ²⁰ Студенецкая Е. Н. Культура и быт карачаевцев. — Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1, с. 256—360.
- ²¹ Карачаевцы, с. 164.
- ²² Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 1, с. 1191.
- ²³ Юдахин К. К. Указ. соч., с. 364.
- ²⁴ Шаниязов К. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964, с. 112.
- ²⁵ Потапов Л. П. Указ. соч., с. 262; Каховский В. Ф. Указ. соч., с. 199.
- ²⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.-Л., 1950, с. 215.
- ²⁷ Шейблер Т. К. МНС, с. 291.
- ²⁸ Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. — Тюркологический сборник, 1972. М., 1973, с. 265.
- ²⁹ Каганкатвацци Моисей. История агван. СПб., 1861, с. 193—206.
- ³⁰ Артамонов М. И. Указ. соч., с. 188.
- ³¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 176—178.
- ³² Фехер Геза. Культура на прабъягорите. София, 1929, с. 46.
- ³³ Бешевлиев В. Няколко бележки към бългорската история. София, 1936, с. 19, 27.
- ³⁴ Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856, с. 101.
- ³⁵ Лавров Л. И. Указ. соч., с. 70.
- ³⁶ Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974, с. 245.
- ³⁷ Эски къарачай джырла. Микоян-Шахар, 1940, с. 79.
- ³⁸ Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, с. 19.
- ³⁹ Каховский В. Ф. Указ. соч., с. 288—289.

- 40 Плетнева С. А. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, М.-Л., 1958, с. 205.
- 41 Каганкатвацци Моисей. Указ. соч., с. 200—201.
- 42 Указ. соч., там же.
- 43 Указ. соч., там же.
- 44 Лайпанов Х. О. Указ. соч., с. 37—38.
- 45 Лайпанов Х. О. Указ. соч., там же.
- 46 Лайпанов Х. О. Указ. соч., там же.
- 47 Конитц Ф. Дунайская Болгария и Балканский полуостров 1860—1975 гг. СПб., 1976, с. 73—91.
- 48 Каховский В. Ф. Указ. соч., с. 185—280.
- 49 Чурсин Г. Ф. Почитание гор, скал и камней у кавказских народов. БКИАИ в Тифлисе, 1928, № 4, с. 20.
- 50 Лайпанов Х. О. Указ. соч., с. 33.
- 51 Иваненко Н. С. Карачаевцы. ИОЛИКО, вып. 4, 1913, с. 27.
- 52 Плетнева С. А. Указ. соч., с. 178.
- 53 Макарова Т. И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв. Археологический сборник, вып. 4, Л., 1962, с. 157.
- 54 Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 185—186.
- 55 Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? Известия АН СССР, отд. литературы и языка. М., 1947, т. VI, вып. 4, с. 37.
- 56 Плетнева С. А. Указ. соч., с. 174.
- 57 Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге, таб. XVIII, 4.
- 58 Мовроудинов И. Староболгарское искусство. София, 1959, с. 226, рис. 265.
- 59 Шаманов И. М. Методика изучения охоты и охотничьих обрядов. Вопросы методики этнографических и этносоциологических обрядов. М., 1970, с. 109.
- 60 Полевой материал. Биджиева Джандет, 75 лет, с. Первомайское.
- 61 Каховский В. Ф. Указ. соч., с. 156—157.
- 62 Потапов Л. П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков. КСИЭ, вып. XXX, М., 1958, с. 137.
- 63 Лайпанов Х. О. Указ. соч., с. 41; Шаманов И. М. Указ. соч., там же.
- 64 Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 26.
- 65 Плетнева С. А. Указ. соч., с. 97.
- 66 Бешевлиев В. Указ. соч., с. 26.
- 67 Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда-ибн-Федлана. Чебоксары, 1954, с. 135.
- 68 Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95, М., 1961, с. 144—167.
- 69 Татары Среднего Поволжья. М., 1967, с. 353.
- 70 Сбоев В. Указ. соч., с. 136—137.
- 71 Биджиев Х. Х. Погребальные памятники Карачая XIV—XVIII вв., с. 67—69.
- 72 Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование, Черкесск, 1971, с. 16.
- 73 Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным, с. 215.
- 74 Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970, с. 47.
- 75 Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 55.
- 76 Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980, с. 103—107.
- 77 Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. М., 1982, с. 48—49.
- 78 Голонифонтибус Иоанн Де. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, с. 17.
- 79 Алексеева Е. П. Свидетельствует книга. Газ. «Ленинское знамя», 1982, 6 февраля.
- 80 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951, с. 41, 67.

- ⁸¹ Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 166—167.
- ⁸² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1978, с. 229.
- ⁸³ Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 1971, с. 84—85.
- ⁸⁴ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—V вв. Л., 1979, с. 78—79.
- ⁸⁵ Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, с. 26—27.

ПРИЛОЖЕНИЕ

- ¹ Воронов Ю. Н., Южин В. А. Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках Цебельдинской культуры (Абхазия). СА, 1979, № 1, с. 192.
- ² Владимиров И. Развалины старинного храма близ речки Амгаты. ИАК, вып. I, СПб., с. 104—106.
- ³ Текеев Г. Х. Раскопки на Амгате. АО, 1976, М., 1977, с. 123—124.
- ⁴ Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 110.
- ⁵ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 17.
- ⁶ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 90—91.
- ⁷ Гальперина Б. Д., Любин В. П. Раннесредневековое городище Учкулана (Карачаево-Черкесия). ТКЧНИИ, т. V (серия историческая). Ставрополь, 1966, с. 265—274.
- ⁸ Минаева Т. М. Указ. соч., с. 47.
- ⁹ Федоров Я. А., Эльканов У. Ю. Раннесредневековые памятники Верхнего Прикубанья. Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 70.
- ¹⁰ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, с. 63—64; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 95—96.
- ¹¹ Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 63.
- ¹² Сысоев В. М. Древности по верхнему течению р. Кубани. МАК, 1904, с. 159, 163—164.
- ¹³ Сысоев В. М. Указ. соч., с. 150—151, рис. 59—61.
- ¹⁴ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным, с. 214—215.
- ¹⁵ Возможно, каменных статуй было много в древности в равнинной части края, но они не сохранились.
- ¹⁶ Рунич А. П. Укрепления раннего средневековья в Кисловодской котловине. Археолого-этнографический сборник. — Нальчик, 1974, с. 101—103.
- ¹⁷ Кулаковский Ю. А. Христианство у алан. — Византийский временник, СПб, 1861, т. V, вып. 1 и 2, с. 1—18. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.—МИА, № 106, М., 1962, с. 129.
- ¹⁸ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 87—90.
- ¹⁹ Кузнецов В. А. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.).—КСИА, 96, 1963, с. 36—93.
- ²⁰ Минаева Т. А. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 69—70.
- ²¹ Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 89.
- ²² Алексеева Е. П. Указ. соч., там же.
- ²³ Минаева Т. М. Указ. соч., с. 71.
- ²⁴ Минаева Т. М. Археологические памятники Черкесии.—Труды Черкесского научно-исследовательского института, вып. 11, Черкесск, 1954, с. 294.
- ²⁵ Мизиев И. М. Средневековые каменные ящики в верхней Балкарии.—«Советская археология», 1971, № 4, с. 242—250; Милорадович О. В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат.—Средневековые памятники Северной Осетии. МИА, № 114, с. 87—105.

- ²⁶ Указанные плиты в тексте названы могильными плитами, чтобы не путать с верхними плитами каменных ящиков.
- ²⁷ Указанные плиты также в тексте условно названы могильными плитами, чтобы не путать с верхними плитами каменных ящиков.
- ²⁸ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, таб. 26, 27, 28, 33б.
- ²⁹ Минаева Т. М. Городище Адюх в Черкесии—КСИА, № 60, рис. 49—2—5; Минаева Т. М. К истории алан..., рис. 21.
- ³⁰ Милорадович С. В. Указ. соч., рис. 5—2.
- ³¹ Мизиев И. М. Указ. соч., рис. 2—10.
- ³² Милорадович О. В. Указ. соч., рис. 5—7.
- ³³ Алексеева Е. П. Отчет о раскопках 1953 г. Архив ИА, Д. Р—1, 787, таб. 60, 1.
- ³⁴ Минаева Т. М. Указ. соч., рис. 25—4.
- ³⁵ Милорадович О. В. Указ. соч., с. 104..
- ³⁶ ОАК за 1898 г., с. 34, рис. 49—50.
- ³⁷ Мунчаев Р. М. Памятники Майкопской культуры в Чечено-Ингушетии—СА, 1962, № 3, с. 194, рис. 10.
- ³⁸ Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973, с. 34, рис. 31; Мизиев И. М., Ветровов Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 48.
- ³⁹ Мунчаев Р. М. Указ. соч., с. 304, рис. 2—6.
- ⁴⁰ Мунчаев Р. М. Указ. соч., с. 256, рис. 50.
- ⁴¹ Мизиев И. М. и др. Указ. соч., рис. 54.
- ⁴² Мунчаев Р. М. Указ. соч., с. 254, рис. 56.
- ⁴³ Мизиев И. М. и др. Указ. соч., рис. 7; Мунчаев Р. М. Указ. соч., с. 233, 235—236, рис. 44—46.
- ⁴⁴ Мунчаев Р. М. Указ. соч., с. 310—321.
- ⁴⁵ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 390.
- ⁴⁶ Мунчаев Р. М. Указ. соч., там же.
- ⁴⁷ Мунчаев Р. М. Указ. соч., там же.
- ⁴⁸ Мунчаев Р. М. Бронзовые псалмы Майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе. — Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, с. 73.
- ⁴⁹ Мизиев И. М. и др. Указ. соч., с. 5—20.
- ⁵⁰ Иерусалимская А. А. О предкавказском варианте катакомбной культуры. — «Советская археология», № 2, 1958.
- ⁵¹ Нечитайло А. Л. Катакомбные погребения эпохи бронзы в окрестностях города Черкесска.—Материалы по изучению Ставропольского края, выпуск 12—13, Ставрополь, 1971, с. 205—228.
- ⁵² Нечитайло А. Л. Указ. соч., 205, рис. 4—4.
- ⁵³ Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М., 1960, с. 37 и др.
- ⁵⁴ Нечитайло А. Л. Указ. соч., с. 205—228.
- ⁵⁵ Марковин В. И. Указ. соч., с. 53—63.
- ⁵⁶ Марковин В. И. Указ. соч., там же.
- ⁵⁷ Марковин В. И. Указ. соч., там же.
- ⁵⁸ Марковин В. И. Указ. соч., с. 53.
- ⁵⁹ Марковин В. И. Указ. соч., с. 60.
- ⁶⁰ Марковин В. И. Указ. соч., с. 60.
- ⁶¹ Мизиев И. М., Бетровов Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973, с. 24—35; Бетровов Р. Ж. Курган эпохи бронзы у с. Старый черек.—Археолого-этнографический сборник, вып. 1. Нальчик, 1974, с. 7—8.
- ⁶² Марковин В. И. Указ. соч., с. 50.
- ⁶³ Марковин В. И. Указ. соч., с. 36—50, рис. 7, 9, 11, 25 и др.; Мизиев И. М., Бетровов Р. Ж., Нагоев А. Х. Указ. соч., 24—47.
- ⁶⁴ Марковин В. И. Указ. соч., с. 37, рис. 13, 14 и др.; Мизиев И. М., Бетровов Р. Ж., Нагоев А. Х. Указ. соч., там же.

⁶⁵ Крупнов Е. П. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.—МИА, № 23, 1951, с. 39, рис. 3,1; Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.—МИА, № 3, 1941, с. 253, рис. 36,16; Марковин В. И. Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска.—КСИА, 127, 1971, с. 38, рис. 13,5; Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Указ. соч., рис. 19,5; Марковин В. И. Указ. соч., с. 82, рис. 36,5.

⁶⁶ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 319; Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 27; Мизиев И. И., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Указ. соч., с. 16; Биджиев Х. Х. Указ. соч., там же.

⁶⁷ Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). Москва, 1960, с. 37, рис. 8—1,3; Нечитайло А. Л. Указ. соч., с. 46, рис. 19, с. 71, рис. 25, с. 74, рис. 28; Биджиев Х. Х. Указ. соч., с. 36, рис. 4.

⁶⁸ Нечитайло А. Л. Указ. соч., с. 51; Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Указ. соч., с. 34.

⁶⁹ Нечитайло А. Л. Указ. соч., с. 51; Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Указ. соч., там же.

⁷⁰ Нечитайло А. Л. Указ. соч., с. 50, рис. 22—5; Марковин В. И. Указ. соч., с. 66, рис. 28—3.

⁷¹ Марковин В. И. Указ. соч., с. 92.

⁷² Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Указ. соч., с. 39.

⁷³ Нечитайло А. Л. Указ. соч., с. 98, рис. 39—110—114.

⁷⁴ Марковин В. И. Указ. соч., с. 94, рис. 43—1, 2—9; Нечитайло А. Л. Указ. соч., с. 99, рис. 39—26, 29.

⁷⁵ Марковин В. И. Указ. соч., с. 94.

⁷⁶ Там же, с. 97; Нечитайло А. Л. Указ. соч., с. 99, рис. 30—34—38 и др.

⁷⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е издание, т. 3, с. 22.

⁷⁸ Вопросы хозяйства, ремесленного производства, внешние связи, типы построек и ряд других вопросов средневековых поселений района освещены в работах Е. П. Алексеевой «Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии», В. А. Кузнецова «Аланские племена Северного Кавказа», МИА, № 106, 1962 и «Алания в X—XIII вв». Орджоникдзе, 1978.

⁷⁹ Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении. М., 1971, с. 23—24.

⁸⁰ Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, с. 52—60.

⁸¹ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 126.

⁸² Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, 1962, МИА, № 106, 1962, с. 59.

⁸³ Рунич А. П. Укрепление раннего средневековья в Кисловодской котловине. Археолого-этнографический сборник КБНИИ, вып. 1. Нальчик, 1974, с. 95—109.

⁸⁴ Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Исследования Хумаринского городища в 1975 г. Сб. «Вопросы средневековой истории Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1979, с. 27.

⁸⁵ Альберти Л. Б. Десять книг о зодчестве. М., 1939, с. 140.

⁸⁶ Минаева Т. М. Городище Инджургата, АО, 1967. М., 1969, с. 157.

⁸⁷ Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1968, с. 260—265.

⁸⁸ Якубов Ю. Я. О структуре сельских поселений горного Согда в раннем средневековье. Сб. «Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье». М., 1979, с. 73.

⁸⁹ Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья. Феодальная Таврика. Киев, 1974, с. 5—56.

⁹⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 21, с. 165.

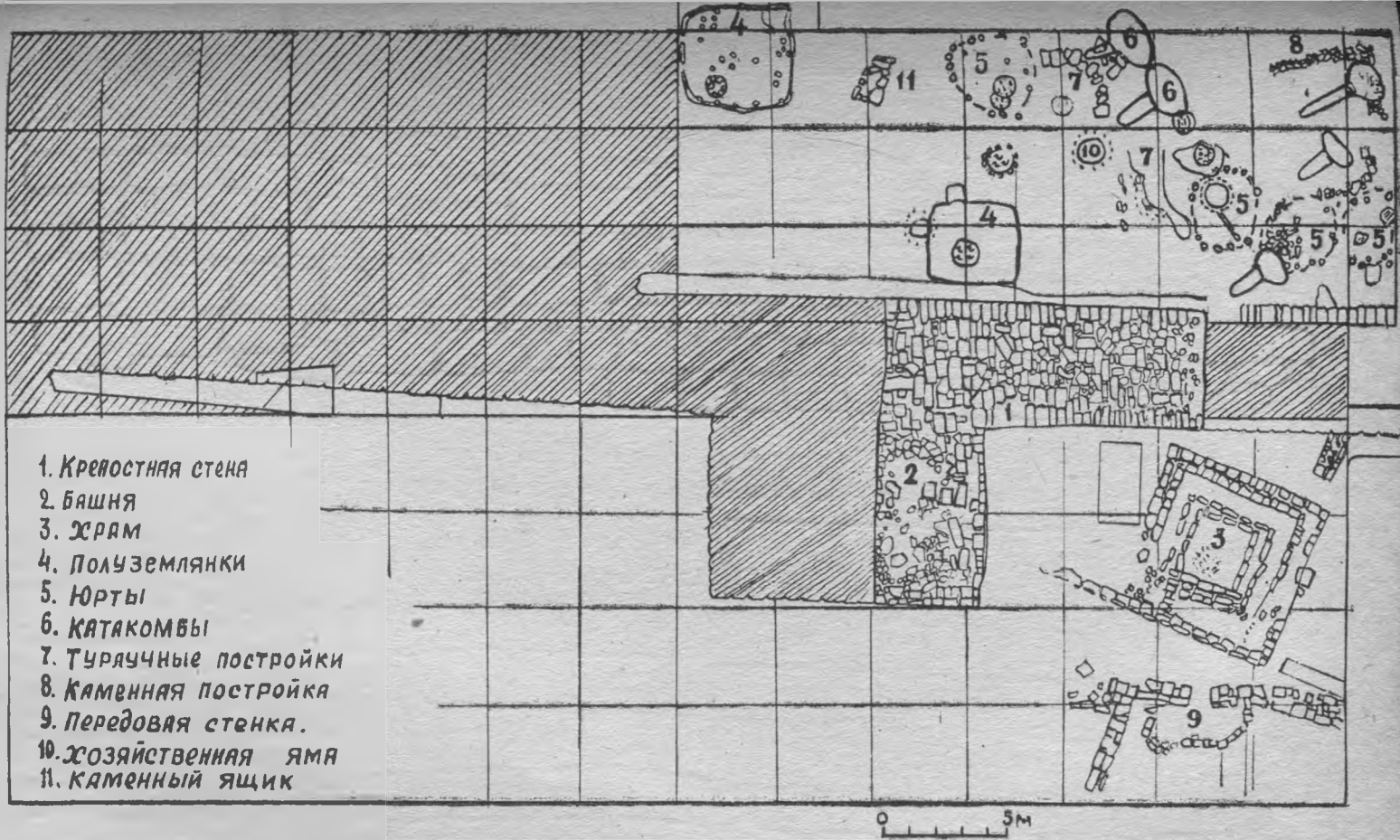

Рис. 2. План раскопа «А».

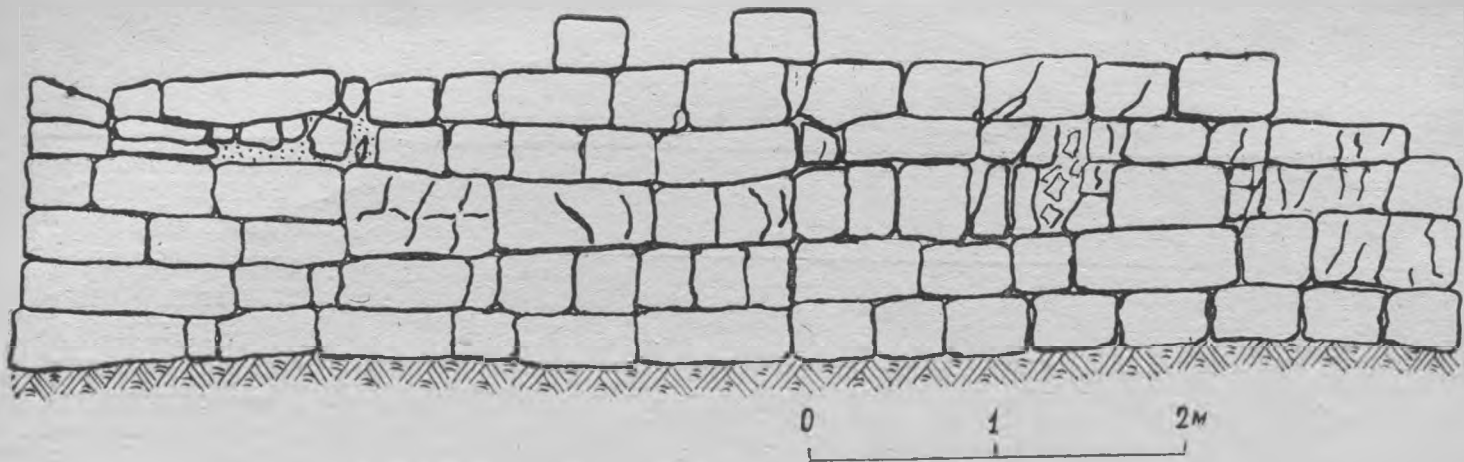

Рис. 3. Раскоп «А». Фасировка северной стены башни.

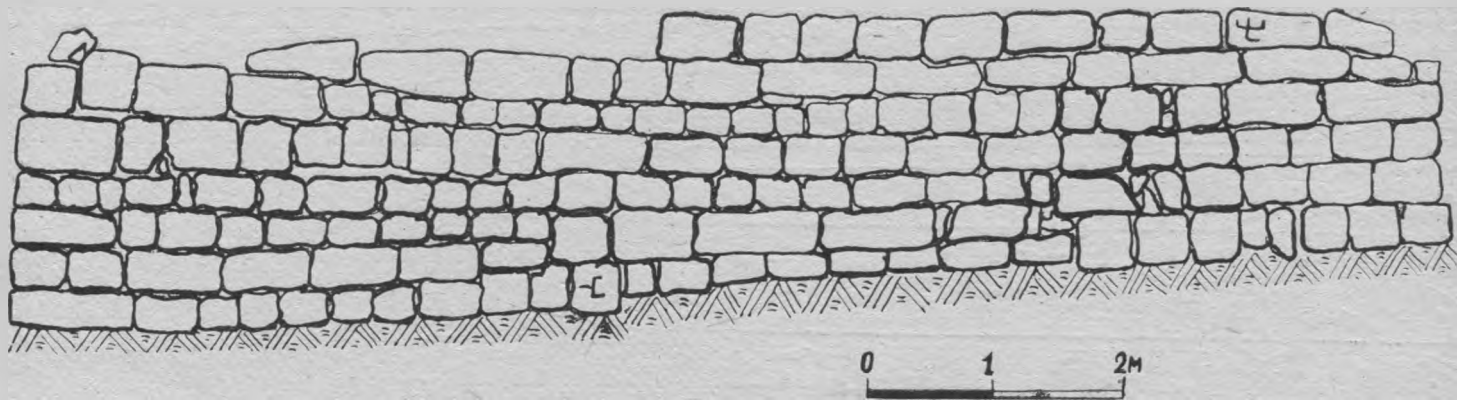

Рис. 4. Раскоп «А». Фасировка восточной стены башни.

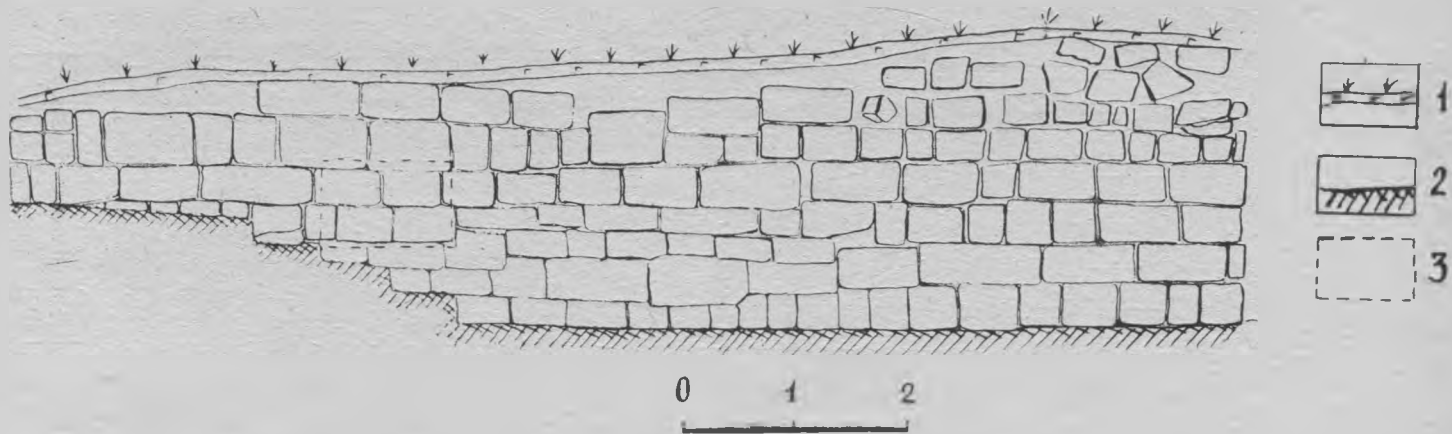
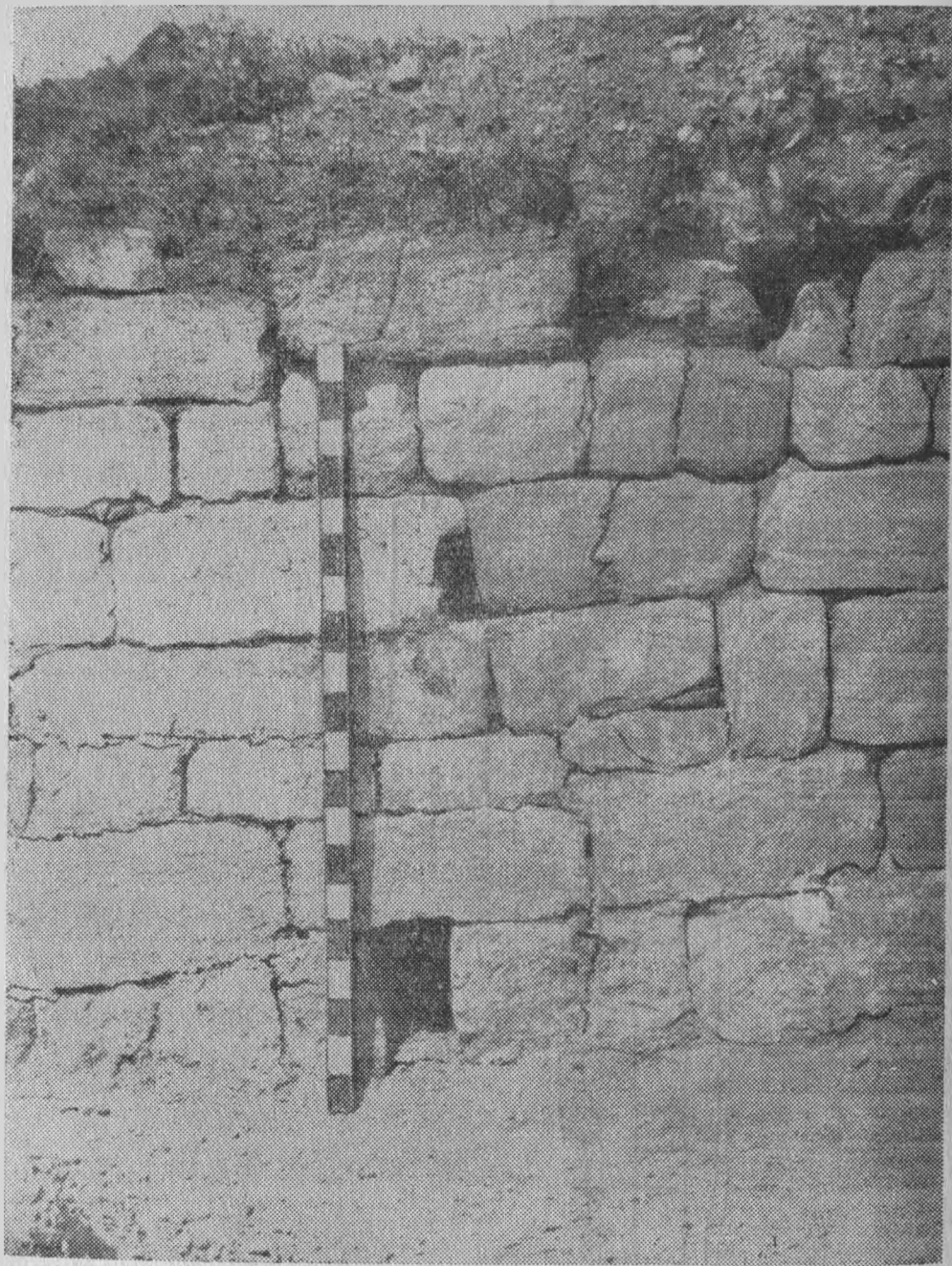

Рис. 5. Раскоп «А». Фасировка большой оборонительной стены городища:
 1 — гумус, 2 — уровень расчистки, 3 — место находки надписи
 с красной охрой.

Рис. 6. Раскоп «А». Деталь кладки большой оборонительной стены с водостокom.

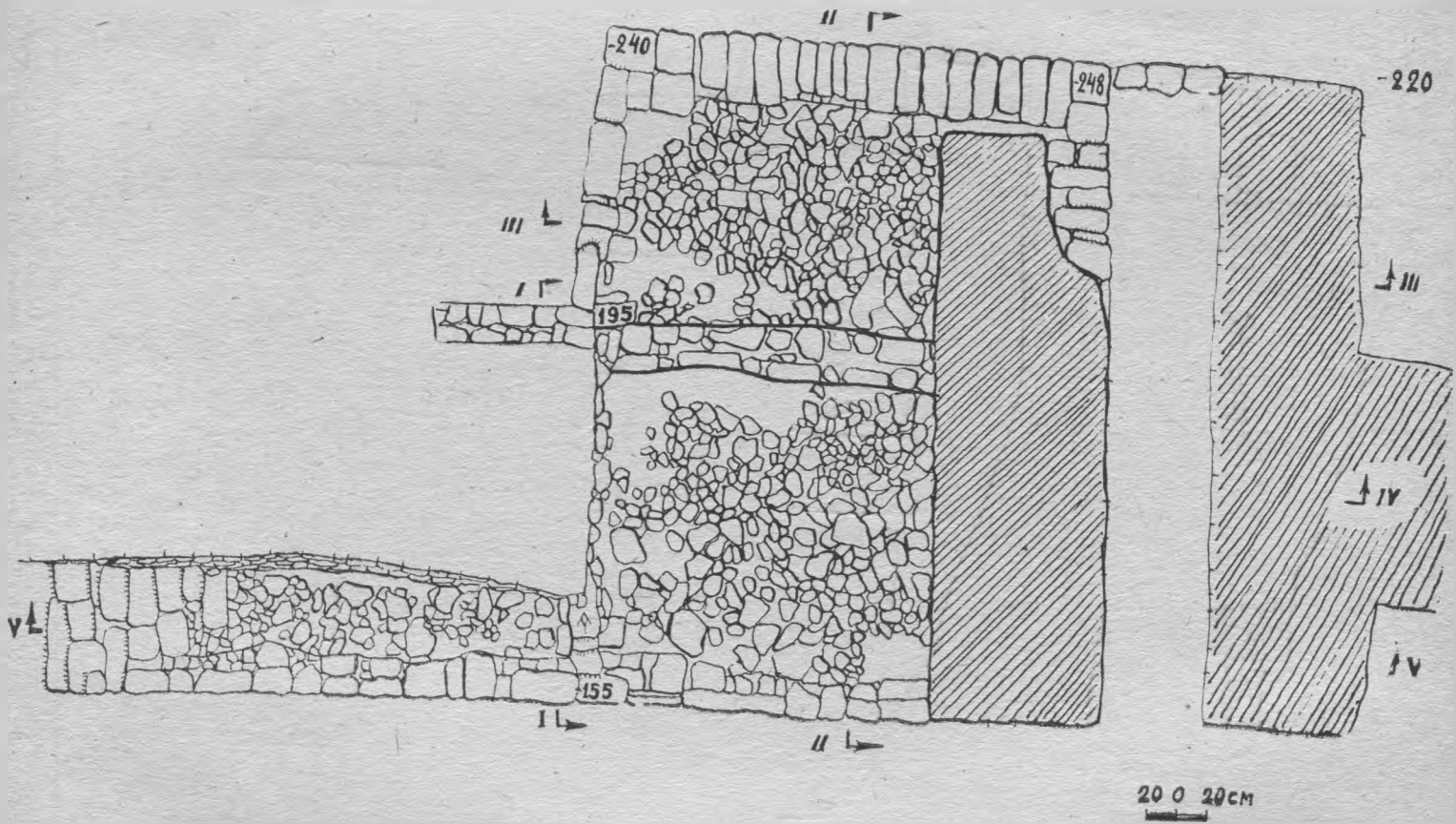

Рис. 7. План раскопа «Б».

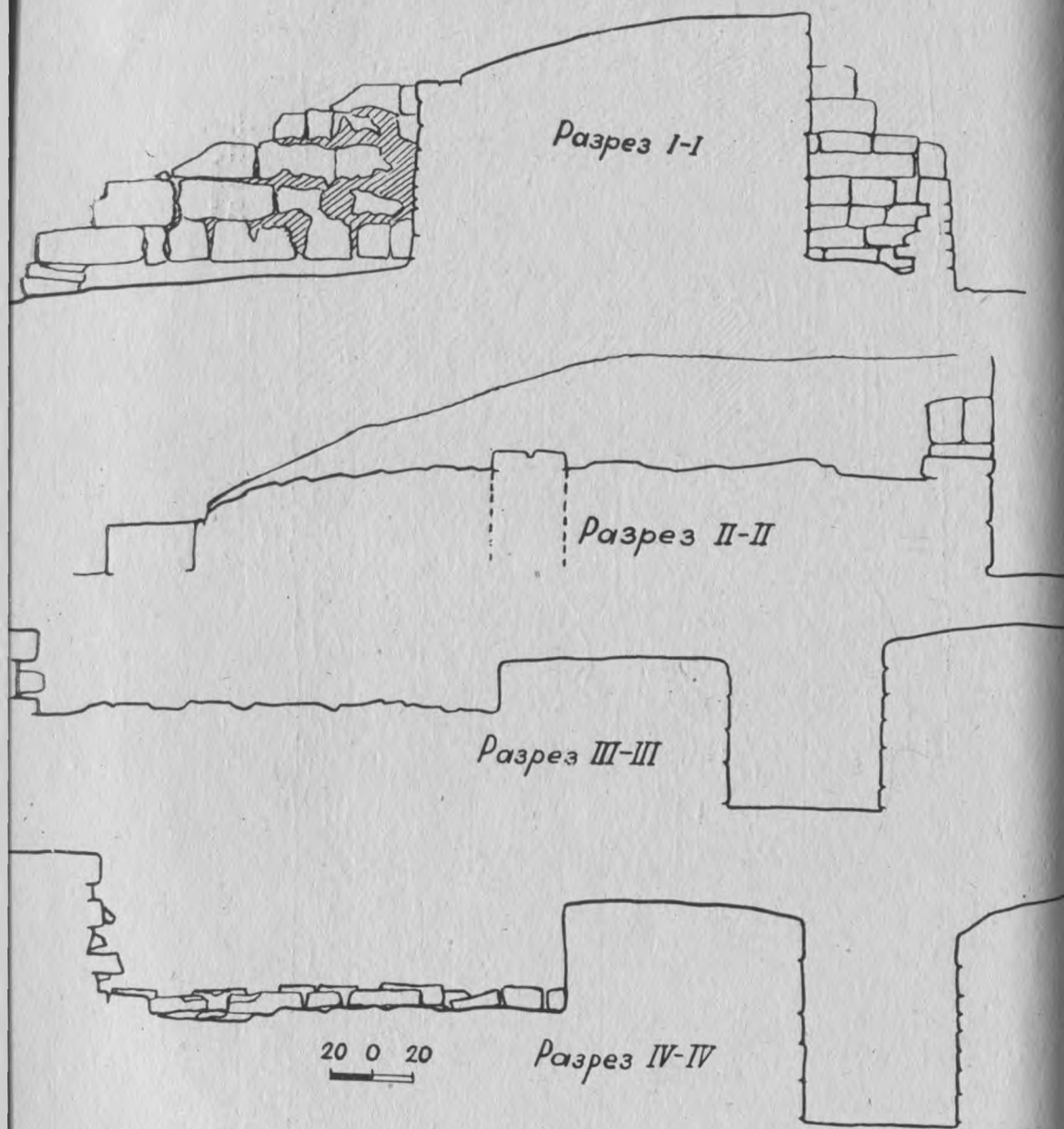

Рис. 8. Разрезы раскопа «Б».

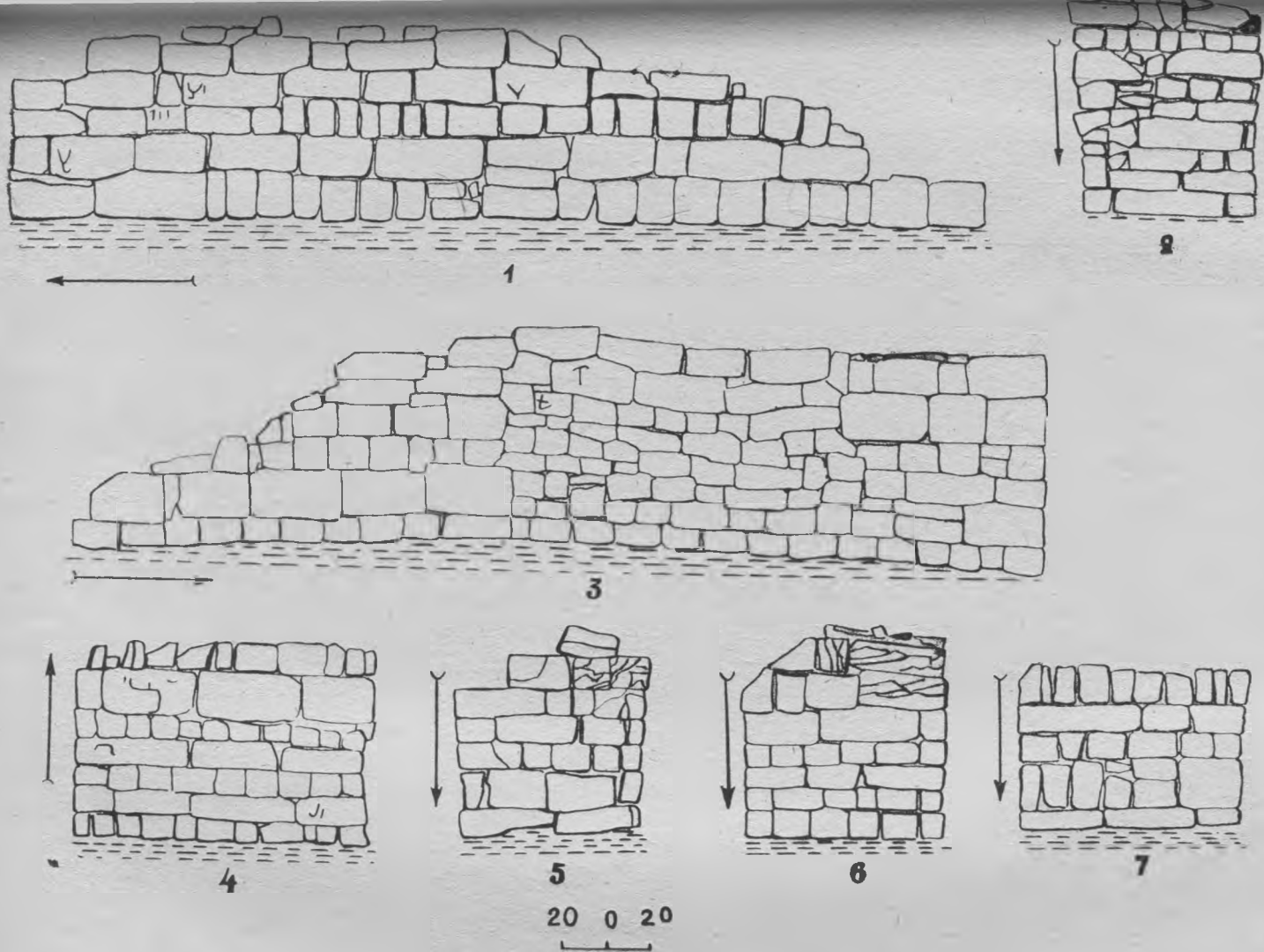

Рис. 9. Раскоп «Б». Фасировка стен калиски-прохода: 1 — западная; 2 — северная; 3 — восточная; 4, 5, 6, 7—южная сторона.

Рис. 10. Общий вид раскопа «Б» с севера.

Рис. 11. Раскоп «1». Общий вид места соединения большой оборонительной стены (северная сторона) со стеной цитадели.

Рис. 12. Раскоп «1». Рисунок из цитадели.

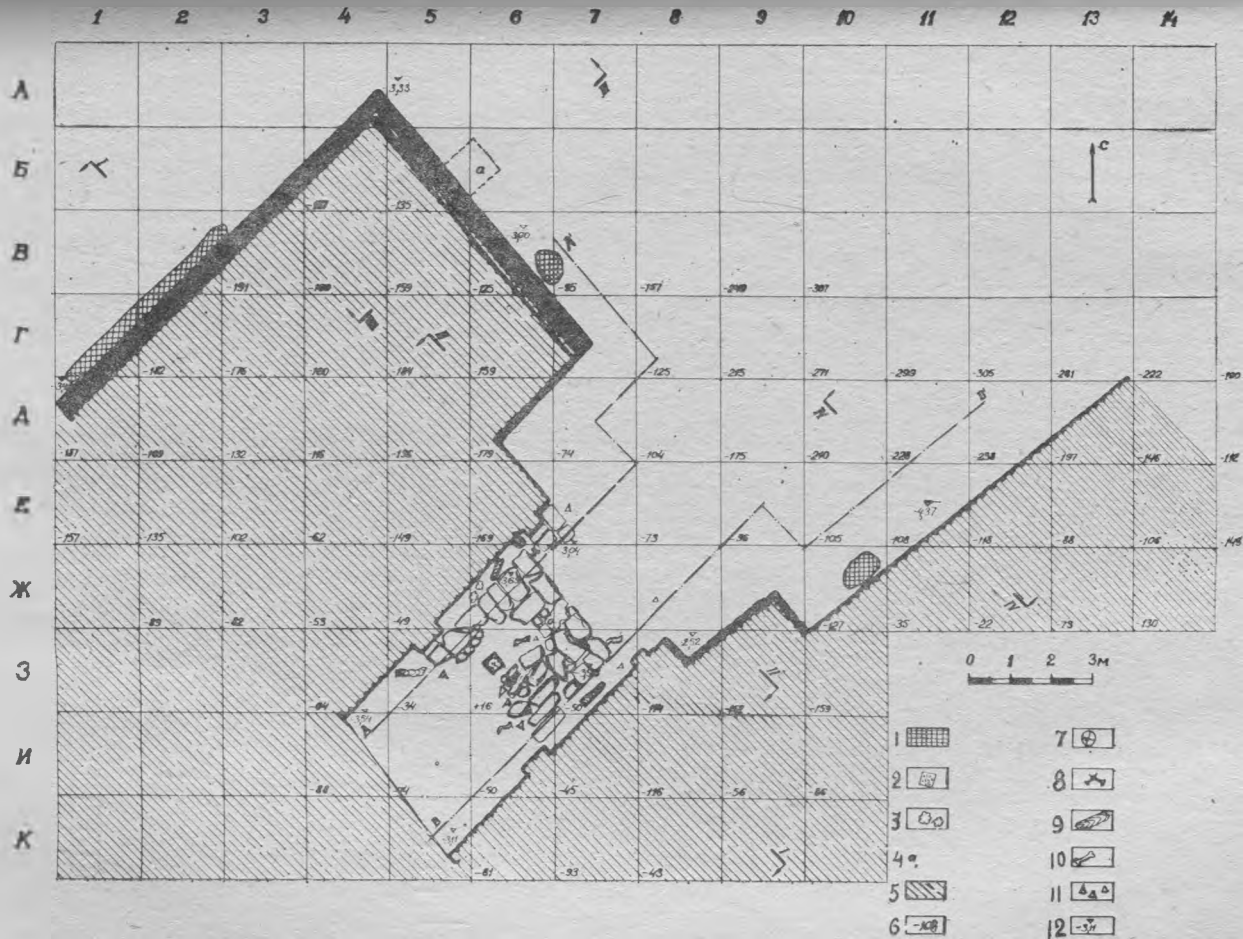

Рис. 13. План раскопа «2» (главные ворота),

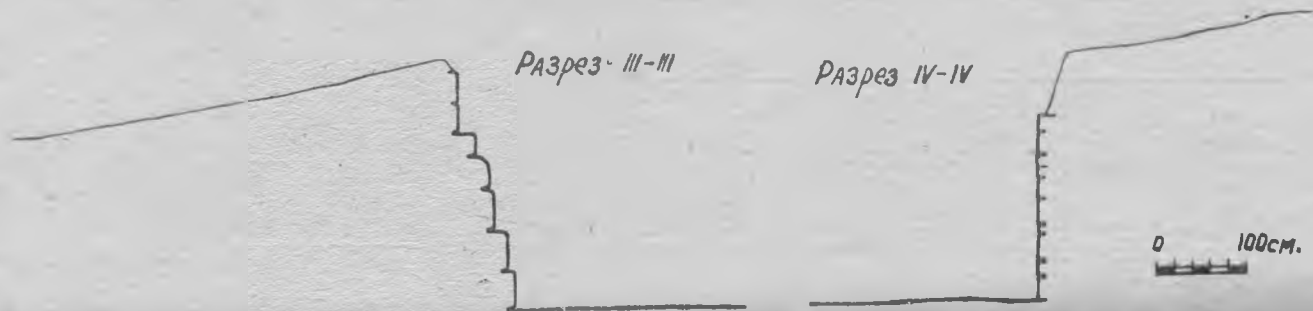
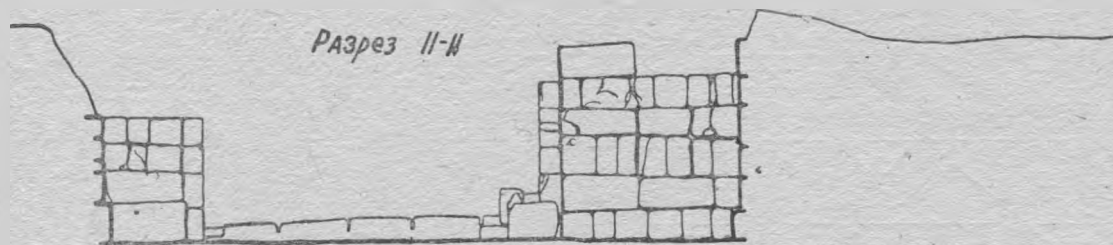
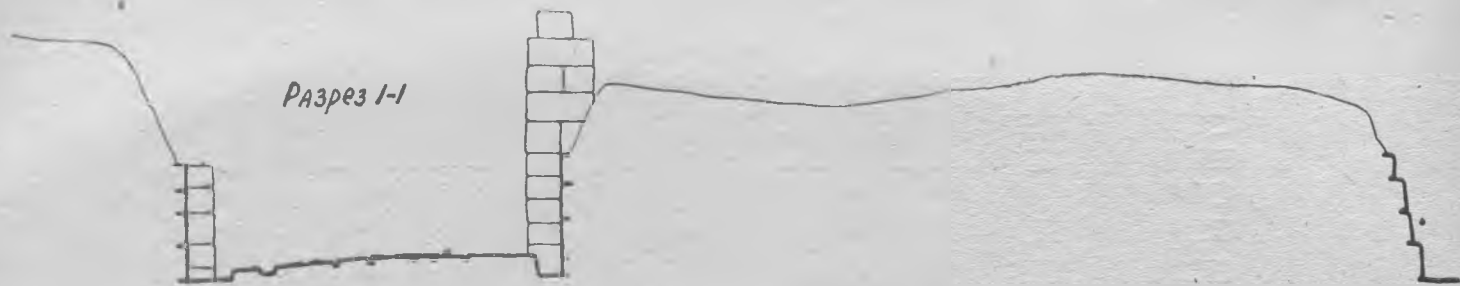

Рис. 14. Разрезы раскопа «2».

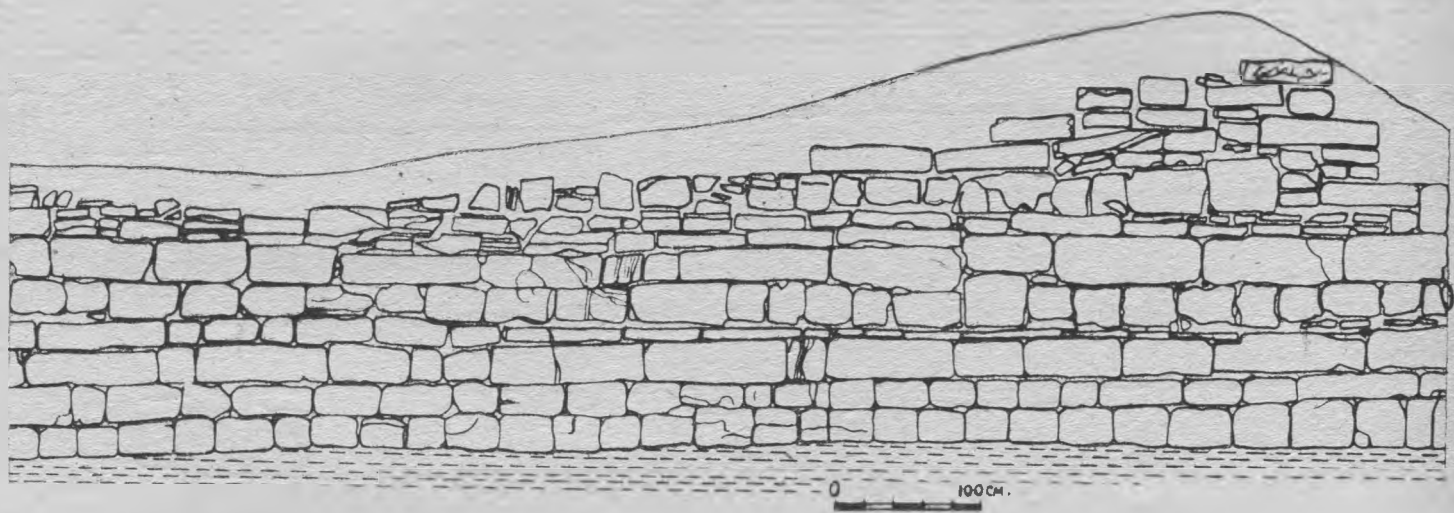

Рис. 15. Раскоп «2». Фасировка большой оборонительной стены.

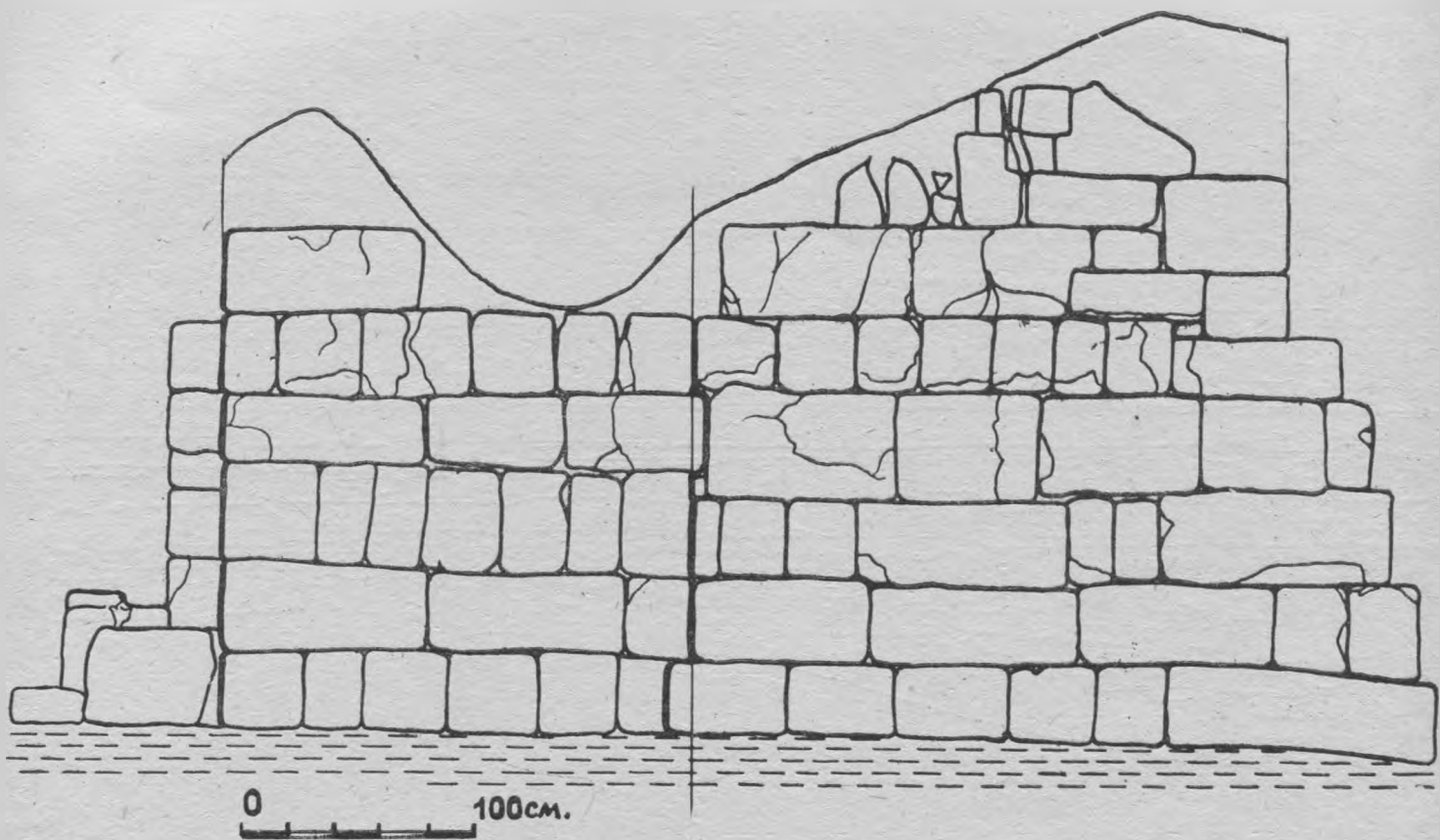

Рис. 16. Раскоп «2». Фасировка северной стены башни № 1.

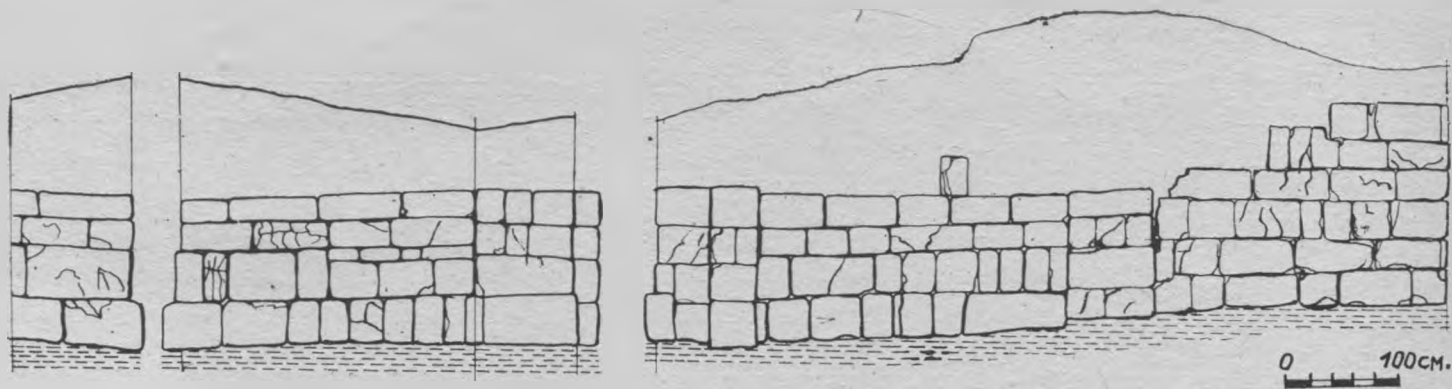
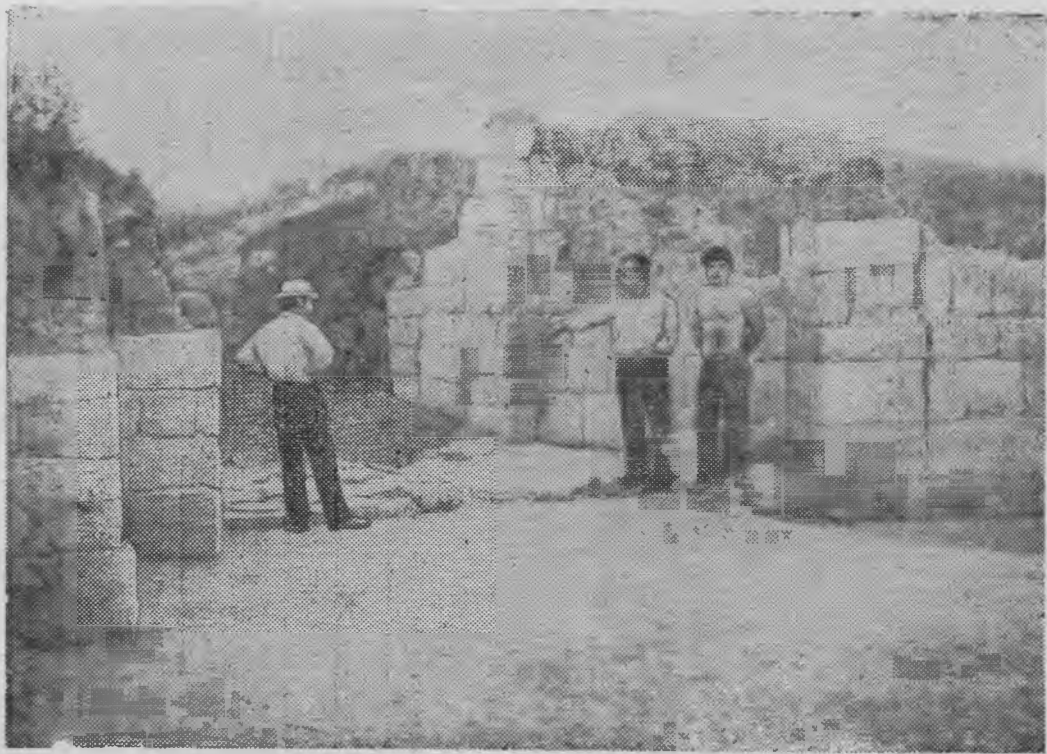

Рис. 17. Раскоп «2». Фасировка стен Прохода-ворот.

Рис. 18. Раскоп «2». Общий вид раскопа с востока (остатки главных ворот после раскопок).

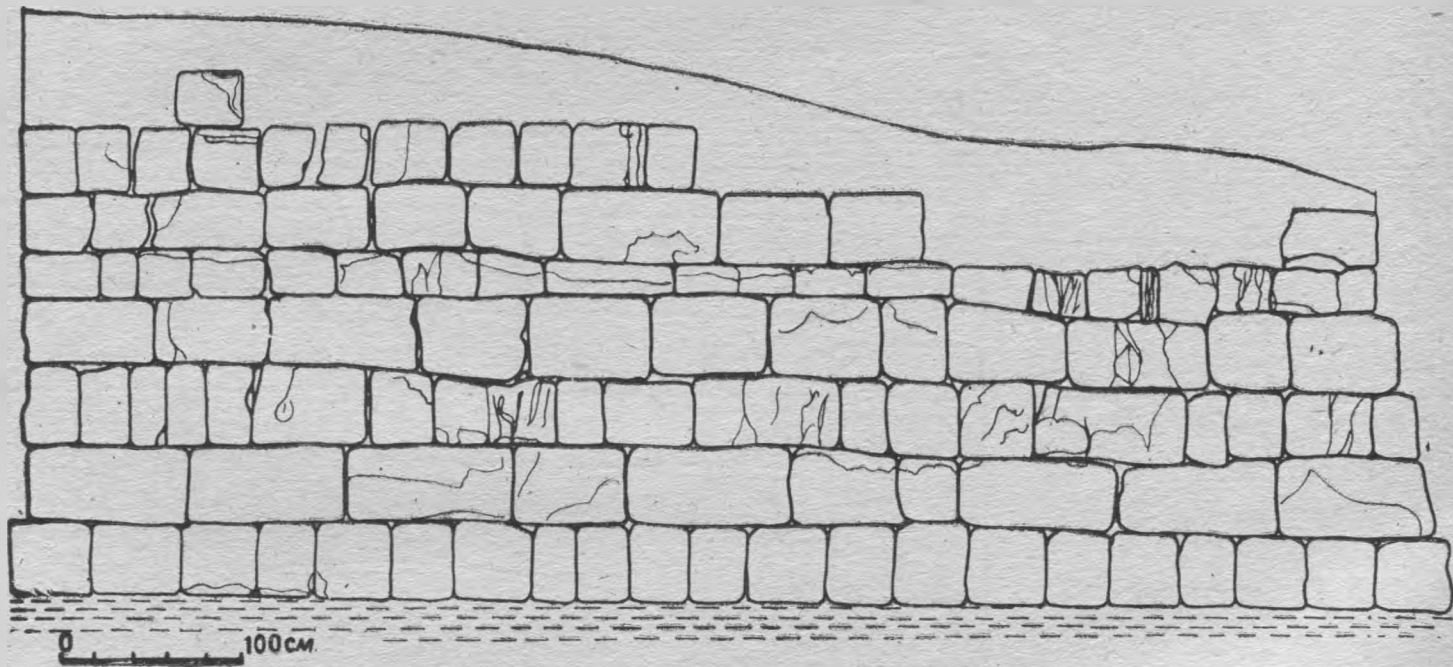

Рис. 19. Раскоп «2». Фасировка восточной стены башни № 2.

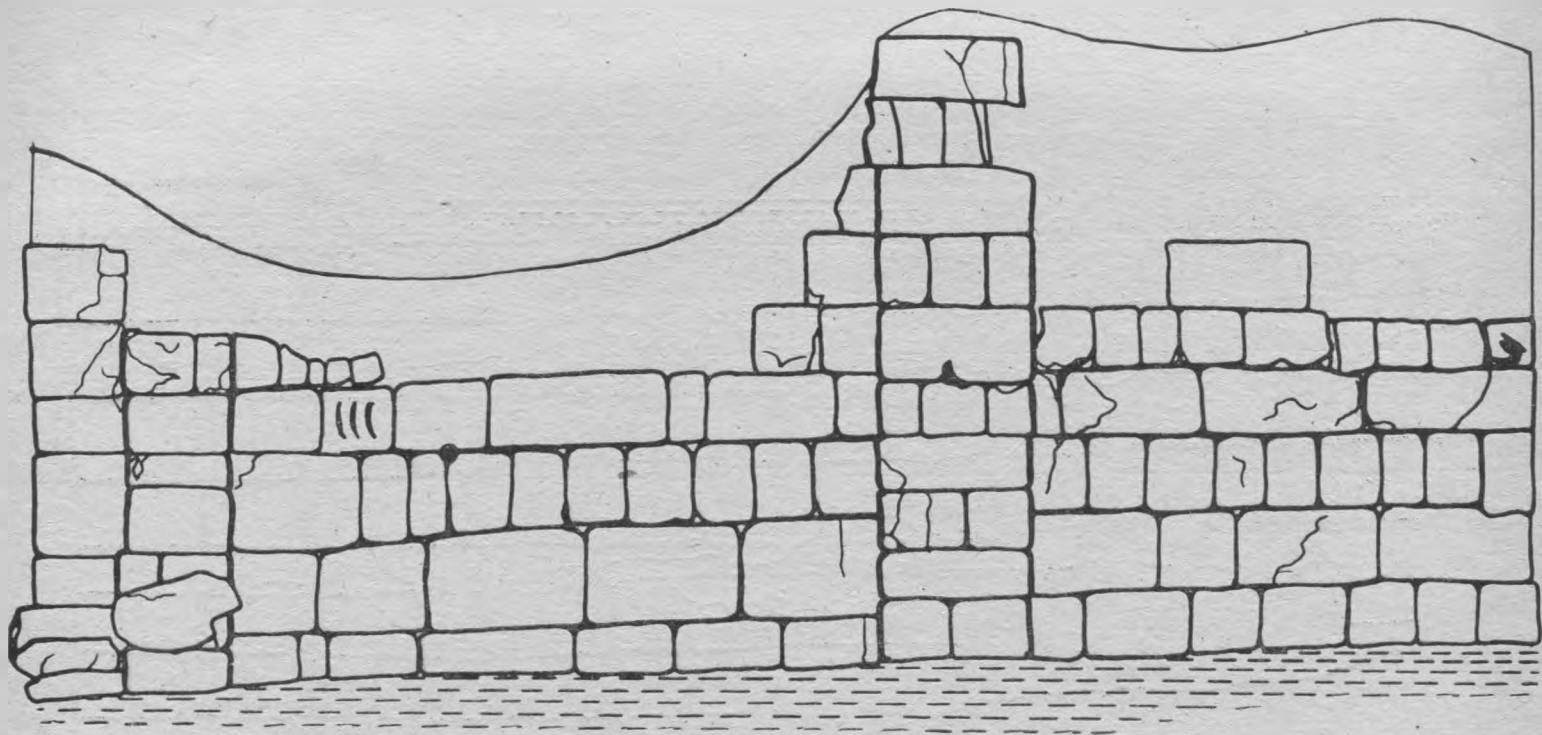
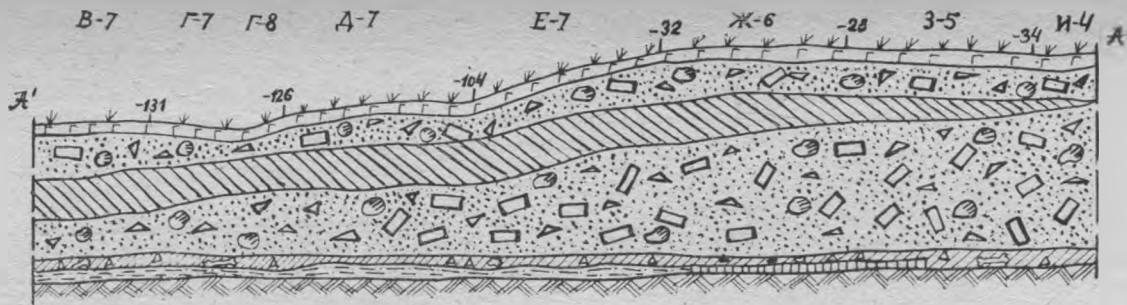
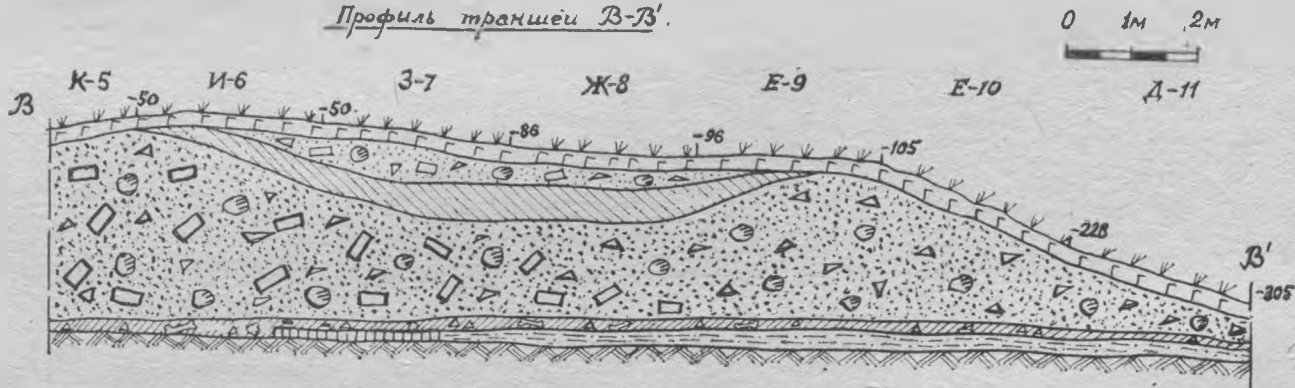

Рис. 20. Фасировка южной стены башни № 2.

Профиль траншеи А-А'

Профиль траншеи В-В'

- гумус.	- темная сугесь	- строительный мусор.	- кости животных.
- песчаная засыль с камнем.	- песчаная засыль с крупными блоками.	- материковая глина	- находки керамики.
- песчаная засыль с щебнем и камнем.	- культурный слой.	- мостовая	- железный шлак.
		- смола	

Рис. 21. Раскоп «2». Профиль траншеи.

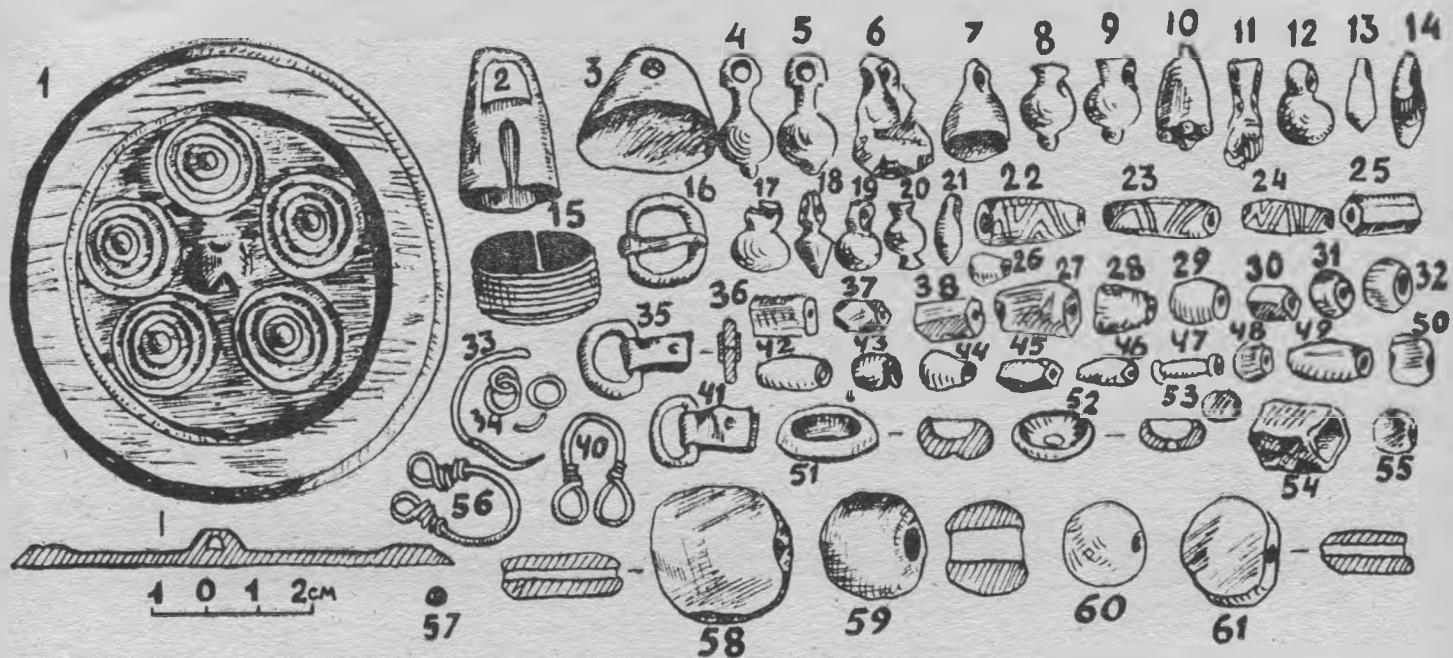

Рис. 22. Инвентарь из подбойного погребения № 1:
 1 — зеркало, 2 — колокольчик, 3—14 — подвески, 15 — браслет,
 16 — пряжка, 17—32 — бусы, 33, 34, 40, 56 — привески,
 35, 41 — наконечники ремня, 42—61 — бусы.

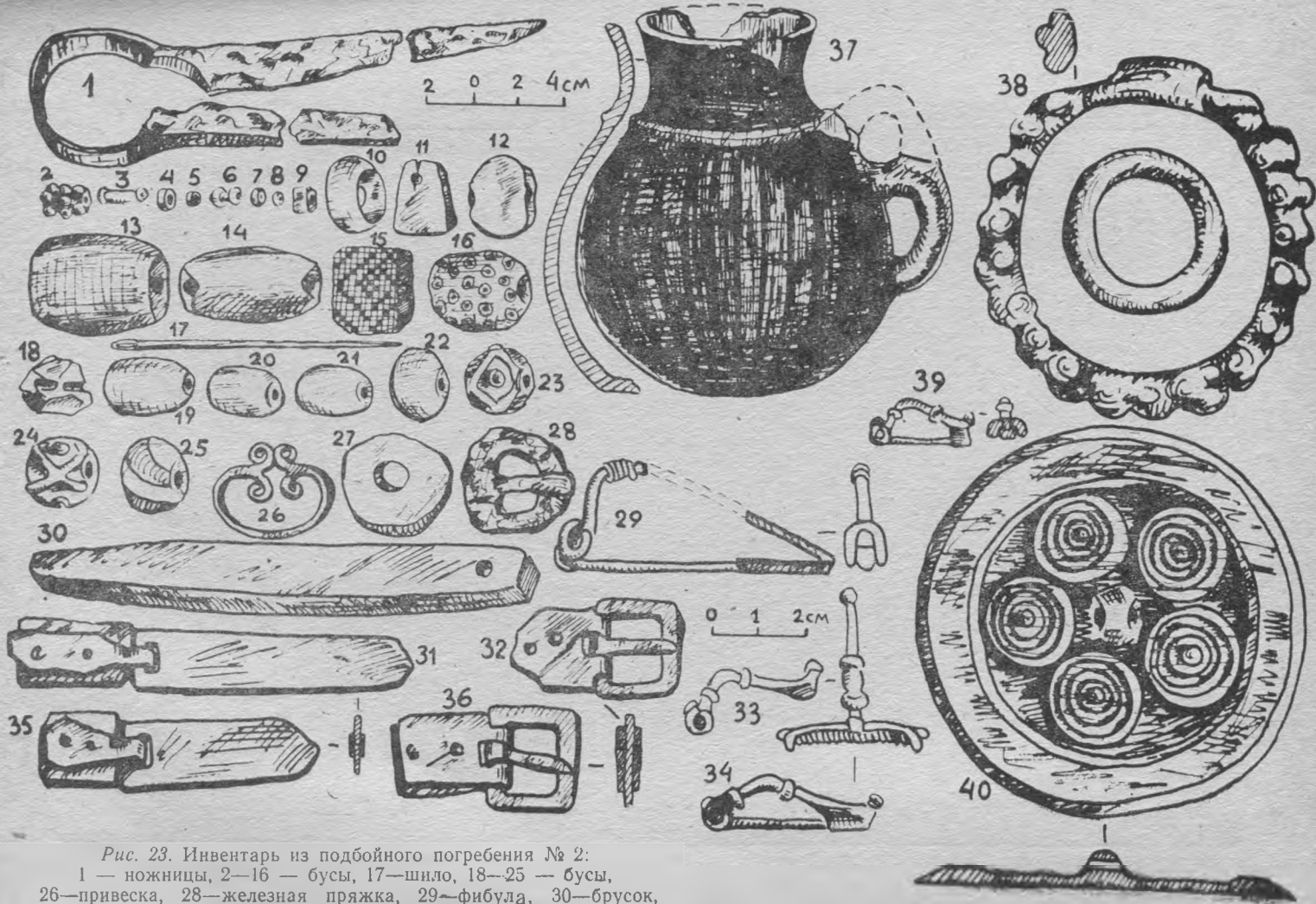

Рис. 23. Инвентарь из подбойного погребения № 2:

- 1 — ножницы, 2—16 — бусы, 17—шило, 18—25 — бусы,
 26—привеска, 28—железная пряжка, 29—фибула, 30—брусок,
 31, 35 — наконечники ремня, 32, 36 — пряжки, 33, 34, 39 — фибулы
 38 — браслет, 40 — зеркало.

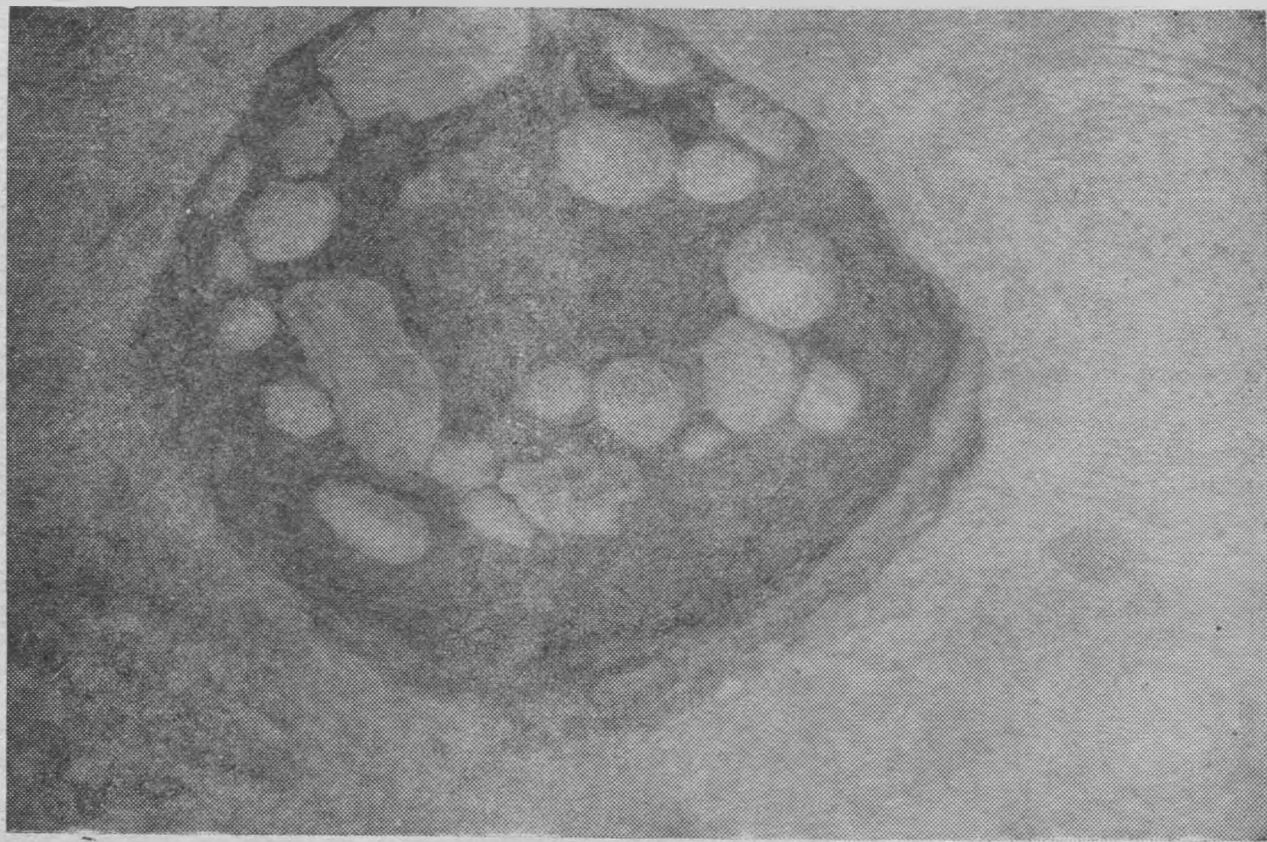
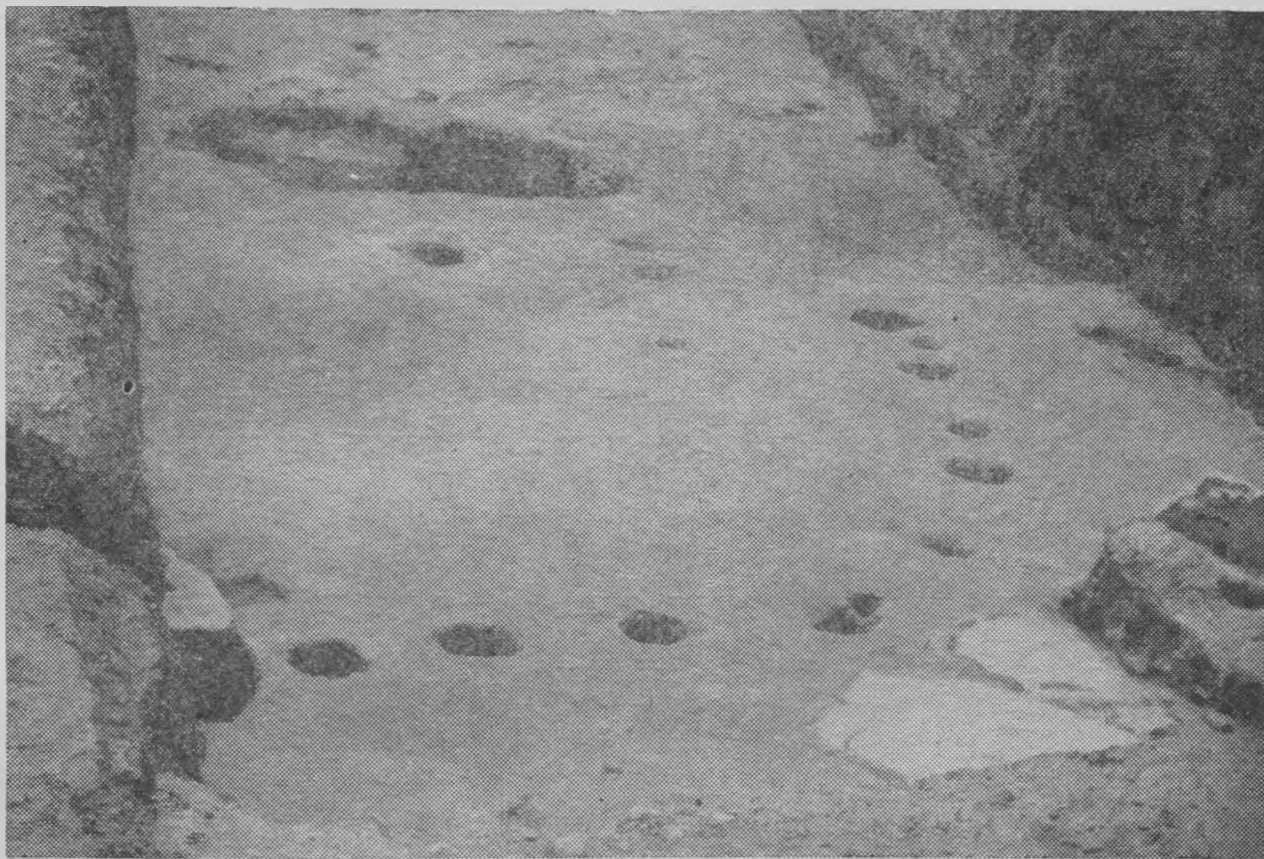

Рис. 24. Раскоп «А». Остатки очага.

Рис. 25. Раскоп «А». Остатки юрты.

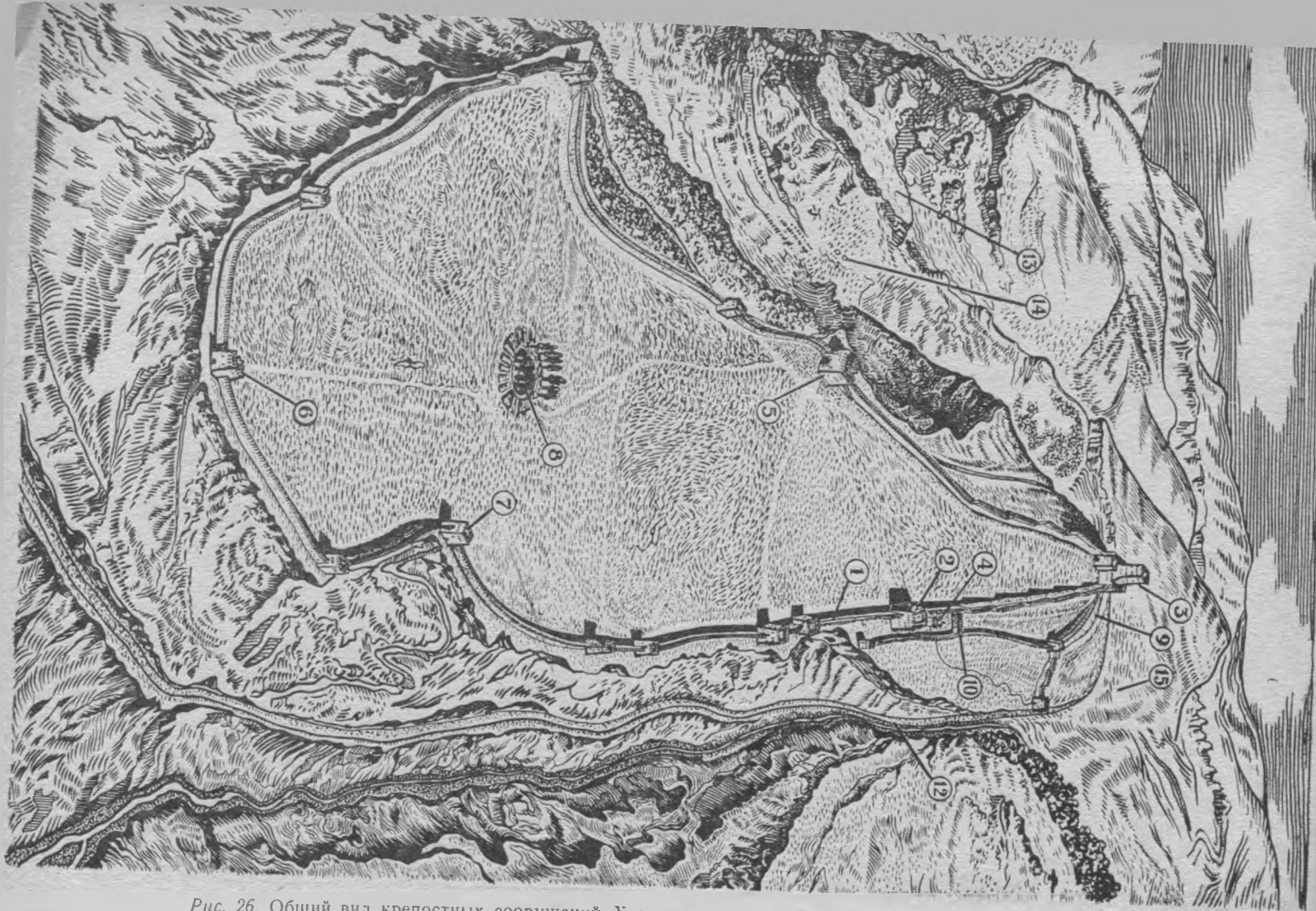

Рис. 26. Общий вид крепостных сооружений Хумаринского городища, сверху (реконструкция):
 1 — большая крепостная стена, 2 — башни, 3 — цитадель, 4 — святилище, 5 — главные ворота, 6 — калитка-проход,
 7 — башни, 8 — источник, 9 — ров, 10 — передовая оборонительная стена, 11 — южные ворота,
 12 — дорога к городищу по склону балки Шугара, 13, 14 — открытое поселение и могильники на балке Инал,
 15 — холмистый могильник

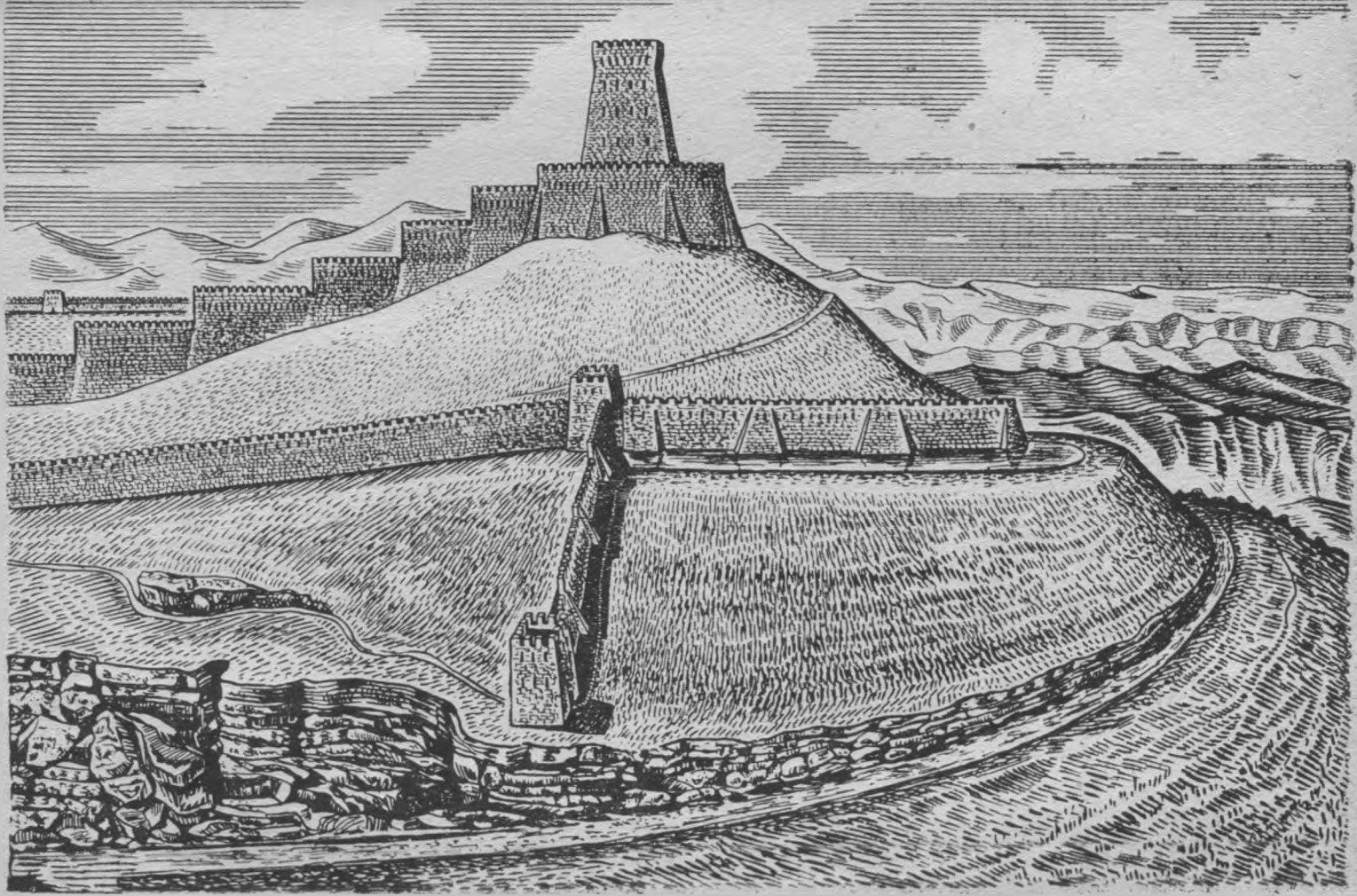

Рис. 27. Вид городища с восточной стороны (реконструкция).

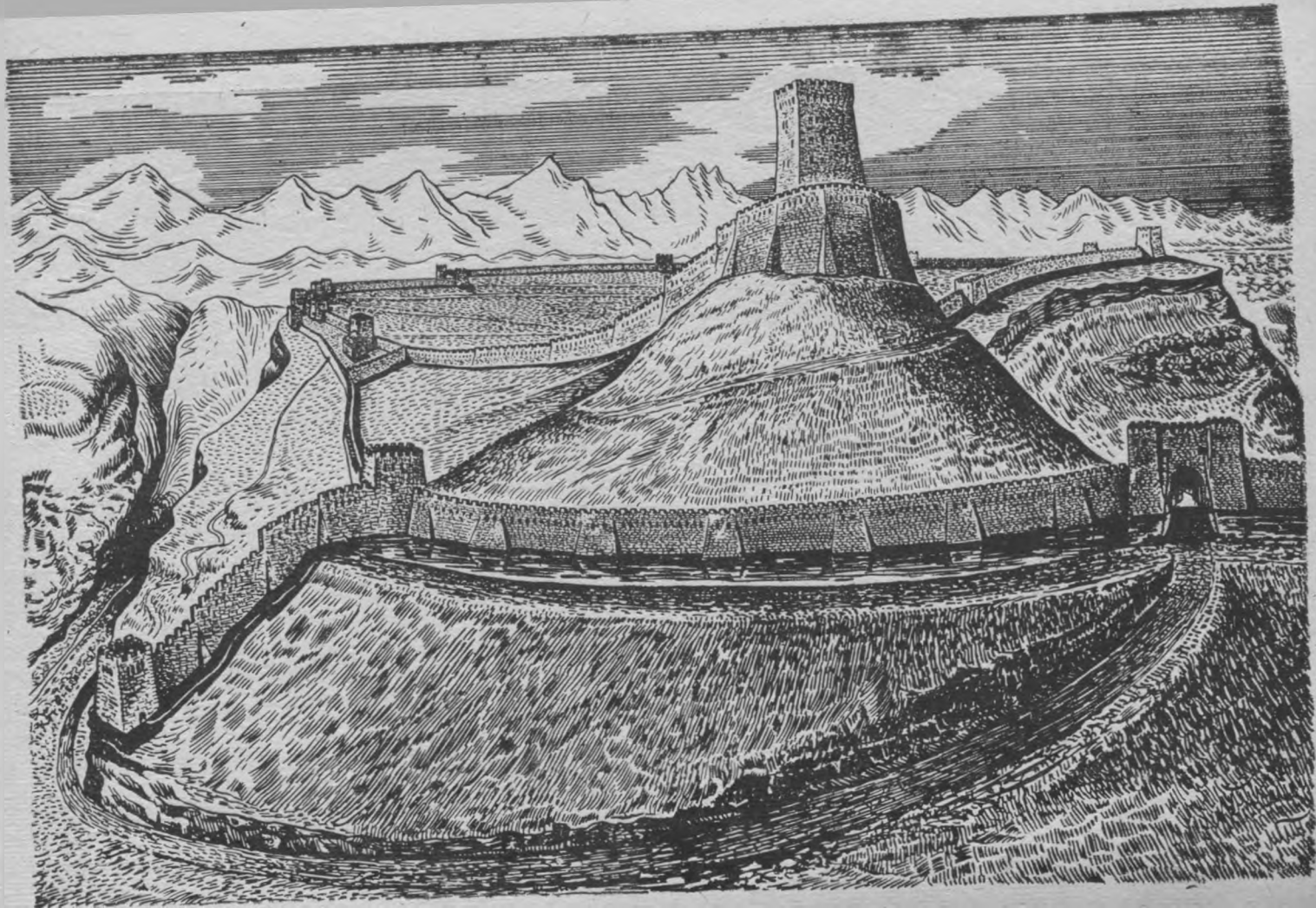

Рис. 28. Вид крепости с северной стороны (реконструкция).

Рис. 29. Вид главных ворот Хумаринского городища (реконструкция).

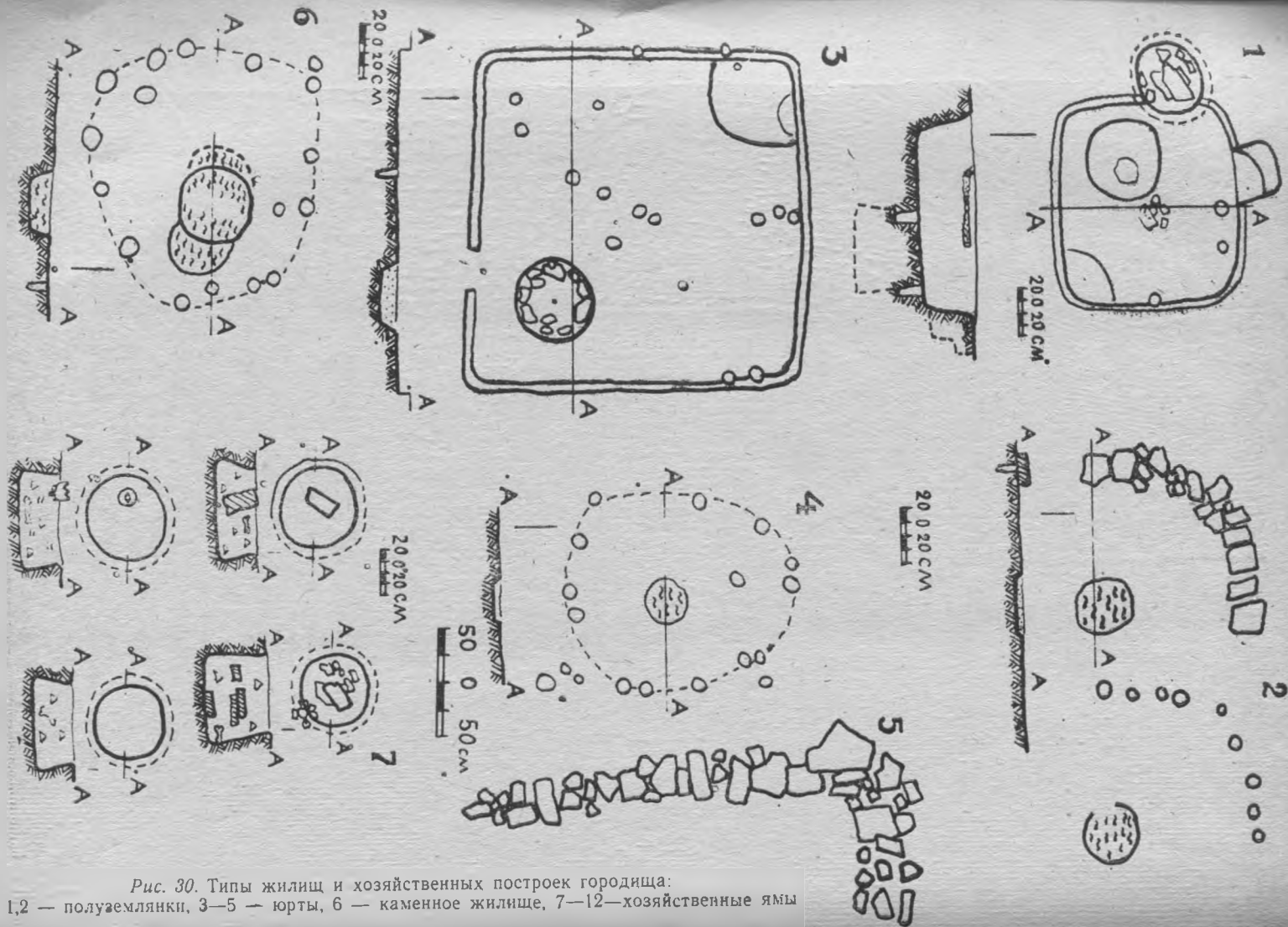

Рис. 30. Типы жилищ и хозяйственных построек городища:

1, 2 — полуземлянки, 3—5 — юрты, 6 — каменное жилище, 7—12—хозяйственные ямы

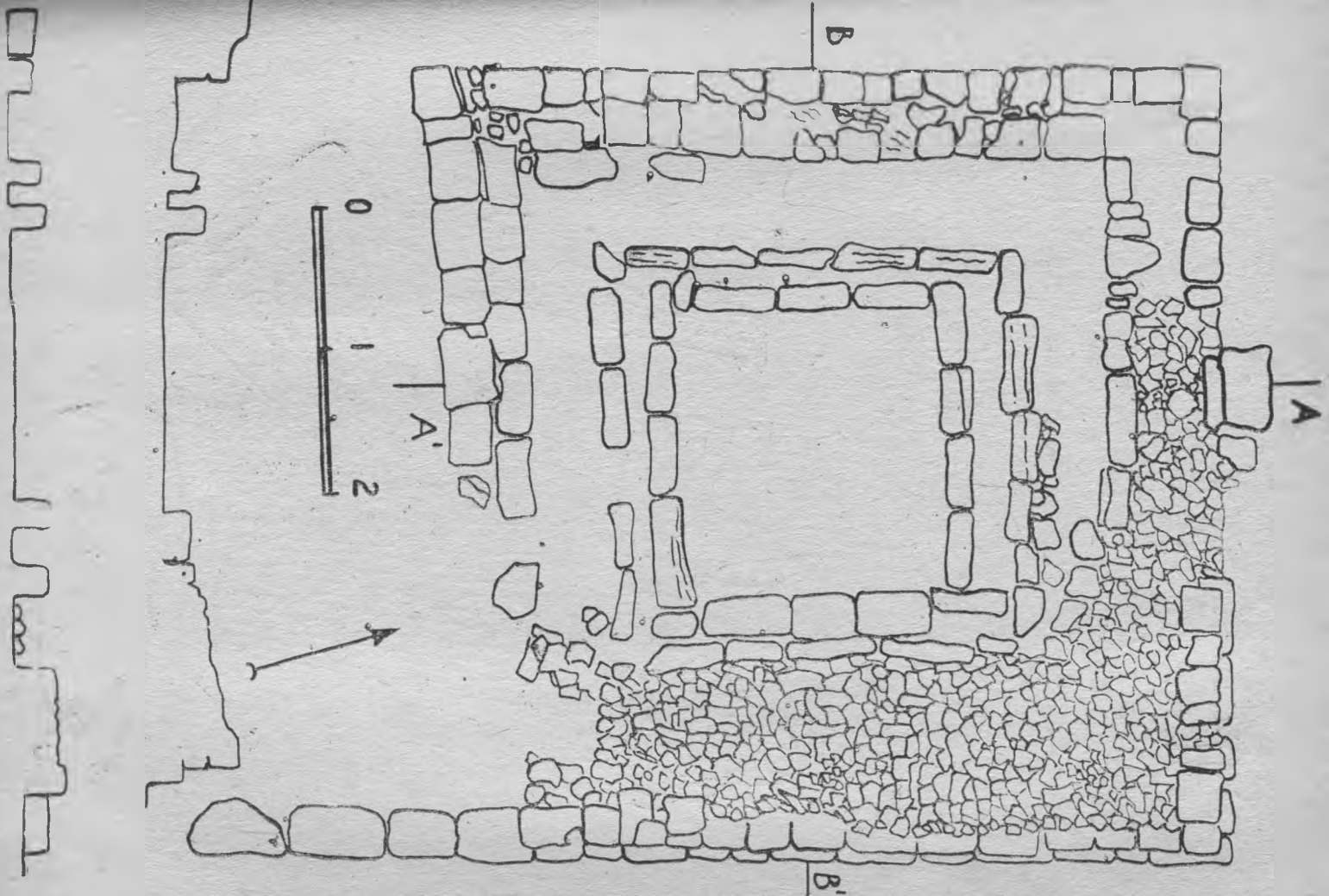
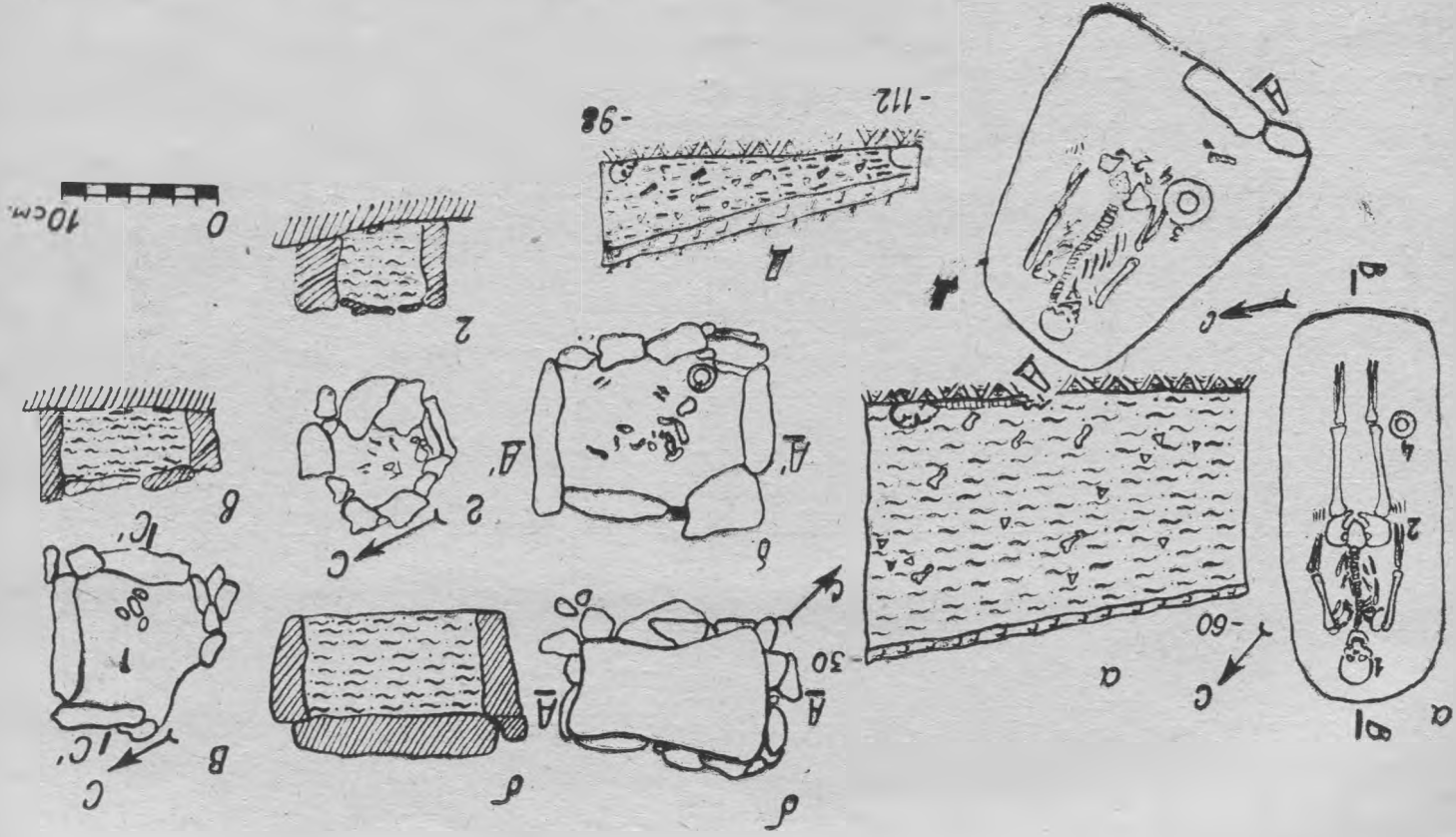
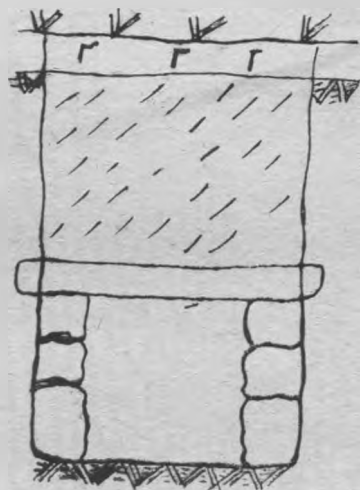
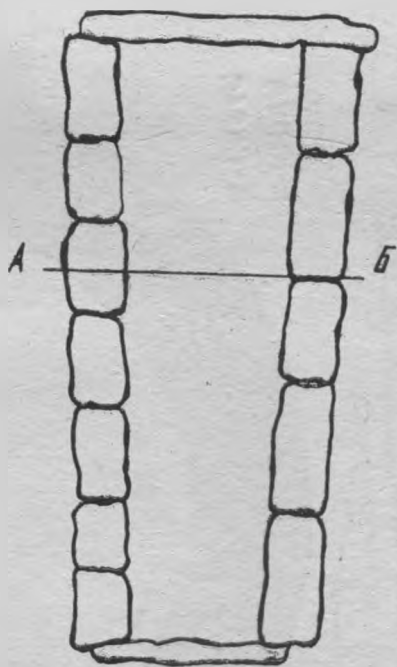
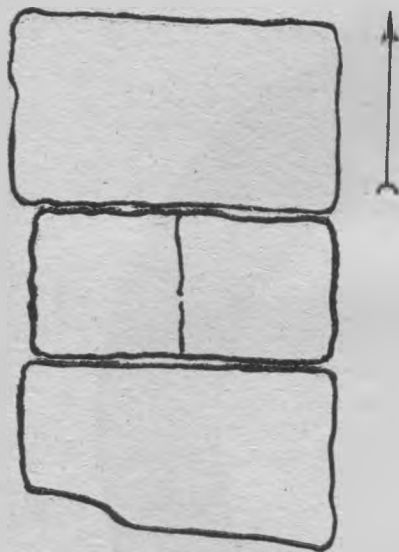

Рис. 31. План и разрезы святилища.

Fig. 82. Кременне шпирь и гуртине поредени.

1. Верхняя плита.
2. План
3. Разрез по линии АБ

Рис. 39. Подземная гробница.

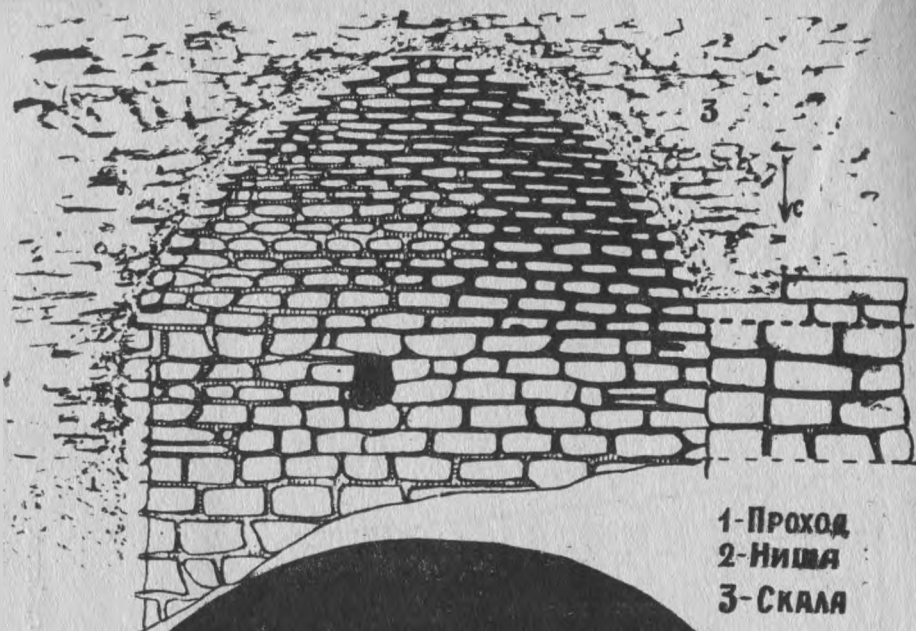
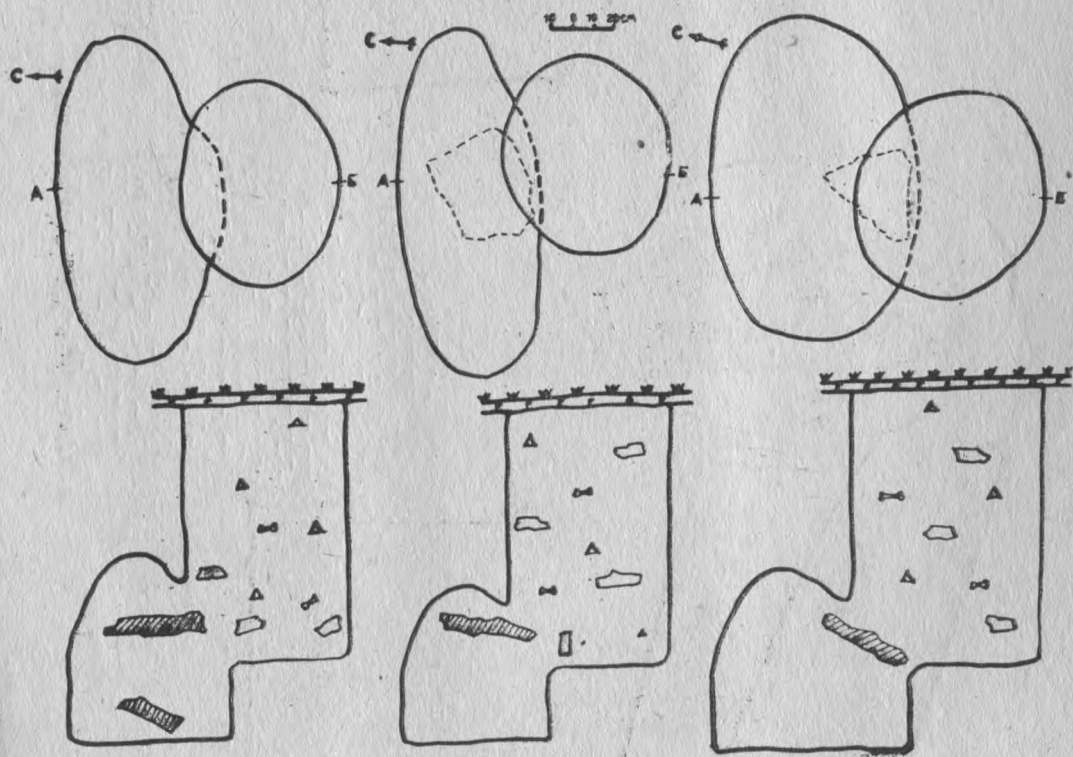
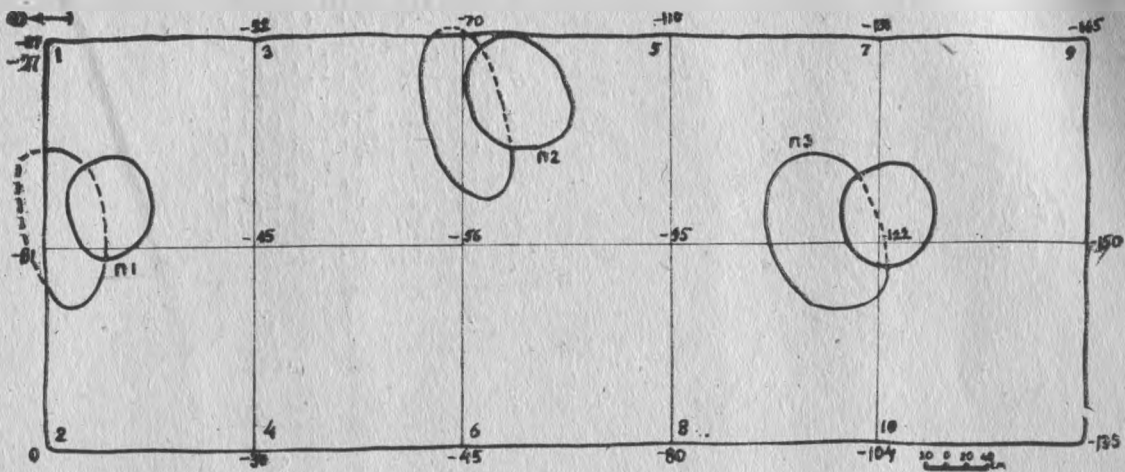

Рис. 34. Склеп-мавзолей.

гумус
 КОСТИ
 КЕРАМИКА
 КАМНИ

Рис. 35. Подбойные погребения.

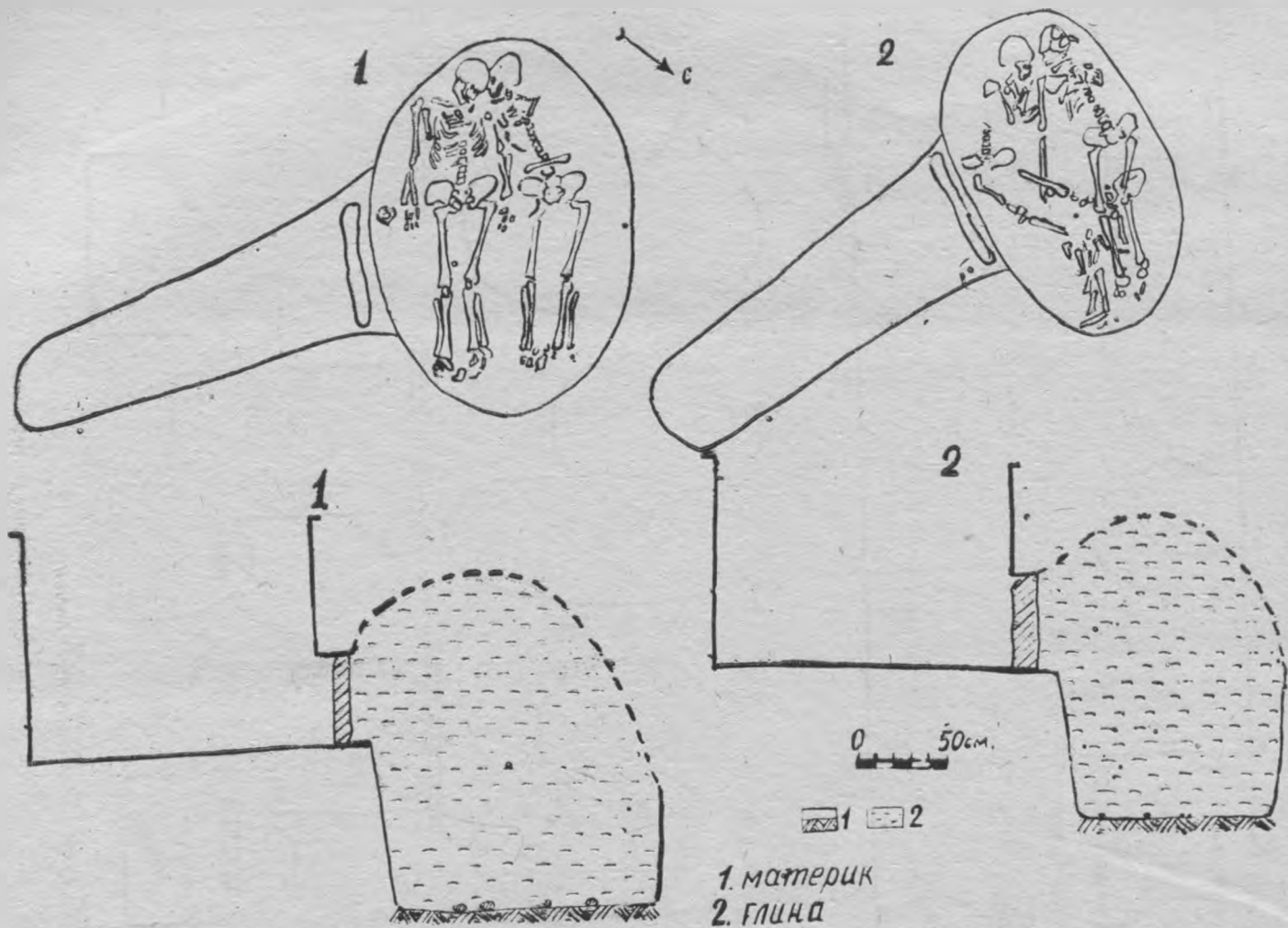

Рис. 36. Планы и разрезы катакомб №№ 3, 4.

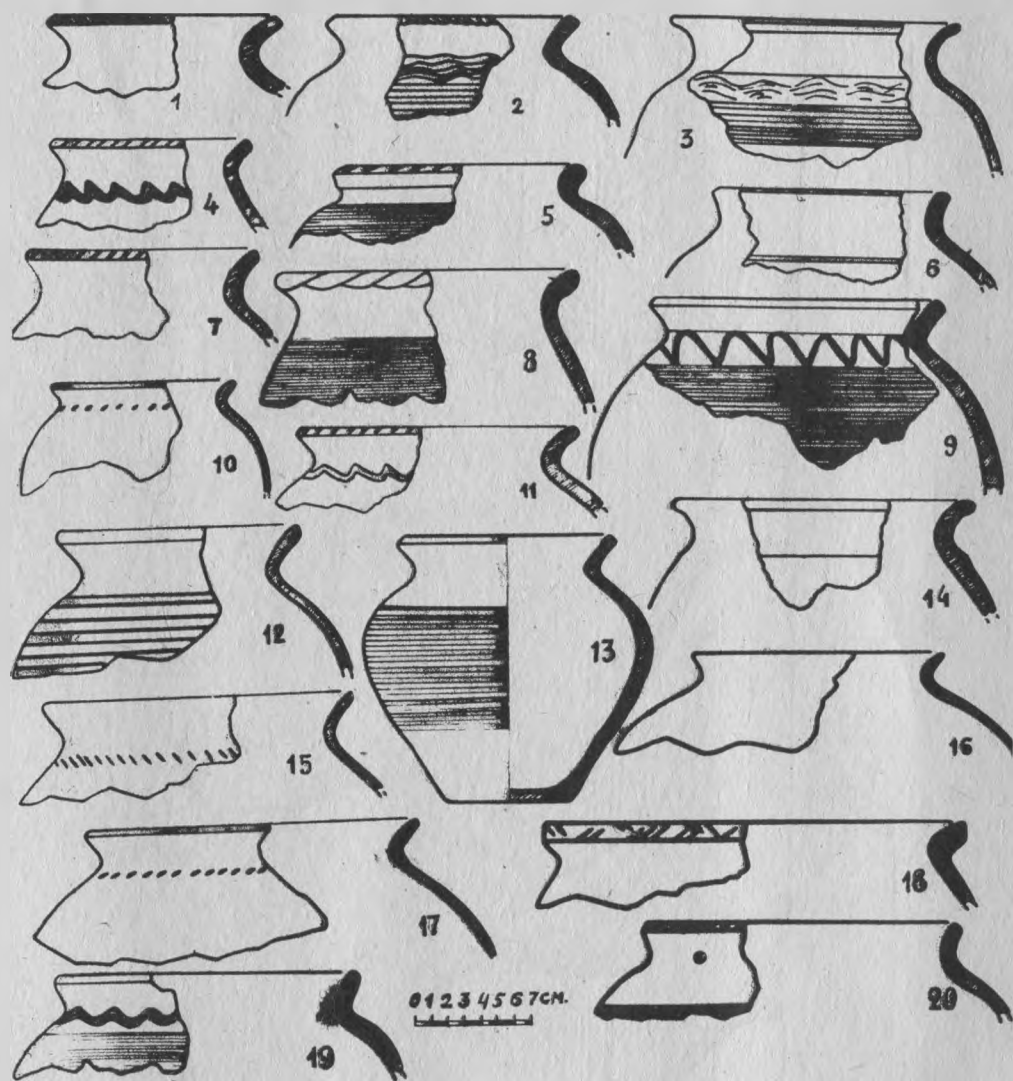

Рис. 37. Кухонная керамика герицица:
 5, 6, 7, 10, 15 — 18, 20 из слоя VIII—VI вв. до н. э.,
 1—4, 8, 9, 11—14, 19 из слоя VIII—X вв. н. э.

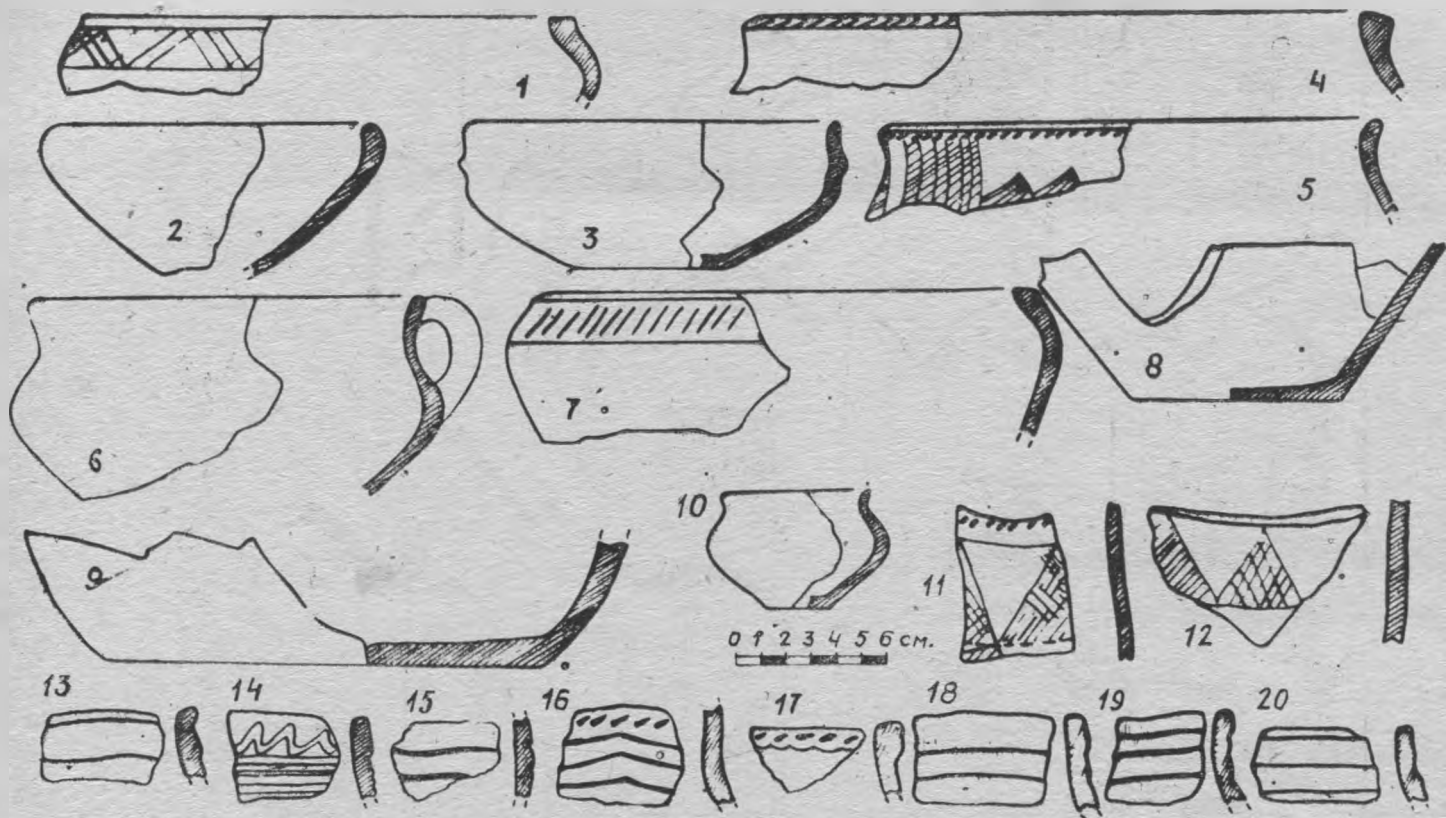

Рис. 38. Керамика городища VIII—VI вв. до н. э.

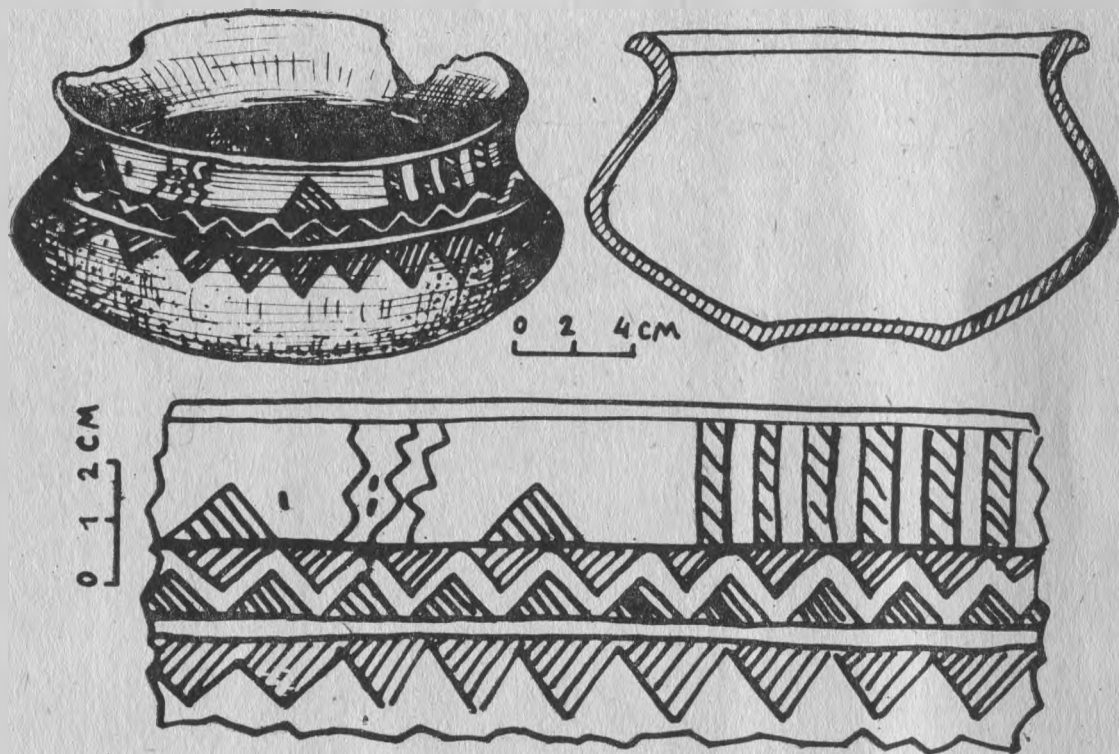

Рис. 39. Горшок эпохи бронзы (случайная находка).

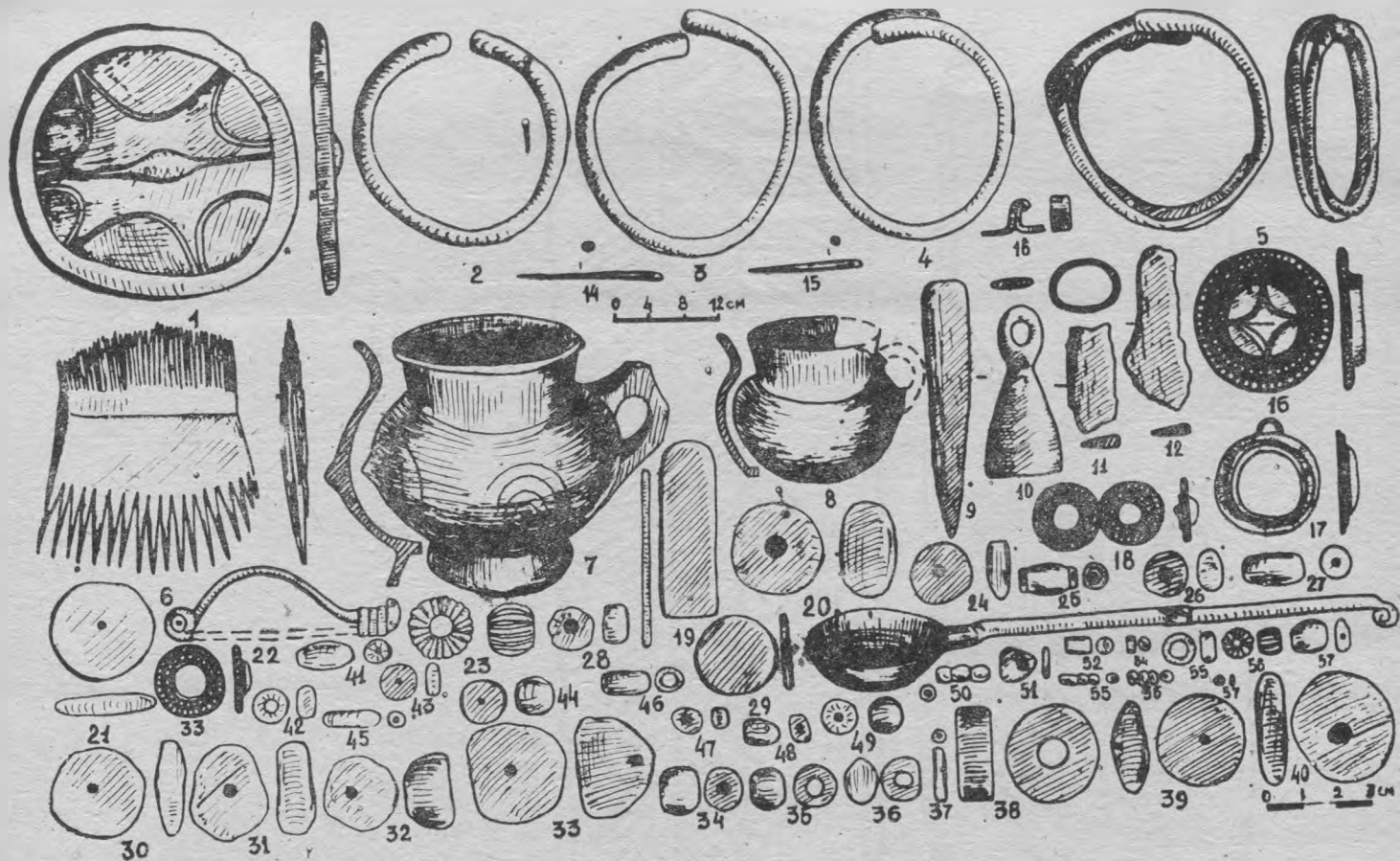
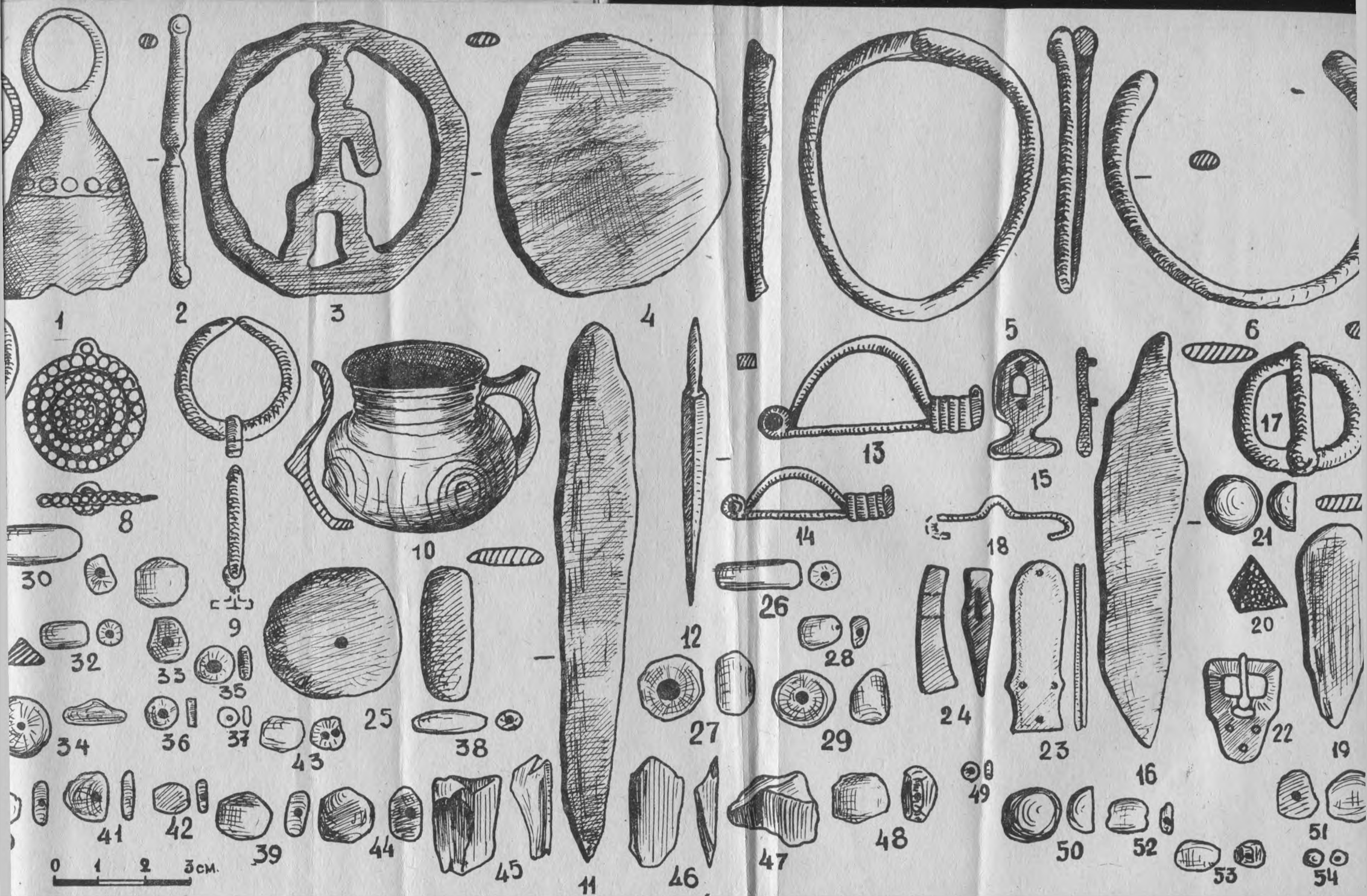

Рис. 40. Инвентарь из катакомбы № 4:

1 — зеркало, 2—5 — браслеты, 6 — гребень, 7, 8 — кувшалы чики, 9, 11, 12 — остатки ножей, 13, 18 — бронзовые украшения, брошки, 10 — колокольчик, 19 — наконечник ремня, 20 — ложка, 22 — фибула, 23—40 — бусы, 17 — подвеска, 33 — перстень.

41. Инвентарь катакомбы № 3: 1— колокольчик, 2— бронзовое украшение, 3 — амулет, 4 — зеркало, 5, 6 — браслеты, 7, 9—серьги, 10—кувшинчик, 11, 16—ножи, 12 — наконечник стрелы, 13, 14—фибулы, 15, 23—украшение от ремня, 17, 22—пряжки, 24—бронзовый топорик, 25—54—бусы.

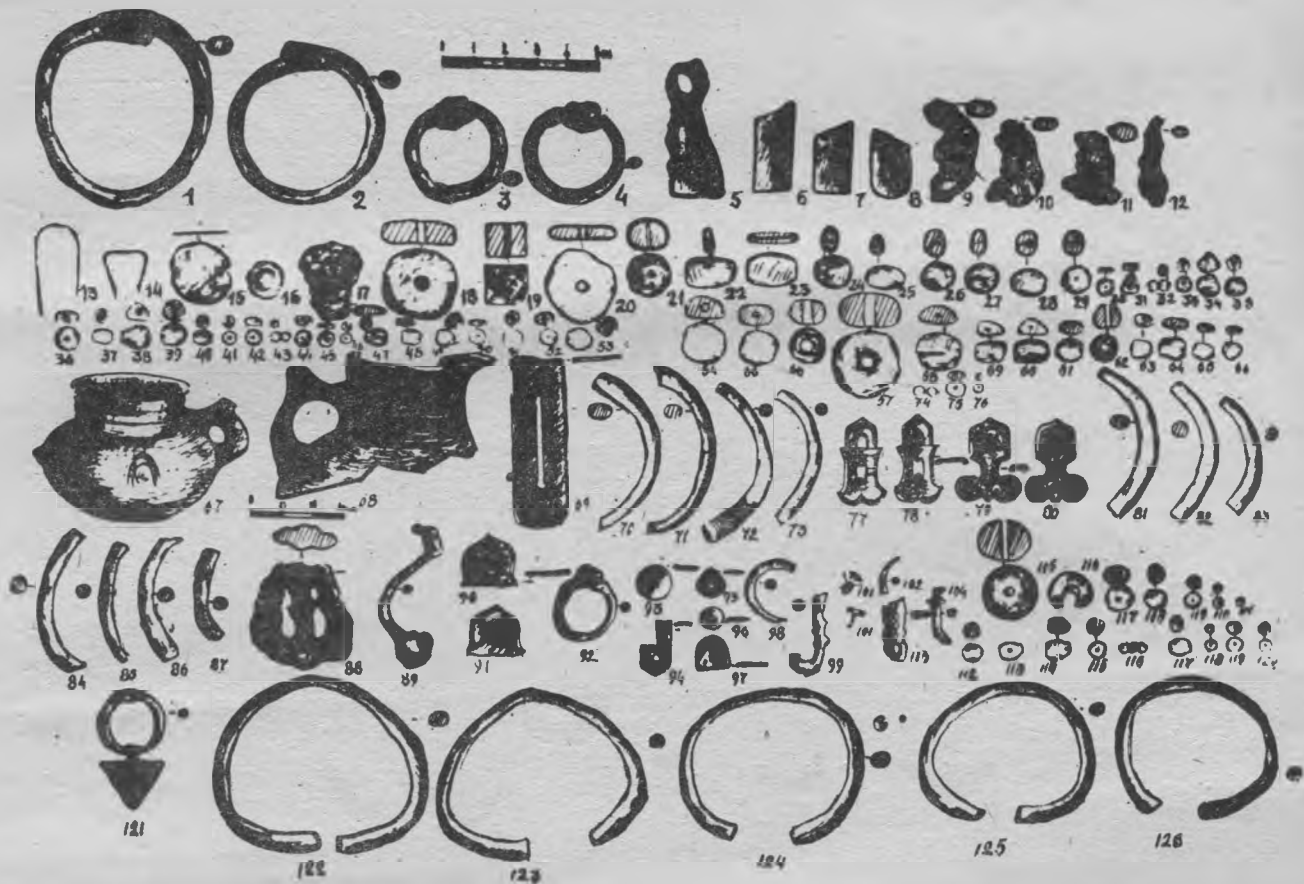

Рис. 42. Инвентарь из катакомб №№ 3, 6:

1-4 — браслеты, 5 — колокольчик, 5-8 — бронзовые украшения,
 9-12, 17 — пряжки, 18-66 — бусы, 67 — кувшинчик, 68 — кувшин,
 69, 77-80, 90, 91 — наконечники ремня, 8-83, 122-126 — браслеты,
 89 — фибулы, 121 — бронзовая подвеска, 111-120 — бусы.

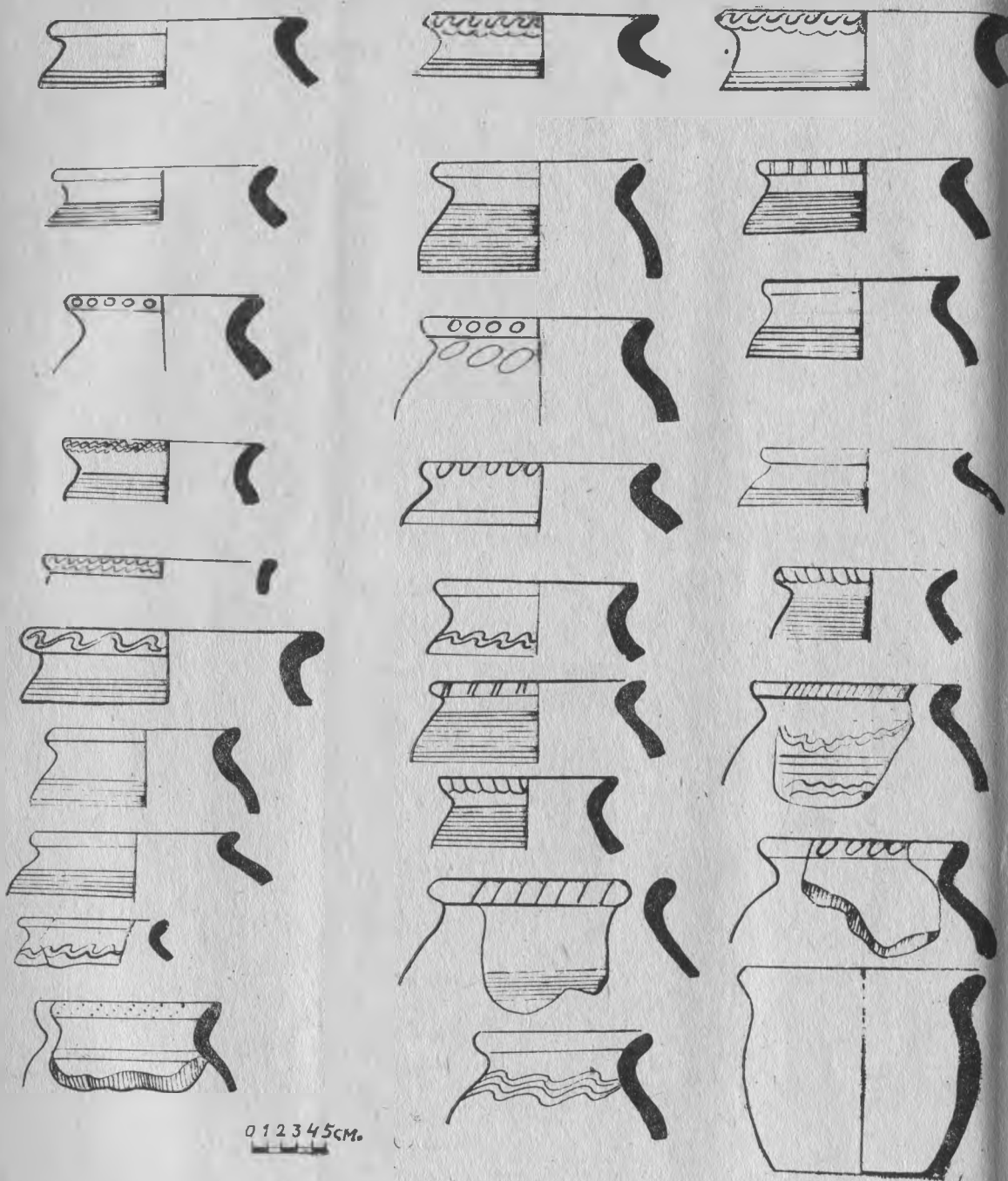

Рис. 43. Кухонная керамика VIII—X вв.

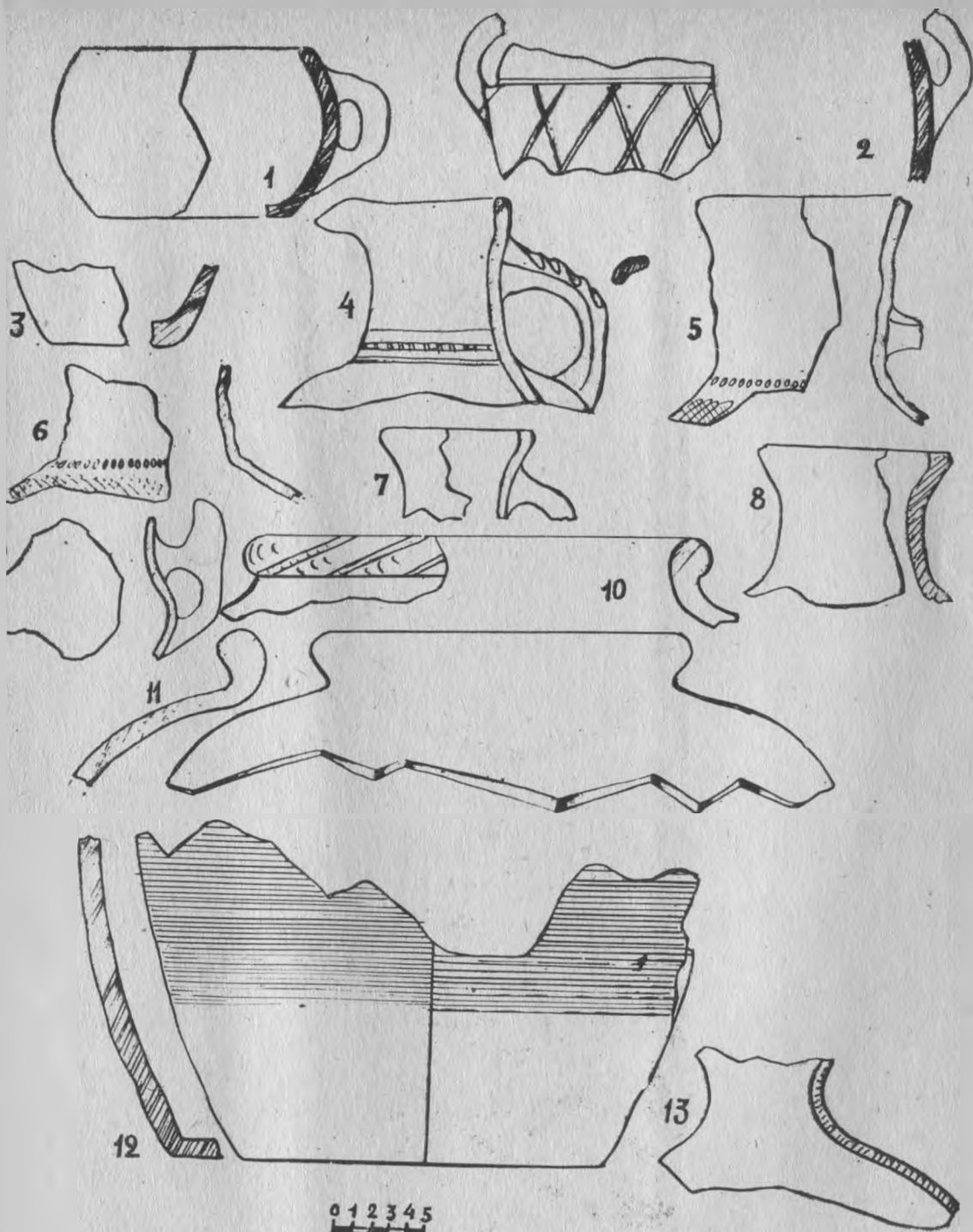

Fig. 44. Некоторые типы керамики VIII—X вв. н. э.:
 1—лепной горшок, 2—корчага, 4—8—кувшины, 10—пифосообразный сосуд,
 11, 12—пифосы, 13—кувшин.

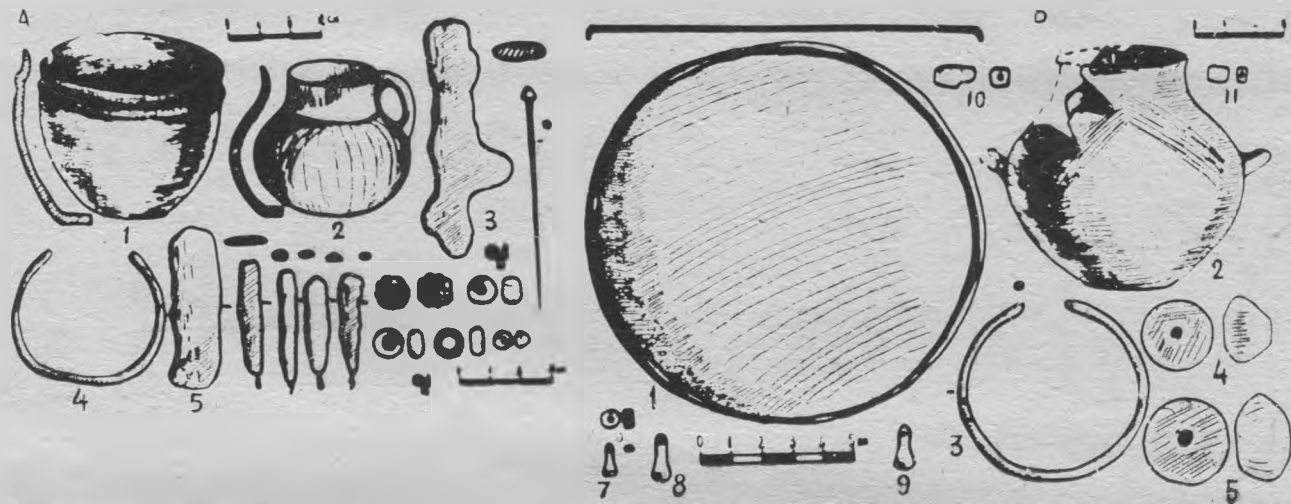

Рис. 45. Инвентарь из грунтовых погребений. А — вещи из погребения раскопа «А»: 1 — сосуд, 2 — кувшинчик, 3 — нож, 4 — браслет, 5—9 — ножи, 9—16 — бусы. Б — вещи из погребения из раскопа «А»: 1 — зеркало, 2 — сосуд, 3 — браслет, 4—5 — бусы.

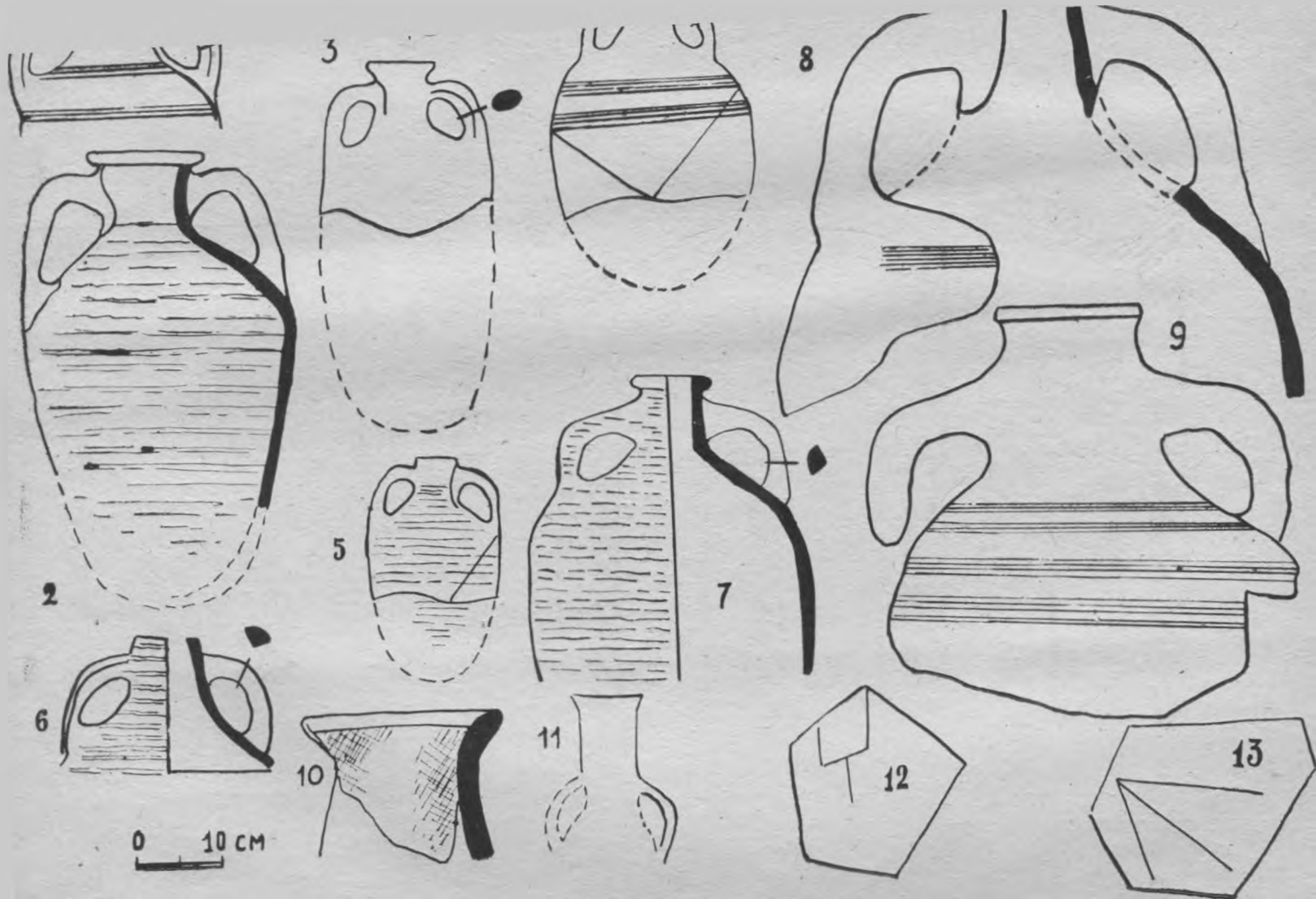
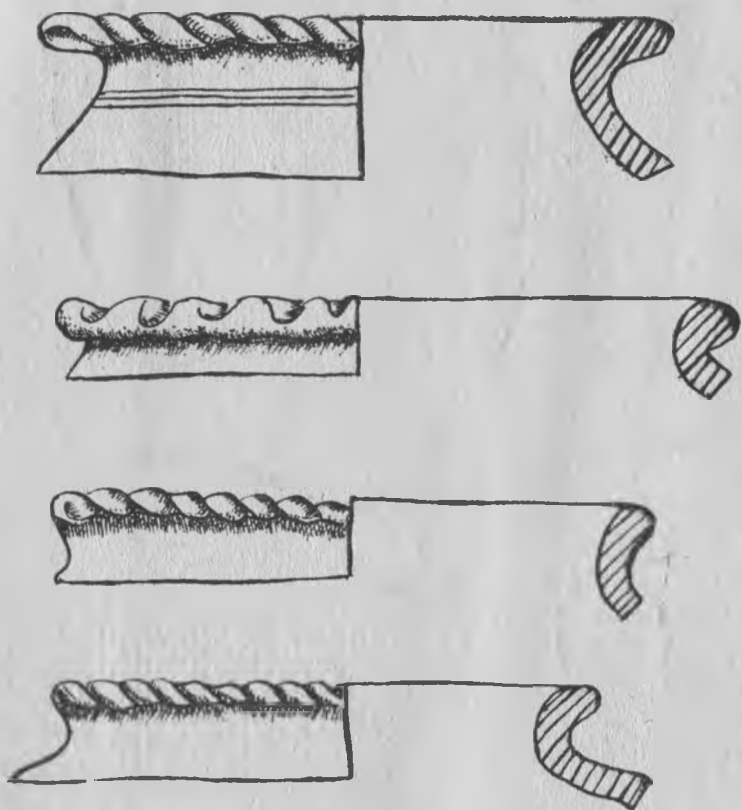

Рис. 46. Амфоры VIII—X вв. н. э.:
 2, 6, 7—I вид, 1, 4—II вид, 9 — III вид, 12, 13 — IV вид, 5—V вид, 11—кувшин.

101245cm

Рис. 47. Пифосообразные сосуды VIII—X вв. н. э.

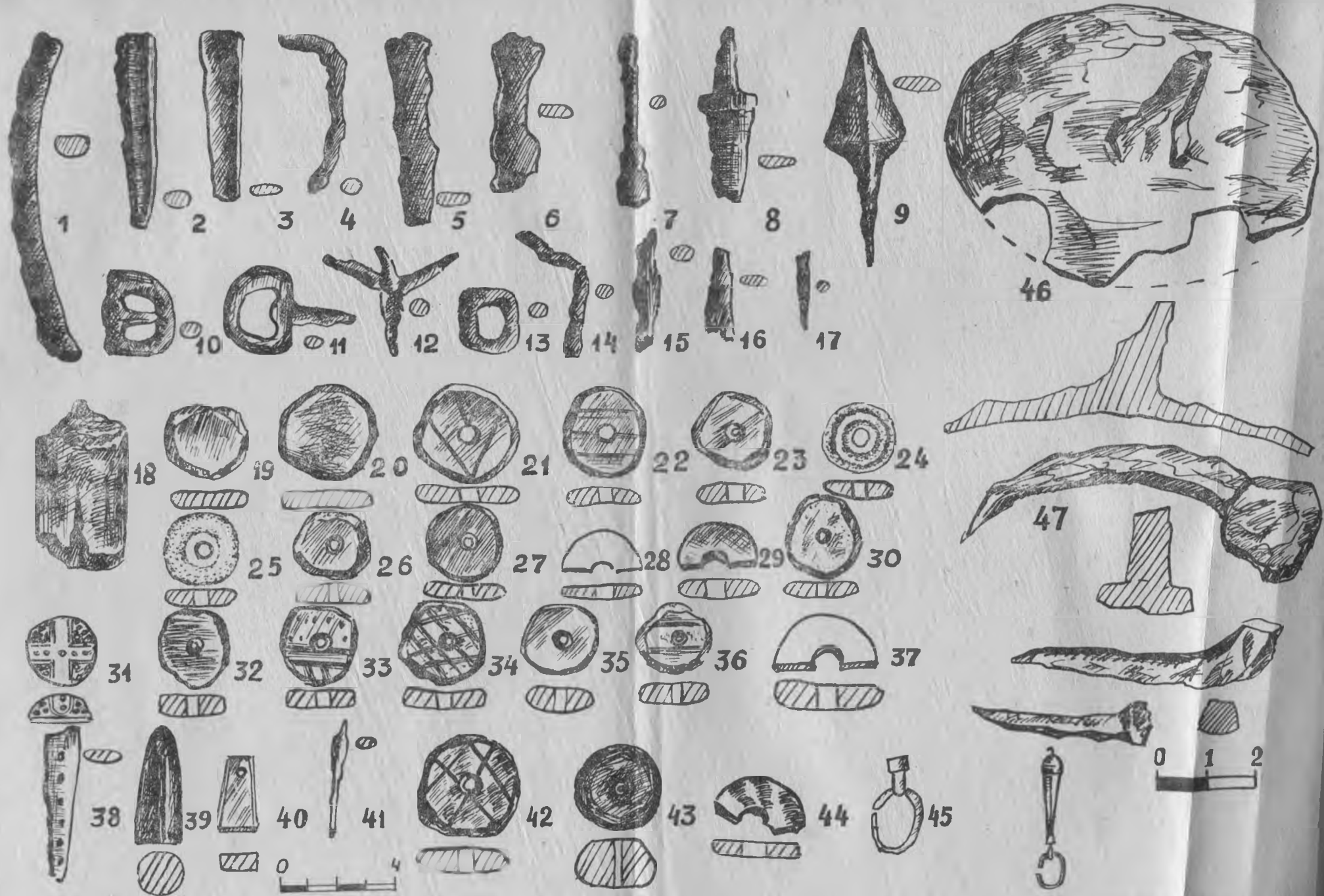

Рис. 48. Некоторые типы вещей VIII—X вв. из металла, керамики и кости: 1, 4—обломки железных предметов, 2, 3, 5—8 — шожки, 9 — наконечник стрелы, 10, 11, 13 — пряжки, 12 — шпоры, 14, 17 — железные предметы, 18 — обломок предмета из кости, 19, 37 — пряслица, 38 — обломок костяного предмета, 39 — сурмаш, 40 — подвеска из кости.

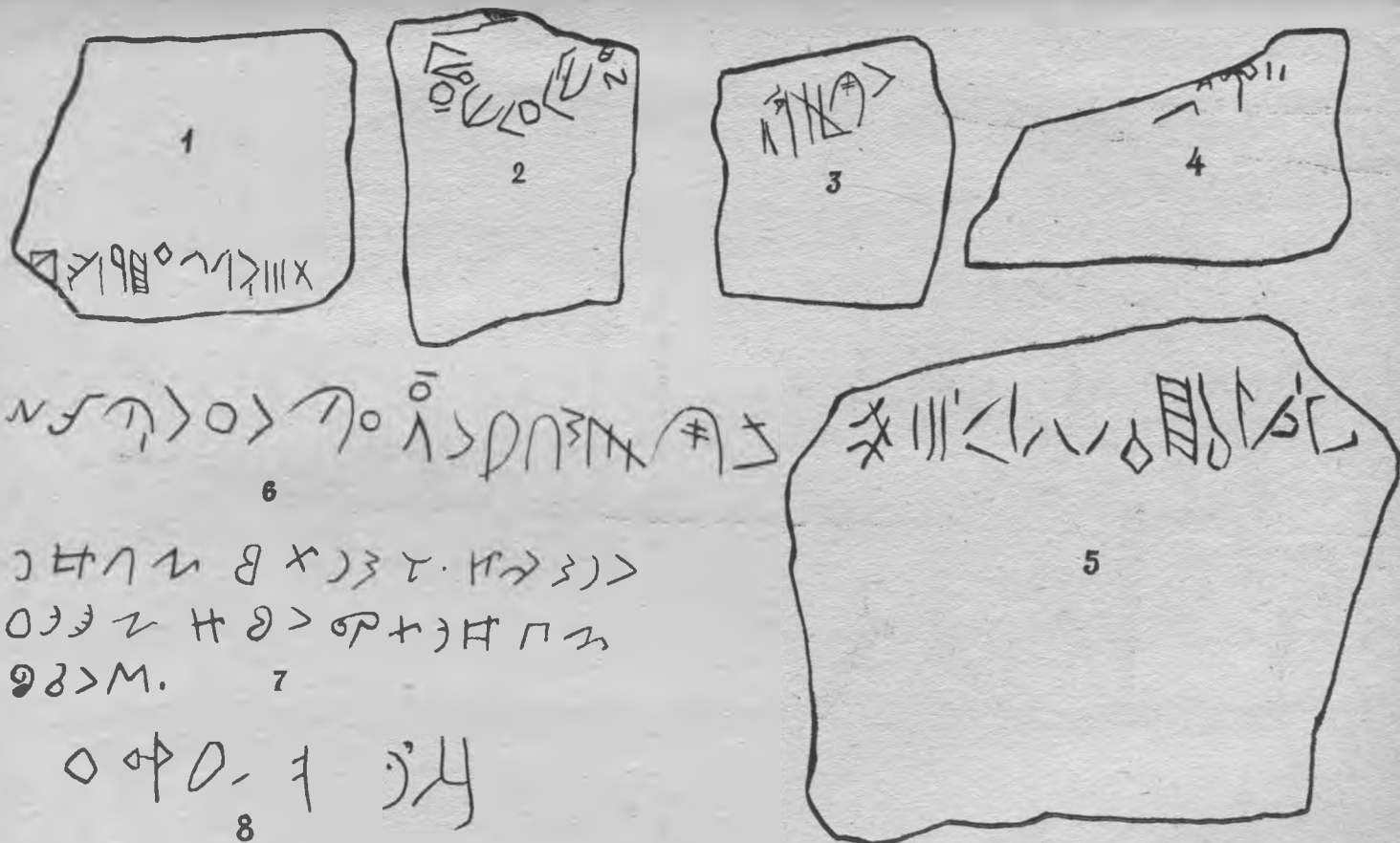

Рис. 49. Некоторые рунические надписи из городища:
 1—5 — по В. А. Кузнецову, 6 — по Т. М. Минаевой, 7 — случайная находка археолога У. Ю. Эльканова,
 8 — надпись из цитадели, находка автора 1927 г.

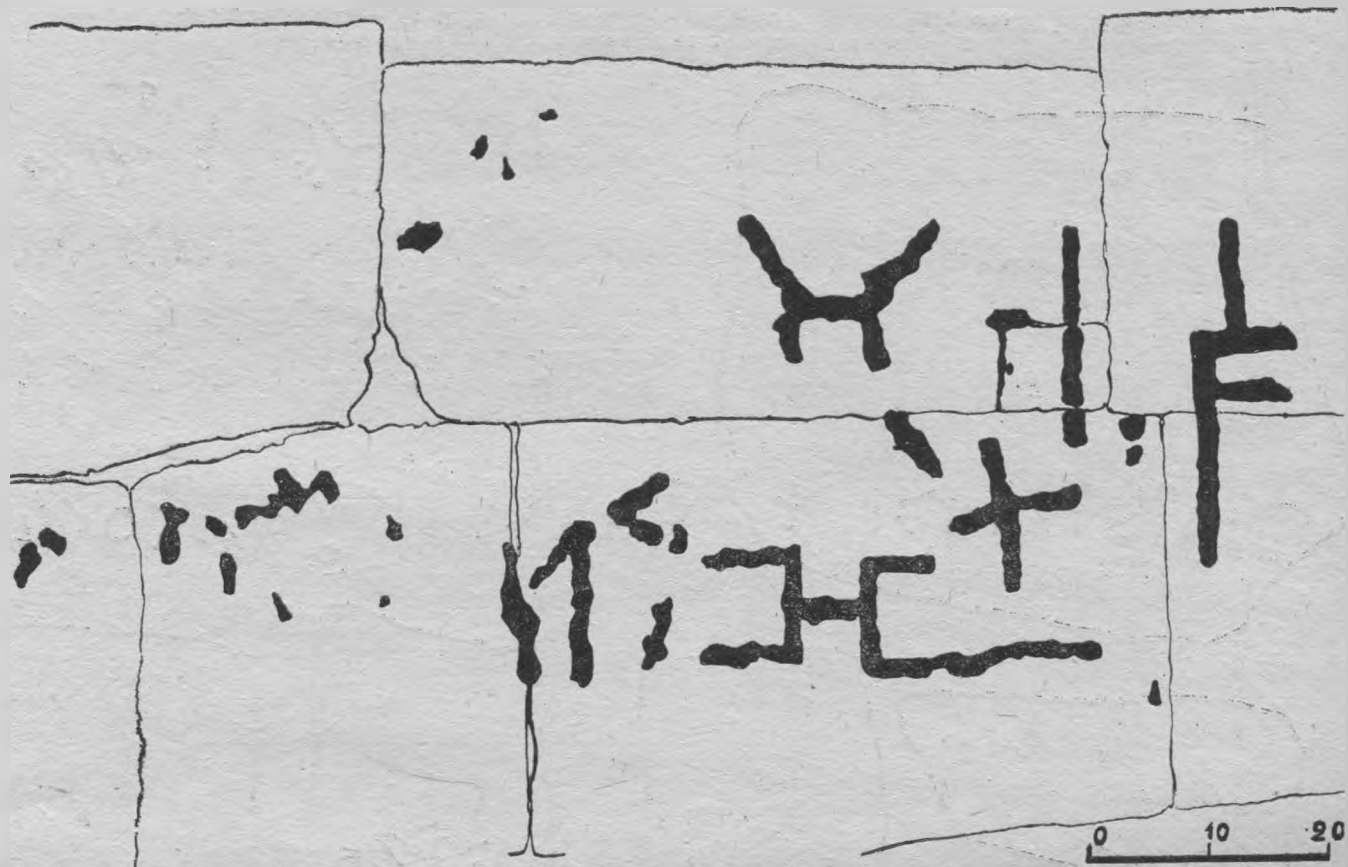

Рис. 50. Остатки надписи на крепостной стене красной охрой.

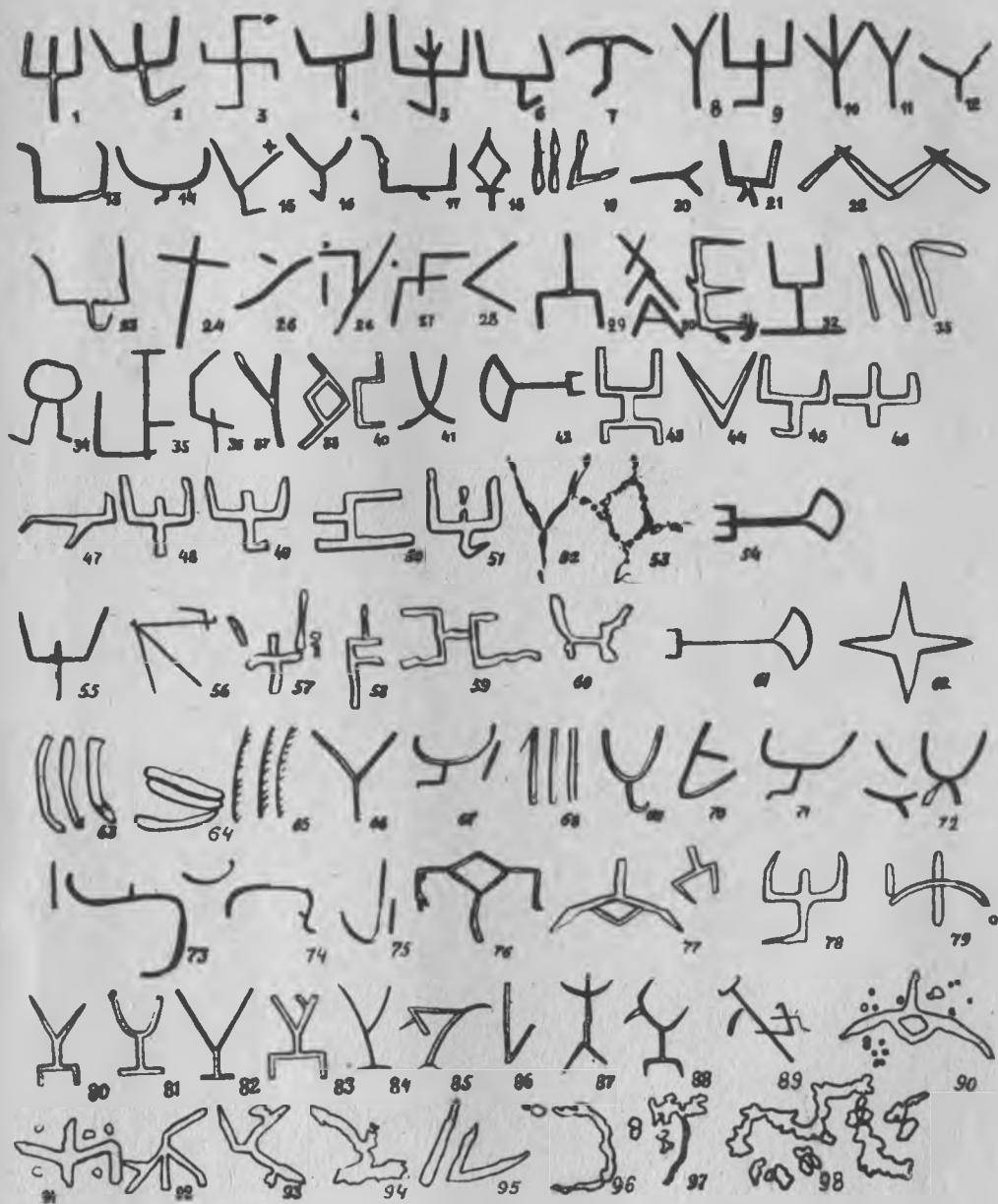

Рис. 51. Знаки-тамги из городища.

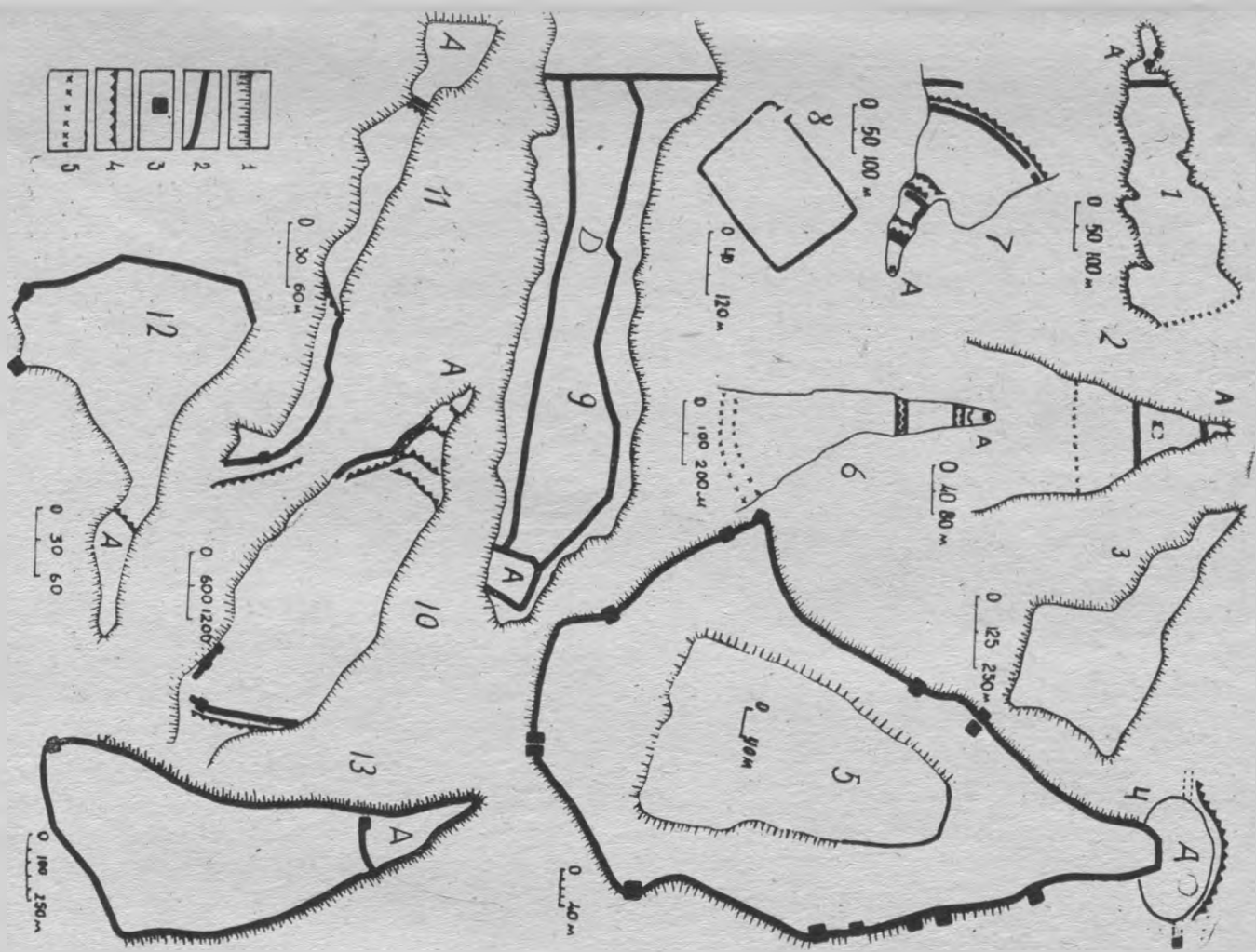

Рис. 52. Сравнительная таблица средневековых городищ Карачаево-Черкесии.

1 — Учкурское по Е. П. Алексеевой, 2 — Уллу-Дорбулла по А. П. Руничу, 3 — Римгорское по А. П. Руничу, 4 — Хумаринское, 5 — Красновосточное, 6 — Кызыл-Калинское по Е. П. Алексеевой, 7 — Адюхское по Т. М. Минаевой с добавлениями автора, 8 — городище у с. Садовое, 9 — Каракентское, 10 — Клевцовское, 11 — Курлукское, 12 — Балашовское, 13 — Инджур-Гатинское. Условные обозначения: 1 — обрыв, 2 — стена, 3 — башня, 4 — ров, 5 — вал, А — цитадель В — ворота

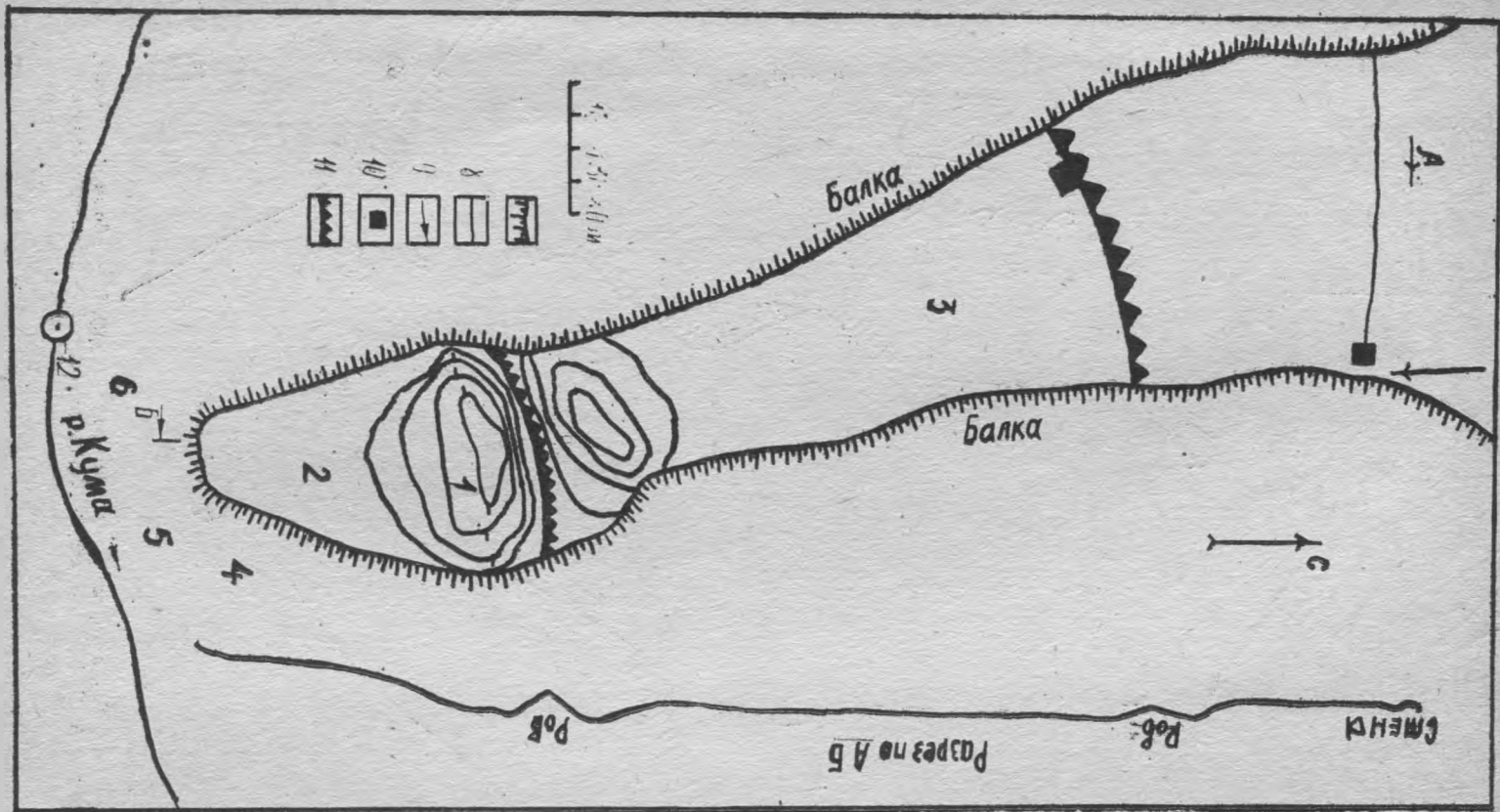

Рис. 53. План городища Калаж к северу от а. Красный Восток.
 1, 2, 3 — шурфы, 4 — селище, 5, 6 — могильники, 7 — обрыв, 8 — стена, 9 — дорога, 10 — башня,
 11 — ров, 12 — Красный Восток.

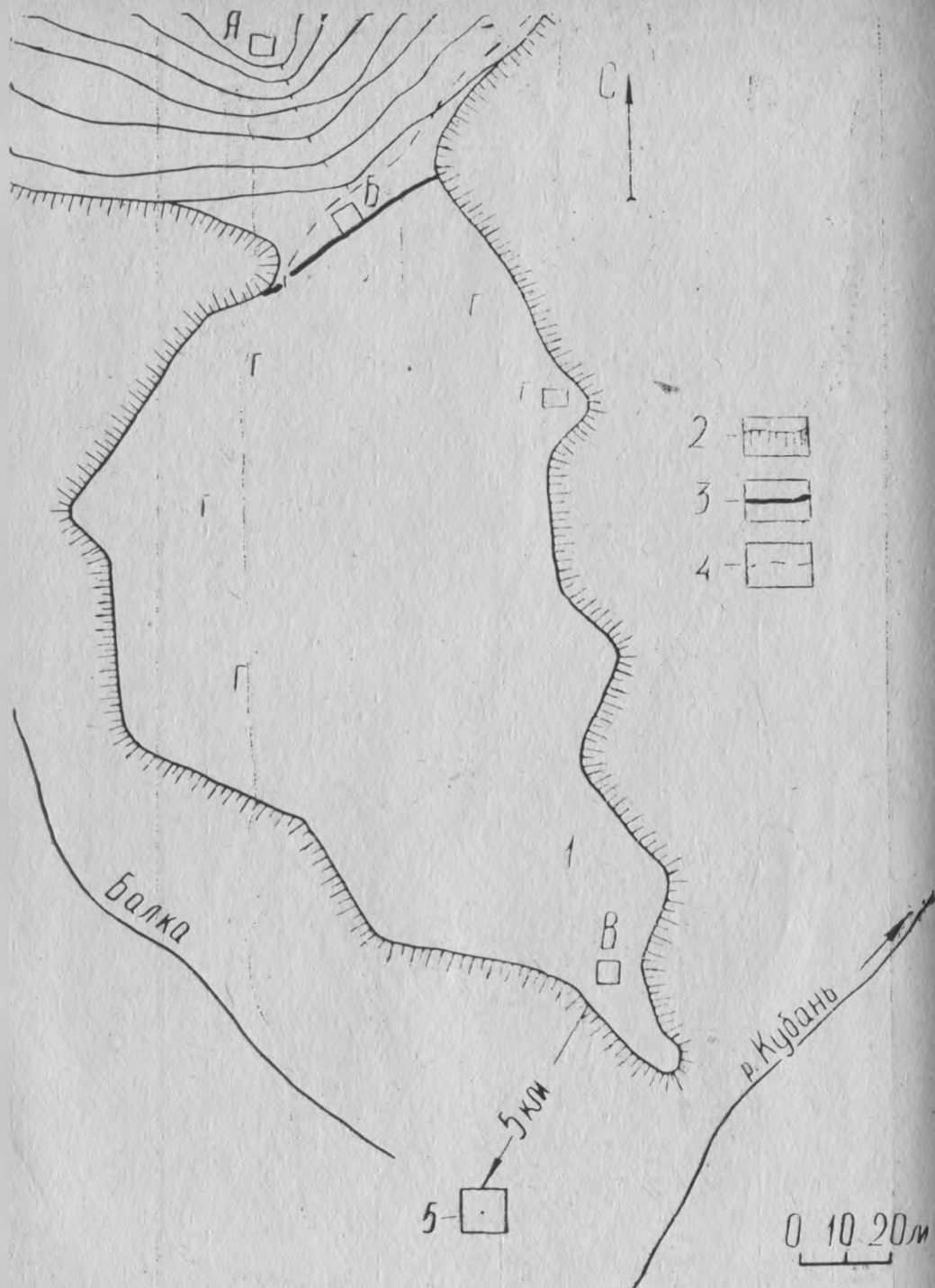

Рис. 54. План Кольцогорского городища: 1 — шурф, 2 — обрыв, 3 — стена, 4 — дорога, А. В. В. — башни, 5 — Красногорское, Г — остатки построек.

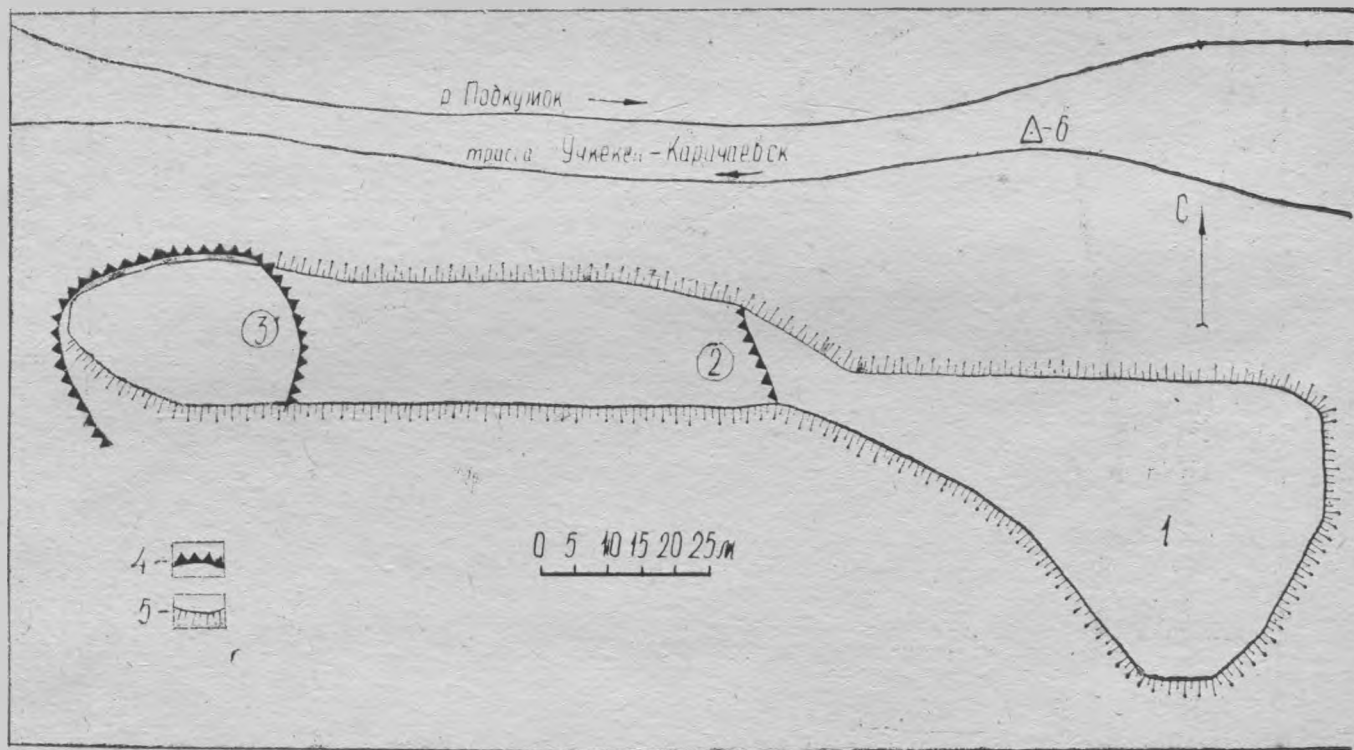

Рис. 55. План Первомайского городища. 1 — грабительская яма, 2, 3 — шурфы, 4 — ров, 5 — обрыв.

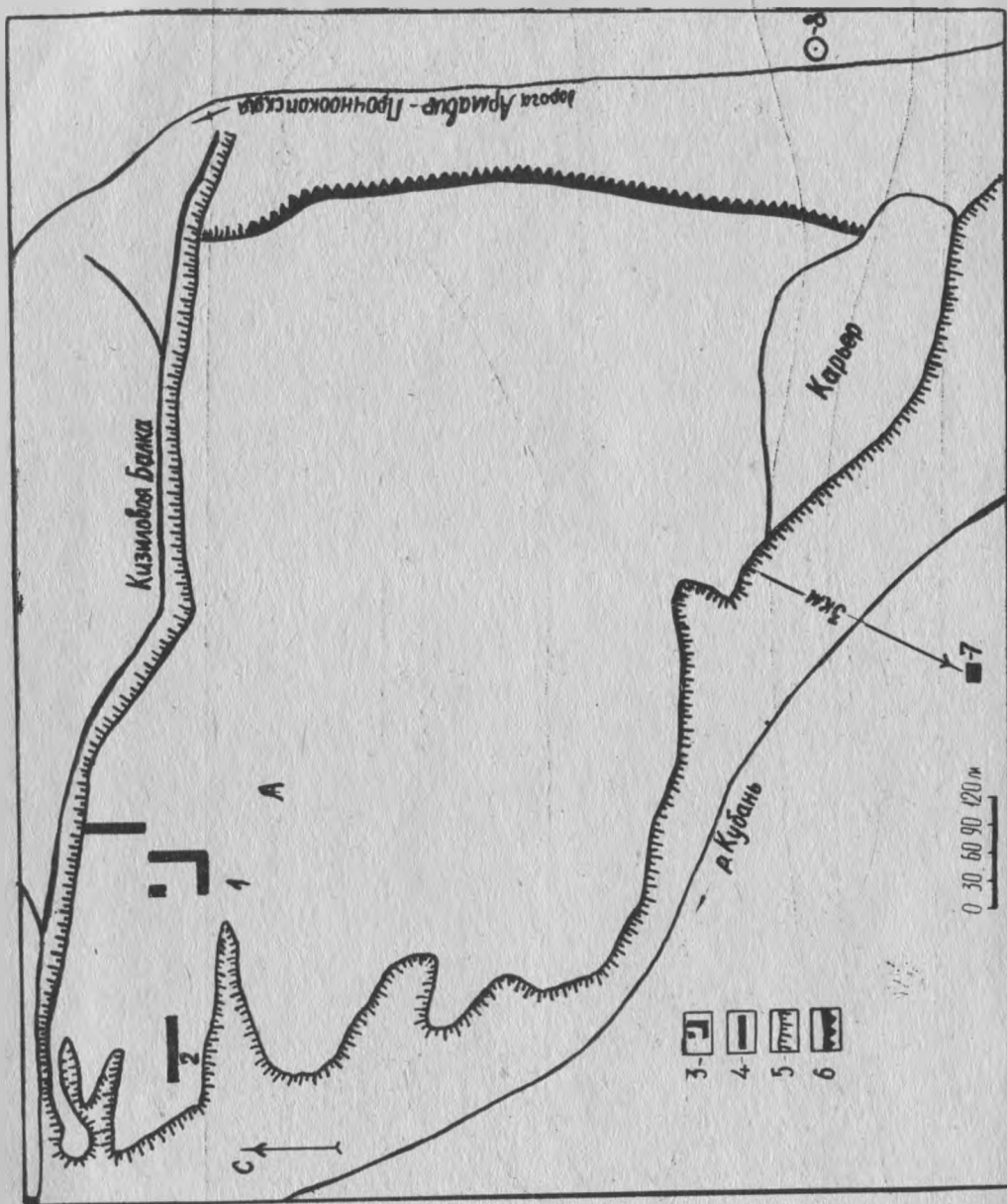
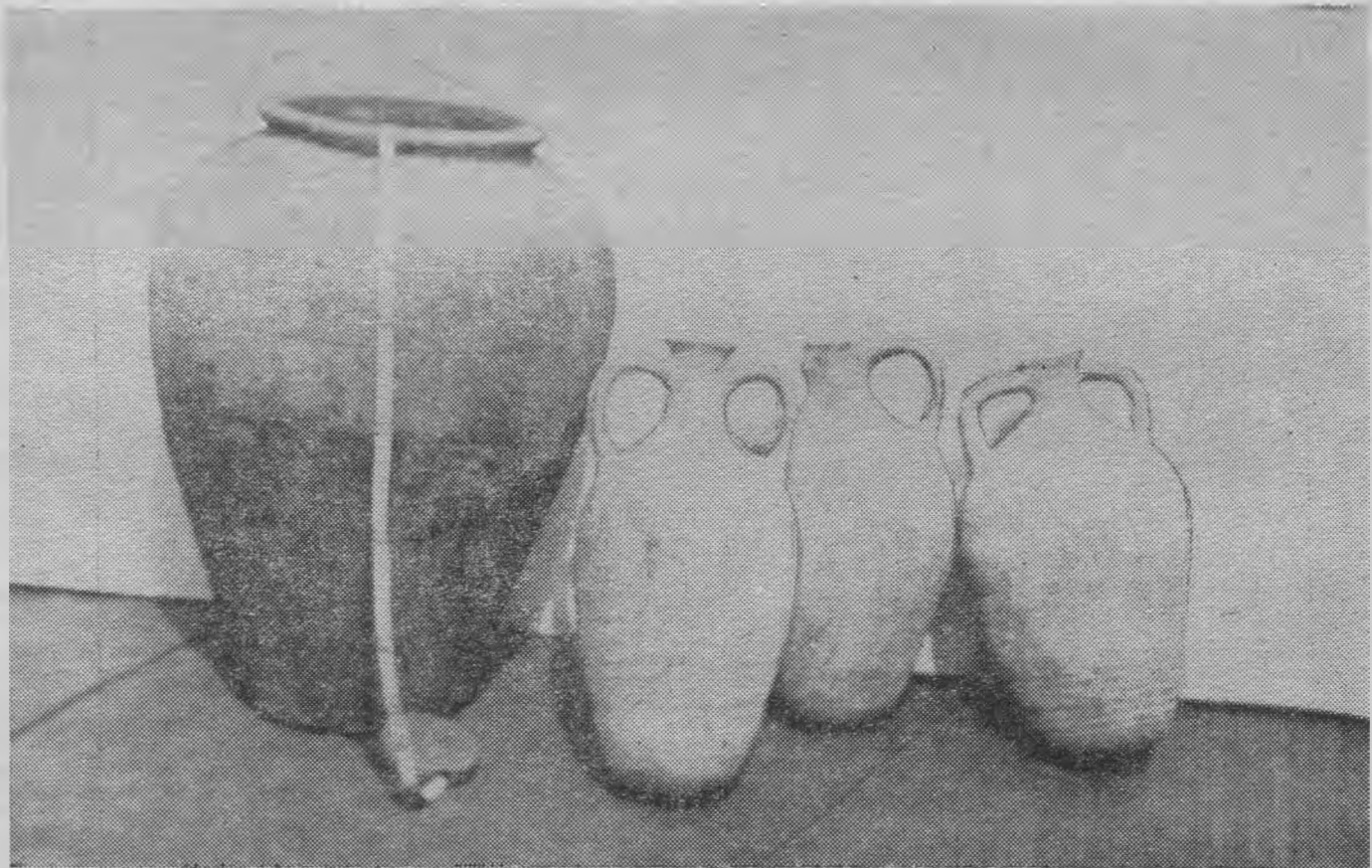

Рис. 56. План городища Кизилова Балка под г. Армавиrom.
 1 — фермы, 2 — траншея, 3 — шурф, 4 — зачистка, 5 — обрыв, 6 — ров и вал, 7—г. Армавир, 8—Прочноокопская.

Рис. 57. Амфоры и пифос VIII—IX вв. н. э. из поселения Горькая Балка под г. Армавиром.

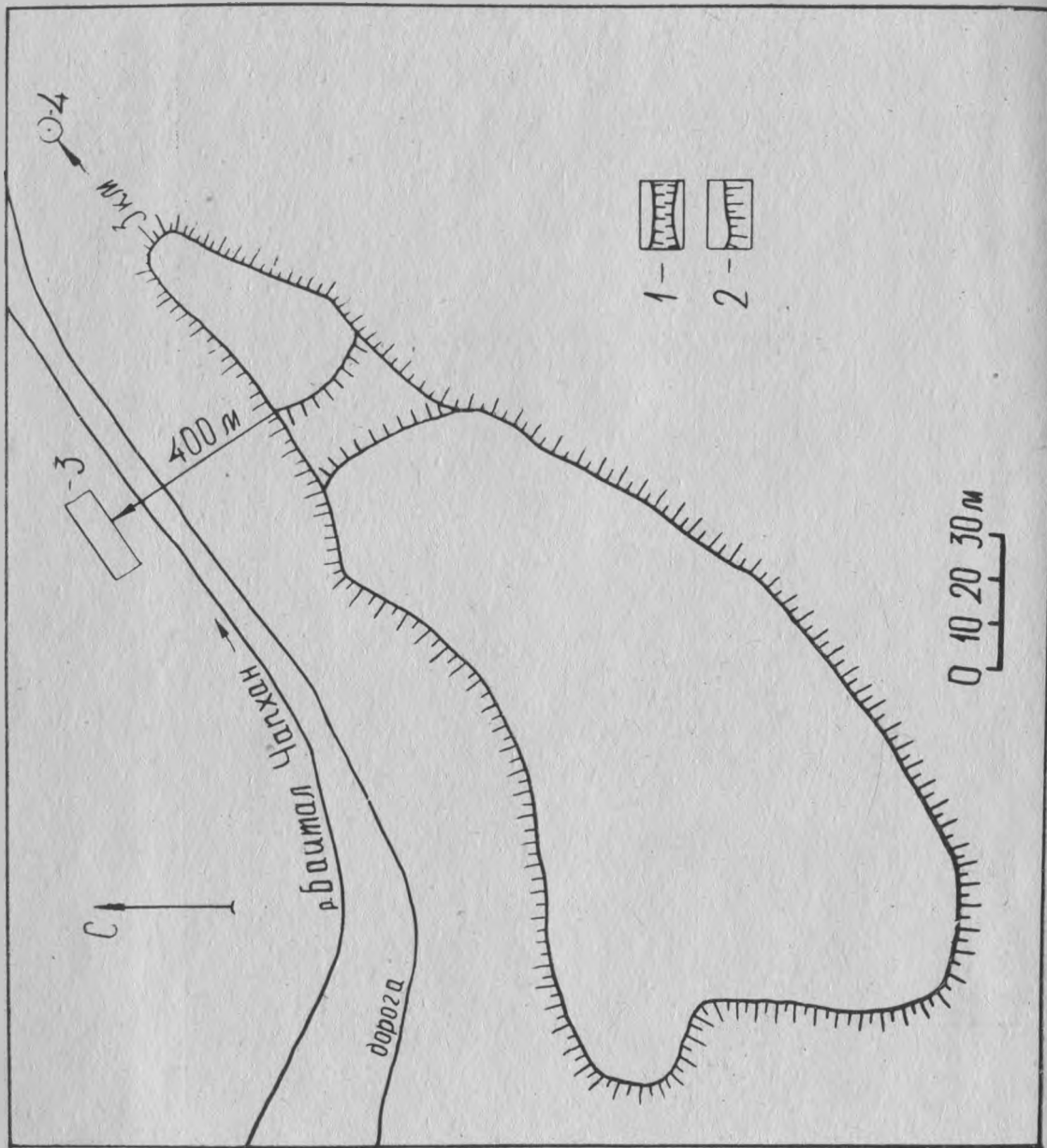

Рис. 58. План Байталчапханского городища. 1 — ров, 2 — обрыв, 3 — фермы, 4 — а. Кубина.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РАСКОПОК	5
Глава II. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ	16
§ 1. Стены и башни	16
§ 2. Ворота и цитадель	20
Глава III. ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПО- СТРОЙКИ, СВЯТИЛИЩА	36
§ 1. Юрты	36
§ 2. Полуземлянки	38
§ 3. Наземные жилища	40
§ 4. Хозяйственные ямы	44
§ 5. Святылище	45
Глава IV. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ОБРЯД	49
§ 1. Каменные ящики, гробницы, подземные склепы, грунтовые погребения	49
§ 2. Подбойные, катакомбные и скальные за- хоронения	55
Глава V. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ	61
§ 1. Керамика	61
§ 2. Предметы быта и украшения, оружие	77
§ 3. Обработка металла, камня, дерева	79
§ 4. Надписи, знаки и рисунки	82
§ 5. Торговля	93
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	95
ПРИЛОЖЕНИЕ. Средневековые поселения Карача- ево-Черкесии	107
ПРИМЕЧАНИЯ	150
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	168
ИЛЛЮСТРАЦИИ	169

ИБ 1446

Биджиев Ханафи Хаджи-Муратович

ХУМАРИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Редактор *Н. М. Казиева*
Художник *А. Х. Шахов*
Художественный редактор *М. П. Бертник*
Техн. редакторы: *Г. М. Хомякова, М. Г. Степанова*
Корректор *В. И. Буяльская*

Сдано в набор 10.01.83 г.
Подписано в печать 15.09.83 г.
ВУ 43733. Формат 70x90¹/₁₆.

Бумага типографская № 3.
Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. п. л. 16,3.
Уч.-изд. л. 17,1. Тираж 1 000 экз.
Заказ № 153. Цена 1 руб. 20 коп.

Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства,
357100, Черкесск, пл. Кирова, 23, Дом печати.

Карачаево-Черкесская укрупненная типография,
357100, Черкесск, Первомайская, 47.

72271